

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР

Том II, выпуск 2. 1927. Ц. 3 р. 50 к.

Том III, выпуск 1. 1928. Ц. 4 р. 50 к.

Том III, выпуск 2. 1928. Ц. 7 р. 50 к.

Том IV. 1930. Ц. 5 р.

Том V. 1930. Ц. 17 р.

Иран.

Том I. 1927. Ц. 4 р.

Том II. 1928. Ц. 4 р.

Том III. 1929. Ц. 4 р.

Тексты по истории Средней Азии.

Вып. 1. Гияс-ад-дин-Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1915.
Ц. 5 р.

Труды Музея палеографии.

Том III. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии
Академии Наук. 1929. Ц. 4 р.

Мусульманский мир.

Вып. 1. 1917. Ц. 75 к.

Труды Комиссии по истории знаний.

Вып. 8. И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского
Университета (1810—1861). 1929. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Памирской экспедиции 1928 г.

Вып. VI (Лингвистика). И. И. Зарубин. Орошорские тексты и словарь.
1930. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

IV

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Л. С. Ляпунова

Сдано в набор в августе 1931 г. — Подписано к печати 5 октября 1932 г.

VIII + 220 стр. — Б₅ — 14⁵/₈ печ. л. — 43.488 тип. зн. — 1000 экз.

Ленгорлит № 30724. — АНИ № 247. — Заказ № 1337

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр
Предисловие	V
Белуджские сказки:	
I. О внуке старика, научившемся чародейству (Ибрагим Мамад-ханов)	1
II. Об овчаре, сделавшемся царем (Мамад-нур Каландаров).....	10
III. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов).....	36
IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме (Кадыр Шакаров)	52
V. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов).....	60
VI. О Ша-нияз-хане (Мамад-нур Каландаров).....	69
VII. О Гуле и Момине (Ибрагим Мамад-ханов).....	90
VIII. О пэри Шар-шару (он же).....	97
IX. О Ша-грасане (он же)	104
X. О Джантеге и Деде-гаргашанге (Сафар Нур-мамадов).....	121
XI. Об Амад-ша и Сорокавьючнике (Ибрагим Мирбеков).....	134
XII. О Гарам-богатыре (Ибрагим Мамад-ханов)	150
XIII. О богаче (он же).....	163
XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича (он же)	173
XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря (Самад Гуль-миров).....	190
XVI. Об исполнении завета покойного отца (Карим Гуль-мамадов) ..	198
XVII. О плешивом (Кадыр Шакаров)	201
XVIII. О старом и молодом волке (он же)	209
XIX. О глупом волке (он же)	212
XX. О лисице-мулле (Ибрагим Мамад-ханов)	214
XXI. Про вошь-богатыршу (он же)	218

Примечание. К этому же собранию должны быть отнесены две сказки, помещенные в Записках Коллегии востоковедов, т. V, стр. 675—679 (1930):

- I. О комке земли и кишке (Кадыр Шакаров),
- II. О юноше, научившемся чародейству (вариант первой сказки настоящего сборника) (Кечи-хан).

Предлагаемое собрание белуджских сказок представляет собою продолжение серии материалов по изучению белуджского языка и фольклора, начатой печатанием в Записках Коллегии востоковедов (т. V, стр. 653—679). Так как при издании первых образцов уже были сообщены необходимые сведения о белуджах СССР и особенностях их языка и фольклора, то здесь можно ограничиться приведением лишь немногих дополнительных данных, характеризующих авторов публикуемых сказок и особенности транскрипции и перевода.

Главным источником получения сказочного материала была белуджская молодежь, учившаяся в 1928—1929 гг. в Мерве и частью в Ленинграде; только одна сказка была записана вне этой среды. Из этой молодежи старшими были Мамад-нур Каландаров и Кадыр Шакаров; обоим было лет по 20—25 (своего точного возраста белуджи не знают). В 1928 г. они учились на Мервских педагогических курсах, а в 1929—30 г. на рабочем факультете при Ленинградском Восточном институте. Мамад-нур Каландаров принадлежал к аристократическому слою белуджского общества: он был пасынком крупнейшего из родоначальников белуджей СССР, известного Керим-хана, жившего близ Йолатани, и имел многочисленных родственников также в Серахском районе. До поступления на педагогические курсы он учился некоторое время в одном из персидских медресе, и был хорошо грамотен по персидски и по туркменски. Его сказки (II и IV настоящего сборника) отличаются наибольшей литературностью и заметно проникнуты персидским влиянием. В противоположность ему, Кадыр Шакаров бездомный бедняк; брахуи по происхождению, круглый сирота, он с детских лет был вынужден трудом добывать себе пропитание, то на железной дороге, то в качестве чернорабочего в Мерве, то пастухом у туркмен. Скитальческая жизнь сделала его полиглотом: в той или иной степени, он был знаком с языками: персидским, туркменским, брахуи и русским. Его сказки (IV, XVII—XIX) заметно отличаются от сказок Мамад-нура Калан-

дарова, как более простым языком, так и своим содержанием (особенно три последние). Больше всего сказок (I, III, V, VII—IX, XII—XIV, XX—XXI) принадлежит Ибрагиму Мамад-ханову, и почти все они фантастического содержания. Рано осиротев, он жил в семье горячо любившего его дяди, человека степенного и несколько образованного, занимавшего должность председателя аульного совета в Байрам-алийском районе. Ибрагиму Мамад-ханову было лет 15, он считался очень способным в школе, и по своему развитию он опережал своих товарищей, как в Мервском интернате для белуджей, где он учился до 1928 г., так и на рабочем факультете в Ленинграде, где он пробыл следующие два года. Языкам персидскому и русскому он начал учиться только в школе. Остальные сказители из воспитанников Мервского интерната: Ибрагим Мирбеков (XI), Сафар Нур-мамадов (X), Самад Гуль-миров (XV) и Карим Гуль-мамадов (XVI) были мальчиками лет 14, ничем не выделявшимися из среды своих сверстников; персидскому языку они учились в интернате, русского не знали. Родители Ибрагима Мирбекова жили в Йолатанском районе, остальных — в Байрам-алийском, и по своему имущественному положению были не выше и не ниже среднего уровня. Последним из сказителей, со слов которого была записана вторая из сказок, помещенных в Записках Коллегии востоковедов, был некто Кечи-хан, — уже немолодой человек, занимавший раньше командную должность в персидской армии и в 1926 г. или 1927 г., бежавший оттуда в Советский Союз. В 1928 г. Кечи-хан жил в ауле близ железнодорожной станции Анненково (ныне Захмат), недалеко от Байрам-али, где он пользовался большим уважением среди односельчан, и был известен также, как недурной поэт и музыкант.

Ни одна из сказок не принадлежит сколько-нибудь выдающемуся сказителю или сказочнику-специалисту. За исключением Мамад-нура Каландарова, и то в одном только случае (II), никто из рассказчиков не мог указать, от кого и где была впервые услышана рассказываемая сказка, хотя все они обычно подчеркивали, что сказки не складывались ими самими, а были от кого-нибудь услышаны. Таким образом, публикуемые сказки не должны считаться принадлежащими к лучшим образцам белуджского сказочного творчества. Скорее они дают представление о том сказочном фонде, который находится в распоряжении рядового рассказчика и которым удовлетворяются художественные потребности массового слушателя (в данном случае, преимущественно, в кругу учащейся молодежи). При этом рассказ-

чики распоряжаются сказочным материалом, входящим в этот фонд, довольно свободно: отдельные эпизоды переносятся с места на место и из одной сказки в другую, сюжеты сливаются и переходят один в другой, создаются новые варианты одних и тех же сказок (образцом могут служить первые пять сказок настоящего сборника и вторая сказка из Записок Коллегии востоковедов). В результате получается тот средний и наиболее распространенный тип белуджской сказки, который представлен в публикуемом собрании.

Применяемая транскрипция обычна для иранских текстов, и пояснения требуют лишь некоторые детали. Долгота гласных *o* и *e* особо не обозначалась, так как эти гласные нормально долги, и при допускаемом иногда сокращении они заменяются соответственно гласными *u* и *i*. Точно также не обозначался заднеязычный характер артикуляции *n*, свойственный этому звуку перед *g* и *k*. С другой стороны, знаками *i* и *e* обозначаются лишь акустические оттенки одной и той же фонемы и ее большее или меньшее приближение к типу *i* или *e*. Точно также *ā* (в отдельных случаях также *ä*) выражает лишь комбинаторные оттенки краткого *a*. Произношение гортанного *h*, обычно чуждого белуджской фонетике, отмечалось во всех случаях. Расхождения в записи одних и тех же слов не устранялись вполне сознательно, так как сопоставление и анализ этих расхождений могут помочь точнее определить фонетические границы фонемы (*janik* || *jänik* || *jenik* || *jīnik*) или разновидности слова (*bekan* || *pkan*, *pigr* || *pīkr*). Сложные слова и обычно слитно произносимые словосочетания по большей части писались через малое тире (*š-amodā*), но далеко не во всех случаях можно было сделать нужную разбивку. Ударение обозначено всюду; слова, где оно не указано, нужно рассматривать как энклитики или проклитики.

Перевод, сопровождающий текст сказок, не претендует на литературную самостоятельность и имеет лишь научно-вспомогательное значение. Его основная задача, это — служить иранистам необходимым пособием при чтении и анализе текста, восполняющим недостаток словарей и других пособий, и этой цели лучше всего удовлетворяя бы перевод дословный или наиболее к нему приближающийся. Однако желание сделать публикуемый материал доступным не только для иранистов, но также для фольклористов, интересующихся восточной сказкой, заставило во многих случаях отступить от дословной передачи текста и всецело подчинить перевод требованиям русского литературного стиля. С этой же целью местами сделаны

необходимые пояснения и вставки (всюду помещенные в скобках), и выделен курсивом перевод встречающихся в одной сказке специальных арабских выражений. При всем том перевод стремится передать с максимальной точностью не только мысль подлинника, но и способ ее выражения. Вместе с тем перевод рассчитан исключительно на подготовленных читателей, уже занимавшихся восточной сказкой, в частности персидской, и знакомых с особенностями и условностями мусульманского быта и восточной речи; поэтому довольно многочисленные персидские термины и своеобразные обороты оставлены без пояснений. Новым из сохранных в переводе и специфически белуджским можно считать лишь термин бузлангí, обозначающий фантастическое чудовище, повидимому, сходное с персидским дивом.

При выборе наиболее точных и подходящих русских выражений большая помощь была оказана Д. К. Зелениным, С. Ф. Ольденбургом и Л. С. Ляпуновой, просмотревшими корректуру перевода; в отдельных случаях не отказали в ценных замечаниях И. Ю. Крачковский и Ф. А. Розенберг. И им всем в значительной степени обязан перевод, если его задачи разрешены удовлетворительно.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

I

būt na būt, ša mašmāi xudā getír káse na būt. yak pādšā at. amé pādšā dāšt yak gok-čaréne. amé gok-čarén pīramárde at. amé pīramárd dāštī yak nuwāságe. amé nuwāsági šut go gokán. yak čunt waxt būt, amé pīramárdāi nuwāságāi dil omán kurt pa jínénā. š-amódinā āti bi watí pīrúkāi gisá, go watí pīrúkā gúšti: pīró, ša ta maróči a-loťín ki brawāi bi pādšāiyyā, go pādšā bgúšāi ki āi pādšā, γábli ālám, ta watí jiníkā bdāi bi mnī nuwāságā. amé pīramárd gúšti: nápa bāz juwán int-a, amé pīramárdāi nuwāság āti bi gorúmāiyā, amé pīramárd āt bi pādšāi gisá. amé ki āt, dísti tā pādšā yak mardúme rā kušít, yáke rā lāp tál a-dánt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná. amé pīramárd š-amódinā jist u āt bi watí gisá. tārīenā amé pīramárdāi nuwāság āti ša gorúmāiyā bi watí pīrúkāi gisá, go watí pīrúkā gúšti: āi pīró jān, ta maróči šútāi bi pādšāi gisá? amé pīramárd jawāb dátī bi watí nuwāságā ki pīró jān, man šútun bi pādšāiyyā, ša dūrā sāil kúrtun tā yáke rā kušít, yáke rā bandít, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná, man trusítun, pádā jístun u ātun bi gisá. amé pīramárdāi nuwāság gúšti: ta bāndā ukmánā mebāít, brawāi bi pādšāiyyā, go pādšā bgúšāi amā mnī abārā ki man go tā gúštun.

(I. О внуке старика, научившемся чародейству)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был пастух. Этот пастух был старик. У этого старика был внук. Этот его внук ходил скоровами. Прошло некоторое время, старикову внуку захотелось жениться. Он пришел в дом своего деда и сказал своему деду: «дедушка, сегодня я хочу от тебя, чтобы ты сходил к царю и сказал царю: „о царь, средоточие мира, отдай свою дочь за моего внука!“» Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук пошел к стаду, старик пошел в царский дом. Когда он пришел, то увидел, что царь одного человека убивает, другому вспарывает брюхо, третьего посылает в тюрьму. Старик выбежал оттуда и вернулся к себе домой. На утро стариков внук пришел от своих стад в дом своего деда и сказал своему деду: «голубчик дедушка, ты ходил сегодня в царский дом?» Старик ответил своему внуку: «голубчик внучек, я ходил к царю, посмотрел издали, как он одного убивает, другого захватывает, третьего отправляет в тюрьму, выбежал обратно и вернулся домой». Стариков внук сказал: «завтра тебе непременно нужно сходить к царю и сказать царю то, что я тебе сказал».

tāriēnā bût, amé pīramárd ša watí gisá sar gipt u átī bi pādšāāi gisá. amé ki átī, bi pādšāāi gisái pānādā sar bŭtī, yak wār dístī tā čunén diwáne bi pādšāāi ništág ant. amé pīramárd yak katráe oštát, dístī tā diwán alás bŭt, ar kas šut bi watí jágá, amé pādšá taná bi watí gisá mántī. yak wār amé pīramárd š-amódinā át bi pādšāāi gisá, karár waš-ámáde číze kúrtant. amé pādšá ša amé pīramárdā pursít ki ta pa čéwāi xátírā átag āi? amé pīramárd gŭštī: āi pādšá ʔábli ālám, man dārín yak nuwáságe, amái dil omán kurtagí pa tī jiníkā, anún mnā dem dātagí bi tíyā, anún ta čé a-gušái? amé pādšá gŭštī: ta bra, amá watí nuwáságā bzŭr u biyár bi mníyā. amé pīramárd badbáxt š-amódinā sar gipt u átī bi watí nuwáságāiyā, go watí nuwáságā gŭštī: pīró, man šútun pādšāāiya, amá tī abárā go pādšá gŭštun, pādšá am rāzī bŭt, gušt: ta bra, amá watí nuwáságā bzŭr u biyár bi mníyā, anún biyá ki man u ta brawán. amé pīramárdāi nuwáság pa gāl-ubal gokánā naz āurtī, rādág kúrtī démi gisán. ar góke rā dāt bi wāúndāi dastáiš u amé ɖaŭl am go wāúndāniš am gŭštī: bándā yáke watí goká elá ma kant ki man bándā go gokánā na raín.

tāriēnā bŭt, amé pīramárd u amé pīramárdāi nuwáság š-amódinā sar gíptant u átant bi pādšāāi gisá. dístant tā pādšá taná bi watí gisá ništágí. pīramárd u amé pīramárdāi nuwáság átant pādšāāi gisái tā. amé pīramárdāi nuwáság salám dātī, pādšá aláik kúrtī. go pādšá wašámáde kúrtant. yak

Наступило утро. Старик вышел из своего дома и подошел к царскому дому. Когда он дошел до царского дома, он сразу увидел, что у царя заседает какой-то важный совет. Старик немножко постоял, увидел, что совет закончился и что каждый пошел к себе, а царь остался дома один, и тотчас вошел в царский дом. Итак, они обменялись приветствиями, и царь спросил у старика: «ради чего ты пришел?» Старик сказал: «о царь, средоточие мира, у меня есть один внук; его сердце устремилось к твоей дочери, и вот он послал меня к тебе; что ты теперь скажешь?» Царь сказал: «иди, возьми своего внука и приведи ко мне!» Несчастный старик вышел оттуда, пошел к своему внуку и сказал своему внуку «внучек, я ходил к царю и сказал царю твои слова; царь остался доволен и сказал: „иди, возьми своего внука и приведи ко мне!“ Теперь давай, пойдем!» Стариков внук с радостью и весельем пригнал коров и отправил по домам. Каждую корову он вручал хозяйевам, и говорил хозяйевам таким образом: «завтра пусть никто не выпускает своей коровы, потому что завтра я с коровами не пойду».

Наступило утро. Старик и стариков внук вышли, пошли в царский дом и увидели, что царь сидит у себя дома один. Старик и стариков внук вошли в царский дом. Стариков внук поздоровался, царь ответил на приветствие.

sáte nístant. yak wār amé pādšá go pīramárdäi nuwáságā gúšti: ta pa mnī jínikā āšix äi? amé pīramárdäi nuwáság gúšti: ān. pādšá go amé pīramárdäi nuwáságā gúšti: man ša ta māl ičiyā na loťín, yak šárte kanín. agár ta amá šartá kúrtäi, gúđinā man trā watí jínikā dāin. amé pīramárdäi nuwáság gúšti: bguš, pādšá. amé pādšá gúšti: amíngūr yak mulláe ast, bāz ilm dārít, agár ta ša amá mulláäi demá bi mníyā ilm āúrtäi, gúđinā man watí jínikā bi ta dāin.

pīramárd u pīramárdäi nuwáság šútant bi watí gisá, ódinā nístant, nān-máne wártant u šapénā wáptant bi watí gisá. tāríenā š-amódinā sar gíptant u šútant bi mulláäi gisá. tángāt sar na bút-atant ki pīramárdäi nuwáság bi watí dilá pígrī kurt ki man š-āi demá čon ilm biyárín? biyá ki man go watí pírúkā e đaul bgúšin ki píró jān, ta ki ódinā mnā búrtäi, ta ma guš ki amá átág-an ki ša tī demá ilm barán; ta ki mnā búrtäi, ódinā mulláa bguš ki man amé watí nuwáságā amédinā kilín, ta ameší rā gā waxtá yak káme sabáx bdäi. amé pīramárd u pīramárdäi nuwáság šútant bi mulláäi gisá. amé ki sar bútant, yak wār mullá ša watí gisá dár kápti. salám u aláike kúrtant, wašámáde kúrtant. yak wār amé mullá amé pīramárdā u amé pīramárdäi nuwáságā pursít ki šmā pa čéwā átag-it? pa kār-māre yā pa digá číze átág-it? amé pīramárd gúšti: mullá sāib, man amé

Они обменялись с царем приветствиями и посидели часок, как вдруг царь сказал старикову внуку: «ты влюблен в мою дочь?» Стариков внук сказал: «да». Царь сказал старикову внуку: «я не требую от тебя никакого имущества, но ставлю одно условие; если ты это условие выполнишь, тогда я отдам тебе свою дочь». Стариков внук сказал: «говори, о царь!» Царь сказал: «в этой стороне есть один мулла, большой учености, и если ты принесешь мне знания от этого муллы, тогда я выдам за тебя свою дочь».

Старик и стариков внук пошли к себе домой, там посидели, поели, что пришлось, и ночь переночевали дома, а на утро вышли оттуда и пошли в дом муллы. Еще не дошли, как стариков внук стал про себя размышлять: «как это я от него приобрету знания? давай-ка, я скажу своему деду: „голубчик дедушка, когда ты меня туда отведешь, ты не говори, что мы, мол, пришли, чтобы вынести от тебя знания; когда ты меня отведешь, там ты скажи мулле, что я, мол, оставлю здесь своего внука, а ты иногда немного поучи его». Старик и стариков внук пошли в дом муллы. Когда они подошли, мулла сразу вышел из своего дому. Они поздоровались и обменялись приветствиями. Тотчас мулла спросил старика и старикова внука: «ради чего вы пришли? по какому-нибудь делу или ради чего другого?» Старик сказал: «почтенный мулла,

watí nuwáságā áúrtág-un bi tíyā; agár ta alás a-bayāi, gā waxtā amēšī rā sabáx bdäi. amé mullá kabül kúrti, gúštī: bāz juwán int-a. amé pīramárd watí nuwáságā amédinā íštī u šútī bi watí gisá. anún ša pīramárdā bil u ša nuwáságāi goš pkaš.

karār, amé pīramárdäi nuwásag a-gindít tā e mnā sabáxā na dant. yak róče büt, amé mullāi jiník átī bi amé zágāiyā, gúštī: trā tī pīrúk ídinā íštī ki ta bwánāi, anún mnī pis trā pa če sabáxā na dant? ta maróči yak dróge bguš ki bándā mnī pīrúk a-kāit, mnā bart, ta mnā sabáx bdäi. tāriēnā büt, amé pīramárdäi nuwásag go mullá gúštī: äi mullá sāib, mnī pīrúk mnā áúrtī bi tíyā ki ta mnā sabáx bdäiyāi! amé mullá amé pīramárdäi nuwáságā yak káme sabáx a-dátī, ša panč ročā yak róče.

yak róče roč pešín bütī, yak wār amé mullá watí demá dátī bi ro-ništínā u šútī. amé pīramárdäi nuwásag am bi amé mullāi padá šútī. mullá bi demá u pīramárdäi nuwásag bi padá, amé ḍaḥl šútant bi yak jāgāe, bi yak ḍaḥalīeyā. yak wār amé mullá ništ u zigrī kúrtī. dérá büt, yak wār amé ḍigár bi larzágā át. yak wār amé mullá putrít bi ḍigárāi tā. amé pīramárdäi nuwásag amédinā oštātagí u sáil a-kant. dérá büt, dístī, mullá ša ḍigárāi čerā dár káptī u yak pātiyāe kúrtī, ḍigár drūwā bütī. mullá ā rá išt u ša digá ráe šut. amé pīramárdäi nuwásag šut, amódinā ki mullá ništ-át,

я привел к тебе своего внука, и если ты будешь свободен, ты иногда займись с ним!» Мулла согласился, сказал: «очень хорошо». Старик оставил здесь своего внука и пошел к себе домой. Теперь оставь старика и послушай про внука.

Итак, стариков внук видит: он ведь не дает мне уроков! Однажды случилось, что дочь муллы пришла к этому юноше и сказала: «твой дед оставил тебя здесь, чтобы ты учился, почему же теперь мой отец тебя не учит? сегодня ты ему налги, что завтра, дескать, придет мой дед и уведет меня, займись со мной!» Наступило утро. Стариков внук сказал мулле: «почтенный мулла, мой дед привел меня к тебе, чтобы ты мне давал уроки!» Мулла стал немного заниматься со стариковым внуком, из пяти дней один день.

Однажды было за полдень, вдруг мулла обратился лицом к заходу солнца и пошел. Стариков внук пошел вслед за ним. Мулла впереди, стариков внук сзади, так они пошли в одно место, на один пустырь. Вдруг мулла сел и стал совершать зикр (мистические призывания). Прошло много времени, вдруг земля задрожала, и мулла тотчас проник внутрь земли. А стариков внук стал и смотрит. Прошло много времени, он увидел, что мулла вышел из-под земли, совершил молитву, и земля стала, как была. Мулла покинул ту дорогу и пошел по другой дороге. Стариков внук пошел туда, где сидел мулла, сел и тоже

améš am šut, amódinā ništ u zigrī kurṭ. dérá büt, dístī tā ḡigár du kap büt, yak wār amé pīramárdäi nuwāság ér šútī bi ḡigáräi tā, šútī bi ḡigáräi tā, dístī tā yak mardúme ništagi, yak wār amé pīramárdäi nuwāság salám dátī, amé mardúm aláik kúrtī, ša amé pīramárdäi nuwāságā pursítī ki ta ša gujāngūr ātág-äi? amé pīramárdäi nuwāság gúšti: man ša āncén jágáe ātág-un. tā yak sáte nístant, gúḡinā amé mardúm amé pīramárdäi nuwāságā gúšti: ta anún bra. amé pīramárdäi nuwāság š-amódinā átī pádā bi mulláäi gisá. amé ki átī, amé mulláäi jiník pursítī ki ta gujā bütág-äi? amé pīramárdäi nuwāság gúšti: biyá ki man bi āncén jágáe bütág-un. amé mulláäi jiník zántī ki amá ḡigáräi čéräi mardúm mnī pisái pīr būtagí. gúšti: anún ta ša mnī pisá unár búrtäi, anún digá ā go ta íčī guštága na kant wa agár bzānt, trā kušít. amé ki tī pīrúk átī, bra go watí pīrúkā.

amé šapénā tāriénā pīramárd átī, go mullá gúšti: man anún watí nuwāságā barín, pa ce ki amái māl u āl ódinā wáil ant u ič kas xizmátā na kántiš. amé mullá gúšti: nápa báz juwán int-a.

amé pīramárdäi nuwāság go watí pīrúkā šútī, bi ráä nazíkā šútant, yak wār amé pīramárdäi nuwāság go watí pīrúkā gúšti: pīró, ta bra demá, man majdáne kanín u káin. amé pīramárd gúšti: nápa báz juwán int-a.

стал совершать зикр. Прошло много времени, он увидел, что земля разверзлась на двое. Стариков внук тотчас спустился под землю, пошел внутри земли и увидел, что там сидит человек. Стариков внук поздоровался, тот человек ответил на приветствие и спросил старикова внука: «откуда ты пришел?» Стариков внук сказал: «я пришел из такого-то места». Они посидели часок, потом тот человек сказал старикову внуку: «теперь иди!» Стариков внук оттуда вернулся в дом муллы. Когда он пришел, дочь муллы спросила его: «где ты был?» Стариков внук сказал: «подумай-ка только, ведь вот в каком месте я был!» Дочь муллы поняла, что тот подземный человек был пир (духовный руководитель) ее отца. Она сказала: «теперь ты отнял искусство у моего отца, и впредь он уже ничего тебе сказать не сможет, а если узнает (о происшедшем), убьет тебя! когда твой дед придет, уходи со своим дедом!»

На утро после этой ночи пришел старик и сказал мулле: «я заберу теперь своего внука, потому что там наше хозяйство залустило, и никто его не обслуживает». Мулла сказал: «очень хорошо».

Стариков внук пошел со своим дедом. Они приблизились к дороге, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «дедушка, ты иди вперед, а я схожу на двор и потом подойду». Старик сказал: «очень хорошо». Старик пошел к той дороге,

pīramárd démi amá rá šut. yak wār amé nuwāságī wat rá gipt, yak langén kargóške kurt u jist bi watí pīrúkā demá. yak wār ameší pīrúk ki dístī, bi āí padá kapt, watí dilá gúšti, bálken e pa rāstīen kargóške. kapt bi padāī, rasentá na kúrtī, karár šut. amé pīramárdāī nuwāság wat rá panāī kúrtī u mardúme kurt, xap-xápī kurt, āt, ša watí pīrúkā pādā büt. amé ki pīrúkī demá bütī, watí nuwāságā na dístī. yak wār amé nuwāságī šut, watí pīrúkā rasentī, gúšti: ta áxtī čée dístāī ki padāī kápt-atāī? amé pīramárd gúšti: biyá ki man yak kargóške dístun, ar če jān dátun, giptág na kúrtun, jístī ša mnī demá. amé pīramárdāī nuwāság gúšti: āī pīró, zalár na dārít.

demtírā šútant, yak wār amé pīramárdāī nuwāság go watí pīrúkā gúšti: ta amé ráā tā bra demtírā, gúđinā man a-kāín. amé pīramárd go watí nuwāságā gúšti: ta čo watí axtīenā der ma kanāī, zūte biāā. amé pīramárdāī nuwāság gúšti: nápa bāz juwán int-a. amé pīramárd bi amé ráā tā déle a-šut, yak wār amé nuwāságī gipt, wat rá langén āūe kurt u jist bi watí pīrúkā demá. ameší pīrúk dístī tā alá āūe langén! yak wār bi padāī kapt. amé ki bi padāī káptī, tā yak ťukúre rá šútī, yak wār jist, ša watí pīrúkā panā bütī u amédinā čer káptī. ameší pīrúk átī, ša amé rá šut. amé ki dístī tā mnī pīrúk ša man gwástī, wat rá mardúme kurt u jist u šut, watí

а его внук взял и обернулся в хромого зайца, и побежал навстречу своему деду. Как только его дед завидел его, он бросился за ним: он подумал, что это настоящий заяц. Он бросился за ним, но догнать не мог, и пошел потихоньку. А стариков внук укрылся и обернулся в человека; пригнулся, подошел и очутился сзади своего деда. Так как его дед был впереди, он не видал своего внука. Тотчас его внук пошел, догнал своего деда и сказал: «разве ты давеча что-нибудь увидел, что бросился вслед?» Старик сказал: «смотри-ка, я увидел зайца, но как ни старался, не смог поймать, и он убежал от меня!» Стариков внук сказал: «ну, дедушка, это ничего!»

Они пошли вперед, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «ты иди вперед по этой дороге, а я потом подойду». Старик сказал своему внуку: «только ты, как давеча, не запаздывай, а приходи поскорей!» Стариков внук сказал: «очень хорошо». Старик пошел себе по этой дороге. А его внук взял и обернулся в хромую газель, и побежал навстречу своему деду. Его дед стал смотреть: что́-де это? неужели хромая газель? и сразу бросился за ней. Когда он за ней бросился, его внук сначала некоторое расстояние бежал по дороге, а потом вдруг бросился, укрылся от своего деда и спрятался. Его дед достиг этого места и пошел дальше по дороге. Когда он увидел, что дед прошел мимо, он обернулся в человека и по-

pīrúkā raséntī, go watí pīrúkā gúštī: ta pa če áxtiy a-jístäi? améšī pīrúk gúštī: man yak āūe langén dístun, ar če bi padāi káptun, rasantág na kúrtun, ta bi pádā mánt-atāi. amé pīramárdäi nuwāság go watí pīrúkā gúštī: amá kargóšk am u amé āū am mán atun. ta amá kārwanā gindāi? amé pīramárd gúštī: an. amé pīramárdäi nuwāság gúštī: ta mnā suwār bāi, man wat rā yak zabrén leđae kanín. amé pīramárd gúštī: juwán int-a. amé pīramárdäi nuwāság gúštī: ta amá kārwankášanā bguš ki kaj leđae zint? man watí leđá bá kanín. agár am trā gúštant: pa čín-kasā dayāi? ta bguš: pa sad tumán a-daín u gúđinā ā mnā ki ša ta zítant, ta amé mnī aṣsārā ma dāi bi āwán. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwán int-a. amé pīramárdäi nuwāság wat rā leđae kúrtī. pīramárd suwār bítī, bi amé rāā tā ai kurt u burt. amé pīramárdäi nuwāság pelík a-ját.

amé kārwankáš ki nazík átant, yak wār amé pīramárdā dístant tā čunén juwánén leđae dārít. kārwankáš go amé pīramárdā gúštant: ta amé watí leđá bá na kanāi? amé pīramárd gúštī: bá kanín. amé kārwankáš gúštant: pa čín-kasā daāi? amé pīramárd gúštī: pa sad tumán a-dāín. amé kārwankáš gúštant: amá zinán. amé ki zítant, amé pīramárd gušt: man amé aṣsārā šmā rā na daín. amé kārwankáš gúštant: šar, ma dāi. šútant, pīramárd am šut. anūn ša pīramárdā bil u ša kārwankášan goš pkaš.

бежал; догнал своего деда и сказал своему деду: «зачем ты давеча бегал?» Его дед сказал: «я увидел хромую газель, но как ни преследовал ее, догнать не мог, а ты оставался сзади!» Стариков внук сказал своему деду: «и тот заяц, и эта газель, всё это был я! ты видишь тот караван?» Старик сказал: «да». Стариков внук сказал: «садись на меня верхом, а я превращу себя в хорошего верблюда». Старик сказал: «хорошо». Стариков внук сказал: «ты скажи караванщикам: „кто берет верблюда? я продаю своего верблюда“; если скажут тебе: „за сколько продаешь?“ ты скажи: „продаю за сто туманов“, а потом, когда меня от тебя возьмут, ты им не отдавай моей упряжи». Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук обернулся в верблюда, а старик сел на него верхом и погнал его по этой дороге. Стариков внук стал реветь по-верблюжьи.

Когда караванщики приблизились, они сразу заметили старика: какой, дескать, у него хороший верблюд! Караванщики сказали старику: «ты не продашь своего верблюда?» Старик сказал: «продам». Караванщики сказали: «за сколько продашь?». Старик сказал: «за сто туманов отдам!» Караванщики сказали: «мы берем». Когда они взяли, старик сказал: «я упряжи не отдам!» Караванщики сказали: «хорошо, не давай!» Они ушли, старик тоже пошел. Теперь оставь старика и послушай про караванщиков.

amé kār wānkáš šútant, bi ťukúre rá yak wār er kúrtant. amé ki er kúrtant, amé leđá am go e ušturán kajd kúrtant u íštant, wat wáptant. amé ki wáptant, yak wār amé pīramárdäi nuwāság wat rá mardúme kurt u watí kajdá páč kurt u jist u šut, wátí pīrúkā rasénti. ā u pīrúkī šútant bi watí gisá.

tārīenā átant yak pāléze pānádā pa kārā, dédi kār a-kúrtant. yak wār amé mullá, ta bzánāi čón a-bit, zānt ki pīramárdäi nuwāság ša man unár burt. wat rá bāze kant u bāl a-kant u kāit. amé ki pīramárdäi nuwāság bāzāi tawārā uškítī, yak wār go watí pīrúkā gúšti: pīró, mullá int-a ki kāit, biyá ki mašmá bjíyan. amé pīramárd gúšti: ta nápa bji, man a-raín bi gisá. amé pīramárdäi nuwāság jísti, šut bi amé pālézäi pānádā, yak wār amé mullá am átī, er kapt bi đigārā. amé ki pīramárdäi nuwāság dístī ki ā er kapt, yak wār šut, wat rá galáuwe kúrti. amé ki mullá dístī: ā wat rá galáuwe kurt, yak wār amé sauzwānā gúšti: ta bra, amá zardén galáuwā pa man biyár, man trā gúdā yak juwānén pātiyáe daín. amé sauzwán šut démi amá galáuwā. amé ki sará jālī kurt bi amá galáuwā, yak wār amé galáu bāl kurt. amé sauzwán airán mántī ki galáu bāl kurt.

yak wār amé mullá wat rá šāináke kurt u bāl kurt, kapt bi pīramárdäi nuwāságäi padá. yak wār amé pīramárdäi nuwāság šut bi pādšāäi bāgāni

Караванщики пошли и, пройдя часть дороги, остановились. Когда они остановились, они привязали этого верблюда вместе с другими и оставили, а сами легли спать. Когда они заснули, стариков внук обернулся в человека, развязал свои путы, побежал и догнал своего деда. Он и его дед пошли к себе домой.

На утро они пошли на огород и стали уже работать. А мулла вдруг, — пойми, как это случится! — узнает: а ведь стариков внук отнял-таки у меня искусство! Он превращает себя в сокола, взлетает и приближается. Как только стариков внук услышал шум сокола, он тотчас сказал своему деду: «дедушка, это мулла приближается! давай, убежим!» Старик сказал: «ты, пожалуй, беги, а я пойду домой». Стариков внук добежал до края огорода, как вдруг приблизился и мулла и спустился на землю. Как только стариков внук увидел, что он спустился, он тотчас превратил себя в дыню. Как только мулла увидел, что тот превратил себя в дыню, он тотчас сказал огороднику: «сходи-ка, принеси мне вон ту желтую дыню, и я тогда дам тебе хорошую молитву». Огородник пошел к той дыне. Как только он нагнул голову к дыне, вдруг эта дыня полетела. Огородник изумился: как это так дыня полетела!

А мулла немедленно обернулся в королевского сокола, полетел и погнался за стариковым внуком. Тотчас стариков внук отправился в цар-

tā, wat rā yak gúle kurt. amé mullá āt, ar če sāġ kurt, na zántī ki gujám gul int-a. yak wār amé pādšāāġ bāgwán ātī pa gulāġ čitínā, ātī, sáġlī kurt tā bābā! čunén juwānén gúle sabz kurtagí! amé gulá sist u búrtī pa pādšā. yak wār amé mullá zántī: amé gul ki bi pādšāāġ bāgwánāġ dastā int, amā ĩnt-a. wat rā maláŋge kurt, gúštī: gulá mnā bdāġ. amé padšāāġ bāgwán gúštī: na bīt, man e gulá barín pa pādšā. burt, bi pādšā dātī. amé pādšā amé gulá dédi bó a-kúrtī, yak wār mullá āt, gúštī: ta amé gulá bi man bdāġ. amé pādšā amé gulá ír dātī bi demāġ. yak wār amé gul arzún būt u paš wart bi đigārā. yak wār amé mullá wat rā mādā-múrge kurt u bi dānúkāġ binā kúrtī, yak arzúne, ta bzānāġ, bi padšāāġ kaušāġ tā kapt. yak wār amé pīramárdāġ nuwāság wat rā šagāle kurt, amé murgāġ sarágā sist. amé pādšā airán mānt. yak wār pīramárdāġ nuwāság wat rā mardúme kurt, go pādšā gúštī: man amā pīramárdāġ nuwāság-un ki ta mnā gúšt-atāġ: bra, ša palāná mullāāġ unár biyár, gúđinā man watí jiníkā bi ta daín, man šútun, amā mullāāġ ġindā pa unár āúrtun, bi ti demā kúštun.

karār amé pādšā demāġ čukítī u ġārčínā gúštī: ġār dí ki bāndā ič kas pa kārā ma ráuť ki pādšā watí jiníkā gís a-dánt. amé ġārčín ġār ġátī ki bāndā ič kas pa kārā ma ráuť ki pādšā watí jiníka gís a-dánt. tārġenā ič kas

ский сад и превратил себя в цветок. Мулла подошел, но как ни всматривался, не мог узнать, какой он цветок. Вдруг подошел царский садовник набрать цветов, подошел, посмотрел: что за красивый цветок распустился! — сорвал этот цветок и отнес царю. Мулла сразу догадался: этот цветок, который в руках у царского садовника, это он! Он превратил себя в дервиша и сказал: «дай мне цветок!» Царский садовник сказал: «нельзя, я этот цветок отнесу царю». Он отнес его и отдал царю. Царь стал нюхать этот цветок, как вдруг подошел мулла и сказал: «дай мне этот цветок!» Царь бросил ему цветок. Тотчас этот цветок превратился в просо и рассыпался по земле. Мулла немедленно обернулся в курицу и бросился на зерна, — а тебе надо знать, что одно зернышко проса попало в царский туфель. Стариков внук обернулся в шакала и оторвал курице голову. Царь изумился. Вдруг стариков внук обернулся в человека и сказал царю: «я тот стариков внук, которому ты сказал: „иди и приобрети искусство у такого-то муллы, тогда я отдам за тебя свою дочь!» а я пошел и своим искусством самого того муллу привел и убил пред тобой!»

Итак, царь поцеловал его в лицо и сказал глашатаю: «провозгласи, чтобы завтра никто не шел на работу, потому что царь, мол, выдает замуж свою дочь». Глашатай провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что царь выдает замуж свою дочь. На утро никто не пошел на работу.

pa kārā nā šut, pādšā ešī rā gīsi dātī. tā apt šap u apt roč dol kúrtī. karār pīramárdāi nuwāság būti pādšāāi zamās. man š-amódinā jīstun u bástun, pa wat yak imāne āúrtun, pa ta yak jīníke āúrtun.

II

būt u büt, ša xudā káse getír na^w-at. yak wáxte yak Asán námēn. šwānāge at. ešī apt sāl go yak mardúme ramág a-čarént. aštumíēn sālāi sarā yak šápe wábe dísti ke be dastāi sāi dānág istār at. ša wābā ke āgā büt, ramágā ai kurt déme wutí wazdārāi gīsā. šap nemágā ramágā wutí wazdārāi gīsāi demā yälá kurt. wazdāri tawār kurt: ai Asán, ta ganók bütāg ai, či balā? ta pa če ramágā šap nemágā gīsāi dapā kārāi? Asán gúšti: mnā íčči na bütā. man ša šapí āngūrī tī ramágā na čarenín. zóre dārāi, utí zorā be man mālúm pkan, yā naiṭ, go man íčči abār ma dāi. apt sāl tī ramágā čaréntun, nūn-a na čarenín. ša tāi wazdārā bāz u bāz xāišṭ a-kanín ke mnā. yak pāteyāe beḏāi, pa če ke pa ta bāz zāmát kaštá un, wa ruxsāt bekanāi. gúḏā ša ta bāz u bāz rāzī a-baín: mni jīnd am sā sad pas dārín, á um tī bayánt, āwānā man na loṭín. wazdāre ke ar če zārī kurt, Asán kabūli na kurt. gúḏā Asānā yak pāteyāe dātī, rādāg kurt.

Царь его женил. Семь ночей и семь дней били в барабан. Итак, стариков внук сделался царским зятем. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел девушку.

(II. Об овчаре, сделавшемся царем)

Было-было, не было никого лучше бога. Когда-то жил овчар по имени Асан. Семь лет он пас стадо у одного человека. В начале восьмого года однажды ночью он видел сон, что у него в руках три звезды. Проснувшись, он погнал стадо к дому своего хозяина, и к ночи выпустил стадо перед домом своего хозяина. Его хозяин закричал: «Асан, ты с ума сошел, что ли? зачем ты к ночи приводишь стадо к дверям дома?» Асан сказал: «ничего со мной не случилось, но начиная с этой ночи я больше не пасу твоего стада; если у тебя есть власть, эту власть прояви надо мной; если же нет, нечего тебе со мной говорить; семь лет я пас твое стадо, больше не буду пасти. От тебя, как хозяина, я очень и очень хочу, чтобы ты дал мне благословение, потому что я много потрудился для тебя, и чтобы ты отпустил меня. Затем я тобою очень и очень доволен: у меня самого есть триста овец, пусть они будут твоими! я не требую их!» Как хозяин ни жаловался, Асан не согласился. Потом он благословил Асана и отправил его.

Asán watí laṭá, watí ṭapúrā zurt u rādág büt. šápe jáe, róče jáe, čunt šapá gúdā be yak šáre sár büt. šut, ämé šarā tā yak darwāzágäi dapá wapt. š-ái bil o š-eši goš kaš.

amé darwāzäge ke e waptá, amé darwāzág wazíräi gís int. wazír yak ĵinike dārít. eši ĵiník go yak Asán náme amédā āšix bütá. šapíen šapá ešáni ar duénāni wadá int ke š-é šarā beĵiyánt, sāati dúwā šapáĵā. ĵiník wutí māšūṗá ke Asán bit, guštá: sāti dúwā šapáĵā ta darwāzágäi dapá kāāi, man um ša argá ér a-kapín, mašmá ar duén rawán. Asán um šar gušti. wazíräi ĵiníkäi māšūṗāāi nām am Asán at. ā šapí bil tā wāb brāut, e šwānág ša guĵá-āngū bāit, ämé darwāzágäi dapá b^ašpit.

šap nemágā wazíräi ĵiník ša wutí pisāi xazānágā du urĵín tilá wa zar zúrta. āt be darwāzágäi dapá, dísti ke yak mardúme waptá. wazíräi ĵiník wutí dilá gušt ke mni māšūṗá int ke waptá. íči na gušt u pádā šut, wutí pisāi aspāni tā du ĵwānén aspá zéni kurt u āt be darwāzágäi dapá, dísti ke Asán āngá-ta waptá. karár dastāi gipt u ešā pádi kurt, gušt: búst ke roč bütá, zūt kan ke brawán. e ĵaríben šwānág ustát u rādág büt. gušti: guĵá-ngūrí brawán? ĵiník gušti: ta abár ma dāi, ar guĵāngū ke man a-rāin, ta mni padá biyá. Asán um padāi šut.

Асан взял свой посох, свою войлочную одежду и пустился в путь. Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней спустя, добрался он до какого-то города. Он пошел и улегся перед одними воротами. Оставь теперь его и послушай об этом.

Ворота, у которых он лег, — это ворота дома визиря, а у визиря есть дочь. Эта девушка была влюблена в некоего Асана, и у них обоих был уговор, что этой ночью они бегут из этого города, в два часа ночи. Девушка сказала своему возлюбленному Асану: «в два часа ночи приходи к воротам, я также спущусь из замка, и мы вдвоем отправимся». Асан сказал: «хорошо», — а имя возлюбленного дочери визиря было также Асан. Оставь его на ночь, пусть идет спать! а этот овчар, откуда бы он ни был, пусть спит в этих воротах.

К полуночи дочь визиря взяла из хранилищ своего отца две переметные сумы с золотом и деньгами, подошла к воротам и увидела спящего человека. Дочь визиря сказала про себя: это ведь спит мой возлюбленный! Она ничего не сказала; вернулась, из лошадей своего отца оседлала двух лошадей получше, подошла к воротам и увидела, что Асан все еще спит. Она осторожно взяла его за руку, разбудила его и сказала: «вставай, уже день! поторопись, мы едем!» Бедняга овчар встал, собрался и сказал: «куда мы поедем?» Девушка сказала: «молчи, и куда я ни поеду, ты следуй за мной!» Асан последовал за ней.

ša šarā ke dār bütant, wazíräĵ ĵiník Asáni sarā yak tūke kurt. Asán awáb na dāti. ĵiník duwārág yak tūke kurt. duwārág Asán ĵawáb na dāti. édā wazíräĵ ĵiník aĵrán büt ke Asán pä če abarā na dāt. duwārág wazíräĵ ĵiník iĉi na gušt, rādág büt. tārĵ ke roĉ büt, wazíräĵ ĵiník ešā sāĵĵi kurt ke e mni māšūyā näĵint. édā ĵeník aĵrán büt ke nūn con kanín? "utí dilá píkrĵ kurt ke aĵ, ar če ke mni pešāniā xudá kurtá, amāw a-bit. aspá ĵátĵ yak čā-búke, aĵ kúrĵi, yak tūkúre ke rā šut, "utí dilá gušt ke ta byā ke ešā āzmūišĵ kanín ke e če mardúme. yak ĵāe átan ke tuén näĵzāre. wazíräĵ ĵiník gúštĵ ke čunén ĵwānén näĵzāre! ā burzágäĵ sarā gokĉarén ništá bütin, gok um édā beĉartín ant! Asán gúštĵ: guĵá? pādāĵ nále bešútĵin! ĵiník zántĵ ke e gokĉaréne näĵint. yak tūkúre digár ke šútān, ešāni demá mazānen ĵikkĵe paidá büt. ĵiník gúštĵ ke čunén ĵwānén ĵikkĵe! ā burzágäĵ sarā sarwán ništá bütin, édā uštúr beĉartín ant! Asán ĵawáb dāt ke guĵá? sarwānāĵ pādā ĵike bešútĵin. e ĵiník "utí dilá gušt ke e sarwāne am näĵint. yak tūkúre digá ke šútānt, yak ĵwānén ĵumāĵ sarā bālā bütant. ĵiník sāĵĵi kurt ke čunén alápe dārĵt e ĵum, gúštĵ ke édā yak azārĵen ramáge bütin u yak ĵwānén nal-ĵānen šwānág édā tamāššá kurt! ya-gá Asán šĵpóle kurt. édā wazíräĵ ĵiník zántĵ ke e mardúm šwānāge. amé rangá šútānt.

Когда они очутились за городом, дочь визиря дотронулась до головы Асана. Асан не отвечал. Вторично девушка тронула Асана. Опять Асан не дал ответа. Тогда дочь визиря удивилась, почему Асан не говорит. Больше она ничего не сказала, поехала. На утро, когда рассвело, дочь визиря посмотрела на него: да ведь это не мой возлюбленный! Тогда девушка растерялась: что, дескать, я теперь буду делать? стала раздумывать: «ну, пускай будет, что бог мне судил!». Она ударила лошадь плетью и погнала ее, а когда немножко проехала, сказала про себя: «дай-ка, я его испытаю, что он за человек!» Они подъехали к месту, где были большие тростниковые заросли. Дочь визиря сказала: «какие хорошие тростниковые заросли! сидеть бы наверху коровьему пастуху, а коровы паслись бы здесь!» Асан сказал: «где? в его ногу воткнулся бы тростник!» Девушка поняла, что он не коровий пастух. Они проехали еще немножко, и перед ними появились большие заросли колючего кустарника. Девушка сказала: «какие хорошие заросли колючки! сидеть бы наверху погонщику верблюдов, а здесь бы паслись верблюды!» Асан отвечал: «где? в ногу погонщика впились бы колючки!» Девушка сказала про себя: «он не верблюжий погонщик». Они еще немного проехали и поднялись на хорошие пески. Девушка посмотрела: что за трава на этих пёсках! и сказала: «быть бы здесь тысячному стаду овец, а молодой овчар играл бы здесь на дудке и любовался бы!» Сразу Асан присвистнул. Тут дочь визиря поняла, что этот человек овчар. Так они ехали

roč garm at, jiník tunnág büt. tawārī kurt: äj Asan, man bāz tunág bū-tág un, yak káme āp paidā kurtága na kanāj? Asán gušti: bāz jwán int, anūn man pa ta āp a-kārín, ič γusá ma war. Asán zúti "utí tūrágā wa laṭá zurt u šut, pa āpá šūt, gašt, ápe paidái kurt, "utí mašká āpi kurt u āt ke rādág bit. sājli kurt ke āpāj rāsten pānādā yak číze guróg a-jánt. Asán gušt ke ta byā ke amā rā sājil kanín ke amé čée? šut, sājli kurt ke yak čiráge. Asán amāe rā ša āpāj tā zurt u rādág büt, déme jänikā, āwúrti. āpānā be jänikā dāti. jäník ke wárti, Asán gušti ke äi jäník, man yak číze š-āpāj sará distun. jäník gušt ke gúj int? ta byār ke sājil kanán ke čée. Asán amāe rā jänikāj dastā dāt. jäník ke sājli kurt, durústi kurt ke e čiz pādšāéen číze, zurt ešá, "utí urjínāj tā kurt, gušti: bél tā bit amédā. Asán gušt: šar. šútant, yak u du šapá gúḍā be yak šāre nazzíkā átant. wazírāj jiník gušti ke zánāj ke muslāt čé int? Asán gušti: na. jäník gušti: muslahát amēš int ke man t'rā sad tumán zár a-dāín, ta bezúr u berá be šārā, man amédā nindín, ta yak jwānén gíse wa yak muzúre girāj, gúḍā pa mni padá beyá, gúḍā man šār a-raín. Asán gušt: šar. zar zurt u šut be šārā. yak jwānén gíse wa yak muzúre gipt u gisá jwān páki kurt u āt pa wazírāj jinikāj padá, ešá zurt u šut. be šārā.

День был жаркий, девушка захотела пить. Она закричала: «Асан, я очень хочу пить, ты не можешь найти немного воды?» Асан сказал ей: «очень хорошо, я сейчас принесу тебе воды, ты не беспокойся». Асан быстро взял свою торбу и посох и пошел; пошел за водой, походил, отыскал воду, наполнил водой свой мех и собрался в путь, но увидел, что справа от воды что-то блестит. Асан сказал: «дай-ка, посмотрю, что это!» пошел, посмотрел: светильник! Асан вынул его из воды и пошел к девушке; принес и дал девушке воды. Когда она попила, Асан сказал: «девушка, я видел в воде одну вещь». Девушка сказала: «какую? давай, посмотрим, что это!» Асан передал ее девушке. Когда девушка посмотрела, она поняла, что это царская вещь. Она взяла ее, положила в свою переметную суму и сказала: «оставь ее, пусть лежит здесь!» Асан сказал: «хорошо». Они поехали и через одну или две ночи приблизились к какому-то городу. Дочь визиря сказала: «знаешь, что теперь делать?» Асан сказал: «нет». Девушка сказала: «нужно вот что: я тебе дам сто туманов денег, ты возьми их и отправляйся в город; я останусь здесь, а ты найми хороший дом и слугу и возвращайся ко мне, тогда и я поеду в город». Асан сказал: «хорошо». Он взял деньги и поехал в город; нанял хороший дом и слугу, хорошенько вычистил дом и вернулся за дочерью визиря, взял ее и поехал в город.

amá jáe ke Asán paidā kurt-at, šapí amódā wáptant, bándāi šapá wazírāi jānīk amé wutí muzúrā gušt: ta bra, yak jwānén mullāe paidā bekán u beyár. muzúr šut u yak mullāe paidāi kurt u āwurt be gisá. wazírāi jānīk pa mullá yak jwānén nahāre jōdī kurt u dātī. ša nahārā gūdā wazírāi jānīk mullá gušt: zānāi, mullá sāib, ke musla^hát čé int? mullá gušt: na. wazírāi jānīk gušt ke go me Asán nām mnī aγdā band. gúšti: šar, magár man ša ta yak čize pursín, ta rāsténā begušāi. wazírāi jānīk gušt: ar če ke pursāi, purs, man wuštātá-wun. mullá gušt ke ta jānīke wāi yā na? wazírāi jānīk jāwāb dāt ke man jānīke-wun. duwārāg mullá sōjī kurt ke ta digá dištāre dārāi yā na? jānīk gušt: na dārín. mullá gušt ke nūn ta p-ámé mar-dúmā ke amédā ništá Asán nām, p-ameší rāzī āi? wazírāi jānīk jāwāb dāt ke mullá sāib, agár amāi aγdā bándāi, band, agár na bándāi ke bāz abār-ma dāi, bust u berá pa watí rahā. mullá gúšti ke āi jānīk, ša mnī soj kurtīnen čizān tī dilā ma gīt, sabābi ke man mullāe un, mnī ^hak int ke ame-rangén čizānā pursín.

šapí ke ešāni aγdā bāsti, tāri ke roč būt, wazírāi jānīk Asānā gušt: zānāi ke abār čé int? Asán gušt: na, na zānín. jānīk gušt: abār améš int ke ta maróči amé šamā bzūr u berá be pādešāe, ódā ke šútāi, ešā be pāde-

В том доме, который нашел Асан, эту ночь они переночевали, а в следующую ночь дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи хорошего муллу». Слуга пошел, отыскал муллу и привел домой. Дочь визиря приготовила для муллы хороший обед и предложила ему. После обеда дочь визиря сказала мулле: «знаешь, почтенный мулла, что надлежит сделать?» Мулла сказал: «нет». Дочь визиря сказала: «обвенчай меня с человеком по имени Асан». Он сказал: «хорошо, но я спрошу у тебя кое-что, а ты говори правду». Дочь визиря сказала: «все, что ты имеешь спросить, спрашивай, я готова». Мулла сказал: «ты девушка или нет?» Дочь визиря отвечала: «я девушка». Вновь мулла задал вопрос: «есть у тебя другой жених или нет?» Девушка сказала: «нет». Мулла сказал: «а теперь ты согласна на брак с человеком, который здесь находится, по имени Асан?» Дочь визиря ответила: «почтенный мулла, если ты совершаешь этот брак, то венчай, если же нет, то не трать много слов, встань и иди своей дорогой». Мулла сказал: «дочка, не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю, потому что я мулла, и мое право спрашивать о таких вещах».

Ночью он совершил их брак, а на утро, когда рассвело, дочь визиря сказала Асану: «знаешь, о чем теперь речь?» Асан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «дело теперь обстоит так: возьми сегодня эту свечу и иди к царю,

šāāi demá bil u beyá. Asán gušt: šar. amáe rā zurt u šut be pādešāāi argā. ódā ke šut, saláme dāt u ništ.

yak u du sāt ništ u gúdā šamá be pādešāāi demá išt. pādešā gušt: e čée, parzind? Asán gušt: mán-a na zānín ke e če, tái pādešā ma zānāi, mán-a na zānín. duwārág Asán um abár na dāt, pādešā am abár na dāt. čunt sāáttā gúdā Asán gušt: man nūn a-raín. pādešā gušt ke šar, ke rawāi, murxás āi! Asán ustát u rādág büt, āt "utí gisá. jānīk gušt: āi Asán, čon kurtāi? Asán gušt ke ičči na kúrtun, búrtun, dátun u átun. š-āi bil u ša pādešā goš kaš.

Asán ša gisá ke dár büt, pādešā yak mardúme rā eši padá kurt ke eši gis gujāngūr int. e mardúm āt u Asānī gisá pajdāi kurt u sāi kurt ke xā-nāi xaráb, čunén jānéne dārīt. e mardúm pādā šut u pādešāā gúšti: āi pādešā, ta apt jānén dārāi, amā ar aptén Asānī jānénāi molíd ant. e rangén jānén ič be ti pādešāāi mulkāi tā nāint. amé mardúm ke Asānī gešā šút-at, pa pādešā bāz u bāz tārīpi kurt Asānī jānénā. pādešā am pa Asānī jānénā āšiy büt. "utí wazírā lotīt ke e rangén abāre ast, nūn čon kanán? wazír gušt ke agár āe rā maróči beyārāi, be dārā bejānāi, gúdā ti nām kámme gandág a-bit. pādešā gušt: nápa čon kanán? čon āe rā ziyán a-kanāi?

а когда туда придешь, поставь ее пред царем и приходи обратно». Асан сказал: «хорошо», взял ее и пошел в царский дворец. Когда пришел туда, он поздоровался и сел.

Он посидел час-другой, потом положил свечу перед царем. Царь сказал: «что это, дитя мое?» Асан сказал: «я не знаю, что это; раз ты царь и не знаешь, я тоже не знаю». Больше Асан ничего не сказал, царь тоже ничего не сказал. Через некоторое время Асан сказал: «я теперь пойду». Царь сказал: «хорошо, если хочешь, можешь итти». Асан встал и пошел. Он пришел домой, и девушка сказала: «ну, Асан, что сделал?» Асан сказал: «ничего не сделал! снес, отдал и пришел назад!» Оставь его и послушай про царя.

Когда Асан вышел из помещения, царь послал вслед за ним человека: где, дескать, находится его дом? Этот человек пошел, отыскал дом Асана и стал смотреть: что б ему пусто было! какая у него жена! Этот человек вернулся и сказал царю: «о царь, у тебя семь жен, но все семеро годны лишь в служанки жены Асана; такой женщины в твоём царстве вовсе нет!» Этот человек, который ходил к дому Асана, очень и очень расхваливал царю жену Асана, и царь влюбился в жену Асана. Он призвал своего визиря: такое, дескать, дело! что теперь будем делать? Визирь сказал: «если ты его сегодня приведешь и отправишь на виселицу, впоследствии твое имя несколько опорочится». Царь сказал: «что же

wazír gušt ke ta bándā āe rā belót, begúš: amé šamáĭ adigá ballá ša ta loťín. pādešā šar gúšti.

bándā āe rā loťítī, gúšti: amé šamáĭ adigá ballá ša^t ta loťín. Asán gúšti ke e digá bálle na dārít. pādešā gušt: agá dārít yā na dārít, man ša ta loťín, agár da ročāĭ sarā āwúrtāĭ, ke íčī; agár nāy-āwúrtāĭ, tī jān u zāg múčī pādešāĭ a-bit, utí ixtiyārā dārāĭ. Asán šut utí gešā. jānénī pūrsítī ke pādešā ša ta čé soĭ kurt? Asán gušt ke ša man sóĭi kurt ke āmé šamáĭ adgá ballá berá, biyár, man gúštun ke ā digá bálle na dārít. pādešā gušt ke dārít yā na dārít, man ša ta dā ročāg loťín, agár dā ročāĭ sarā may-ārāĭ, gúđā tī jān u zāgá múčā pādešāĭā kanín. ša man āmešānā sóĭi kurt. gúđā jānénī gušt ke š-amódā ke ešā distāg-āĭ, amā jā nūn baladí^y a-kanāĭ? Asán gušt: baladí a-kanín, magá ódā š-ešān bāz u nāint. jānén gušt ke āĭ, ar čé int, ométā be xudā bekán u berá. Asán gušt: šar.

Asán sar gipt u šut, amā āpā pāidāĭ kurt, gáštī āpāĭ išk-uw-áškā, ya-ga amā rangén šáme dístī, zúrt u utí tūrāgāĭ tā kurt u āt ke rādāg bīt, utí dilā gušt ke ta byā ke amé āpāĭ išk-w-áškā múčā yak čāre bekánín, bārén e čunén āpe. šut, amé āpāĭ išk-uw-áškā čārī kurt. ya-ga be gošāĭ mardúmāĭ tawāre būt. āmédā yak kámme uštāt, goš kašítī ke zāntī ke āmédā mardúmāĭ tawāre

будем делать? как бы тебе его погубить?» Визирь сказал: «призови его завтра и скажи: „я требую от тебя пару к этой свече“». Царь сказал: «хорошо».

На следующий день он позвал его и сказал: «я требую от тебя пару к этой свече». Асан сказал: «у нее не имеется другой под пару». Царь сказал: «имеется или нет, я от тебя требую! если ты в течение десяти дней принесешь, тогда ничего; если же не принесешь, твоя жизнь и дети, все будет царским, поступай, как знаешь!» Асан пошел домой. Его жена спросила у него: «что у тебя спросил царь?» Асан сказал: «вот что царь спросил: „отправляйся и принеси к этой свече другую под пару“, я сказал, что ей нет пары; царь сказал: „есть или нет, только я требую ее от тебя в десятидневный срок, и если ты через десять дней не принесешь, тогда я тебя самого с детьми и со всем имуществом объявлю царским!“ Вот что он с меня спросил!» Тогда жена сказала: «ты узнаешь теперь то место, где ты нашел ее?» Асан сказал: «узнать-то узнаю, но там ведь больше их нет». Жена сказала: «ну, что бы там ни было, надейся на бога и иди». Асан сказал: «хорошо».

Асан собрался и пустился в путь. Он отыскал ту воду, обошел ее кругом, и вдруг увидел такую же свечу. Он взял ее, положил в торбу и уже собирался уходить, но сказал сам себе: «дай-ка, обойду со всех сторон! что это за вода такая?» Он стал прохаживаться вокруг этой воды, и вдруг до его ушей дошел человеческий голос. Он постоял там немного, прислушался и убедился,

šut, ämé singānī tā gašt, ya-ga dístī ke amédā yak singāi gíse. šut, š-ämešī kađákā sāiī kurt ke yak aulo-čāmen jānīke amédā ništā. jānīk amešā dístī. ya-ga jānīk tawāri kurt ke äi musulmán, čéwā kanāi ke édā átag äi? berá ke anūn buzlangí a-kāyánt, trā waránt, bra pa wat. Asán guštī ke man ša ta getír ná-wun, trā alás ma kanín, na raín. jānīk gušt ke äi musulmán, sāi sad pālawán pa mnī padā āt u pādā na šut, múčānā amé buzlangí wartág ant, ta ke yak bazzágen yaríben mardúme wāi! Asán gušt: man ša sā sad mardúmā getír ná-un, āwānā ke wartág ant, man um be āwānī sará. jānīk guštī ke utí onā wat utí gardínā kanāi, pa man um ħusáe kārāi! man trā nūn gujá čér kanín? Asán gušt ke ta pa man ráäi čápā jāe jođ a-kanāi, ta ič ħusá ma war, inšallā, trā š-ešānī dastā alás a-kanín, pa šárte ke ar če ke man trā gušín, ta bekanāi. jānīk gušt: man a-kanín, agár trā kartúte bīt! Asán gušt: inšallā, yā trā alás a-kanín, yā amā sā sad pālawānāi padā raín. jānīk Asānā amédā čerī kurt u šut utí jāá, Asānā gušt: bāndā man a-kāín, ša ta yak awāle girín. š-ešī bíl u ša buzlangíyān goš pkaš.

buzlangí ke átant, dístan ke ādami-zátāi bóe. jānīkāi sará xāšm kurtant ke édā maróči káy átā, beġús! jānīk guštī ke šumā mánā yak jāe āwurtág it.

что это действительно человеческий голос. Он стал бродить среди скал и камней, и увидел каменное жилище. Он пошел туда и рассмотрел через щель, что там находится девушка с глазами молодой газели. Девушка его увидела и сразу закричала: «о мусульманин, что ты делаешь, придя сюда? уходи, потому что сейчас придут некие чудовища бузланги и съедят тебя! иди своей дорогой!» Асан сказал: «я ведь не лучше тебя! пока тебя не освобожу, не уйду». Девушка сказала: «о мусульманин, триста богатырей приходили за мной и назад не вернулись: всех поели бузланги! а ты ведь только труженик и странник!» Асан сказал: «я ведь не лучше трехсот человек! если их поели, так и я за ними!» Девушка сказала: «ты сам льешь свою кровь себе на шею, а мне приносишь заботу! куда я теперь тебя спрячу?» Асан сказал: «приготовь для меня место слева от дороги и не беспокойся! бог даст, освобожу тебя из их рук! при условии, если ты сделаешь все, что я скажу». Девушка сказала: «я сделаю, если только у тебя хватит силы!» Асан сказал: «бог даст, или тебя освобожу, или последую за теми тремястами богатырей!» Девушка спрятала тут Асана и пошла к себе. Она сказала Асану: «завтра я приду узнать о тебе». Оставь теперь его и послушай про бузланги.

Когда бузланги пришли, они почувяли человеческий запах. Они разгневались на девушку: говори, дескать, кто сюда сегодня приходил. Девушка

ke mníyā ādame-zāt ātāga na kant. buzlangí ešā bázen dušmáne dātant u šútant, wáptant. bádi apt šapā gúdā mazániš ša wābā ustát. e ke ustát, múči sar gíptant u šútant pa šikārā. ā ke šútant, ša pádā jäník Asániyā šut. Asán guštī: pa če dér ātāi? jäník guštī ke man trā na guštun ke ta pa man ḡussāe kārāi. Asán gušt: pa če? ta beḡuš. jäník guštī ke zī ke buzlangí ke átant, mnā bázen dušmáne dātant ke édā ādamíāi bóe. man guštun: édā ādamíāi bo čéwā lotít? Asán gušt ke man trā alās kanín, go mán a-rawái? jäník gušt: agá ta mnā alās kanāi, man tī xajrát a-baín u go ta rāín, agár ša tī dastā bit. Asán gušt: āmé číze ke man trā gušín, ta amá mnī abārā bzúrāi, ma trusāi, bekanāi. man inšallā pa xudāāi ukmā trā alās a-kanín. jäník gušt: čon bekanín, ta beḡuš. Asán guštī ke ta ke maróči šútāi, nānāi waxtā nān ma war, pūx bāi, bigré, ā wat ša ta pursánt ke ta maróči pa če pūx āi? ta beḡuš: man yak ādami-zāte wun, šmāi dastā kaptág un, šmā um ročá ráit pa gaštínā, man āmédā tanāka ništág un. gúdā awānī mazán wat ša tā pursít ke ta ša man čéwā loťāi? ta beḡuš: man trā bāz u bāz dost dārín, ta watí napāsā āmé ke pa šikārā rawái, be man beďāi, ke tā wáxti ke táw a-kāá, man go māi utí ročá gwāzenín. ā awālā trá abár

сказала: «вы привели меня в такое место, что ко мне не может прийти никто из человеческого рода». Бузланги ее сильно выбрали и пошли спать. Через семь ночей старший из них проснулся; когда он встал, все они собрались и пошли на охоту. Когда они ушли, тогда девушка пошла к Асану. Асан сказал ей: «почему ты поздно пришла?» Девушка сказала: «разве я тебе не говорила, что ты принесешь мне скорбь?» Асан сказал: «почему? скажи». Девушка сказала: «вчера, когда пришли бузланги, они меня сильно бранили: здесь, дескать, человеческий запах; я сказала: „какого вы захотели здесь человеческого запаху?“» Асан сказал: «я тебя освобожу, поедешь со мной?» Девушка сказала: «если ты меня освободишь, я для тебя пожертвую собой и пойду с тобой, если это будет в твоей власти». Асан сказал: «сделай то, что я скажу тебе, послушайся меня! не бойся! бог даст, я, по воле божьей, тебя освобожу». Девушка сказала: «скажи, что мне делать!» Асан сказал: «когда ты уйдешь отсюда, ничего не ешь во время обеда, будь печальна и плачь! они тебя спросят: „отчего ты сегодня печальна?“ ты скажи: „я человеческого рода и попала к вам в руки! а вы днем расходитесь, и я остаюсь здесь одна“; тогда старший из них спросит тебя: „чего же ты от меня хочешь?“ ты скажи: „я тебя очень и очень люблю; когда ты уходишь на охоту, отдавай мне свою душу, и я с ней буду проводить свои дни, пока ты не придешь“. Он сначала начнет

u dušmán a-dant, gúḍā utí napásā be ta na dant, trā digá yak číze dant, ta amáe rā jwān pāk bekanāi, joḍ kan u psāt. jānīk gúšti: šar.

jānīk ša Asānāyā ustāt u āt utí jāgá, ništ u girét. buzlangí ke āt, sáili kurt ke eš a-girét, šut, pursitī ke ta pa če girewái? jānīk gušt ke ta mnā yak jāe āwurtág āi ke čap ša xudá káse édā näint, wat um ročā rawái pa šikārā. man āmédā ništág un taná, yak číze am näint ke go māi utí ročā barín. buzlangí gúšti ke ta čéwā loťai? beguš, ke man pa ta paidā kanín ke duwārág ta go māi utí ročā begwāzenāi. jānīk gúšti ke man trā bāz u bāz dost dārín, agá ta utí napásā be man beḍai, man áe rā čo gulāi sātín. ya-ga buzlangí eš rā yak čapóḍe jāti, yak sāātā gúḍā jānīk ‛óši kurt. buzlangí gušt: šar. šut u yak šišáge āwurt, gúšti: amé mnī napás int, ar ka āmešā prošit, man am mirín. šišágā ešā dāt u wat šut pa šikārā.

ā ke šut, ša pádā jānīk šišágā zurt u šut be Asānāyā. Asān gúšti ke čon kurtai? jānīk gúšti ke buzlangí gúšti ke amé šišág mnī napás int. Asān gúšti: duróg a-jánt, e āi napás näint. Asān gušt ke ta nūn yak kāre bekán. jānīk gušt: čon kanín? Asān gúšti: ta āmešī rā jwānén poš abrešūmīen bekán, wa digá puč am pkan, utí zānai sará bil. ā ke š-āngū āt, bgíndit

укорять и бранить тебя, и потом не тотчас даст тебе свою душу, а даст тебе что-нибудь другое, но ты и это хорошенько вычисти, приberi и береги». Девушка сказала: «хорошо».

Девушка поднялась, пришла от Асана к себе, села и заплакала. Когда бузланги пришел и увидел, что она плачет, он пошел и спросил ее: «почему ты плачешь?» Девушка сказала: «ты меня привел в такое место, где, кроме бога, больше никого нет, при этом ты сам днем уходишь на охоту, а я сижу здесь одна, и нет даже ничего, с чем бы я проводила свое время!» Бузланги сказал: «что же ты хочешь? скажи, чтобы я отыскал для тебя, и ты впредь проводила бы с этим свое время». Девушка сказала: «я тебя очень и очень люблю, и если ты отдашь мне свою душу, я ее буду беречь, как цветок». Бузланги вдруг дал ей пощечину, и только через час девушка пришла в чувство. Бузланги сказал: «хорошо». Он пошел, принес склянку и сказал: «вот это моя душа! как только она разобьется, умру и я!» Он дал ей склянку, а сам пошел на охоту.

Когда он ушел, девушка тотчас взяла склянку и пошла к Асану. Асан сказал: «что ты сделала?» Девушка сказала: «бузланги сказал: „эта склянка — моя душа“». Асан сказал: «он лжет, это не его душа!» Асан сказал: «теперь ты сделай одну вещь». Девушка сказала: «что сделать?» Асан сказал: «сделай для нее хороший шелковый футляр и еще другую обертку и положи к себе на колени; когда он вернется и увидит, что ты с ней хорошо обращаешься,

ke ta ešá zābr a-sātāi, ā wat gūdā utí napāsā pa rāstí trā nišān a-dánt. āmé ke trā dāti, ta zūte mníyā beyār, man gūdā wat jođ a-kanín. jānik gušt ke šar, pādā šut, utí gisāi tā ništ.

čun sātā gūdā buzlangí āt. buzlangí gisāi tā sāili kurt ke jānik čon āmé šišágā zabr pošitá. buzlangí utí dilá gušt ke āmé jānik mnā bāz u bāz dost dārit, ta beyā ke pa rāstí utí napāsā ešá nišān dāin. āmé đannā kámme uštát u sāili kurt u gūdā gisāi tā šut, jānikāi sará tawāri kurt: āi jāni man, imāni man, e će ke ta eši rā e ráng jwān sātítág āi? jānik gušt ke e ti napās int ke man jođ kurtág un. buzlangí gušt ke e mnī napās nāint, man trā rāpéntun, ta bārin čon a-kanāi mnī napāsā, nūn ke dístun, ta e rangá sātāi, nūn trā nišān a-dāin. jānik gušt: zānín, ša man trusítāi ke awálā. utí napāsā mnā nišān na dātāi! buzlangí gušt ke ān. buzlangí gušt ke beyā ke berawán, utí napāsā trā nišān dāin. jānik gušt: berawán. ar duén ša gisá dār būtant u šútant. buzlangí demá būt u jānik be padāi. ešá búrti be yak mazānen draxtāi sará. buzlangí bālā būt u yak šišáge 'éri kurt, šišágāi dapá páči kurt u jānikā tawāri kurt, gúšti: ta āmé šišágāi tā sāil pkan ke će ast. jānik ke sāili kurt, dísti ke yak kapóte ništá. buzlangí gušt: će ast šišágāi tā? jānik gušt: yak kapóte amódā ništá. buzlangí gušt ke amá kapót

тогда он сам покажет тебе уже настоящую свою душу; как только он ее тебе даст, ты тотчас же ее привеси ко мне, и тогда уже я сам справлюсь». Девушка сказала: «хорошо», пошла назад и сидела дома.

Несколько времени спустя пришел бузланги. Бузланги взглянул в дом, и увидел, как хорошо девушка укутала склянку. Бузланги сказал про себя: «эта девушка очень и очень меня любит; попробую-ка я на самом деле показать ей свою душу!» Он немного пробыл снаружи, посмотрел, вошел в дом и позвал девушку: «душа моя, благополучие мое! что́ это, что ты так тщательно бережешь?» Девушка сказала: «это твоя душа, которую я так нарядила». Бузланги сказал: «это совсем не моя душа! я обманул тебя, чтобы посмотреть, что́ ты сделаешь; теперь, когда я увидел, что ты ее так бережешь, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «понимаю! значит, ты боялся меня, раз ты мне сразу не показал своей души!» Бузланги сказал: «да». Бузланги сказал: «давай, пойдем, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «пойдем». Оба вышли из дому и пошли. Бузланги был впереди, девушка сзади него. Он повел ее к большому дереву. Бузланги поднялся наверх, спустил вниз одну склянку, открыл ее горлышко, позвал девушку и сказал ей: «загляни-ка в эту склянку, что́ в ней?» Когда девушка посмотрела, она увидела, что там сидит голубь. Бузланги сказал: «ну, что в склянке?» Девушка сказала: «там сидит голубь».

mnī napás int, ar kas ämešī sarā psindít, man am mirín. jäník gušt ke man äe rā pa ta xairát a-kanín ke ā ešī sarā psindít. buzlangí jäníkäi abárān kabúli kurt u kapótā be jäníkäi dastá dāt, gúšti: nūn tā ročá ke man édā ná-wun, go mešī gwāzī bekān. jäník gušt: šar. ar du šútant be gisá.

bāndénā buzlangí šut pa šikārā, ā ke šut, ša pādā jäník zūti kapótā zurt u šut be Asánāyā. Asán gúšti ke šer-äi rúbá? jäník gušt ke inšallā, šer un! e āi napás int ke ešā zítun. Asán gušt ke gúš int? jäník kapótā nišāni dāt. Asán kapótā ša dastāi zurt u sāli kurt, jäniká gušt: zānāi ke nūn mu-sla^hát čé int? jäník gúšti: na, man na zānín ke kār čé int. Asán gušt ke be^hawán be šmäi gisá. jäník gušt: man ša buzlangiā bāz u bāz a-trusín. Asán gušt: agá napási amé bit, ič ma trus, be^hawán. jäník gušt: be^hawán.

ar du š-é gešá ke dār bütant déme buzlangiā gešá, ya-ga buz-langí ešāni demā dār āt, dísti ke mnī jänén go digá ādami-záte gardít, yak gašt déme amāwán rādág büt. tawārāi sará ke āt, jäník äe rā dist. Asán gušt: agá amé kapót āi napás bit, zabr int, agá má bit, mašmā rā ar duwénānā wart. gúđā Asán gušt: ič γusá ma war, tā ā nazík bāit, gúđā man go wāi abár a-dāin. buzlangí ke nazík āt, Asán tawār kurt ke äi buzlangí, amódā bošt. buzlangí na wuštāt u āt. ya-ga Asán kapótā äe rā

Бузланги сказал: «этот голубь и есть моя душа! как только кто-нибудь оторвет ему голову, я умру». Девушка сказала: «я принесу за тебя в жертву того, кто оторвет ему голову!» Бузланги поверил словам девушки и вручил голубя девушке, сказав: «теперь ты забавляйся с ним в те дни, когда меня здесь нет». Девушка сказала: «хорошо». Оба пошли домой.

Через некоторое время бузланги пошел на охоту. Как только он ушел, тотчас же девушка быстро схватила голубя и пошла к Асану. Асан сказал: «лев или лисица?» Девушка сказала: «бог даст, лев! вот его душа, я достала ее». Асан сказал: «где?» Девушка показала голубя. Асан взял голубя у нее из рук и стал рассматривать; потом он сказал девушке: «знаешь, что теперь делать?» Девушка сказала: «нет, не знаю, что теперь?» Асан сказал: «пойдем в ваш дом». Девушка сказала: «я очень и очень боюсь бузланги!» Асан сказал: «если это его душа, ничего не бойся! пойдем!» Девушка сказала: «пойдем».

Оба направились из этого дома к дому бузланги. Бузланги сразу вышел к ним навстречу и увидел: да ведь это моя жена рассказывает с другим человеческим существом! Он тотчас пошел к ним. Когда он подошел на расстояние голоса, девушка его увидела. Асан сказал: «если этот голубь его душа, хорошо; если же нет, он съест нас обоих». Потом Асан сказал: «не беспокойся, пусть он приблизится, тогда я с ним поговорю». Когда бузланги подошел, Асан закричал: «эй, бузланги, стой там!» Бузланги не остановился

nišān dāt. gúšti ke čón int ke anūn ti sarágā psindín? būzlangí ke kapótā dist, tawāri kurt Asánā: äj ādami-zát, ar če a-loťái, man trā dāin tā mni kapótā beďái. Asán gušt: man ša ta digá ičiyā na loťin, magá yak šárte dārin. agá amāe rā bekanāj, gúďa ti kapótā trā dāin, agá má bit, anūn sarágājā sindín. buzlangí gušt: beğúš, če árze dārāj, ar če bit, man a-kanín. Asán gušt: tái buzlangí amā rā ar duénānā wutí puštā bekan, be plāná šārā bar, gúďa man ti kapótā dāin. buzlangí gušt: šar, beýait, mni puštā swār báit.

Asán šišágā prošt, kapótā watí dastá kurt u demá büt, jáník um be padáj. Asán duwārág buzlangí gušt: äj buzlangí, agá ta šor bórāj, ti sarágā sindín. buzlangí gušt ke ič ma trus, man šmā rā na warín. Asán jáníkā gušt ke beyā ke brawán, sawār bāyán. jáník gušt ke man a-trusín. Asán gušt ke ma trus, aī napás be mni dastá int, pa če trusáj? jáník nā ilāj büt, ša wutí jā ustát, Asáni padā rādág büt, ar duén átant, buzlangíyā swār bütant u déme amā šārā ke Asáni gis int, buzlangíyā gušt: amāngurí rādág bāj. buzlangí am amāngurí rādág büt u šut. amé ke šār paidá büt, Asán gušt: nūn amā rā amédā ér kan. buzlangí ke ešānā amédā ér kurt, gúšti: nūn beďait mni kapótā. Asán gušt ke ta amédā

и продолжал подходить. Асан тотчас показал ему голубя и сказал: «что, если я сейчас оторву тебе голову?» Как только бузланги увидел голубя, он закричал Асану: «о рожденный человеком, все, что ты захочешь, я дам тебе, только отдай моего голубя». Асан сказал ему: «я от тебя ничего другого не хочу, но только при одном условии; если ты его исполнишь, я отдам тебе твоего голубя; если же нет, сейчас же оторву ему голову». Бузланги сказал: «скажи, какое у тебя желание; каково бы оно ни было, я его исполню». Асан сказал: «ты, бузланги, посади нас обоих к себе на спину и отвези в такой-то город, тогда я отдам твоего голубя». Бузланги сказал: «хорошо, подходите и садитесь ко мне на спину».

Асан разбил склянку, взял голубя в руки и пошел впереди, а девушка за ним. Асан вторично сказал бузланги: «бузланги, если ты зашевелишься, я оторву тебе голову». Бузланги сказал: «не бойся ничего, я вас не съем». Асан сказал девушке: «давай, пойдем и сядем верхом». Девушка сказала: «я боюсь». Асан сказал: «не бойся, ведь его душа у меня в руках, чего же ты боишься?» Девушке ничего не оставалось делать, она встала со своего места и пошла вслед за Асаном. Оба они подошли, сели на бузланги, и Асан приказал бузланги двинуться к тому городу, где был дом Асана. Бузланги направился туда. Когда показался город, Асан сказал: «теперь здесь нас спусти». Когда бузланги их спустил, он сказал: «теперь отдайте моего голубя».

mnind, amá ke yak kámme šútan, amódā tī kapótā kilán u rawán, gúdā ta biyá, bra. buzlangí ɣaríb gušt: šar. e ke amá ɟigárā šútant, Asán kapótāi sará sist, buzlangí édā murt. Asán u jäník ar du šútant be Asáni ɟesá. amá wadæ ke go pādešá kurt-át, yak šap demá šut be watí ɟisá.

wazíräi jäník ke āi jänén bit, gúšti: äi Asán, čon kurtái? šámā āwúrt-
tāi yā na? ya-ga Asán óši kurt ke tūrág amá jāe ke go buzlangíyā awalién
sarā abár dātag ant, tūrág amódā be woš bütá. wazíräi jäník gušt ke zúte
brá pa padái, beyáräi, agá má yārāi, póši pādešá mnā go tī ɟes u múčānā
pādešāi a-kant. ämé nokén jäník gúšti ke šmā čunén abáre dārít go wat,
man am sī bāin ša šmäi abārā. wazíräi jäník p-e nokén jäníkā ke Asán ša buz-
langíäi demá alás kurtá wu āwurtá, nūn p-ämeší náɣl a-kánt, gúšti: äi dādā,
yak wáxte amá āpái sará ke ta bütág äi, š-amāi sará átan, Asán š-amódā yak
šáme dist, āwúrti, mnā dāt, man um zúrtun, urjínäi tā kúrtun. e šarā ke
átan, man Asānā gúštun ke ämé šamā bar, be pādešá beđäi. Asán um burt,
dāt u át. yak šap gúdā duwārág Asānā loṭítant. pādešá guštá ke ämeší
adigá ballā ša ta dā-šapág a-loṭín, agá dā šapái sará ma yārāi, tī jän u zāgá
múčā pādešāi a-kanín. nūn um Asán no šap int ke pa šamāi padá šutá, nūn

Асан сказал: «посиди здесь; когда мы немного отойдем, мы отпустим твоего голубя и пойдем; тогда и ты подойдешь». Бедняга бузланги сказал: «хорошо». Как только они пошли по земле, Асан оторвал голубю голову, и бузланги тут же умер. Асан и девушка пошли вдвоем в дом Асана. Он попал домой на одну ночь раньше того срока, который был назначен царем.

Дочь визиря, которая стала его женой, спросила его: «ну, Асан, что сделал? принес свечу или нет?» Асан сразу вспомнил, что он забыл торбу в том месте, где он в первый раз разговаривал с бузланги. Дочь визиря сказала: «скорей сходи за ней! если не принесешь, послезавтра царь отберет в казну и меня, и твой дом, и все имущество». Новая девушка сказала: «что вы разговариваете только между собой? я тоже хочу знать, о чем вы говорите!» Тогда дочь визиря стала рассказывать новой девушке, которую Асан освободил от бузланги и привел: «сестрица, однажды мы подошли к той воде, где ты находилась; Асан увидел там свечу, принес и дал мне; я взяла ее и положила в переметную суму. Когда мы пришли в этот город, я сказала Асану: „отнеси эту свечу и отдай царю“. Асан отнес, отдал и вернулся. Ночь спустя, опять потребовали Асана; царь сказал ему: „я хочу от тебя в десятидневный срок пару к ней; если ты в течение десяти дней не принесешь, я тебя самого, твоих детей и все имущество отберу в казну“. Сейчас уже девять ночей с той поры, как Асан отправился за свечей, и теперь он вернулся с пустыми руками,

órká átá, bándā pādešá ešá loṭít. ämé nokén jäník gušt: äj dādā, ič ḡusá ma war, ā čize ke pādešá ša Asán loṭítá, bāz yak čize āsānen. ā rangén čiz go man bāz int, ič na ta ḡusá bor, na Asán. bándā ke roč büt, man paǰdá a-kanín. wazíräi jäník gušt: ā rang bit, bāz u bāz jwanén käre bit.

ämé nokén jäník wazíräi jänikā gušt: äj dādā, man go ta yak muslaháte kanín, agá ta rāzī a-baäi. wazíräi jäník gušt: beḡúš, dādā, ā čunén muslaháte bit ke man rāzī ma baín. e jäník gušt: agá tī muslahát bit, šapí yak mullāe paǰdá kan ke mnī aḡdá go Asán bandít. wazíräi jäník gušt: bāz u bāz jwán int, ta p-amešī ḡúštäi ke agá tī muslahát bit, eš u yak āsānen abāre, ta um mnī ḡwār äj, mašmā rā ar duénānā Asán a-sātít. nokén jäník gušt ke äj dādā, mnī ák int ke ša ta salā kanín, pä če ke ta Asáni jänén äj, tī dilā ma ḡit ke e jäník ša ḡujāngū át u be salā u be muslahátā mnī mardā gipt. wazíräi jäník gušt: na, dādā, ā rang näint, albáta káse ke trā āwurtá, albát trā loṭít ke āwurtá. agá ma loṭitin, albatá š-amódā näy-āwúrti. ešāni abár äméda alás büt.

wazíräi jäník "utí muzúrā gušt ke beḡá, mullāe paǰdá beḡán u biyár. muzúr šut, mullāe paǰdá kurt u āwúrt. nān ke wártant, wazíräi jäník mullāā

а завтра царь его позовет!» Новая девушка сказала: «сестрица, не беспокойся ни о чем; то, что царь от Асана требовал, очень легко! у меня много таких вещей; не беспокойтесь ни ты, ни Асан! завтра, когда рассветет, я до стану». Дочь визиря сказала: «если так будет, то будет очень и очень хорошо».

Эта новая девушка сказала дочери визиря: «сестрица, я хочу с тобой посоветоваться, если ты согласна». Дочь визиря сказала: «говори, сестрица! что́ это за совет может быть, на который бы я не соглашалась!» Девушка сказала: «если ты не возражаешь, отыщи вечером муллу, чтобы он обвенчал меня с Асаном!» Дочь визиря сказала: «очень и очень хорошо! потому-то ты и сказала мне: „если ты не возражаешь!“ но это ведь легкая вещь: ведь и ты моя сестра, и о нас обеих будет заботиться Асан». Новая девушка сказала: «сестрица, я должна у тебя спросить, потому что ты жена Асана и чтобы ты не обиделась, что вот, де, пришла откуда-то эта девушка и без разговоров и без спросу забрала моего мужа!» Дочь визиря сказала: «нет, сестрица, совсем не так! конечно, раз человек тебя привел, значит он тебя хочет, если привел! если бы не хотел, конечно, не привел бы оттуда!» На этом их разговор окончился.

Дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи муллу». Слуга пошел, отыскал и привел муллу. Когда они поели, дочь визиря сказала мулле:

gušt: mullá sáib, amé jánik ke tí demá ništá, go me Asán nām aydāi band. mullá gušt wazírāi jánikā ke e jánike yā janozáne? wazírāi jánik gušt: e jánike. duwārāg mullá gušt ke e jánik wat Asánā loṭit yā Asán āe rā loṭit? wazírāi jánik gušt ke awál amé jánik Asánā loṭit, gúḍā Asán āe rā loṭit. mullá gušt: šar. wābānī waxtá ešānī aydá bast u šut.

tārī ke roč büt, amé nokén jánik ke go Asán átá, amá wutí pitinkānā gašt, yak šáme paḍdāi kurt u Asánā dāt, gúšti: bar, pādešā beḍāy u byā. Asán zurt u šut be pādešāā gisā. ódā ke šut, saláme dāt u ništ. pādešā gušt: čon int tí awā? Asán gušt: duwāgú wun šmāi sarā. yak kámme ništ u gúḍā amé šamá Asán ša watí tūrāgāi tā dārī kurt u pādešāāi demá išt. pādešā gušt: āi Asán, e čé-ye? Asán gušt: e amá int ke mnā pa paḍāi dem dātāi. pādešā íčči na gušt. Asán bād¹ yak u du sātā gúḍā pādešāā gušt: anūn man ruxsát a-baín. pādešā gušt ke ruxsát āi, parzínđ. Asán ustát u át "utí gešā. gešā ki sar büt, ar ḍu jánení yak zubān a-pursítant ke šamá čon kurtāi? Asán gušt ke íči na kúrtun, šamá búrtun, dātun be pādešā, átun. jánení pursítant ke pādešā deḡá íči na pursít? Asán gušt: deḡá ša man čéwā pursít? amá čize ke āi ša man loṭit, man búrtun, dātun. š-āi bil u š-ešī goš kaš.

«почтенный мулла, обвенчай эту девушку, которая сидит перед тобой, с этим Асаном». Мулла сказал дочери визиря: «это девушка или вдова?» Дочь визиря сказала: «это девушка». Вторично мулла спросил: «эта девушка хочет Асана или Асан ее хочет?» Дочь визиря сказала: «во первых, эта девушка хочет Асана, а затем Асан ее хочет». Мулла сказал: «хорошо». Ночью он совершил их брак и ушел.

На утро, когда рассвело, новая девушка, которая пришла с Асаном, стала перебирать свои пожитки, нашла свечу, дала Асану и сказала: «отнеси царю, отдай ее и приходи». Асан взял и пошел к царю в дом. Когда он пришел туда, он поклонился и сел. Царь спросил: «как ты поживаешь?» Асан сказал: «мозельщик о вашем благополучии!» Он немного посидел, потом вынул из своей торбы свечу и положил перед царем. Царь сказал: «что это, Асан?» Асан сказал: «это то, за чем ты меня посылал». Царь ничего не сказал. Асан через час или два сказал царю: «теперь я прошу разрешения!» Царь сказал: «иди, сынок». Асан встал и пошел домой. Когда он добрался домой, обе жены в один голос стали спрашивать: «что ты сделал со свечой?» Асан сказал: «ничего не сделал; отнес свечу, отдал царю и пришел обратно». Его жены спросили: «царь больше ничего не спросил?» Асан сказал: «что еще ему с меня спрашивать? то, что он с меня требовал, я принес и отдал!» Оставь теперь его и послушай об этом.

bádi dā-bist ročá gúḍā yak nokáre Asáni gešái sará brābir büt, sāiI kurt ke e gešái tā čunén du juwānén ĵenén ništá. š-amédā šut, be pādešāā. gúštI: äĵ pādešā, man maróči yak číze dístun ke ĵuṭ äĵrān mántun. pādešā. gušt: če distág äĵ, beġuš. nokár gušt ke ämédā yak mardúme ast, du ĵenén dārít, tái pādešā apt ĵenén dārái, tī ar aptén ĵenén āi amá gandágen ĵenénäĵ molíd ant. pādešā gušt: šar, bas int, beṛá pa watí rāā. nokár ke ša gešá dár büt, pādešā mardúme pa wazíräĵ padá démI dāt. wazír ke āt, pādešā gušt: ämé Asán námā, čon ziyán pkanán? wazír gušt ke ta beṛá ke ešā beġušán ke ša ta ša débi syáyi bāġái balġán dā šapág loĵín; agár da šapá sará ma yārái, gúḍā tI geš u mālā múčā pādešái a-kanín. pādešā gušt: badén dalíre näĵnt, šar, bāndā loĵíni.

bāndā ke roč büt, pādešā pa Asáni padá yak nokáre démI dāt, Asánā zurt u āt. Asán ke pādešāāyā āt, pādešā gušt ke äĵ Asán, man ša ta dā šapág ša débi s'yā bāġái balġán loĵín. agá dā šapái sará má yārái, gúḍā tI geš u mālānā pādešái a-kanín. Asán ĵawáb íči na gušt u ša gešái dar büt, āt "utí gešá. ĵenénī ša Asán pursítant ke pādešā ša ta čéwā loĵít? Asán gušt ke pādešā ša man dā šapág ša débi siyái bāġái balġán loĵít, agá dā šapái sará ešā ma yārái, gúḍā tI gešá ābādiyā pādešái a-kanín. ĵenénI gúštant ke

Десять-двадцать дней спустя один слуга поровнялся с домом Асана и заглянул: что за две красавицы сидят в доме! Он пошел отсюда и сказал царю: «царь, я сегодня видел одну такую вещь, что прямо изумился». Царь сказал: «говори, что ты видел». Слуга сказал: «здесь есть один человек, и у него есть две жены; хотя ты царь, и у тебя семь жен, но все твои семь жен годны лишь в служанки его худшей жены». Царь сказал: «хорошо, довольно, иди своей дорогой». Когда слуга вышел из дому, царь послал человека за визирем. Когда визирь пришел, царь сказал: «как бы уничтожить этого Асана!» Визирь сказал: «давай, скажем ему: „я требую от тебя в десятидневный срок листьев из сада черного дива; если ты через десять дней не принесешь, тогда я отберу в казну твой дом и все имущество“». Царь сказал: «не плохой совет! хорошо, завтра я позову его».

На утро, когда рассвело, царь послал слугу за Асаном, тот забрал Асана и пришел обратно. Когда Асан пришел к царю, царь сказал: «Асан, я требую от тебя в течение десяти ночей листьев из сада черного дива; если ты через десять ночей не принесешь, тогда я твой дом и имущество отберу в казну». Асан ничего не сказал в ответ и удалился; пришел домой. Его жены спросили у Асана: «чего царь от тебя хочет?» Асан сказал: «царь требует от меня в течение десяти ночей листьев из сада черного дива: если ты, мол, не принесешь их через десять дней, тогда я твой дом и имущество отберу

ta débi s'yái bāgá distág äi? Asán gušt ke gujá man syā wu sepéti distág un? jēnēni gušt ke nāpā čón a-kanái? Asán gušt: čón a-kanín? raín pa padái, agá paidá kanín, kārín; ma kanín, gúdā pādešá mnā kušit, šmā rā pa wat a-bárt. Asáni ar duén jēnén gústant ke amá pādešā pa ta xāirát a-kanán. amé abārānā dātant u Asán gušt: nūn man a-raín, be débi syái šārā raín. jēnēni gústant: šar ke rawái, berá. agá distái, sāil kaná ke débi syái bāgái tā ar dāwlái jēnawár paidá bit ke mardúm a-waránt. Asán gušt: äi jēnén, ar če ke mnī pešānīy a-bit, amāw a-bit. amēšānā gušt u Asán ša gešái dar büt u šut.

šápe jāe, róče jāe, šut be yak rodái kirá, sáli kurt ke e rod čon púr int ša āpá. yak káme ništ, dalíri kurt, utí dilá, gušt ke äi, omét be xudá, byā ke š-amé rodá begwazín. watí pučānā kašit, utí sará bast u wat rā be rodá jat. ša rodá ke gwast, áškāi kerá dár büt, utí pučānā gwará kurt u šut. yak tukúre rá ke šut, ša dūrā yak šāre mālúm büt, šut déme amá šārā. nemašāmī be me šārā sár büt, amédā yak koná gisá tā ništ. šap nemágā š-é gešá dar büt u ya káme rá ke šut, yak ga Asáni demá yak mardúme dar át. Asán gušt: äi berás! aī gušt: če? Asán pursit ke e šār kí int? ā mardúm jawáb dāt ke e šār débi syā int, Asán íci na gušt u pādā déme amaxtīen gešá šut, pādā amé tā ništ.

в казну!» Его жены сказали: «ты видал сад черного дива?» Асан сказал: «где там я видывал черное и белое?» Жена сказала: «тогда что же ты будешь делать?» Асан сказал: «что буду делать? пойду за ними; если отыщу, принесу; не найду, — тогда царь меня убьет, а вас заберет к себе». Обе жены Асана сказали: «мы принесем царя в жертву ради тебя!» Они проговорили эти слова, и Асан сказал: «ну, теперь я пойду в город черного дива». Его жены сказали: «хорошо, раз идешь, иди! если найдешь, будь осторожен, потому что в саду черного дива находятся всякие звери, которые едят людей». Асан сказал: «эх, жены, что мне предназначено, то и будет!» Асан сказал это, вышел из дому и пошел.

Ночь в одном месте, день в другом месте, добрался он до берега одной реки и стал смотреть: «что это река так полноводна!» Он немного посидел, подумал, сказал про себя: «ну, надежда на бога, дай-ка, переправлюсь через эту реку!» снял свое платье, привязал к голове и бросился в реку. Он переправился через реку, вышел на том берегу, надел свое платье и пошел. Прошел он немного по дороге, вдали показался город; он пошел к этому городу, в сумерки добрался до города и остановился там в одном старом доме. К ночи он вышел из этого дома, и когда немного прошел по дороге, ему встретился один человек. Асан сказал: «эй, брат!» Тот сказал: «что?» Асан спросил: «чей это город?» Тот человек ответил: «это город черного дива». Асан ничего не сказал, пошел обратно к прежнему дому и там остался.

šap ke āxír büt, Asán ša gešá dar büt u déme débi syái bāgá šut. bā-gāi dapá ke šut, dísti ke múči ɣarāwúl waptág ant. Asán kará-kará šut be débi syái bāgái tā, š-amá čize ke pa kār dāšt, amáe rā zurt u utí tūrágā tā kurt u ya káme dalíri kurt, utí dilá gušt ke äi, ta beyá ke ämé bālā-xānāai sará bālā bāin ke cé ast. sad dilá yak díli kurt, bālā büt. be bālā-xānāai sará ke bālā büt, dísti ke yak gešai tā čiráge sučit. šut déme amá gešá. gešá dapá páči kurt u gešá tā šut, sáli kurt ke e gešá tā čunén jwānén jī-níke waptá. yak čiráge sarúnai yer int, yáke pādúnai yer int wa eší gwará čil jāmág ant wa čil šalwār ant wa be sarai čil dasmál bastá. Asán sarúnai čirágā zurt, pādúnai išt, pādúnai čirágā zurt, be sarúnai išt, ša pučāni ša sarai si wu nó dasmálai páči kurt, wa si wu nó jāmágai ziyá páči kurt wa si wu nó šalwārai aijnjágā páči kurt, yāk čúke š-é demai gipt, yáke š-á demai gipt u ustát. Asán kasāniyā yak káme wānt-at, yak káme xatá zānti, na ke bāz. ämé gešá tā kágād u ɣaláme yer at. Asán ämé kágādān wa ɣaláme zurt u utí nāmá wa utí pisā nāmá wa gujām šārā ke ništ, niníst u amá kā-gadāni tā išt, wat ša gešá dār büt. ič ka āe rā na dist, dār but u šut. amā rāe ke át-at, be mā rāā pādā šut. š-āi bil u ša jenikā goš pkaš.

Когда ночь была на исходе, Асан вышел из дома, пошел к саду черного дива, и когда подошел к воротам сада, увидел, что все сторожа спят. Асан потихоньку вошел в сад черного дива, взял, что ему было нужно, положил в свою торбу, немного подумал и сказал про себя: «дай-ка, я взберусь на вышку! что там такое?» Сто сердец соединил он в одном своем сердце и взобрался наверх. Когда он поднялся на вышку, он увидел, что в одной комнате горит огонь. Он пошел к этой комнате, открыл дверь комнаты, вошел в нее и посмотрел: что за красавица девушка спит в этой комнате! Один светильник стоит у нее в головах, другой в ногах, на ней сорок рубашек и сорок шальвар, а на голове сорок платков. Асан взял светильник от изголовья и поставил в ногах, а от ног светильник поставил к изголовью; из одежд раскрыл тридцать девять головных платков, расстегнул тридцать девять рубашек и распустил завязки у тридцати девяти шальвар; потом поцеловал ее один раз с одной стороны, другой раз с другой стороны, и встал. В детстве Асан немного учился и знал немного грамоту, не очень много. В этой комнате была бумага и перо. Асан взял бумагу и перо и написал свое имя, имя своего отца и в каком городе он жил, — все обозначил на бумаге и сам вышел из комнаты. Никто его не видал, он вышел и пошел назад по той самой дороге, по которой пришел. Оставь теперь его и послушай про девушку.

tārī ke roč büt, jeník ša watí jǎá ke ustát, púci ša gwarǎi káptant. édā jeník ajrǎn mǎnt ke e čonén kǎre büt. pučǎnā gwarǎ kurt u šut be ɣarǎwúlāniyā, xášmī kurt. pa ɣarǎwúlāni jǎnǎ gúšti: doší édā kǎi ātá? ɣarǎwúl gústant: dóši édā ič ka nǎi ātá. jeník ešǎnā bāzen dušmáne dāt u pādā šut utí gešǎ. gešǎi tā ke sǎiǎi kurt, dísti ke āmédā yak kǎgáde kaptá. jeník kǎgádā ke zurt, sǎiǎi kurt ke e mardúmǎi nām Asán int. dalír a-kurt ke ešǎ čon paǎdǎ kanǎn? yak gašt utí dilǎ gušt ke ta beyǎ ke be padǎi berǎin. yak ga utí jenen-zǎgién pučǎnā dǎri kurt u utí gwarǎ mardén-zǎgién puč kurt u ša gešǎ pa bǎnǎǎi ammāmā dǎr büt u šut, šǎrǎi tā š-é kučǎ, s-ǎ kučǎ gwast, ya gašt ša šǎrǎ dǎr büt u démǎi Asáni rǎhǎ utí demǎ dāt u šut.

yak čunt sāt rǎ šut. yak ga eši demǎ yak róde dǎr āt. e jeník āmeši kerǎ. gǎšti pa gudǎre ke š-ámé rodǎ beɣwazít. ámé rangǎ šúti ke yak ga dísti ke be demǎi yak mardúme ništǎ, amé gudǎrǎi sarǎ ništǎ. jeník nazík āt, Asán um wat rǎ be rodǎ jat. yak ga jeník ešǎ tawǎr kurt ke āi mardúm, ta yak káme bošt ke man beyǎin. Asán jeníkǎ jawáb dāt ke ta ša man čéwǎ loťǎi ke mnǎ ša mnī rǎ mǎtál a-kanǎi. duwǎrǎg jeník tawǎr kurt ke āi berǎs, pursitínā āibe

Утром, когда рассвело, как только девушка поднялась со своей постели, ее одежды с нее упали. Девушка изумилась: что такое случилось? Она надела на себя платье и отправилась к сторожам; рассердилась и сказала сторожам: «кто приходил сюда прошлой ночью?» Сторожа сказали: «прошлой ночью сюда никто не приходил». Девушка их сильно выбранила и пошла назад к себе домой; дома осмотрелась и увидела, что вот упала какая-то бумага. Девушка взяла бумагу, посмотрела и увидела, что имя этого человека Асан. Она стала раздумывать: «как бы мне его разыскать?» и сказала самой себе: «дай-ка, я отправлюсь вслед за ним!» Она сняла свои женские одежды, надела на себя мужское платье, вышла из дому будто бы в баню и пошла; походила по городу из одной улицы в другую, наконец, вышла из города, направилась в сторону Асановой дороги и пошла.

Несколько часов она шла по дороге. Навстречу ей попалась река. Девушка стала бродить по берегу в поисках брода, чтобы переправиться через реку. Так она ходила, как вдруг увидела, что с краю сидит человек; сидит у самой переправы. Девушка подошла близко; Асан бросился в реку. Девушка тотчас закричала ему: «эй, человек, подожди немного, я подойду!» Асан ответил девушке: «что ты хочешь от меня, что задерживаешь меня на моей дороге?» Вторично девушка закричала: «брат, ведь нет греха в вопросе! как

näint, tī nām ká int? Asán jawáb dāt ke albatá ke áibe näint, mni nām Asán int. jeník gušt: ša gujám šār a-kāāi? Asán jeníkā jawáb dāt ke äi berās, ta mardúme ziyán kurtág äi, če ke sój a-kanái? jeník gušt ke bálke mardúme zyān kurtág un, ta begúš ke ta ša gujám šār a-kāāi. Asán gušt ke man rāstínā gušín yā na? jeník gušt: agá musulmáne baāi ke rāstínā gušāi, durógā na gušāi, agá musulmáne ná-wāi ke āngūrī "utí ixtiyārā dārāi. Asán gušt: rāstínā begušín, man ša débe siyāi šārā káin. jeník gušt: nápa ta ar jā rawāi, man tī padá wun. Asán gušt ke ta čunéne wāi ke mán-i bābāe γarībāi padá kāāi? jeník gušt ke agá γaríbe wāi yā gadāe wāi, man tī padá wun, ar jā berawāi. Asán d^warág gušt: äi mardúm, ta čunéne wāi? "utí nāmā wa utí aslá beguš. jeník gušt ke man plāná pādešāā jeník un ke be débe syāi dastá kaptág un. sāi sāl int ke man be débe syāi dastá kaptág un, plāná šapá man be bālā-xāná waptá bütá un, ta be mnīā nāy átag äi? mni čirágānā na gardéntag äi? gúdā xáte na nimístag äi ke mni nām Asán int, plāná kási zāg un? xatá gešá tā na peréntag äi? ta amá mardúm ná-wāi? Asán gušt: ástun. jeník gušt ke astāi, ar jā ke ta rawāi, man tī padá wun. Asán gušt: šar. e ar duén yak jā bütant u šútant.

тебя зовут?» Асан ответил: «конечно, греха нет! мое имя Асан». Девушка сказала: «из какого города ты идешь?» Асан ответил девушке: «брат, ты человека потерял, что ли, что так спрашиваешь?» Девушка сказала: «именно человека потерял; ты скажи, из какого ты идешь города?» Асан сказал: «по правде сказать или нет?» Девушка сказала: «если ты мусульманин, скажи по правде, не лги! если же не мусульманин, тогда поступай по своему усмотрению». Асан сказал: «сказать по правде, я иду из города черного дива». Девушка сказала: «ну, так куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «кто ты, что хочешь следовать за мной, бедным странником?» Девушка сказала: «если ты даже странник или нищий, я за тобой последую, куда бы ты ни пошел». Асан вторично сказал: «эй, человек, кто ты таков? скажи свое имя и происхождение». Девушка сказала: «я дочь такого-то царя, которая попала во власть черного дива, и вот уже три года, как я попала во власть черного дива; это я в такую-то ночь спала в вышке! разве ты не приходил ко мне? не переставлял мои светильники? не писал затем письма, что мое, де, имя Асан, сын такого-то? не оставлял затем в доме это письмо? разве ты не тот человек?» Асан сказал: «тот». Девушка сказала: «если ты тот, тогда куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «хорошо». Они сошлись вместе и пошли.

šápe jáe, róče jáe, čunt šapá gúḍā be Asáni gešá šútant. áḍā ke šútant, amé ĵeník Asánā gúšti ke man trā gerín, mullāe belót, mnā go wat aḡd kan. Asán gúšti: man du ĵenén dārín, ta čon mnā giráĭ? ĵeník gušt ke agá dā ĵenén dāštá baāĭ ke yáke mán un. Asán ar če ke gušt, eší kabúl na kurt. gúḍā Asáni awálen ar du ĵenén Asánā gúštant ke äĭ Asán, ā ĵeník ša watí pešāniā nán a-wárt, ta pa če āe rā gušāĭ ke man du ĵenén dārín? Asán káme dalír kurt utí dilá, gušt: äĭ beyá ke ešá am bgirín. ustát u šut, mullāe āwúrt u e ĵeníkā go wat áḡdí kurt.

du šapá gúḍā amá balgánā zurt u šut be pādešāāĭ gešá. áḍā ke šut, salāmi dāt u ništ, yak sáte ke ništ, gúḍā amé balgánā be pādešāāĭ demá išt. pādešá gušt: e čé-want, parzind? Asán gušt: e amá balg ant ke mnā pa padāĭ dem dātāĭ, man šútun, āwúrtun. pādešá gušt: šar, parzind, nūn ruxsát äĭ, berá utí gešá. Asán ustát u āt utí gešá. gešá ke āt, ĵenéní pursítant ke čon kurtáĭ? Asán gušt: íčĭ na kúrtun, balgánā dātun u átun.

yak čunt ročá gúḍā duwārág Asáni gešá yak nokáre āt. ya káme ništ u eší gešá wa ĵenénā sáli kurt u pādā šut. šut be pādešāyā, gúšti: äĭ pādešá, Asán nūn go wat yak ĵenéne āwurtá ke āí awálāĭ ar duén ĵenén wa tí ar aptén ĵenén amé nokén ĵenén ke āwurtá, ameší molíd ant. pādešá gušt: ta

Ночь в одном месте, день в другом, через несколько дней они дошли до дома Асана. Когда они подошли, тогда девушка сказала Асану: «я тебя возьму (в мужья), позови муллу и обвенчай меня с собой!» Асан сказал: «у меня уже две жены, как же ты возьмешь меня?» Девушка сказала: «если бы у тебя было даже десять жен, так я буду одной из них!» Что Асан ни говорил, она не соглашалась. Тогда первые две жены сказали Асану: «эта девушка хочет испытать предназначенное ей! зачем же ты говоришь ей: „у меня уже две жены?“» Асан про себя немного подумал и сказал: «ну, давай, возьму и ее!» встал, пошел, привел муллу и обвенчал с собой эту девушку.

Через две ночи он взял те листья и пошел в царский дом. Он пришел туда, поклонился и сел; немного посидел и положил те листья перед царем. Царь сказал: «что это, сынок?» Асан сказал: «это те листья, за которыми ты меня посылал; я сходил и принес». Царь сказал: «хорошо, сынок, теперь ты свободен, иди к себе домой». Асан встал и пошел к себе домой. Когда он пришел домой, его жены спросили: «ну, что ты сделал?» Асан сказал: «ничего не делал, отдал листья и пришел».

Несколько дней спустя, опять в дом к Асану пришел один слуга; немного посидел, посмотрел его дом, его жен и ушел обратно. Он пошел к царю и сказал: «о царь, теперь Асан привел с собой такую жену, что его обе первые жены и все твои семь жен только служанки той новой жены, которую он привел».

čewā gušāi? nokár gušt: amé ke gušín, amé rang ast. pādešā gušt: bra, wazírā tawār kan ke bāit. nokár šut, wazírā gušt ke trā pādešā loṭít. wazír āt, be pādešā gúšti: če? pādešā gušt: e mardákā čon ziyán a-kanāi? ešā ke ar sūne ke dém a-daāi ke e ziyán bīt, e bāz š-amāngū go wat yak-yak jwānén jānīk a-kārīt? ešī ilājā čon a-kanāi? wazír gušt ke ta byā ke yak dalíre digár am mašmā bekanán. pādešā gušt: če dalíre bekanán? wazír gušt ke tái pādešā Asánā belóṭ, begúš ke mán-i pādešā ša tái Asán dā ročág ša murdagén mardumán awál a-loṭín, ke awānī awál čón int, agá dā ročā sarā ma gušāi, gúdā tī sar u mālā múčā pādešāi a-kanín. pādešā gušt: šar, ešā am kanín.

bāndā ke roč būt, yak mardúme pa Asánī padā dem dāt. Asán ke pādešāyā ke āt, salāme dāt u ništ. pādešā gušt: Asán, zānāi, muslāt čé int? Asán gušt: na zānín ke muslāt čé int. pādešā gušt: muslāt amēš int ke tái Asán dā ročág bāid ša murdagán amā rā awál beḏāi, agá dā ročāi sarā awál ma daāi, gúdā tī sar u mālā múčā pādešāi a-kanín. Asáne ḡarīb aṭrān būt ke e čunén abāre. ustāt u šut déme utí gešā. gešā ke sár būt, jenén pursítant ke pādešā ša ta čewā loṭít? Asán gušt: pādešā ša man murdagānī awālanā pursít, mnā gušt ke ša ta dā ročág ša murdagán awál

Царь сказал: «что ты говоришь?» Слуга сказал: «как я говорю, так и есть». Царь сказал: «иди, позови визиря, пусть придет». Слуга пошел и сказал визирю: «царь тебя требует». Визирь пришел к царю и сказал: «что?» Царь сказал: «как бы тебе уничтожить этого человечка? в какую сторону ты ни посылаешь его, чтобы он погиб, он оттуда опять приводит с собой красивую девушку; какое ты найдешь средство от него?» Визирь сказал: «давай, испытаем еще другое средство». Царь сказал: «какое же средство испытаем?» Визирь сказал: «ты, царь, позови Асана и скажи: „я, царь, требую от тебя, Асана, в десятидневный срок сведений о положении мертвых людей, каково их состояние; если ты через десять дней не скажешь, тогда я твою голову и имущество отберу в казну“». Царь сказал: «хорошо, сделаю и это».

На другой день, когда рассвело, он послал человека за Асаном. Асан пришел к царю, поклонился и сел. Царь сказал: «Асан, знаешь, в чем дело?» Асан сказал: «в чем дело, не знаю». Царь сказал: «дело в том, что тебе, Асану, надлежит в десятидневный срок дать нам сведения о положении умерших; если через десять дней не сообщишь, тогда твою голову и все твое имущество я отберу в казну». Бедняга Асан изумился: что это за слова! встал и пошел к своему дому. Когда он добрался до дома, его жены спросили: «что царь хочет от тебя?» Асан сказал: «царь спросил у меня о положении умерших! он сказал мне: „я требую от тебя в десятидневный срок сведений

a-loṭín. amá awalén ar du ḡenéní gústant: pādešá ganóke yā ta Asán ganóke wāi? š-amá awálen ḡenénān yáke gušt: amé pādešá go ta čap kaptá, eš kāit ke trā ziyán bekánt. Asán gušt: šar, nūn mušlāt čé int? amé nokén ḡenéní gušt: čéwā mušlāt? Asán gušt: na ke pādešá ša man dā šapág murdagāni awál a-loṭít? amé nokén ḡenéní yak káme dalír kurt.

Asán šarā šut-át, ša šarā ke Asán āt, amé nokén ḡenéní ešá tawār kurt, gúšti: āi mard, zānāi ke mušlāt čé int? Asán gušt: man nūn ícīā na zānín ke mušlāt čé int. ḡenéní gušt: man a-zānín, agá ta mnī abārā bezūrāi, man e gaští yā pādešá z'iyán a-kanín yā trā. Asán gušt: mnī dastāi kāre bit, kanín; agá na, ša man zór büt, ke ícī. ḡeník gušt: bzūrāi, abāre nāint. Asán gušt ke begúš ke čunén abāre? ḡeník gušt: ta yak kámke paídá pkan, beyár. Asán kámke paídá kurt u āwúrt. ḡeník gušt ke bar, be maídānā mnādén, du yā sāi čugóg begír u beyár. Asán šut, du čugóg gipt u āwúrt, ḡeníkā dāt. ḡeník čugógānā zurt u čerī kurt. Asānā gušt: berá, pādešá begúš ke du azár uštúrāi bār dār paídá pkan wa sad man naptāi rogin, gúdā man trā ša murdagān awál a-dāin. pādešá du azár uštúrāi bār dār āwúrt, be yak maídāne perént wa sad man naptāi rogin. Asānā loṭít. Asán sāili kurt u šut, utí

о положении умерших“». Первые две жены сказали: «или царь сошел с ума или ты, Асан, сумасшедший!» Из первых жен одна сказала: «царь с тобой не в ладах и хочет тебя погубить». Асан сказал: «хорошо, но что же теперь посоветуете делать?» Его новая жена сказала: «что же посоветовать?» Асан сказал: «так разве царь не требует с меня в десятидневный срок сведений о состоянии умерших?» Его новая жена немного задумалась.

Асан ходил в город, а когда он вернулся из города, его новая жена позвала его и сказала: «знаешь, муж, что надо сделать?» Асан сказал: «нет, что теперь делать, совсем не знаю!» Его жена сказала: «я знаю, и если ты послушаешь моих слов, на этот раз я или царя погублю или тебя». Асан сказал: «что смогу, сделаю; если же не смогу и окажется выше моих сил, тогда ничего не поделаешь!» Девушка сказала: «сможешь, слов нет!» Асан сказал: «скажи же, в чем дело». Девушка сказала: «найди и принеси какую-нибудь птичью ловушку». Асан нашел ловушку и принес. Девушка сказала: «отнеси ее, поставь в степи, поймай двух-трех воробьев и принеси их». Асан пошел, поймал двух воробьев, принес и отдал девушке. Девушка взяла воробьев, спрятала и сказала Асану: «иди и скажи царю: „доставь две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, тогда я сообщу тебе об умерших“. Царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, сложил на площади и позвал Асана. Асан посмотрел, пошел к своей

ḡenénā gušt ke pādešā du azār uštúrāḡ bār dār wa sad man naptāḡ roḡín āwurtá u plāná maḡdānā ištā. ḡenénī gušt: šar, ta nūn yak káre bekán: šapí berá, amódā ar če ke naptāḡ roḡín ant, amāwānā be mā dārānī sará pāš dāḡ yā beréc, bíl, beyá. Asán šut u amódā ar če naptāḡ roḡín átan, múcānā be mā dārānī sará ret u pādā āt. tári ke roč būt, Asānī ḡenén Asānā gušt ke berá, pādešā begúš ke ar ka ke murdáḡ dārít, bāndā tái pādešā āe rā síy a-kanāḡ, ke be mā dārānī jā báḡt. pādešā am tári šārāḡ mardúmānā múcānā sí kurt ke ar kas ke murdáḡe dārít, tári palāná dārānī jā berót. šārāḡ mardúm tári múči be mā dārānī jā šútant.

š-āí bil u ša Asānī ḡenénā goš pkaš ke Asānā pánt dāti ke mašmá ke šútān, ta begúš ke šmā mardúm múče be dārānī sará bālā báḡt; mardúm ke bālā bútant, gúḡā man am go ta kāín, čugógānā am go wat zúran, man u ta am ša āwān burzaktír a-rawán, koštán. wáxti ke šútān, oštátān, ta tawār pkan ke degár mardúm ast yā na; amé ke gúštant ke na, gúḡā ta begúš ke nápa šmā múče sáḡl kanit ke man šmā rā ša šmāḡ murdagán awál a-dāín. Asán u ḡenénī šútant be dārānī sará bālā bútant. Asán tawār kurt ke degá mardúm ast yā na? pādešā gušt: náḡnt, zūt pkan!

жене и сказал, что царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину и сложил на такой-то площади. Его жена сказала: «хорошо, теперь сделай вот что: сегодня ночью сходи туда и, сколько ни есть там керосину, весь его разбрызгай или разлей по дровам, оставь так и приходи». Асан пошел и, сколько там ни было керосину, весь его вылил на дрова и вернулся. Утром, когда взошло солнце, жена Асана сказала: «иди и скажи царю: „завтра ты, царь, объяви, чтобы каждый, у кого есть умершие, пришел к тем дровам!“» Царь утром же объявил всем жителям города, чтобы каждый, у кого есть умершие, отправился к таким-то дровам. На утро все жители города отправились к этим дровам.

Оставь это и послушай про жену Асана, которая дала Асану такой совет: «когда мы с тобой пойдем, ты скажи людям: „теперь все вы подымитесь на эти дрова“; когда они поднимутся, тогда придем и мы с тобой, и возьмем с собой воробьев; мы с тобой подыдемся выше их и остановимся. Когда мы пойдем и уже остановимся, ты закричи: „есть еще другие люди или нет?“ когда скажут, что нет, тогда ты скажи: „ну, так, теперь вы все смотрите! я вам покажу состояние ваших умерших“». Асан и его жена пошли и поднялись на дрова. Асан закричал: «есть еще люди или нет?» Царь сказал: «нет, поторопись

ar čize dārāĭ, nišān bdāĭ. Asán gušt ke šmā múče sāĭl pkánit, anūn šmā rā ša šmäĭ murdagān awāl a-daĭn. Asán yak čugóge yálá kurt, yak sāt gúđā ye digá čugóg yállá kurt, amé ke duyumíen čugógā yálá kurt, Asáni ĵenén Asánā gušt ke awlakí ma baáĭ, man trā zūrín, ĵalágā ér a-kapín. Asán gušt: šar. ya-ga Asáni ĵenén ša wutí bagálā gogírde dār kurt u kašít u peřént. Asánā čo bāze zurt, watí bagálā kurt u be awā šut, dūrā ša dārān, ša awā er āt, be deġarā ništ u déme mardúmān sāĭl kúrtant ke e mardúm wa pādešā múči ámédā bun giptág ant u sotág ant. káme sáĭliš kurt u šútant watí gisá. ádā ke šútant, Asáni adigá ar duén ĵenéní ša Asánā pursítant ke čon kurtít? Asán gušt ke íči na kúrtan, pādešā wa wazírā wa bāzén mardúme rā go naptáĭ roġinā bun dātan u átan, digá káre na kurtá-yan.

sāĭ čār ročá gúđā ámé šārāĭ mardúme ke mánt-atant, amé mardúm Asánā ámé šārāĭ pādešā kúrtant. gúštant ke e mardúm bāz u bāz šiwāren mardúme-e. š-amódā ĵístun u átun. amé rang ke xudá Asáni murádānā dāt, ĵamí bandágāĭ murádānā xudá bdant. ámé asmānákā man Mamat-nūr Kalandári zāg ša Mír-xān námen mardúmā zúrtun, bi Saráxsi watánā.

и показывай, что у тебя есть». Асан сказал: «вы все смотрите! теперь я покажу вам состояние ваших умерших». Асан выпустил одного воробья; немного спустя выпустил еще воробья. Когда он выпустил второго воробья, жена Асана сказала ему: «не торопись, я тебя возьму и спущу вниз». Асан сказал: «хорошо». Тотчас жена Асана стала вынимать из-за пазухи спички, зажигать и бросать их. Она взяла Асана, точно сокола, положила его за пазуху и поднялась на воздух, и опять спустилась с воздуха и села на землю уже далеко от дров. Они посмотрели на людей: и люди, и царь, все там зажглись и горели. Они немного посмотрели и пошли к себе домой. Когда они дошли туда, обе другие жены Асана спросили его: «что вы сделали?» Асан сказал: «ничего не сделали, только подожгли керосином царя и визиря и множество народу, и пришли, а больше ничего не сделали!»

Через три-четыре дня оставшиеся в городе жители сделали Асана царем этого города; они говорили: «этот человек большой разумник». Оттуда я выскочил и пришел. Как бог исполнил желания Асана, так да исполнит бог желания всех людей! Эту сказку я, Мамат-нур, сын Каландара, воспринял от человека по имени Мир-хан в Серахской области.

III

būt na būt, ša mašmāi xudā getír káse na būt. yak pādišāe at. amé pādišā yak šápe wáb a-gindít tā roč ša íngūr dár āt, ša íngūr ništ. bi amé watí wābāi tā am yak šuwānāge rā wáb a-gindít ki amé mnī wābāi mānīyā amā zānt, digá ič kas na zānt. karār tārienā ša watí jāgā ustát u šut bi amā šuwānāgāiyā, amé šuwānāgā gúšti: man doší āncén wābe distág un. amé šuwānag go amé pādišā gúšti: jwānén wābe. amé pādišā gúšti: doší man bi watí gisā wápt-atun, wáb dístun tā roč š-éngūr dár āt, š-éngūr ništ. karār amé watí wābāi mānīyā zabr pa amé šwānāg gúšti. yak wār amé šwānāg gúšti: ta anūn amé pasānā bzūr u bar ódinā bi mnī bādārāi gisā, mnī sad pas ant, amā pasānā pa wat bzin. amé pādišā gúšti: nápa bāz jwān int-a. amé šwānāg šúti bi yak šārāi pānādā.

yak wār šap būti. amé šuwānāg am gušnāg būti. karār š-amódinā šut, bi yak gisāi pānādā, wat rā tikāi dāti. ta bzānāi yak jínike u yak záge watí abārā yáke kurtág ant ki šapí bjíyant. karār amé šwānāg dísti tā yak mardúme sāi γātír āurti u amé gisāi dapā básti u amédinā yak zanjire at, amé zanjirā péš kašiti, yak wār amā jínikó ša gisāi tā

(III. Об овчаре, сделавшемся царем, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. Этот царь однажды ночью видит сон, что солнце взошло с этой стороны и с этой же стороны зашло. В сне он видит также одного овчара, будто бы только он знает значение этого сна, а больше никто не знает. Поэтому на утро он встал, пошел к этому овчару и сказал: «вот какой сон я видел ночью!» Овчар сказал царю: «хороший сон!» Царь сказал: «ночью я спал у себя дома и видел сон, что солнце с этой стороны взошло и с этой же стороны село». Короче говоря, он обстоятельно рассказал овчару содержание своего сна. Овчар тотчас сказал: «возьми теперь этих овец и отведи их в дом моего хозяина! тут и есть моих сто овец, этих овец возьми себе!» Царь сказал: «очень хорошо!» Овчар же направился в другой город.

Наступила ночь; овчар проголодался. Он пошел и прилег около одного дома. А тебе нужно знать, что одна девушка и один юноша сговорились в эту ночь бежать. Поэтому овчар увидел, что один человек привел трех мулов и привязал к дверям дома; там была цепочка, он потянул эту цепочку, и девушка стала выбрасывать из дома одежды, а этот человек под-

jul prénti, amé mardúm amá julánā āurti, bi amé γātiráni sará lađiti. ar če ki amá ĵinikó a-prént, amé mardúm a-kāurt, bi γātiráni sará lađit. yak wār amé mardúm žand būti, amé watí išk u áškā sáili kurt, yak wār amé šwānágā disti, go amé šwānágā gúšti: äĵ lálá, ta ídinā pa če wáptag äĵ? amé šwānág gúšti: man bāz gušnág un. amé mardúm gúšti: ta byā, go man amá julánā bi γātiráni sará blađ, gúđinā man trā nán a-dāin. šwānág gúšti: nápa bāz ĵwán int-a, brawán. amé mardúm amé šwānágā zúrti u āurti amé-dinā ki amé ĵinikó julá prénti, gúšti: anún ta amé julánā biyár bi γātiráni sará blađ ki man wat rā amédinā tiká dāin tānāxten. amá mardúm šúti, wat rā bi amé gisá tiká dát. amé šwānág amé julánā ki amé ĵinikó a-prénti, amé šwānág kāurti bi amé γātiráni sará lađiti. ar če ki amé ĵinikó a-prénti, amé šwānág a-kāurti, bi γātiráni sará lađiti. amá mardúm ki tiká dát-ati, bí tā amódinā wāb brāut.

karár amé ĵinikó ša gisá áti u amé šwānágā gúšti: bálken mni yār améš int. gúšti: suwár bāĵ, tā brawán ki agár mni pis āgá bit, man a-zānín ki mnā u trā kušit. amé šuwānág pa gāl u bal γātirá suwár būti. ā u amé ĵinikó aĵ kúrtant. šútant bi yak ĵāgāe. amé ĵinikó watí dilá pigr kúrti: e agár mni yār būtin, tā anún go man yak abáre čize dát, a^mmá bi mni dalírā e mni yār náint-a, ta byā ki man ameší rā pkāzmūin.

носил и выючил эти одежды на мулов. Все, что девушка выбрасывала, этот человек приносил и выючил на мулов. Потом этот человек утомился, стал смотреть вокруг себя, увидел этого овчара и сказал ему: «ты, братец, зачем тут лежишь?» Овчар сказал: «я очень голоден». Этот человек сказал: «иди и навьючь со мной эти одежды на мулов, тогда я дам тебе поесть». Овчар сказал: «очень хорошо, пойдём». Этот человек взял овчара, привел туда, где девушка набросала одежды, и сказал: «перенеси теперь эти одежды и навьючь на мулов, а я пока здесь прилягу». Этот человек пошел и прилег около дома, а овчар стал подносить и выючить на мулов те одежды, которые девушка бросала. Оставь того человека, который там прилег, пусть спит там.

Итак, девушка пришла из дому и подумала про этого овчара: «конечно, это мой возлюбленный!» Она сказала: «садись верхом и поедем! если мой отец проснется, я ведь знаю, что он убьет и тебя и меня!» Овчар с радостью сел на мула. Он и девушка поскакали. Они доехали до одного места, и девушка стала задумываться: «если бы это был мой возлюбленный, он бы сказал мне что-нибудь до сих пор! пожалуй, это не мой возлюбленный, дай-ка, я его испытаю!»

amé dāul bi rá šútant, amé ĵinikó dísti tā amédinā čunén erezí-e. yak wār amé ĵinikó gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ asp bútin-ant, amé erezānā bwártin-ant, man am ódinā mníštín-un! amé šwānág íči na gúšti. š-amódinā šútant bi yak ĵāgāe. amé ĵinikó dísti tā amédinā čunén ĵikíe. yak wār gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ uštúr bútin-ant, ki amé ĵikānā bwártin-ant, man am bi ā dikāĵ sarā gwāzī pkúrtin-un! amé šwānág íčiyā na gušít. demtírā ki šútant, yak wār amé ĵinikó sājli kúrti, dísti tā amédinā čunén baāríe. yak wār amé ĵinikó gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ ramág pčártin, man am ódinā gwāzī pkúrtin-un! yak wār amé šwānág šipóli kúrti, yak wār amé ĵinikó šut démi šwānágā, go amé šwānágā gúšti: awālā man na zántun ki ta čunén mardúme wāĵ, anūn ta ki mnā āúrtāĵ, anūn aĵ pkanán watí aspānā. agár anūn mnī pisāĵ pajrá sí bayánt, gúdinā kāyánt pa mašmāĵ ĵānā. zúte pkan, gísotág, ki mašmā brawán bi yak ĵāgāe ki duwārág mašmā rā mnī pis ma gindít. amé šwānág gúšti: nápa aĵ pkan bi mnī padā tā mašmā brawán pa wat. amé ĵinikó aĵ kurt bi amé šwānágāĵ padā.

šútant bi yak ĵāgāe, žand bútant. amódinā er káptant. amé ĵinikó amé šwānágā gúšti: ta bra, ā baryakí a-gindāĵ? amé šwānág gúšti: gindín. amé ĵinikó gúšti: amé aspā suwār bāĵ u bra, ša amā āpán pa mašmā āp bzūr u biyár. amé šwānág gúšti: mašmā máške na dārán. amé ĵinikó gúšti: dārán.

Так они ехали по дороге, пока девушка не увидела в одном месте: какой здесь замечательный клевер! Девушка сказала: «как было бы хорошо, если бы здесь находились лошади моего отца, ели бы эту траву, и я бы сидела тут же!» Овчар ничего не сказал. Оттуда они поехали в другое место, и девушка увидела: какая здесь верблюжья колючка! Она сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь были верблюды моего отца, ели бы эту колючку, а я бы играла на этом холме!» Овчар ничего не сказал. Они поехали дальше; вдруг девушка посмотрела и увидела: какая здесь роскошная зелень! Девушка сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь паслись овцы моего отца, и я бы тоже там играла!» Овчар вдруг свиснул; девушка тотчас обратилась к нему и сказала: «я сначала не знала, что ты за человек! теперь же, раз уж ты меня привез, погоним теперь своих лошадей, потому что, если слуги моего отца догадаются, они бросятся за нами. Поторопись, бездомный! поедem в такое место, чтобы мой отец нас больше не видел». Овчар сказал: «ну, так скачи за мной, и поедem!» Девушка поскакала сзади овчара.

Они доехали до одного места, устали и там остановились. Девушка сказала овчару: «подойди-ка, ты видишь там этот блеск?» Овчар сказал: «вижу». Девушка сказала: «садись на эту лошадь, съезди, возьми для нас воды и привези!»

amé mašká ĵinikó āurti, bi šwānágāi dastá dāt. amé šwānág šut, ša amé aspán yáke rā gipt u suwár bŭti u šŭti pa āpá. amé watí mašká āpi kŭrti. amé ki yak čánke āp zŭrti, dísti tā amé āp tilá bŭtant. yak wār amé šwānág gipt, amé tilánā, bi watí tapŭrāi gošái tā prénti u wat amé watí mašká zurt u burt, bi aspái sará kŭrti. wat am amé aspá suwár bŭti u ai kŭrti u šŭti bi ĵinikóyāiyā. ódinā ki šut, go ĵinikóā íči na gušt.

amé ĵinikó gŭšti: bra, ódinā āptāwáge, amá āptāwágā biyár, yak káme āp bi tái pkan u bi ātíšāi sará bil tā još pkanánt ki masmá yak káme čā bóran. amé šwānág šut, amá āptāwágā zurt u āurti, ša amé mašká yak káme āp kŭrti, burt, bi ātíšāi sará íšti tā još pkant. dār čumolí kŭrti u bi sarái bír dāt. amé ki još kŭrti, ša ātíšāi sará āurti, bi amé ĵinikóāi demá íšti. ĵinikó go amé šwānágā gŭšti: ta bra, amá mašmái urĵinái tā du piyálá astant, am-āwánā bzŭr u biyár ki mašmá čā bóran. amé šwānág šut, š-amé urĵinái tā amé piyálánā dári kŭrti u āurti, bi amé ĵinikóāi demá íšti u wat šut, dŭrā níšti. amé ĵinikó ar če amé šwānágā tawári kŭrti ki biyá, go man čā bor, amé šwānág náy-āti. karár amé ĵinikó wat nān u čā wárti, pa amé šwānágā am káme íšti. amé ki wat wárti, wat rā séri kŭrti, agdaránā íšti u wat šut, dŭrā níšti. amé šwānág áti, amé nānānā go amé čān wárti u šŭti, pa duwārág dŭrā níšti.

Овчар сказал: «у нас нет меха». Девушка сказала: «есть». Девушка принесла мех и дала овчару. Овчар пошел, взял одну из лошадей, сел верхом и поехал за водой; наполнил водой свой мех. Как только он зачерпнул горсть воды, он увидел, что вода превратилась в золотые монеты. Овчар тотчас взял золотые монеты и завернул их в край копыты; взял также мех, отнес, положил на лошадь, а сам сел на лошадь, погнал ее и поехал к девушке. Когда он туда доехал, он девушке ничего не сказал.

Девушка сказала: «там есть кувшин, сходи-ка, принеси этот кувшин, налей в него немного воды и поставь на огонь, пусть закипит; мы попьем немного чаю!» Овчар пошел, взял кувшин, принес, налил в него немного воды из меха, отнес и поставил на огонь вскипятить; наложил дров и поставил сверху. Как только вода закипела, он снял с огня, принес и поставил перед девушкой. Девушка сказала овчару: «в нашей переметной суме есть две чашки, сходи-ка, возьми их и принеси, будем пить чай!» Овчар пошел, вынул чашки из сумки, принес и поставил перед девушкой, а сам пошел и сел поодаль. Сколько девушка ни звала овчара: приходи, дескать, пить со мной чай, овчар не приходил. Девушка сама поела и попила чаю, а немного оставила для овчара. Когда она поела и насытилась, она часть оставила, а сама пошла и села поодаль. Тогда овчар подошел, попил чаю и поел хлеба, а сам опять отошел и сел поодаль.

yak wār amé ĵinikó amé šwānágā tawār kúrtī u gúšti: ta bra, amé āptāwágā bzūr u bar. yak káme āp pkan u bar, bi ātíšāĵ sará bil tā garm bayánt. amé šuwānág šútī, amé āptāwágā zúrtī, búrtī, ša mašká āpī kúrtī u āúrtī, bi ātíšāĵ sará íšti, dār am bír dāti tā garm bayánt. amé ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta bra, watí āpánā sāĵl pkan ki bārén zabr garm bütág-ant yā na. amé šwānág š-amódinā átī bi amé watí āpānīyā. amé watí āpánā sāĵlī kúrtī tā mnī āp čo garm bütág-ant. amé āpánā zúrtī u āúrtī bi ĵinikóāĵyā, go amé ĵinikóā gúšti: mnī āp čo garm bütág-ant. amé ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta anūn watí pučánā pkaš, yā awálā watí pučánā ma kaš, awálā watí kulá dār pkan. amé šwānág gúšti: nápa bāz ĵwán int-a. karár awálā watí kulá kašítī. amé ĵinikó amé sorén āpánā bi amé šwānágāĵ sará rétī. amé šwānág ar če grétī, amé ĵinikó náĵšti. amé ĵinikó amé šwānágāĵ sará zabr šúšti u zabr ešī ĵánā šúšti, nokén puč bi amé šwānágāĵ ĵánā dāti. gúšti: anūn ta bra, mašmāĵ aspánā biyár ki mašmá blađán, brawán. amé šwānág šut, aspána āúrtī, š-amódinā lađítant u šútant bi yak ĵāgāe.

šútant u šútant, bi yak šārāĵ pānádā ér kurtánt. amé ĵinikó amé šwānágā gúšti: ta bra, yak áspe rá suwár bāĵ u bra bi amé šārāĵ pādišāyā. amé ki šútāĵ bi šārāĵ pānádā, ič íngūr u ángūr sāĵl ma kan, rástam déme amé watí aspāĵ gardínā sāĵl pkan, ódinā ki šútāĵ bi pādišāāĵ gisá, awálā

Девушка позвала овчара и сказала: «сходи-ка, возьми кувшин, набери в него немного воды, снеси и поставь на огонь согреть». Овчар пошел, взял кувшин, понес, налил из меха воды, принес и поставил на огонь и наложил дров, чтобы согреть. Девушка сказала овчару: «сходи, посмотри воду, хорошо ли она нагрелась». Овчар пошел к воде и посмотрел свою воду: как хорошо она нагрелась! Он взял воду, принес девушке и сказал: «вот как нагрелась моя вода!» Девушка сказала овчару: «теперь ты разденься! или сначала не раздевайся, а сними свою шапку!» Овчар сказал: «ну, хорошо!» Сначала он снял свою шапку, а девушка стала лить ему на голову горячую воду. Как овчар ни плакался, девушка не переставала. Девушка хорошенько вымыла овчару голову и отмыла его тело, а потом дала ему новое платье и сказала: «теперь сходи и приведи наших лошадей, уложимся и поедем». Овчар пошел и привел лошадей, они выступили оттуда и поехали в другое место.

Ехали, ехали, остановились около одного города. Девушка сказала овчару: «садись на лошадь и поезжай к царю этого города, только, когда поедешь по городу, не глазей туда и сюда, а смотри только на шею своей лошади. Когда ты попадешь в царский дом, сначала с тобой поздороваются, потом прине-

wašamád go ta kanánt, gúđinā apt tām nān u seb u gošt u ame đāulén číz a-kāránt pa ta, na ki ta čo watí awálāi šwānagíāi xayālā pkánāi, ša ar táme yak-yak majmá bórāi, ā đāul na ki pkánāi, ša ar táme yak-yak lunká bórāi ki ar káse ki trā bgindít, bzānt ki e pādišá zādáge. gúđinā pādišá trā pursít ki āi bābā, ta pa če átag-āi? ta gúđinā bguš: āi bābā, man pa amé xātírā átag-un bi tíyā: man ástun plāná pādišāāi zāg. man átag-un bi tíyā, man ša watí pisá zār bütág-un wa man dārín yak jínéne. anún ta amá rā bi amé watí šār u kalátāi tā amá rā yak gíse bdáyāi, čo zabr int! ki amá-m bi tí pānáda mníndan.

amé šwānág šut, watí aspá āúrti, zabr zen u lagāmī kúrti u suwār bütī u āi kúrti u šúti. amé ki bi šārāi pānādā ki rástī, rástám déme amé aspāi gardínā sáili kúrti, karár šúti bi pādišāāi gisá, amé ki šut, bi pādišāāi gisāi demá ki rast, pādišāāi muzúr dístant amé šwānágā. átant, amé šwānágāi aspá gíptant u bástant u amé šwānág áti bi pādišāāi gisá. ān čoš ki áti, go pādišá yak wašamáde kúrti, yak katráe digár ki büt, pa eši nān āúrtant apt tām. amé ki amé šwānágāi dastānā šúštant, gúđinā nānānā āúrtant, bi ameši pānādā íštant. pādišāāi jind am áti, go amé šwānágā nān wárti. amé šwānág ša ar táme yak-yak lunká wárti. amé pādišá amé

сут тебе семь различных кушаний: хлеба, яблок, мяса и тому подобных вещей. Только ты не поступай по своему прежнему пастушескому обыкновению, чтобы от каждого кушанья есть целое блюдо, так не поступай, а от каждого кушанья ешь по кусочку, чтобы каждый, кто тебя увидит, знал, что это царский сын. Потом царь тебя спросит: что, мол, сынок, с какой целью ты пришел? Тогда ты скажи: „батюшка, я пришел к тебе с таким намерением: я сын такого-то царя и пришел к тебе, потому что я поссорился со своим отцом; у меня есть жена, и если бы ты дал нам в своем городе и крепости какое-нибудь жилище, как было бы хорошо! и мы бы жили у тебя!“»

Овчар пошел, привел свою лошадь, тщательно ее оседлал и взнуздал, сел верхом, погнал и поехал. Когда он доехал до города, он глядел только на шею своей лошади и так доехал до царского дома. Когда он подъехал к царскому дому, царские слуги увидели этого овчара, подошли, взяли лошадь и привязали; овчар вошел в царский дом. Как только он вошел, он поздоровался с царем, и когда прошло немного времени, ему предложили кушанья, семь блюд. После того как овчару помыли руки, поднесли кушанья и поставили возле него. Сам царь также подошел и ел кушанья с овчаром. Овчар от каждого блюда ел по одному куску. Как только царь заметил, что овчар от каждого

šwānágā ki dist ki e ša ar táme yak-yak lunká wárti, amé pādišá aīrān mánti wa watí dilá gúšti: e ar já int-a, pādišá zādáge. amé ki nān wár-tant, amé pādišá ša amé šwānágā pursít ki äi bābá, ta maróči pa cé átag-äi bi mnī gisá? pa kār-māre yā na, wat átag-äi? amé šwānág gúšti: man plāná pādišāāi zág-un wa man ša watí pisá zār bütág-un, wa man yak jinéne dārín, wa man anūn átag-un bi tī šārā. agár ta mnā bi watí šārā yak gise bdáyāi, čo zabr int-a! amé pādišá gúšti: nápa bāz jwán int-a. yak gise bi amé šwānágā dátī. anūn, gúšti, ta bra, watí jinénā am bzūr u biyār. amé šwānág gúšti: man anūn yak muzúre u yak āšpáze girín ki tānáxten amí-dinā pa amá nān pačít u tayār pkant. amé pādišá gúšti: nápa bāz jwán int-a.

karār pādišá pādā šútī bi watí gisá, amé šwānág am šútī, du muzúr gíptī u áurtī, bi amé gisáyā íšti. amé muzúrānā gúšti: ša šmā yak tānáx-ten amé gisā pāk pkant u yáke digár am tānáxten pa amá nān u gošt pačít. amé šwānág šut, watí aspá suwár bütī u šut bi watí jinénāyā. amé ki átī bi watí jinénā, go watí jinénā gúšti: man šútun bi pādišāyā, pa mašmā yak gise alás kúrtun wa du muzúr am gíptun ki tānáxten pa mašmā nān pačánt wa yáke digár am tānáxten gisā pāk pkant. amé jinikó gúšti: nápa bāz jwán int-a, anūn blađán u brawán. e lađítant u šútant bi watí gisá. amé ki rástant, dístant tā gisá čo zabr pāk kurtág-ant.

блюда ест только по одному куску, царь удивился и сказал про себя: «это во всяком случае царский сын!» Когда они поели, царь спросил у овчара: «с какой целью, сынок, сегодня ты пришел в мой дом? по какому-нибудь делу, или так себе пришел?» Овчар сказал: «я сын такого-то царя, и я поссорился со своим отцом; у меня есть жена; теперь я пришел в твой город, и если теперь ты мне дашь жилище в своем городе, как было бы хорошо!» Царь сказал: «ну, очень хорошо!» и дал дом этому овчару. «Теперь», сказал он, «иди, бери и привози свою жену». Овчар сказал: «теперь я возьму слугу и повара, чтобы он тем временем сварил и приготовил для нас кушанье». Царь сказал: «ну, очень хорошо!»

Итак, царь пошел к себе; овчар также пошел, взял двух слуг, привел и оставил у себя дома. Он сказал своим слугам: «один из вас пусть пока приберет дом, а другой испечет для нас хлеб и сварит мясо». Овчар пошел, сел на свою лошадь и поехал к своей жене. Когда он приехал к своей жене, он сказал: «я ходил к царю, снял для нас дом и взял также двух слуг, чтобы они испекли для нас хлеб, а чтобы другой тем временем прибрал дом». Девушка сказала: «ну, очень хорошо, теперь уложимся и поедем». Они уложились и поехали в свой дом и, когда приехали, увидели, как хорошо прибран дом.

amé ki putrítant bi watí gisáĭ t̄ā, amé ki nān wártant, yak wār amé ĵinikó go amé šwānágā gúštī: ta anūn bra, ša amé šārāĭ t̄ā yak mullāe rā paidá pkan u biyár ki mašmá rā neké bdant. amé šwānág š-amódinā šut, bi amé pādišāāĭ šārā t̄ā gáštī, bi šārāĭ t̄ā ič kasá náĭnt-a. karár š-amódinā šut, amé pādišāāĭ mīrzá āurtī, gúštī: anūn ta amá rā neké bdāĭ. amé pādišāāĭ mīrzá ešī rā u amé ĵinikóā neké dātī, dístī t̄ā amé ĵiník čunén ĵwānéne. amé šwānág watí dastá bi watí kitóā búrtī, yak tilāe kašítī, bi amé pādišāāĭ mīrzá dātī. amé pādišāāĭ mīrzá pa gāl u bal zúrtī u šútī bi pādisāāĭā. ódinā go pādšá gúštī: āĭ pādšá, ħábli ālám, amédinā yak čoríe ast, aĵáben ĵinéne dārít, maróčī átī pa mnī padá, go man gúštī: byā, brawán, mnā bi mnī ĵinénā neké bdāĭ. man šútun, āe rā neké dātun u wat átun. ān čoš ki neké dātun, amá čorí watí dastá bi watí kitóā búrtī, mnā yak tilāāĭ ŧukúre dātī. man zúrtun u āurtun bi tíyā. anūn ta āe rā kušāĭ yā na? amé pādišá watí muzúrānā loĭít, gúštī: šmā bráit, amāe rā byárit. amé pādšāāĭ muzúr š-amódinā átant bi amé zāgāĭ gisá, go amé zāgá gúštant: amá rā pādšá pa tī padá dem dātagí, ta byā ki mašmá brawán. amé zāg go amé pādšāāĭ muzúrān gúštī: šmā tānāxten bráit, man gúđā kāin. amé pādšāāĭ muzúr š-amédinā átant pādā bi pādišāāĭ gisá. amé ki rástant, bi pādšāāĭā átant, gúštant go pādšá: āĭ pādšá, amá zāg ki ā-róčī bi tī gisá átī, amá int-a, yak katráe d'ga kāĭt.

Когда они вошли в свой дом и поели, девушка сказала овчару: «теперь сходи, отыщи в этом городе муллу и приведи, чтобы он нас обвенчал». Овчар вышел и стал ходить по городу этого царя, а в этом городе никого нет! Он пошел, привел царского писаря и сказал ему: «обвенчай нас!» Царский писарь повенчал его и эту девушку, и увидел, как хороша эта девушка. Овчар опустил свою руку в карман, вынул один золотой и дал царскому писарю. Царский писарь с радостью взял и пошел к царю. Там он сказал царю: «о царь, средоточие вселенной, здесь есть один юноша, и у него удивительная жена! сегодня он приходил за мной и сказал мне: „давай, пойдём! обвенчай меня с моей женой!“ Я пошел, обвенчал его и пришел; когда я его обвенчал, этот юноша опустил свою руку в карман и дал мне кусок золота; я взял и принес тебе; убьешь ты его теперь или нет?» Царь позвал своих слуг и сказал: «сходите, приведите его!» Царские слуги пришли в дом юноши и сказали: «царь нас послал за тобой, пойдём!» Юноша сказал царским слугам: «идите пока, а я приду попозже». Царские слуги вернулись оттуда в царский дом. Когда они подошли и вошли к царю, они сказали: «о царь, это тот самый юноша, который тогда приходил в твой дом! он придет, немного погодя».

karár, amé šwánágā amé ĵinikó pánte dant: amé ki ta šútāi, awálā maj-lís a-kánt, gúđinā ki ta yak sáte níštāi, gúđinā wát a-gušít ki e mardá anún mašmá elá pkanán ki e mard nok arosíe. amé šwánág átī bi pādšáāi gisá. amé ki rástī, dístī tā pādšá majlís kurtagí. amé ki wašámáde čize kúrtant, yak sáte digá büt, pādšá gúštī: e čoríyā anún mašmá elá pkanán ki bráut, pa če ki e čorí nok arosíe. yak sáte digár büt, pādšá amé šwánágā gúštī: man ša ta loťín yak majmáe tilá, yak majmáe ĵuwáir, anún bra. amé šwánág š-amódinā átī bi watí gisá. amé ĵinikó amé šwánágā pursítī: go ta pādšá će gúštī? amé šwánág gúštī: pādšá ša man yak majmáe tilá u yak majmáe ĵuwáir loťítī. amé ĵinikó gúštī: ta amá tilánā ša guĵámadá āúrtāi, pádá bra, š-amódinā byār.

amé šwánág š-amódinā šútī bi amá ĵágá ki awálā tilá díst-atī. amé ki bi amá čamágāi pánádā šut, yak wār dístī, tā amédinā yak débe dédi yak ĵinikóe rá giptagí. yak wār a-bártī bi ā pánádā, kilít u wānít, amé ĵinikóāi sar ĵitá bít. pa duwārág kārít, yak ĵā kant, bāz duwārág wānít, amé ĵinikóā mardúme kant. ar če ki amá deb a-wānt, amāi wāntínānā amé šwánág zúrtī. amé ki roč nazík mānt ki mnindít, yak wār amé deb amé ĵinikóā gíptī, búrtī, bi watí demá íštī u wāntī. amé ĵinikóāi sarág ángūr kapt, páđī

Между тем, эта девушка дает овчару совет: «когда ты придешь, сначала у него будет совет, а когда ты часок посидишь, он сам скажет, что, мы, дескать, отпустим теперь этого человека, потому что он новобрачный». Овчар пришел в царский дом. Как только он дошел, он увидел, что у царя собран совет. Когда они поздоровались и прошло некоторое время, царь сказал: «отпустим теперь этого юношу, пусть идет, потому что он новобрачный!» Еще через некоторое время царь сказал овчару: «я хочу от тебя одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей, а теперь иди!» Овчар пришел оттуда к себе домой. Девушка спросила овчара: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь потребовал у меня одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «сходи опять туда, откуда ты принес то золото, и принеси оттуда еще!»

Овчар опять пошел в то место, где нашел золото в самом начале. Когда он пришел к источнику, он сразу увидел, что там какой-то див схватил одну девушку. Один раз он тащит ее в одну сторону, оставляет ее, читает заклинание, и голова этой девушки отделяется; другой раз он ее приносит, складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком. Все, что тот див читал, все его заклинания овчар запомнил. Как только солнце было близко к заходу, див взял девушку, отнес, поставил перед собой и прочел заклинание. Голова девушки упала в одну сторону, ноги — в дру-

āngūr káptant u wat išt u šut. amé ki ša sāḡ koá áškā šut ki paná bŭtī, yak wār amé šwānág gíptī, amé ĵinikóāḡ sarág u pādágānā, āurt, yak jā kŭrtī, ištī, lagít bi al-u-úlā, al ĵátī, yak wār amé ĵinikóāḡ sarág u pādág yak jā bŭtant. ĵinikó drŭā bŭtī. amé ki drŭā bŭtī, yak wār sāḡlī kŭrtī, dístī tā amé mnī pānādā mardúme oštātagí. yak wār ša amé šwānágā pursít ki ta ša guĵāngūr ātag-āḡ? amé šwānág eší rā ĵawāb dātī: man ša plānā jā ātag-un u man trā dístun ki e kāperén deb e ḡaḡlā kant, trā yak wār a-kušít wa yak wār zindág a-kánt. mnī dil pa ta sótī. anŭn agár ta go man a-rawāḡ, biyā tā brawán. amé ĵinikó gŭštī: nápa bāz ĵuwán int-a, man go ta raín, ta tānāxten amédinā mnind, man anŭn a-rāín, watí bālānā kārín, gŭḡā mašmā rawán. amé šwānág gŭštī: nápa bāz ĵuwán int-a, bra, biyār watí bālānā. amé ĵinikó šut, watí bālānā āurtī. amé šwānágā gŭštī: nápa brawán. š-amódinā šŭtant.

amé ki yak ŭkŭre rá šŭtant, yak wār amé šwānág gŭštī: mnā pādšā dem dātagí pa tilā ki man p-āí tilā barín. amé ĵinikó gŭštī: čínka tilā ta p-āí^v a-barāḡ? amé šwānág gušt: yak maĵmāe tilā u yak maĵmāe ĵuwāḡr. amé ĵinikó gŭštī: ta ič ġusá ma war, brawán, man pa ta tayār a-kanín. karār šŭtant amé šwānágāḡ gisá. yak wār amé ĵinikó amé šwānágā gŭštī: ta amā maĵmánā bdāḡ mnā. karār amé šwānág amā maĵmánā dātī. amé ĵinikó gipt amé maĵmánā, bi watí demā ištī. yak wār amé šwānágā

гую; он оставил ее, а сам ушел. Как только он ушел за три горы и скрылся там, овчар тотчас взял и принес голову и ноги девушки; сложил их вместе, оставил и принялся за отчитывания и заклинания, — немедленно голова и ноги девушки воссоединились, и девушка стала невредима. Когда она ожила, она посмотрела и увидела: возле меня стоит человек! Она тотчас спросила овчара: «откуда ты пришел?» Овчар ответил ей: «я пришел из такого-то места и увидел, что этот поганый див так поступает с тобой, то убивает тебя, то оживляет. Мое сердце воспылало к тебе. Теперь, если ты со мной пойдешь, давай, пойдём!» Девушка сказала: «очень хорошо, я пойду с тобой, но пока посиди здесь! я сейчас пойду, только принесу свои крылья, а потом мы пойдём!» Овчар сказал: «ну, хорошо, сходи, принеси свои крылья». Девушка пошла, принесла свои крылья и сказала овчару: «ну, пойдём!» Они оттуда пошли.

Когда они немножко прошли, овчар вдруг сказал: «меня ведь царь послал за золотом, чтобы я ему принес золота!» Девушка сказала: «сколько золота ты должен ему отнести?» Овчар сказал: «одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «ты не печалься, пойдём, я для тебя приготовлю». Они пошли в дом овчара. Девушка сказала овчару: «дай мне те блюда», Овчар дал блюда. Девушка взяла эти блюда, поставила перед собой и сказала

gúštī: anún ta yak abáre bguš ki mnā andág bgīt. amé šwānág yak abáre dāt, yak wār amé ĵinikó andít, yak majmáe pur büt ša tilá. pa duwārág gúštī: yak abáre digá bdäĵ ki mnā andág bgīt. yak abáre digá dātī, amé ĵinikó andítī, yak majmáe digá pur büt ša ĵuwáĵrā. amé šwānág amé ĵuwáĵ-rānā búrtī bi pādšāāĵ gisá, dātī. amé ki pādšá dístī, aĵrān mānt wa gúštī: ešī gis bún gīt, e čunén baláe! man ešī rā gúštun: ta bra, pa man yak majmáe tilá biyár u yak majmáe ĵuwáĵr biyár, e šut, áurtī!

karár pādšá ešī rā gúštī: ša ta loĵín, ša mnī apt puštáĵ murdagán awál biyárāĵ. amé šwānág gúštī: nápa báz ĵuwán int-a. pa duwārág amé šwānág átī bi amé pādšāāĵ mĵrzāāyā, go amé mĵrzá gúštī: ta biyá, brawán, mnā go mnī ĵinénā neké bdäĵ. amé pādšāāĵ mĵrzá átī bi amé šwānágāĵ gisá. amé šwānág gúštī: e mnī ĵinén int-a, ta anún mnā neké bdäĵ. karár amé mĵrzá sáĵlī kúrtī, dístī tā ešī gis bún gīt, e aĵáben ĵinikóe anún áurtágī. amé pādšāāĵ mĵrzá amé zágá u amé ĵinikóā neké dātī. amé šwānág pa duwārág watī dastá bi watī kitóā búrtī, yak tiláe kašít u dātī bi amé pādšāāĵ mĵrzá. amé pādšāāĵ mĵrzá amé zaránā zúrtī u búrtī bi pādšāāĵ gisá. amé šuwānágāĵ ĵinén ša šwānágā pursítī ki trā pādšá če gúštī? amé šuwānág gúštī: pādšá go man gúštī: man ša ta loĵín, bi amé du ročá ša mnī apt puštáĵ murdagán awále biyárāĵ. amé ĵinikó go šwānágā gúštī: man pa ta

овчару: «теперь скажи мне что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Овчар сказал, девушка рассмеялась, и блюдо наполнилось золотом. Она вторично сказала: «скажи еще что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Он еще сказал, девушка рассмеялась, и другое блюдо наполнилось драгоценностями. Овчар отнес эти драгоценности в царский дом и отдал. Как только царь увидел, он удивился и сказал: «пусть сгорит его дом! что он за пройдоха! я ему сказал: „сходи, принеси для меня блюдо золота и блюдо драгоценностей!“ он пошел и принес».

Короче говоря, царь сказал ему: «я требую от тебя, чтобы ты принес известия о семи поколениях моих умерших!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо!» Овчар опять пришел к царскому писарю и сказал: «давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!» Овчар и царский писарь пришли в дом к овчару. Овчар сказал: «вот моя жена! теперь обвенчай меня». Писарь стал смотреть: что за удивительную девушку он теперь привез, пусть сгорит его дом! Царский писарь обвенчал юношу с этой девушкой. Овчар опять опустил руку в карман, вынул золотой и дал его царскому писарю. Царский писарь взял золото и отнес его в дом к царю. А жена овчара спросила: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь мне сказал: „я требую от тебя, чтобы ты в двухдневный срок принес сведения о семи поколениях моих умерших“». Девушка

yak xáte nimisín, ta amé xatá bzūr u bar u š-amódinā ki ta mnā āurtāi, na ki rástam pa duwārág š-amódinā brawái ki maróči amá debái waxt int-a ki kái. amé jinikó gipt, yak xáte nimíst u dátī bi amé šwānágāi dastá. go amé šwānágā gúšti: amé ki šútāi ódinā bi goristánāyā, amé đāul ki watí aspá suwār-āi, amé đāul bošt u tawār pkan, bguš ki āi Zar-bibí, ā wat jawáb a-dánt, ta gúđā bguš ki biyá, e xatá bzūr ki plāná kas pa ta dem dātagí.

karár amé šwānág šut, ša watí aspán yáke rā zēnī kurt u suwār büt u šútī. amé ki šútī bi goristánāi sará, uštát u tawār kúrtī ki āi Zar-bibí, āi Zar-bibí! yak wār amá Zar-bibí ša yak gorá tā ustát u jawáb dátī, gúšti: če? ta káy-āi? amé šwānág gúšti: biyá, e xatá bwān ki pa ta ātagí. amé Zar-bibí š-amódinā ātī, amé xatá zítī ša šwānágāi dastá u wántī. gúšti: anūn man pa ta e xatāi mānīyā nimisín, ta tānāxten amédinā bošt. Zar-bibí šut bi watí jágā, amé xatāi jawābā amé đāul nimístī: amá pādšāāi bún-pīrúk gujá paidá būtagí u ká int-a námī, améšānā gírdānā bi yak damá nimíst u āurtī, bi šwānágāi dastá dāt. amé šwānág dístī tā ešī gis bún gīt, e čunén mazānen xáte nimistagí. amé xatá šwānág zurt u āurt bi watí jinénāiā. amé šwānágāi jinén wānt wa gúšti: rást int-a, amé xatá bāndā bzūr u bar bi pādšāāiā. tārienā amá xatá ā zurt u burt bi pādšāāi gisá, bi pādšāāi dastá dāt. amé pādšā airán mānt ki e čunén balāe

сказала овчару: «я тебе напишу письмо, возьми это письмо и отвези туда, откуда ты меня привез, но только прямо поезжай туда, потому что сегодня время прихода дива». Девушка взяла, написала письмо, вручила овчару и сказала ему: «когда приедешь туда на кладбище, ты так и оставайся, как есть, верхом на лошади, и закричи: „о Зар-биби!“ Она сама отзовется; тогда ты скажи: „приди и возьми это письмо, которое такая-то тебе послала“».

Итак, овчар пошел, оседлал одну из своих лошадей, сел и поехал. Как только подъехал к кладбищу, он остановился и закричал: «о Зар-биби, о Зар-биби!» Вдруг эта Зар-биби встала из одной могилы, откликнулась и сказала: «что? ты кто?» Овчар сказал: «приди и прочти это письмо, которое пришло к тебе!» Зар-биби подошла оттуда, взяла письмо из рук овчара, прочитала и сказала: «я сейчас напишу тебе ответ на письмо, пока подожди здесь». Зар-биби пошла к себе и написала ответ на это письмо: где родился предок этого царя и каково его имя, — в один миг всех их написала, принесла и дала в руки овчару. Овчар увидел: какое большое письмо она написала, пусть сгорит ее дом! Овчар взял это письмо и привнес своей жене. Жена овчара прочитала и сказала: «правильно! завтра это письмо возьми и отнеси царю». На утро он взял это письмо, отнес в царский дом и дал царю в руки. Царь изумился:

ki ša mnī apt puštāi murdagān awāl āurti. pādšā loṭit watī mullānā wa gúšti: anūn šmā amé xatā bwānit. amé šwānāgā gúšti: anūn ša ta loṭin bi daryābā Nīlā tā yak gumúde tilāi wa yak gumúde juwāirāi joḍ pkānāi.

amé šwānāg š-amódinā šut bi watī gisā. amé šwānāgāi jinén ša šwānāgā pursit ki pādšā če gúšti? amé šwānāg jawāb dātī: pādšā anūn ša man a-loṭit bi apā tā daryābā Nīlā tā yak gumúde tilāi wa yak gumúde juwāirāi joḍ pkānāi. amé šwānāgāi jinén gúšti: tī e kārā amā joḍ kurtāga na kanān, amíngūr yak paríe ast, bi yak rodāi tā int. ta awālā bra, bi amā rodāi kirā mnind, gindāi: roč nīm roč a-bít, yak paríe mazānen gindāi, kāit, ābāzi^v a-kant, ta amódinā čer pkap, gindāi, amā wat rā prent bi rodāi tā pa ābāziyā. amāi mūd, gindāi, átant bi amé rodāi kirā. yak wār ta amāi mūdānā bgir. ā wāt a-gušit ki bil, ta māi. amé šwānāg gúšti: nápa bāz juwān int-a, man anūn a-rafn.

ātī, bi amā rodāi kirā, níšti, dístī tā roč nīm roč būti, dístī, š-amíngūr yak mazānen paríe átī. amé šwānāg amé ḍāul ki srapít-at, íči na gúšti. amé parí wat rā bi apāi tā préntī ki ābāzi pkant. amé ki wat rā préntī bi apāi tā, amé paríai mūdānā amé ap šlap jat u āurti bi amé rodāi kirā ki amé šwānāg ništ-ātī. amé šwānāg mūdānā ki dístī, yak wār watī dastā prent bi

что это за пройдоха, что он принес мне сведения о семи поколениях моих умерших! Царь позвал своих мулл и сказал: «прочтите теперь это письмо», а овчару сказал: «теперь я хочу, чтобы ты построил в реке Ниле одну башню из золота и одну башню из драгоценностей».

Овчар оттуда пошел домой. Жена овчара спросила: «что сказал царь?» Овчар ответил: «царь теперь от меня хочет, чтобы я в воде реки Нила построил одну башню из золота, а другую из драгоценностей». Жена овчара сказала: «это твое поручение мы не сможем выполнить, но здесь в одной реке есть пэри. Ты поди и сначала сядь на берегу той реки, и когда увидишь, что солнце подходит к полудню, ты увидишь, что подойдет большая пэри и станет купаться; а ты там спрячься, и как увидишь, что она бросится в реку купаться, и увидишь, что ее волосы достигают берега реки, тотчас хватай ее за волосы. Она скажет: „пусти!“ но ты не отпускай!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо! я теперь пойду».

Он пошел, сел на берегу той реки, увидел, что солнце подошло к полудню, и увидел, что пришла большая пэри. Овчар был спрятан и ничего не сказал. Пэри бросилась в воду, чтобы выкупаться. Как только она бросилась в воду, вода понесла волосы этой пэри и принесла к берегу, где сидел овчар. Как только овчар увидел волосы, он опустил свою руку на волосы и потянул

amé mūdán wa amé mūdánā peš kašítī. yak wār bi amé paríyā mālúm bŭtī ki mnī mūdánā yáke peš kašítī. yak wār tawár kŭrtī, gúštī: agár ta ādamíe wāĭ, agár ínse u ĵátúe wāĭ, mnī mūdánā bil ki trā íčiyā na kanín. amé šwānág nájšt. pa duwārág tawár kŭrtī ki bi azrāti Slemānī čápāĭ aptekálā sogínd ki trā íčiyā na kanín, bil. amé šwānág nájštī. pa duwārág amé šwānág peš kašítī. yak wār amé parí gúštī: bi azrāti Slemānī rástāĭ aptekálā sogínd ki trā íčiyā na kanín, bil. amé šwānág íštī. amé ki íštī, amé parí āt pa amé šwānágāĭ ĵānā wa gúštī: ta ša guĵāngŭr átag-āĭ? amé šwānág ĵawáb dāt: man am yak musāpíre un ki ša watí rá kāín, améš int ki átun, dístun tā bi amé āpāĭ kirá mūdāĭ čúnđe mālúm a-bít, yak wār man am watí dastā préntun bi amé āpāĭ tā, dístun tā amé mūd čó grán int-a. peš kašítun, dístun, ta tawár kurtāĭ. amé parí go améší gúštī ki ta anún go man káre u číze na dārāĭ? amé šwānág gúštī: čē rā? dārín. ānčén pādšāe go man guštagí: ta mebāít bi daryābā Nílā tā pa man yak gumúde bjánāĭ tilāā wa yak gumúde ĵuwāírāĭ bjánāĭ. amé parí gúštī: nápa mašmā brawán bi tī gisá.

amé parí u amé šwānág átant bi šwānágāĭ gisá. amé ki átant bi šwānágāĭ gisá, amé parí amé šwānágā gúštī: ta bra, go pādšā bguš ki yak du roč sabr pkant ki man tānāxten watí kārā ĵođ a-kanín. amé šwānág š-amódinā šut bi pādšāāĭ gisá. amé ki átī bi pādšāāĭ gisá, go amé pādšā gúštī: āĭ pādšā,

их. Пэри поняла, что кто-то потянул волосы, она закричала: «человек ли ты или какой-нибудь дух, или ведьма, отпусти мои волосы, я ничего тебе не сделаю!» Овчар не отпускал. Она закричала вторично: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар не отпускал, но опять потянул. Пэри сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар отпустил. Как только он отпустил, пэри приблизилась к овчару и сказала: «откуда ты пришел?» Овчар ответил: «я странник, и иду своей дорогой; вот я подошел и увидел, что на берегу воды виднеется конец волос; я опустил руку в воду, посмотрел: какие тяжелые волосы! потянул и услышал, что ты закричала». Пэри сказала ему: «у тебя теперь нет ко мне какого-нибудь дела или чего-нибудь?» Овчар сказал: «почему так? есть! такой-то царь сказал мне: „нужно, чтобы ты воздвиг для меня в реке Ниле одну башню из золота и одну из драгоценностей“». Пэри сказала: «ну, пойдем к тебе в дом».

Пэри и овчар пошли в дом овчара. Когда они пришли, пэри сказала овчару: «иди, скажи царю, пусть подождет день-два, я тем временем устрою свои дела». Овчар пошел оттуда в царский дом. Когда он пришел в царский дом, он сказал

γábli ālám, ta mnā yak du roč ruxsát bdäĭ, gúḍā man pa ta yak gumúde jōḍ a-kanín. amé pādšā gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a. amé šwānág š-amódinā ātī bi watī gisá, go watī ĵinénā gúštī: pādšā mnā gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a, man yak du roč pa ta sábr a-kanín. amé šuwānágäĭ ĵinén gúštī: man maróči amé pariānā múcānā náz a-kārín wa gušín: bāndā ar paríe yak xišt biyārant wa bi daryābā Nílā tā yak gumúde jōḍ pkánant. amé parí š-amódinā āt bi pariýāniyā wa go amé pariýān gúštī: ša šmā man loĭín: bāndā ki ar paríe yak xište bzūrit u biyārit bi daryābā Nílā tā, yak gumúde jōḍ pkánit. amé ki man sāĭ tawār kúrtun, bi awalíen tawār šmā wat rā āzír pkánit, bi dūmíen tawārā šmā ar kas bi watī xištāĭ pānādā bgírit, amé ki sāyumíen tawārā kúrtun, šmā ar yáke watī xištā bzūrit u dár pkánit. amé parí múči gúštant: nápa baz ĵuwán int-a. amé parí amešānā gúštī: bāndā tā roč dar ma yāit, ša šmā loĭín ki tayār pkánit u bílit. amé parí gírdī gúštant: nápa bāz ĵuwán int-a. amé pariāĭ ĵind š-amódinā šut bi watī gisá.

tāriēnā ki tángāt roč dar náy āt-at, amé parí sāĭlī kurt, dístī tā gumúdānā jōḍ kurtág-ant u tayār kurtág-ant. amé parí go amé watī šwānágen mardā gúštī ki gumúdānā jōḍ kurtág-ant, ta bra, pādšā bguš ki báĭt pa gumudānī sāĭlā. amé šwānág š-amódinā sar gipt u āt bi pādšāāĭ gisá, gúštī: āĭ pādšā γábli ālám, man gumúdānā jōḍ kurtág-un, ta watī mullānā bzūr u

царю: «о царь, средоточие вселенной, дай мне отсрочку на день-два, тогда я построю для тебя башню». Царь сказал: «ну, хорошо». Овчар оттуда пришел домой и сказал своей жене: «царь мне сказал: „ну, хорошо, я ради тебя день-два потерплю“. Жена овчара сказала: «сегодня я соберу всех пэри и скажу: „завтра пусть каждая пэри принесет по кирпичу, и пусть построят башню в реке Ниле“». Эта пэри пошла к другим пэри и сказала: «я хочу, чтобы завтра каждая пэри взяла по кирпичу и принесла в реку Нил, и вы построили бы башню. Но когда я прокричу три раза, по первому зову вы приготовьтесь, по второму зову возьмитесь каждая за свой кирпич, и как только я в третий раз позову, вы возьмите каждая свой кирпич и вытащите». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри сказала им: «на утро, пока еще солнце не взойдет, я хочу, чтобы вы все приготовили и оставили». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри пошла оттуда домой.

На утро, пока еще солнце не взошло, пэри посмотрела и увидела, что башни построили и приготовили. Эта пэри сказала своему мужу-овчару: «башни приготовили, иди, скажи царю, пусть идет посмотреть башни». Овчар пошел оттуда в царский дом и сказал: «о царь, средоточие вселенной, я построил башни

go watí salātán, tā brawán. amé pādšá amé šwānágā gúštī: ta anūn bra bi watí gisá, a^m má wát a-rawán. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisá, go watí jínénā gúštī: man go pādšá gúštun, pādšá mnā gúštī: anūn ta bra, amá wát a-rawán. amé šwānágāi jínén gúštī: nápa bāz juwán int-a. amé ki amāi šār u kalátāi mardúm gírdī šútant pa gumúdānī sāilá, amé ki putrítant, gúđinā man pariyānā tawár a-kanín tā ar paríe watí xištá bzúrít u bart bi jāgāiš, bí tā pādšá go watí maxlúkān mirít. amé šwānág gúštī: ā ɖaɖl ki bīt, nápa bāz juwán int-a.

yak katrāe digár ki būt, amé šwānág sāilī kurt, dístī tā pādšá go mul-lán int-a u dém a-rāut wa amé g^dda maxlúk ša padāi gírdī bi maxšá oštātág ant u rawánt. amé šwānág sāilī kurt, dístī, gírdī putrítant bi gumúdānī tā. yak wār amé šwānág átī, go watí jínénā gúštī: pādšá go watí maxlúkā putrít bi gumúdānī tā. amé šwānágāi jínén átī, sāilī kúrtī, dístī: bābā, tángāt mardúm a-kāit, amé šwānágā gúštī: ta tānāxten amédinā bošt, sāil pkan, amé ki dístāi, amé pādšāai maxlúk gírdī putrítant, ta gúđinā mnā sí pkan. amé šwānág átī, bi yak gisá sará níštī u sāilī kúrtī, dístī, tángāt mardúm a-rāut bi gumúdānī tā. tā du sāāt níštī, gúđinā dístī tā mardúm alás bútant. amé šwānág š-amódinā átī, bi watí jínénāiyā gúštī: pādšāai mardúm gírdī šútant bi gumúdānī tā. amé šwānágāi jínén āt, sāilī kurt, dístī tā rást a-gušít

возьми своих мулл и воинов, и пойдём». Царь сказал овчару: «иди теперь домой, мы сами пойдём!» Овчар пришел к себе домой и сказал своей жене: «я сказал царю, царь мне сказал: „теперь иди домой, мы сами придем“». Жена овчара сказала: «ну, очень хорошо. Как только все жители его города и крепости пойдут смотреть башни и войдут внутрь, я позову пэри, чтобы каждая пэри взяла свой кирпич и унесла на место, пусть царь со своим народом умрет!» Овчар сказал: «если так случится, очень хорошо!»

Когда прошло немного времени, овчар посмотрел и увидел, что царь с муллами идет впереди, а сзади построилось в военном порядке и идет все остальное население. Овчар посмотрел и увидел, что все вошли в башни. Тотчас овчар пришел и сказал своей жене: «царь со своим народом вошел в башни». Жена овчара подошла, посмотрела, увидела, что люди еще идут, и сказала овчару: «побудь пока здесь и посмотри; как только увидишь, что народ этого царя целиком вошел внутрь, тогда ты меня извести». Овчар пошел, сел на крыше одного дома, стал смотреть и увидел, что еще люди идут в башни. Часа два он сидел, потом увидел, что люди прошли. Овчар пошел оттуда и сказал своей жене: «народ царя целиком прошел в башню». Жена овчара пришла, посмотрела и увидела, что он говорит правду: все прошли

gírdī šutág-ant. amé šwānágāi jínén šut, bi yak burzágā sará oštát, tawári kurt. bi awalíen tawárā parí wat rā zabr jođ kurtánt, bi dūmíen tawárā yak wār parí watí dastá bi xištán sađ kurtánt, bi sājumíen tawárā ar yáke watí xištá zurt u burt bi watí jágá.

karár pādšá go watí maxlúkā bi daryábā Nílā tā murt. amé šwānág dístī tā pādšá múrtī, gúđinā šut bi šār u kalátāi tā, sáilī kúrtī, dístī tā ič kas bi šārāi tā náint-a. karár átī, watí gisá zurt u burt bi šārā. šārāi pādšá bútī. man š-amóđinā jístun u bástun, pa wat yak imáne áúrtun, pa ta yak dištáre áúrtun.

IV

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pādšáe at. e pādšá jánén u zāg dāšt. ešī jánén be watí lāpā zāg dāšt. yak wáxte būt, nu mā u nu roč purrá būt, zāg dist. ešī zāg jáník^{ey} at. ša sāi róčā guđ e jáník biná kurt bi mālānī lāpāi čāk dātínā. dil u jagarāniš wártī u gúđā kāt pádā watí jágá, biná kurt be gretínā. ešī mās kāt tā dístī: zāg páč int. gúđā zāgá bástī u šut pádā wáptī. tārī ki róč a-būt, maxlúk äjrán a-būt tā mālānī lāp čāk dātá. gúđān e pādšá yak záge dáštī, ešī zāg čār čam dāšt, gúđā e zāg

Жена овчара пошла, стала на одной возвышенности и закричала. По первому зову пэри хорошенько приготовились, по второму зову пэри крепко взяли кирпичи в свои руки, по третьему зову каждая пэри взяла свой кирпич и отнесла на свое место.

Итак, царь со своим народом умер в реке Ниле. Овчар увидел, что царь умер, пошел в город и крепость, стал смотреть и увидел, что в городе никого нет. Он пришел, взял свою семью и отвез в город; сделался царем города. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме)

Было-было, кроме бога никого не было. Было время, был один царь. У этого царя была жена и сын. Его жена была беременна. Настало время, прошло полных девять месяцев и девять дней, и она разрешилась от бремени. Ее ребенок была девочка. Через три дня эта девочка начала вспарывать животы у скота. Она поела у них сердце и печень, а потом возвращалась обратно на свое место и принималась плакать. Ее мать подходила, видела, что дитя раскрыто, запеленывала ребенка, возвращалась и вновь засыпала. На утро, когда наступал день, люди удивлялись, что животы у скотины вспороты. А у этого царя был еще сын, и этот его сын был четырехглазый. Однажды

yak šápe watí du čammá wāb prent, dúi gidá rā páč kurt, dístī tā mnī gwār ša juntāi tā wat rā páč kurt, šut, yak du gokái lāpá čak dātī u gúdan díl u jagārāniš wártī u āt pādā watí juntāi tā, biná kurt bi gretínā, eší mās āt tā dístī: zāg páč int, zāgá bástī u šut pādā wapt.

tārī ki roč büt, e pādšāai zāg gúštī watí māsá ki man yak abáre daín, agá tī dilá na gīt. eší mās gúštī: mnī dilá na gīt, bguš. e čoriká gúštī: šarr, agá tī dilá na gīt, amé watí jánikā zián pkánit ke pa šmā yak róče baláe bīt. eší mās gúštī: xudá trá zián pkant, céwā loťai ša mnī jánikā? yak jánike xudá dātá, eší rā ta gušai, zián pkánit! če dušmanāie dārāi go mnī jánikā? š-amédā wat rā zián pkan! e čoriká š-amédā zār büt, gúštī: šmā rā yak róče gindín! yak áspe suwār bütī, š-amédā šut bi gidá yak šáre.

šut bi mā šārāi tā, pa wat yak māsúe wadí kurt. yak čunt sāl go mā watí māsúā níštī, p-ái kár a-kúrt. gúda yak čunt sāl gwástī, watí māsúā gúštī: man čunt sāl int ki átá un, watí pisai šār u kalátā na distá un, báre čon bütág ant. watí māsúā gúštī: pa man du saī nān pač, man a-ráin. eší māsú p-eší saī čār nān pakkítī, eší urjínai tā kúrtī, aspai pastárkā bast.

ночью этот сын двум своим глазам дал заснуть, а два других открыл и стал смотреть: вот моя сестра раскрылась, вышла из колыбели, вспорола животы у одной-двух коров, поела у них сердце и печень, вернулась в свою колыбель и заплакала. Ее мать подошла, увидела, что ребенок раскрыт, запеленала ребенка и вернулась спать.

На утро, когда наступил день, царский сын сказал своей матери: «я хочу сказать кое-что, если ты не обидишься». Его мать сказала: «я не обижусь, говори». Юноша сказал: «хорошо, если ты не обидишься, то уничтожьте эту свою дочку, потому что когда-нибудь она станет для вас несчастьем». Его мать сказала: «бог да уничтожит тебя! чего ты хочешь от моей дочери? одну дочку бог дал, и ты про нее говоришь: „уничтожьте!“ что за вражда у тебя к моей дочери? сгинь отсюда!» Юноша оскорбился и сказал: «когда-нибудь я вас еще увижу!» Он сел на лошадь и отправился отсюда в другой город.

Поехал он в тот город и сыскал себе приемную мать. Несколько лет он жил у этой приемной матери и работал для нее. Когда прошло несколько лет, он сказал своей приемной матери: «вот уже сколько лет, как я прибыл сюда и не видел города и крепости своего отца! что-то стало с ними?» Он сказал своей приемной матери: «испеки для меня два-три хлеба, и я поеду». Его приемная мать испекла для него три-четыре хлеба, положила к нему в переметную суму и привязала сзади седла. Были у него еще одна-две гончие собаки; своих гончих он

yak du tāzī am dāštī, watī tāzīānā am go wat zúrťī. watī māsūā gúšťī: pať tī rusxáttā! māsūī gúšťī: šútāĭ, xudā imāna baāi! šut.

šápe ĵáe, róče ĵáe, yak čunt roč rá šut, yak ĵáe āt, dístī tā sāĭ buz ant. e buzānī padā gíptī u šútī, yak ĵáe buz átant, čoriká dístī tā sāĭ ĵā-nén zág ant. ar sāyén kór atant. ar yak buz° bi yak ĵānén zāgáĭā āt u uštát. ar ka watī buzā méťī. e čoriká am ša yak pānādā laggít, méťī. ĵā-nikó dastā prent, sāĭl kurt tā dístī, buzāĭ agidá godān šir na dārít. ĵānikó aĭrān bŭt ki gúšťī: e buzā báre káĭ met? gúđān watī gwārā gúšťī: mnī buzā ta métag āĭ? ā gúšťī: na, dādā, man tī buzā na mečín, watī buzāĭ šírānā wartága na kanín. gúđān begāe duwārā buz átant watī wāúndānīyā, ar ka uštát watī wāúndāĭ demā. agidá gwāre gušt: ar ka watī buzā āzír bít, báre e čée ki buzānā mečít! bálke bgíranī, agár amédā mečít! gúđān ar ka watī buzā met, tā yáke dístī ke mnī buzāĭ godānā yáke peš kašít. oš am dastāĭ čalápt, gúšťī: ta ĵínne wāĭ, ĵātúe wāĭ, čí balāe wāĭ, ki ammāĭ buzānā mečāĭ? e čoriká gúšťī: na ĵínne un, na ĵātúe un, mardúme un. agár mnā pa brāsdārī kabŭl kanít, man šmāĭ brās a-baín. e ĵānikó gúšťant ki agár ādamī-zāte baāĭ, trā pa brāsdārī kabŭl a-kanán. e gúšťī: man ādamī-zāte un.

также взял с собой и сказал своей приемной матери: «ну, с твоего разрешения!» Его приемная мать сказала: «ну, раз едешь, будь под покровом божьим!» Он поехал.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней он ехал по дороге, приехал в одно место и увидел: там три козы. Он последовал за козами, поехал и увидел трех женщин; все три были слепы. Козы по одной подошли к каждой женщине и остановились. Каждая стала сосать свою козу. Юноша также подобрался с одной стороны и стал сосать. Девушка стала шупать рукой и заметила, что у козы с другой стороны в вымени нет молока. Девушка удивилась и сказала: «разве эту козу кто-нибудь уже высосал?» Потом она сказала своей сестре: «это ты высосала мою козу?» Та сказала: «нет, сестра, я не сосу твоей козы, мне и от своей козы не слезть молока». Вечером козы опять пришли к своим хозяйкам, и каждая стала перед своей хозяйкой. Другая сестра сказала: «пусть каждая последит за своей козой, кто это высасывает коз! поймал его, если он здесь сосет!» Каждая стала сосать свою козу, пока одна не заметила, что кто-то потянул вымя козы. Она схватила его за руку и сказала: «джинн ты или ведьма? что ты за напасть, что высасываешь наших коз?» Юноша сказал: «я не джинн и не ведьма, я человек, и если вы меня примете в братья, я буду вашим братом». Девушки сказали: «если ты рожденный человеком, мы примем тебя в братья». Он сказал: «я рожден человеком».

gúḍā yak róče büt, e čoriká šut pa šikārā, yak jāe āt, dístī tā buzlangíe waptá bi bāgáĭ tā. šut, š-ešī bāgá tā bāzén nīwáge wártī, bāzénī gidá čítī u watí urjínā pur kurt. yak ga buzlangí āgá büt. āt pa čorikāĭ jānā, gúštī: e bāg wāūnd dārit yā nā? čoriká gušt: š-e wāūndān sad bīt, čéwā kant? e buzlangí gušt: man trā nišán a-dáin. yak ħúrze dāšt, da pút a-kāt, ħurzā bāl āūrt pa čoríāĭ jānā, čorí am be-ħairatí na kurt, ešā yak záme prent, ša miyānjínā du kap büt. gúḍān āt, watí aspá s"war büt. āt watí gwārānīyā. amé nīwágān dātī ki wārtan. yak ga yáke gúštī: wāxāĭ jān, mnī čam páč bütant. agidá gúštant: ammāĭ čam am páč bütant.

gúḍān yak čunt waxt e čorí go me watí gwārúkān ništ, gā waxtá pa šikārā am šut. yak róče büt, e čorí gušt watí gwārānā ki man sapāre dārin, annūn man a-raín, šmā tā wáxte ki man a-kāin, amédā mníndit watí jāgá. gwārī gúštant: čunén sapāre dārāĭ? čorí gúštī: man yak wáxte šār u kalāte dāštā un wa siyād u brās dāštā un, na zānín ke báren čón bütág ant. gwārī gúštant ki rawāĭ, xudāĭ imāna baāĭ. amā int, čorí watí aspá suwār büt, watí gwārānā gušt ki mnī tāzīānā bandít. ar waxt ki dístit ki tāzī kulúnz-kulúnz kúrtant wa kalāndiš zang ĵát-at, gúḍā zānit ki mnī sará sakkíe ātā, tāzīānā yełá kanit. gúḍā š-amódā rādlág büt.

Потом наступил день, когда этот юноша отправился на охоту, попал в одно место и увидел, что в саду спит бузланги. Он пошел и поел много плодов из его сада, а еще много других нарвал и наполнил ими свою переметную суму. Вдруг бузланги проснулся, устремился на юношу и сказал: «есть хозяин у этого сада или нет?». Юноша сказал: «пусть хоть сотня будет этих хозяев, что же из того?». Бузланги сказал: «я тебе покажу!» У бузланги была палица весом пудов в десять; он замахнулся палицей на юношу. Юноша также не проявил малодушия, ударил его раз мечом, и тот раскололся на двое. Потом он подошел к своей лошади, сел верхом, приехал к своим сестрам и дал им поесть этих плодов. Сразу одна сказала: «ах! мои глаза раскрылись!» Другие сказали: «наши глаза также раскрылись!»

Потом некоторое время юноша пожил у этих сестер; иногда ходил на охоту. Однажды юноша сказал своим сестрам: «мне предстоит путешествие, и я теперь поеду, а вы оставайтесь здесь на своем месте, пока я не приеду». Его сестры сказали: «что у тебя за путешествие?». Юноша сказал: «когда-то у меня был город и крепость, были родные и братья, и что случилось с ними, не знаю!» Сестры сказали: «если едешь, будь под покровом божьим!» Вот юноша сел на свою лошадь и сказал своим сестрам: «привяжите моих гончих, и если увидите, что они заскулили и их кормушка покрылась ржавчиной, тогда знайте, что надо мной стряслась беда, и пустите гончих». Затем он пустился в путь.

yak čunt waxt rá šut. āt be watí pisáĭ šār u kalátāĭ nazínkā tā dístī: gis ānčo kúl ant, mardúm paidá na bīt. amá int watí pisáĭ gisáĭ nazínkā áti tā dístī yak ťuk-ťúke. ā-kaštírā šut, yak ga ešĭ gwār ke mardúmānā mālānā wárt-at, ešá dístī, gúšti: wāx lālā ĵān, man pa tī ŧamán kór un, ta guĵá bŭtág äĭ? brásĭ ša aspá er kapt, watí brāsáĭ demá čukkítī u gúšti: bdäĭ, tī aspá barín, āp dāĭn, lālā. e čorĭ gúšti: bar, āp bdäĭ. aspá búrtī, bi āpá sár na kúrtī u yak pādāĭ wártī u aspá pādā áurt go säĭ dast u pādā, watí brāsá gúšti ki tī asp go säĭ dast u pādā átá, lālā? ā gúšti: ān. katrāĭ gidá bŭt, gúšti: tī asp āp a-wárt? čorĭ gušti: ān. aspá búrtī u bi rāáĭ nemágā agidá pādāĭ wart. āúrtī pādā, gúšti: tī asp go du dast u pādā átá, lālā? ā čorĭ gúšti: ān, dādá, go du dast u pādā átá. e čorĭ ša trusá íčĭe na gúšti, ar če ki ā gúšti, e gúšti: ān. yak katrāĭ gidá bŭt, gúšti: asp āp a-wárt, lālā? gúšti: ān. aspá búrtī pa āpá. rāáĭ nemágā agidá lingáĭ wart. duwārág āt pādā, gúšti: tī asp go yak pādā átá. e gúšti: ān. yak katrāĭ gidá bŭt, gúšti ke tī asp āp wart, lālā? ā gúšti: ān. búrtī, agidá pādāĭ am wart. sarágäĭ go lāšāáĭ kaš kurt, āúrt, gúšti: tī asp go sĭnágā átá, lālā?

Некоторое время он был в дороге. Когда он приблизился к городу и крепости своего отца, он увидел, что дома точно вымерли, и человека нельзя найти. Вот поблизости дома своего отца он услышал постукивание. Он направился в ту сторону, как вдруг его сестра, которая поедала людей и скотину, его увидела. Она сказала: «ах, братец, я ослепла от тоски по тебе! где ты был?» Ее брат спустился с лошади, она поцеловала своего брата в лицо и сказала: «давай, братец, я отведу и напою твою лошадь». Юноша сказал: «отведи, напои». Она повела лошадь и еще не довела до воды, как отъезла у нее одну заднюю ногу. Она привела обратно лошадь на трех ногах и сказала своему брату: «братец, твоя лошадь пришла ведь на трех ногах?» Он сказал: «да». Прошло немного времени, она сказала: «твоя лошадь ведь попьет воды?» Юноша сказал: «да». Она повела лошадь и на полпути отъезла у нее еще ногу. Потом привела ее обратно и сказала: «братец, твоя лошадь пришла ведь на двух ногах?» Юноша сказал: «да, сестрица, она пришла на двух ногах». Юноша от страха сам ничего не говорил; что она ни говорила, он поддакивал. Прошло еще немного времени, она сказала: «твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь за водой и на полпути отъезла у нее еще ногу. Она опять вернулась и сказала: «твоя лошадь пришла ведь на одной ноге?» Он сказал: «да». Прошло еще немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она отвела ее и отъезла у нее еще ногу, а голову с туловищем притащила и сказала: «братец, твоя лошадь ведь на груди при-

e gúštī: ān. duwārág katrāĭ gidá büt, gúštī: tī asp āp a-wá, lálá? e gúštī: ān. búrtī, aspāĭ lāšá wártī, sarágāĭ káš kúrtī, āúrtī, gúštī: tī asp go sarágā ātá, lálá? ā gúštī: ān. e gaštī gúštī: tī asp āp a-wá, lálá? e gúštī: ān. búrtī, sarágā rāāĭ nemágā wártī u átī pādā, aṡsārā káš kurt u āúrtī, gúštī: ta amé aṡsārā s^wár bütág äĭ u ātág äĭ? e gúštī: ān. annún ā watī abārā alás ku.

čorī gušt: man tunnág un, amé gečínā pa man āp pkan u biyār. gwārī gušt: šarr, man a-raín, āp a-kārín, ta tā wáxte amé tāsá ptlíngen. ā šútī, e tāsá amédā tlingéntī u níštī, yak ga ša kundāĭ tā múške dár kapt, gúštī ki ta bjí kan, ā bāĭt, trā wart. man tā wáxte go liṭṭikā tlingenín. čorī š-amédā arkát kurt, šut bi watī pisāĭ inkénā, sāĭ sorāĭ kutág zúrtī wa yak srummadāne go šepáge u rādág büt. ā čorīā bil ki brot, abár š-āĭ gwārā bdāĭ.

yak gašt, du gašt ĵānikó gečínā be āpá jat. dístī tā ič āp ná ^wušít. yak ga ĵārī ku, gečínā bál āwúrt u jat ḍigārā u rādág büt. gúštī: kusíe zāg, kāāĭ ki mnā brepenāĭ. yak ga man sar bāín, píṭṭe ^won bi ḍigārā ma rečít! ĵinikó āt, dístī tā yak múške go liṭṭikā tlin-tlíng a-kánt u brāsī édā

шла?» Он сказал: «да». Опять прошло немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь, съела ее туловище, голову притащила и сказала: «твоя лошадь ведь на голове пришла, братец?» Он сказал: «да». И на этот раз она сказала: «братец, твоя лошадь ведь попьет воды?» Он сказал: «да». Она понесла голову, съела ее на полпути, вернулась, притащила конский убор и сказала: «ты ведь сел верхом и приехал на этом конском уборе?» Он сказал: «да». Теперь она закончила свои речи.

Юноша сказал: «я хочу пить, налей в это решето для меня воды и принеси». Его сестра сказала: «хорошо, я пойду, принесу воды, а ты пока поколоти в эту чашу». Она пошла, а он остался колотить в чашу, как вдруг из норы выскочила мышь и сказала: «беги, а то она придет и съест тебя! я пока постучу хвостом». Юноша поднялся оттуда, пошел к месту бывшей стоянки своего отца, взял там три золотых подножки для очага и мешочек для сурьмы с кисточкой и пустился в путь. Оставь этого юношу, пусть он идет, и расскажи про его сестру!

Раз или два девушка погрузила решето в воду. Она увидела, что вода в нем не держится, рассердилась, подняла решето, бросила его на землю и пустилась в путь. Она сказала: «порождение блуда, ты хочешь меня обмануть! я живо доберусь до тебя, даже капля твоей крови не прольется на землю!» Девушка пришла, увидела, что это мышь стучит хвостом, а ее брата там нет.

näint. ĵinikó zántī ki mnī brās ĵistá u kapt bi muškáĵ padá. mušk putrít bi kundáĵ tā. ĵinikó biná ku bi pač dātínā. mušká gíptī, yak dapárī kurt u kapt watí brāsáĵ padá. búrtī, yak ĵāĵ ešá rasént. ā am yak kutáge soráĵ préntī, eš am amá kutágā zurt u pádā āt, e kutágā íštī u duwārág kapt bi aí padá. duwārág nazzínk kurt áe rā. ā gidá kutáge prent, eš am zúrtī u pádā āt. duwārág kutágā íštī u kapt be āí padá. duwārā ešá nazzínk ku. e gidá kutáge prent, e kutágā am zurt u āwúrt pádā, íštī, duwārág káptī bi padáĵ.

tā wáxte āngát e sar na bŭt-at, yak ga čoriká šepágā bi đigárā ĵátī u saráĵ ništ u yak duáe kurt ki amé šepág yak dráxte bŭt ki sárī bi āsmánā rasít. ĵänikó am āt, gúštī: kúnī zāg, bi draxtá bālá bŭtág äĵ, ša mnī dastá alás a-baáĵ, wa biná kurt bi draxtáĵ arrá kurtínā go watí dantánān. brásī gušt: boš, dādá, pa^t ta ššāre bgušín. gwárī gušt: bguš, šarr. čoriká gúštī: šéri man, bā-šéri man, zŭ-zŭt biyā, kala-šéri man. e ĵinikó gúštī: watí māsáĵ mardánā tawár a-kanáĵ u biná ku be arrágāĵ kurtínā. yak katráe arrá ku, čoriká gúštī: boš, dādá, pa^t ta ššāre duwārág bgušín. ĵänikó gúštī: bguš. čoriká duwārā watí tāzī^vānā tawár a-kŭrt u yak ššāre gušt: šéri man, bā-šéri man, zŭ-zŭt biyā, kala-šéri man. ĵänikó gúštī: watí māsáĵ mardánā tawár a-kanáĵ,

Девушка поняла, что брат убежал, и бросилась за мышью. Мышь спряталась в норе, девушка стала ее раскапывать. Она поймала мышь, разом ее проглотила и погналась за братом. В одном месте она его настигла; он бросил одну золотую подпорку для очага. Она взяла эту подпорку, вернулась, оставила эту подпорку и вторично бросилась вслед за ним. Вторично она приблизилась к нему; он бросил другую подпорку. Она взяла ее, вернулась, положила подпорку, бросилась вслед за ним и вторично приблизилась к нему. Он бросил еще другую подпорку. Она ее взяла, принесла обратно и опять бросилась за ним.

Пока она его еще не настигла, юноша бросил на землю кисточку для сурьмы и сел на нее. Он сотворил молитву, и кисточка сделалась деревом, вершина которого доходила до неба. Девушка подошла и сказала: «порождение блуда, ты забрался на дерево, чтобы выскользнуть из моих рук!» и принялась подпиливать дерево своими зубами. Ее брат сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку». Его сестра сказала: «хорошо, спой!» Юноша сказал: «лев мой, о мой лев, скорей приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» и принялась пилить. Когда она немножко попилила, юноша сказал: «подожди, сестрица, я еще раз спою тебе песенку». Девушка сказала: «спой!» Юноша вторично стал звать своих гончих и запел песенку: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей

pa mnī balāāi janīā tawār kanāi. duwārāg binā kurt pa arrāgāi kurtinā. ešā bil ki amédā arrāg kant, ša tāzī'an goš pkaš.

tāzī zānānt ki ammāi wāūndāi sarā sakkīe ātā, binā kurtant kulūnz-kulūnz kurtinā. ešī gwār sāil kurtant ki kalānḡ zang jatā, tāzī am kulūnz-kulūnz a-kanānt. yak'ga tāzī'anā elā kurtant. tāzīānā bil ki kam-kam biānt déme čorīā.

čorī dīstī ki draxtā nazīnk kurtā ki arrāg pkant. duwārāg gūštī ki boš, dādā, pa^t ta šāre bgušīn. e gūštī: bguš. duwārāg čorikā šāre gušt pa watī tāzīān: šēri man, bā-šēri man, zū-zūt biyā, kala-šēri man: yak gašt jānikó gūštī: watī māsāi mardānā tawār a-kanāi. duwārāg laggīt bi arrāgāi kurtinā. tāzī am rasītant. čorikā gūštī: bgirīt kūnī'a! tāzī ešā gīptant ki tál dayānt. yak ga jānikó gušt ki brāsāi čāmm a-gardānt u gwārā tāzī kāyānt ki tál dayānt. yak ga ešī brās gušt: elā bdāitī! tāzī ešā elā dātant. eš am arkāt ku, bi draxtā laččīt u arrāg kurt. duwārā čorikā gūštī: bgiritī! e gaštī ar če gūštī, brāsī gušt: čuk-čūkī pkanit. gwārī gūštī ki mnā kuštīnā kušāi u yak abāre dārīn, yak ga watī tāzī'anā bguš ke bóštant. čorikā tāzīāna gūštī: elā kānitī! jānikó gušt: mnī guṭṭāi rāā yak morāge ast, ar kadén ki mnā kúštant tāzī, gūḡān ta er kap u biyā, amé morāga ša mnī guṭṭāi rāā dūr

своей матери! и зовешь на мою погибель!» Она опять принялась пилить. Оставь ее, пусть здесь пилит, послушай про гончих!

А гончие понимают: «ведь с нашим хозяином случилась беда!» и заскулили. Его сестры увидели, что кормушка покрылась ржавчиной, а гончие скулят, и тотчас пустили гончих. Оставь гончих, пусть они постепенно приближаются к юноше!

Юноша увидел, что она уже почти распилила дерево. Он опять сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку!» Она сказала: «спой». Опять юноша запел песенку для своих гончих: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сразу сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» опять принялась пилить, но гончие уже подросли. Юноша сказал: «хватайте ее за зад». Гончие схватили ее, чтобы растерзать. Девушка сказала: «брат глазееет, а сестру собираются растерзать гончие!» Ее брат сказал: «отпустите ее!» Гончие ее выпустили. Она рванулась, схватилась за дерево и стала пилить. Юноша опять [сказал: «разорвите ее!» На этот раз, что она ни говорила ее брат сказал: «разорвите ее!» Его сестра сказала: «убивать меня убей, но я имею нечто сказать! скажи своим гончим, чтобы подождали!» Юноша сказал гончим: «отпустите!» Девушка сказала: «у меня в горле есть бусина; как только гончие меня убьют, ты спустишься, подойди и вынь из моего горла

kan u bar, psóči u urt kan u amá watí pisáĭ šār u kalátāĭ miānjīnā pāš bdāĭ, gúdā múčči māl u mardúm zindág a-bayánt. e ĵinikó ki watí abārā alás ku, čoriká tāziānā gúšti: bgiritī. tāzī am ešá ʔukkúr-ʔukkúr kúrtant u préntant.

čoriká ša draxtā ér kapt u āt, amé morágā š-ešī gutʔā dūr kurt u šut bi watí pisáĭ šārā pādā. morágā šóti u urt-úrtī kurt u āt bi šārāĭ miānjīnā, amé morágāĭ purrānā pāš dāt tā dístī, múčči zindág bútant. gúštant: čon wápt-atan, ammá rā pād kúrtāĭ! čoriká āt watí pis u māsāyā, gúšti: wáxte ki man šmā rā gúštun ki watí ĵinikā ziyán pkanít, šmā pa mnī jānā ʔār kurtit. dístit, š^umā rā čon ziyán kurt! māsī gúšti: ammá čéwā zántan ke ā é ɖaɖlā kant. annūn ar ka bi watí murádā rast, š-amódā ĵíštun u bástun, pa wat imán āwúrtun, pa ta dištáre.

V

būt na büt, ša mašmāĭ xudá getír káse na büt. yak pādišāe at. amé pādišā dāšt sāĭ zāg wa yak ĵinéne. amé pādišāāĭ ĵinénā ič ĵinikā na büt. amé pādišā mudám xudá-xudá kurt ki āĭ xudá, ta mnā yak ĵiníke bdāĭ, bil

эту бусину; отнеси, сожги, измельчи ее и посыпь в середине города и крепости твоего отца, тогда все оживут, и люди, и животные». Как только девушка окончила свои слова, юноша сказал гончим: «хватайте ее!» Гончие разорвали ее на куски и бросили.

Юноша спустился с дерева, подошел, вынул у нее из горла эту бусину и пошел к городу своего отца. Он сжег бусину, измельчил ее, пришел в середину города и рассыпал пепел от этой бусины; увидел, что все ожили. Они сказали: «как мы спали! ты разбудил нас!» Юноша подошел к своему отцу и матери и сказал: «когда я вам говорил, чтобы вы уничтожили свою дочь, вы на меня разгневались! теперь вы увидели, как она погубила вас!» Его мать сказала: «разве мы знали, что она так поступит?» Теперь каждый достиг своего желания. Я оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя невесту.

(V. О четырехглазом брате и сестре ведьме, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына и одна жена. Дочерей у жены этого царя вовсе не было. Царь все время призывал бога, говоря: «о боже, даруй мне дочку!

tā jātúe bīt yā jíné bīt, mul nāmī jínike bīt. yak čunt waxt gwast, xudá bi ešī jínike dāt. amé jíník jātúe at. ša amé pādišāāi sāiēn zāgān yáke nām Lālói čār-čam at. amé Lālói čār-čam čār čam dāšt, watí du čamá wāpéntī wa go dúi digārā sáil a-kúrt. amé Lālói čār-čam yak šápe at, amé watí pisāi gisāi dapá wapt. amédā ki wápt at, bi amé šapāi nemágā amé jínikó ustát u wat rā ša bandókā páči kurt u š-amédā šut. amé Lālói čār-čami pisāi gisāi ā pānāđā uštúr jukít atant. amé jínikó šut, yak gađúke pađđāi kurt u āúrt, yak gogírde am šut, pađđāi kurt u āúrt. ātíše jātī, amé ušturānī jagār u dilānā kašít wa bi amé watí gađúkāi tái kurt u pakít u wart u š-amédā pādā bír gašt u šut, watí pučānā zurt ū bi watí gwará kurt u pa duwārág šútī, bi watí māsāi bagālā wapt. amé Lālói čār-čam íči na gušt.

šapí wáptant. tārīenā ustátant. amé Lālói čār-čam go watí pisá gúšti: āi bābā, man trā yak abāre dāin, ta čé^v a-gušāi? ta mnā na janāi? amešī pis gušt: man trā ič waxtā na janín. amé Lālói čār-čam gúšti: āi bābā, amé tī jíník āxírā pa ta balāe bīt. amešī pis gušt: pa če, bābā? amé Lālói čār-čam gušt: amé tī jíník jātúe, man došī bi tī gisāi dapá át-atun, wápt-atun. yak wār dístun tā amé tī jíník wat rā ša junťā prent u ustát, watí julānā ša watí jānā préntī, wat š-amédā ustát u šut, amé mašmāi gisāi áškāi ušturānī

пусть будет ведьма или джинн, лишь было бы название дочки!» Прошло некоторое время, и бог дал ему дочь. Эта дочь была ведьма. Из трех царских сыновей один был по имени Лалу четырехглазый. У этого Лалу четырехглазого было четыре глаза: двум глазам он давал спать, а двумя другими смотрел. Однажды ночью этот Лалу четырехглазый пришел ко входу в дом своего отца и лег спать. В полночь, когда он спал, девочка встала, раскрыла свои пеленки и вышла. А с той стороны дома отца Лалу четырехглазого спали верблюды. Девочка пошла, отыскала и принесла котел; пошла также за спичками, нашла и принесла их. Она развела огонь, вытащила из верблюдов сердце и печень, положила в котел, сварила и воела. Потом она вернулась, взяла свои одежды, завернулась в них и опять легла со своей матерью. Лалу четырехглазый ничего не сказал.

Ночь проспала, на утро встала. Лалу четырехглазый сказал своему отцу: «батюшка, я хочу тебе кое-что сказать! ты что скажешь? не побьешь меня?» Его отец сказал: «я тебя никогда не побью». Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, эта твоя дочка в конце концов будет для тебя несчастьем» Его отец сказал: «почему, сынок?» Лалу четырехглазый сказал: «эта твоя дочь — ведьма: я ночью подошел к дверям твоего дома и лег спать, как вдруг увидел: твоя дочь выскочила из колыбели, встала и сбросила с себя свои пеленки; пошла оттуда, вытащила сердца из верблюдов с той стороны нашего

dilánā kašítī, āurtī u šut, yak gadúke paidái kurt u āurt u amé dilánā bi táj préntī u š-amédā šut, yak γábe gogírd paidái kurt u āurt, amé goštánā pakít u wártī, pa duwārág padói bir gáštī u átī, watí júlánā bi watí gwará kurt u š-amédinā šut, bi watí māsáj bagálā wáptī. amé pādišá go watí zāgá go Lālói čār-čam gúštī: man aláu-balā dārín yak jiníke, anún ta káyāj ki amešī rā pa man májlāj! amé Lālói čār-čam gúštī: bábá, pa man e tī jiník, amá amé tī jiník āxírā pa ta yak baláe bít. amé pādišá go Lālói čār-čam gúštī: e tī kār nájnt-a, ta ša mnī gisá ar jā ki rawáj, bra!

karár amé Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi yak jāgáe, gušnág bütī. amé watí kitóā sájli kúrtī, dístī tā bi amé mnī kitóā apt dānág urmág ast. amé urmágānā kašítī u wártī u amé gadágāniš bi yak juwáj kirrá kúrmī kurt u wat š-amódinā šut bi yak jāgáe, dístī tā amédinā yak koná táme ast. yak wār amé Lālói čār-čam š-amédinā šut bi amé koná támājyā, dístī tā amédinā sāj jinén zāg ast. karár amé Lālói čār-čam íči na gúštī u amédinā srapítī, šapí amédinā níštī, dístī: ša āsmánā sāj nān kapt. amé Lālói čār-čam ša amé nānān yak-yak lunká pa wat próštī u íči na gúštī. dístī tā š-amé gisáj tā sāj kor átant, amé nānāna pa wat búrtant. amé Lālói čār-čam, yak sáte digár büt, dístī tā š-amíngūr sāj buz átant. yak wār amé Lālói čār-čam amé buzánā

дома и принесла их. Потом она пошла, отыскала и принесла котел, положила в него сердца; опять пошла за коробкой спичек, нашла и принесла их; это мясо она сварила и съела, а потом она вновь вернулась, завернулась в свои пеленки и легла спать к своей матери». Царь сказал своему сыну, этому Лалу четырехглазому: «все-то и есть у меня одна дочь, а теперь ты хочешь и ее у меня не оставить!» Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, для меня она твоя дочь, но в конце концов эта твоя дочь станет для тебя несчастьем!» Царь сказал Лалу четырехглазому: «это не твое дело, уходи из моего дома, куда хочешь!»

Итак, Лалу четырехглазый пошел отсюда в другое место. Он проголодался, стал смотреть у себя в кармане и увидел, что в кармане есть семь штук фиников. Он вынул и съел эти финики, а косточки закопал на берегу одной канавы. Оттуда он пошел в другое место и увидел, что там есть старая постройка. Лалу четырехглазый пошел к этой старой постройке и увидел, что там три женщины. Лалу четырехглазый ничего не сказал, спрятался здесь, пробыл здесь ночь и увидел, что с неба упало три хлеба. Лалу четырехглазый отломал для себя по кусочку от этих хлебов и ничего не сказал. Потом он увидел, что из этого дома вышли три слепых (женщины) и унесли эти хлебы с собой. Прошло некоторое время; Лалу четырехглазый увидел, что с этой

gípt u š-ar buzái māīgā yak-yak glum šír wárti u gúđinā amé buzānā elá kúrti. yak katrāe digár ki búi, dísti: amé kor átant, amé buzānā búrtant, dúštant, dístant tā buz šír zabr na dāránt. múči go wat gúštant ki pa če buz maróči šír na dāránt? amé ki watí nānānā sājl kúrtant, dístant tā ša nānānī čunđá am dūr kurtagí. karár amé kor gúštant: mašmā maróči amé watí gisái tā bgardán, ar kas ki bīt, mašmā aī rā wát a-gindán. amé kor girdi yak jā bútant u amé watí gisái čār daurá gíptant u yak wār amé Lālói čār-čāmā dístant. amé ki dístanti, yak wār amé Lālói čār-čam gúšti: šmā mnā íči má kanit, man am šmäi yak brāse un. amé säyén kor gúštant: ā dol ki bīt, amá iī xajrát a-bayán! amé nāne ki pa amá kāit, amé nānānā go amá bor, amé buzānā bar pa čarentínā.

amé zāg amé buzānā búrti pa čarentínā. dísti tā amé buz amíngūr a-rawánt. ā íči na gúšti u amé buzānā elá kúrti tā šútant. wat am amé buzānī padá šúti. šúti, šúti, bi yak jāgāe dísti: amédinā yak bāge. amé Lālói čār-čam šúti, putrit bi amé bāgāi tā, dísti tā amédinā yak gisídāi dráxte ast. amé Lalói čār-čam go wat gúšti: man maróči ša amé gisidán agár pa watí gwārán ma barín, íčča na bīt. amé Lālói čār-čam bi amé draxtái sará bālā büt. ta bzānāi bi amé draxtái čerā yak buzlangie wáb int-a u bi amé

стороны пришли три козы. Лалу четырехглазый схватил этих коз; попил по-немногу молока из вымени каждой козы и отпустил этих коз. Когда прошло еще немного времени, он увидел, что слепые подошли, отвели коз, стали донть и заметили, что у коз нет, сколько следует, молока. Все они сказали друг другу: «что это сегодня у коз нет молока?» Когда они стали ощупывать свои хлебы, они заметили, что и у хлебов края отломаны. Наконец, слепые сказали: «поищемте у себя дома: кто бы он ни был, мы его найдем!» Слепые собрались вместе, окружили свой дом и нашли Лалу четырехглазого. Когда они нашли его, Лалу четырехглазый сказал: «ничего со мной не делайте, я тоже один из ваших братьев!» Эти трое слепых сказали: «если так, то мы для тебя готовы пожертвовать собой! ешь вместе с нами этот хлеб, который к нам попадает и води этих коз пастись».

Юноша повел коз пастись. Когда он повел их пастись, он увидел, что козы идут в сторону. Он ничего не сказал, позволил козам идти и сам пошел вслед за ними. Шел, шел и увидел, что в одном месте есть сад. Лалу четырехглазый пошел туда, вошел внутрь сада и увидел, что там есть дерево из кораллов. Лалу четырехглазый сказал про себя: «никак нельзя, чтобы я сегодня не унес этих кораллов для своих сестер». Лалу четырехглазый взобрался на верх этого дерева. А тебе нужно знать, что под этим деревом спит

buzlangiäi läpäi sará yak táse brinjien ast. amé ki Lálói čār-čam amé drax-tái gisídānā sistī, yak wār yak gisídäi dānāge sist u kapt bi amé tāsāi sará. amé tās tlang u tawār kúrti, yak wār amé buzlangi ustāti, sáili kúrti, dísti tā aní Lalói čār-čam bi amé draxtái sará int-a. yak wār amé kāperén buzlangi amé Lálói čār-čamī dastá gipt, ša amé burzágäi sará éri kurt u amé Lálói čār-čamī dast u pādānā go čilúkā básti u yak ašt čábúk āurti u bi amé Lálói čār-čamā jātī. amé Lálói čār-čam gúšti: bābā, pa e čábúkäi wašiyā!. yak wār amé biyáklen buzlangi bāwār kúrti wa go amé zāgā gúšti: man anūn trā páč a-kanín, ta gúdinā mnī pādānā band. amé Lálói čār-čam gúšti: nápa bāz juwán int-a. amé buzlangi amé Lálói čār-čamī pādānā páči kúrti wa wat rā prénti bi digārā, go Lálói čār-čam gúšti: anūn biyā, mnī dast u pādānā band. amé Lálói čār-čam amé čilúkānā āurti u amé buzlangiyäi dast u pādānā sak go čilúkā básti u amé čábúkānā zúrti, látī kúrti bi amé buzlangiyäi jānā. yak wār amé buzlangi gúšti: anūn bás int-a! amé zāg gúšti: bas nājint-a, man trā kušín. yak wār amé buzlangi gúšti: ta ki mnā kušāi, nápa juwán int-a, magār amé mnī guťai ráai dapá yak sāi sabzén morág ástant, ta amé morágānā dār pkan u bar, psá u amíngūr sāi jiník ant kóren, bi amā jinikānī čamán muš, gúdinā amā jinikānī čam drūá bayánt. amé Lálói čār-čam gúšti: nápa bāz juwán int-a.

бузланги, и на животе у этого бузланги медная чаша. Как только Лалу четырехглазый стал рвать кораллы с дерева, вдруг одна штука кораллов оторвалась и упала на эту чашу. Чаша зазвенела и зазвучала, бузланги встал, осмотрелся и увидел, что Лалу четырехглазый на верху дерева. Тотчас этот поганый бузланги схватил Лалу четырехглазого за руку, спустил его сверху и связал ему веревкой руки и ноги. Потом он принес штук восемь плетей и стал бить Лалу четырехглазого. Лалу четырехглазый сказал: «спасибо, батюшка, за сладость этой плети!» Глупый бузланги поверил и сказал юноше: «я теперь тебя развяжу, а ты свяжи мне ноги». Лалу четырехглазый сказал: «хорошо!» Бузланги развязал ноги Лалу четырехглазому, лег сам на землю и сказал Лалу четырехглазому: «ну, теперь иди и свяжи мне руки и ноги». Лалу четырехглазый принес веревки, крепко связал веревками руки и ноги бузланги, взял плети и стал бить бузланги по телу. Бузланги сразу сказал: «теперь довольно!» Юноша сказал: «нет, не довольно, я тебя убью!» Бузланги сказал: «раз уж ты меня убиваешь, хорошо! только у меня в горле есть три зеленых бусины, ты эти бусины вынь, отнеси и истолки, — а здесь есть три слепые девушки, — так ты помажь ими глаза этих девушек, и их глаза исцелятся». Лалу четырехглазый сказал: «очень хорошо».

yak wār amé buzlangíyā kúšti u amé säén morágānā ša amé buzlan-
gíyāi guṭāi rá dūrī kúrti u búrti bi amá watí gwārānīyā. amé ki búrti bi
wātī gwārānīyā, go amé watí gwārān gúšti: āi dādān, agár man šmāi ča-
mánā drūá pkanín, šmā mnā čéwā dáit? amé kor gúštant: agár, lālā, ta amāi
čamānā drūá kúrtāi, ša amá säil pkan, gujām juwānéne, amāe rā bgir. amé
Lālói čār-čam šut, yak sínge paidāi kurt u āurt, amé morágānā gipt u
kuṭit, zabr úrti kúrti u sápti u šut, yak káme āp āurti, amé morágānā āp
kašit u búrti, amé säén korānī čamānā piṭént. amé kor drūá bútant. amé
Lālói čār-čam ša ameshānī tā yak jiníke rā gipti, agdár am pa eši kār
a-kúrtant.

karār yak čunt waxt bütī, amé Lālói čār-čam pa wat du tāzī zítī u
āurti bi watí gisá, go amé watí jinénā gúšti: man anūn a-raín bi watí pisāi
šarā ki čón int-a āi awá. amé jinénī gúšti: juwān int-a, bra. Lālói čār-čam
gúšti: ar waxt dístāi tā amé māšmāi tāzī klunz-klunz kúrtant, gúḍinā ta
bzānāi ki bi mnī sarā sakíe ātagí, ta amé tāzīyānā elá pkan.

karār Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi watí pisāi šarāiyā. amé ki átī
bi watí pisāi šarāi pānādā, uštāt, góši kašit, íčiyāi tawār náint-a, yak áššāi
tawāre ast, digár íčiyāi tawār náint-a. karār átī, dístī tā amídinā yak áspe
go zenā bastagí. amé Lālói čār-čam amé aspā suwār bütī u āi kúrti u šúti

Он убил бузланги, вынул из его горла эти три бусины и отнес их своим
сестрам. Когда он отнес их своим сестрам, он сказал им: «сестрицы, что вы
мне дадите, если я вылечу ваши глаза?» Слепые сказали: «братец, если ты
вылечишь наши глаза, посмотри сам, и которая из нас хороша, ту и возьми».
Лалу четырехглазый пошел, отыскал камень и принес его; взял эти бусины, раз-
дробил, растолок и хорошо измельчил их; сходил и принес немного воды, полил
воды на эти бусины и накапал в глаза трем слепым. Слепые исцелились. Лалу
четыреглазый взял из них одну девушку в жены, а другие на нее работали.

Прошло некоторое время. Лалу четырехглазый приобрел себе двух гончих
собак, привел к себе домой и сказал своей жене: «я теперь отправлюсь в город
своего отца, как-то он поживает?» Его жена сказала: «хорошо, отправляйся!»
Лалу четырехглазый сказал: «как только ты увидишь, что наши гончие за-
скулили, тогда знай, что со мной случилась беда, ипусти этих гончих».

Итак, Лалу четырехглазый отправился в город своего отца. Как только
он приблизился к городу своего отца, он остановился и стал прислушиваться:
ничего не слышно, слышен только стук ручной мельницы, никаких других звуков
нет. Он подошел и увидел, что здесь привязана оседланная лошадь. Лалу
четыреглазый сел на эту лошадь, погнал ее и поехал в город. Вдруг он

bi šārāiyā, yak wār dístī tā mnī jātūen gwār átī. ā go watí brāsá gúštī: äj lālā, tī asp tunág-u nájnt-a? amé Lālói čār-čam gúštī: tunág int-a, dādā. amé aspá zurt u burt déme āpá. bi āpáj sará na búrtī wa amé aspáj du dastá wártī. amé ki du dastáj wártī, gúđinā amé aspá zurt u āurtī bi pādā bi Lālói čār-čamīyā wa gúštī: äj lālā, ta watí aspá bi du pādáj sará āurtág äj? amé Lālói čār-čam gúštī: ān, dādā. amé aspá bi pādā búrtī. yak wār amé Lālói čar-čam sājli kúrtī, dístī tā bi amé mnī pisáj šārāj tā ič kas na mān-tagí, múčānā e be-dín wartagí.

yak katrāe digár büt, amé jātú átī bi Lālói čār-čamīyā, gúštī: äj lālā, ta tunág-u ná wäj? yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man tunág un. amé jātú, amédā yak gečine átī, amé gečínā zurt u burt ki āp pkant u biyárīt. amé ki ā āngurí šut, yak wār yak múške átī, amé Lālói čār-čamā gúštī: äj gísotág! ta bra, ša purán yak káme bzūr u bi yak pučáj tā band u biyár. amédinā lakatáb pkan u wat bjī, ša amé soráj kutágān am bzūr u bjī. agár ā bājīt, gísotág trā kušīt. amé Lālói čār-čam šut, yak káme pur āurtī, bi amé pučáj tāj kurt u pučáj dapá bástī u āurtī, amédinā lakatábī kúrtī u wat šut, sāj soráj kutág zurt u šut.

увидел: это ведь подошла моя сестра-ведьма! Она сказала: «братец, твоя лошадь не хочет пить?» Лалу четырехглазый сказал: «она хочет пить, сестрица». Она взяла лошадь и повела к воде. Как только она стала вести ее к воде, еще до воды ее не довела, как съела у этой лошади обе передние ноги. Когда она съела ее передние ноги, она взяла лошадь, привела ее обратно к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты ведь свою лошадь привел только о двух задних ногах?» Лалу четырехглазый сказал: «да, сестрица». Она повела лошадь обратно. Когда она повела ее обратно, Лалу четырехглазый стал смотреть и увидел, что в городе отца никого не осталось: всех переела эта не-верная!

Прошло немного времени, эта ведьма вернулась к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты не хочешь пить?» Лалу четырехглазый тотчас сказал: «я хочу пить». Там было решето, эта ведьма взяла это решето и понесла, чтобы набрать и принести воды. Когда она туда пошла, вдруг подошла одна мышь и сказала Лалу четырехглазому: «о горемыка, иди, набери немного золы, набей ею что-нибудь из одежды и принеси и повесь ее здесь, а сам беги! захвати с собой сколько-нибудь из этих золотых подпорок для очага, и беги! ведь если она придет, она убьет тебя, горемыку!» Лалу четырехглазый пошел, взял немного золы и насыпал ее в одежду, завязал отверстия одежды, принес и повесил ее, а сам пошел, взял три золотых подпорки для очага и ушел.

dérā ki bŭt, amé jātú áti, sáilī kúrtī, dístī tā Lālói čār-čám ídinā nájint-a. yak wār amé jātú š-amódinā šut bi gisánī tā. amé ki amé puránā dístī, e gúštī: bálken amé Lālói čār-čám int-a! yak wār amé jātú arkátī kurt pa amé puránī jānā, dístī, tā amé pur bi mnī čamán rétant. tánáxten ki e wátī čamánā múštī, amé Lālói čār-čám panč parsáx rá šútī. gúđinā e ki bālā bŭtī, amé gisáj sará, dístī tā Lālói čār-čám gujám-ādinā int-a ki ráut. yak wār amé jātú bi amé Lālói čār-čámī padá káptī u šútī, raséntī. amé ki raséntī, ā am yak soráj kutáge rá gipt u prošt u préntī. amé jātú amé tilááj kutágáj čundá áurtī padá.

yak wār amé Lālói čār-čám š-amódinā jist u šut bi amá watí drax-tánīyā. amé ki áti bi amé draxtánīyā, yak wār bi amé draxtáj sará suwár bŭtī, sáilī kúrtī, dístī tā jātú a-jít u káit. amé ki jātú áti, bi amé draxtáj sará sáilī kurt, dístī: ā Lālói čār-čám int-a ki bi draxtáj sará suwár bŭtagí. yak wār amé jātú go watí dantánān amé draxtá arágī kurt. yak wār Lālói čār-čám jistī u šútī, bi agdá draxtáj sará bālā bŭtī. yak wār amé jātú šútī bi amá draxtájīyā ki arág pkant go watí dantánān. yak wār amé Lālói čār-čám gúštī: man yak šáire gušín. amé jātú gúštī: bguš. amé Lālói čār-čám gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zū biyá kal-šéri man. yak wār amé

Когда прошло много времени, эта ведьма пришла, стала смотреть увидела, что Лалу четырехглазого здесь нет, и пошла по домам. Когда она увидела эту золу (в подвешенной одежде), она сказала: «наверное, это Лалу четырехглазый!» Она двинулась к туловищу, набитому золой, и стала рассматривать, как вдруг эта зола посыпалась ей в глаза. Пока она протирала свои глаза, Лалу четырехглазый прошел уже пять фарсахов. Она поднялась на верх жилища, и тогда увидела, в какую сторону направился Лалу четырехглазый. Тотчас она устремилась вслед за ним и стала догонять его. Когда она уже догоняла его, он взял одну из золотых подставок для очага, разломал и бросил. Эта ведьма отнесла обратно золотые обломки.

А Лалу четырехглазый сразу побежал оттуда и направился к тем своим деревьям (выросшим из финиковых косточек). Как только он добрался до этих деревьев, он тотчас залез на верхушку дерева, стал смотреть и увидел, что ведьма уже подбегает. Когда ведьма приблизилась и посмотрела на верхушку дерева, она увидела: да ведь это Лалу четырехглазый уселся на верхушке дерева! Тотчас эта ведьма принялась распиливать дерево своими зубами. А Лалу четырехглазый соскочил, побежал и забрался на верхушку другого дерева. Тотчас эта ведьма направилась к этому дереву, чтобы и его распилить своими зубами, как вдруг Лалу четырехглазый сказал: «я спою песенку!» Ведьма сказала: «спой!» Лалу четырехглазый запел: «лев мой, о мой лев, скорее приходи,

Lālói čār-čāmī tāzī átant, yak wār amé Lālói čār-čam go amé watí tāzīyān gúšti: bgiritī, lāpáĭ tál bdáĭt u pkúšitī. amé ĵātú gúšti: ta yak wār mnā ma kuš, man go ta yak abáre dáĭn. Lālói čār-čam gúšti: nápa ĵuwán int-a, bguš. amé ĵātú gúšti: ta ki mnā kušáĭ, amé mnī guťáĭ rááĭ dapá yak moráge. ta amá morágā bzūr u psa u āp kaš u bar bi watí pisáĭ šār u kalátāĭ demá pitén. gúdinā tī pis u tī mās gírdī zindág a-bayánt. amé Lālói čār-čam go amé watí tāzīyān gúšti: anūn pkúšitī. amé ar duén tāzī gíptant amé ĵātúā kúštant.

amé ki kúštantī, yak wār amé Lālói čār-čam amá morágā ša ĵātúāĭ guťáĭ rá zúrtī u búrtī bi watí pisáĭ šārāĭyā. ódinā amé morágā go yak sínge urt kúrtī u go yak badráe ápa am āúrtī. amé morágā búrtī, bi amé āpānī tā préntī u amé āpānā búrtī, bi watí pisáĭ šar u kalátāĭ išk u áškā réti. amešī pis zindág bŭtī wa múčī zindág bŭtant. karár amé Lālói čār-čam ša watí pisá pursitī ki āĭ bābā, ĵiník zábr int yā zāg? amé pādišá gúšti: sad ĵiníkā xairát pkanín pa yak zāgáĭ sará, zāg zábr int-a! Lālói čār-čam šut, watí ĵinénā zúrtī u átī bi watí pisáĭyā, go watí pisá mántī. man š-amódinā ĵístun, bástun, pa wat yak imáne āúrtun.

о мой лев!» Тотчас прибыли гончие Лалу четырехглазого, и он сказал им: «схватите ее, разорвите ей живот и убейте ее!» Ведьма сказала: «погоди немного убивать меня, я хочу тебе сказать кое-что!» Лалу четырехглазый сказал: «хорошо, говори!» Ведьма сказала: «раз уж ты убиваешь меня, — а у меня в горле есть одна бусина, — так ты эту бусину возьми, истолки, полей ее водой, отнеси и посыпь на поверхность города и крепости твоего отца, и тогда твой отец и мать, и все оживут!» Лалу четырехглазый сказал своим гончим: «теперь убейте ее!» Обе гончие схватили и убили ее.

Когда они ее убили, Лалу четырехглазый вынул бусину из горла ведьмы и отнес к городу своего отца. Там он камнем измельчил эту бусину, принес ведро воды и бросил бусину в воду, а воду отнес к городу и крепости своего отца и повсюду полил. Его отец ожил, и все ожили. Тогда Лалу четырехглазый спросил у своего отца: «ну, батюшка, кто лучше, дочь или сын?» Царь сказал: «я сто дочерей пожертвую за одного сына, сын лучше!» Лалу четырехглазый пошел, взял свою жену, вернулся к своему отцу и остался у отца. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

VI

būt na būt, ša mašmāi xudā káse getír na būt. yak pādšá° at, kór at, do jánén dāšt, sāi zāg dāšt. do zāg ša yak jánéneʷ at, yak zāge ša yak jánéneʷ at, ā ʷam gárre at.

yak wáxte pādšá bāgá tā wapt-át. daraxtāi sará do totú āt o ništ. go wat abár a-dátan^t ki e pādšá čonén juwānén mardúme at, ke čammāi kór int. adgá totú gušt ki ša Noširwāni-ādílāi bāgá d^rraxtāni balgán bīt, biárāi, b-eši čammān múšāi, čammī š-awáleā getír a-bayánt. pādšá ša wābā āgá būt, watí zāgānā tawārī ku: āi parzindān, man annú yak wábe dístun ke ša Noširwāni-ādílāi bāgāi d^rraxtāni balgán būtin, mnī čam ročán a-būtant, š^mmā āwurtāga kanít? zāg gúštant: šār, bābā, a^mmā yā ut rā z^yyān a-kanán, yā š-amā balgán a-kārán. ammā rā du^w asp, do tūpák wa zarr bdāi ke mā rawán. yak zāge digá ke ša digá jánénā at, āi gušt: man am raín, bābā, mnā am áspe, tūpáke, zarr bdāi, man am raín. brāsī gúštant: ta má yā ke gandāgen rá^ee, sakkén. eši gušt: ^har če sak bīt, man ša šmā getír ná un, go šmā raín. písiš gúšti: šār, bābā, e ki go šmā rāut, bāritī go wat. zāg gúštant: e ša gujā š-a^mmāi demā ziyān bīt be

(VI. О Ша-нияз-хане)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, он был слеп. У него было две жены и три сына. Двое сыновей были от одной жены, один сын был от другой жены; он был плешив.

Однажды царь спал в саду. На дерево прилетели два попугая, сели и стали друг с другом разговаривать: какой, дескать, этот царь хороший человек, только слеп на оба глаза. Другой попугай сказал: «будь листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, принести бы их и приложить, и его глаза станут лучше прежнего!» Царь проснулся и призвал своих сыновей: «дети, я сейчас видел сон, что если бы были листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, мои глаза прозрели бы, — вы сможете их достать?» Сыновья сказали: «хорошо, батюшка, мы или себя погубим или достанем тех листьев. Дай нам две лошади, два ружья и денег, и мы отправимся!» А тот сын, который был от другой жены, сказал: «я тоже отправлюсь, батюшка, дай мне тоже лошадь ружье и денег, и я тоже отправлюсь!» Его братья сказали: «ты не ходи, потому что дорога плохая, трудная». Он сказал: «как бы ни было трудно, я не лучше вас и поеду с вами!» Их отец сказал: «хорошо, дети, раз он едет с вами, возьмите его с собой». Сыновья сказали: «он еще где-нибудь погибнет на наших

āp o ve nānāyā, be čolén rāhā! zāg gúštī: ^har če bīt, mán a-rāín go šmā.
ā gúštant: šarr.

e sar gíptant o šútant. čunt waxt rá šútant, yak wáxte be do-rā^{ye}ie sará brābír bútant. dístant: amédā yak sínge. singáĭ sará nimíst at ki ar kas dásti rāst bráut, pádā kāĭt, ar kas dásti čap bráut, pádā ná āĭt. édā ar sāĭ^{én} brās musla^hát kúrta^t g^o wat. watí čalláwānā nišāní singáĭ čérā íštant: ar kas demá āt, adgárāĭ čalláwā bzūrīt. amé du^{én} ki ša yak māsá átant, be rāstén rāhā šútant. amé yáke ki ša yak māsá at, čappén rā^há šut. ša āwán bill o š-ešī goš pkaš.

e yakkén šut be me rā^há. šápe ĵá^{ye}, róče ĵáye, yak wáxte be yak čóle tā dístī, yak mardúme ša dūrā kāĭt. kará-kará āt o salám-aláĭke kúrta^t o amé píramárd sóĵī ku: āĭ parzínd, ta guĵá rawáĭ? zāg gúštī: āĭ bābá, čé^wā kanáĭ, ša mán a-pursáĭ? gúštī: na, parzínd, ar ĵā rawáĭ, bguš go man. gúštī: šarr, gušín. mnī pisáĭ čam kór ant, man a-raín ki ša Nošīrwáni-ādílāĭ bāgáĭ d^rraxtānī tā yak d^rráxte š-amāi balgán p^a watí pisáĭ čamán kārín ke bálke rošán a-bít. gúštī: āĭ parzínd, sakkén ráye, dūr ^m ast, ma^r ra b-é rā^há, sakkén ráye, gandágen. gúštī: āĭ, omét be xudá, ráín.

глазах без воды и без пищи, в пустынной дороге!» Юноша сказал: «что бы там ни было, я поеду с вами!» Они сказали: «хорошо».

Они выступили и отправились. Некоторое время они ехали по дороге. Однажды они доехали до распутия и здесь увидели камень. На камне было написано, что каждый, кто поедет вправо, вернется, а кто поедет влево, тот не вернется. Здесь трое братьев стали советоваться друг с другом. Они положили под камень свои перстни: кто раньше придет, тот возьмет и перстни других. Те двое, которые были от одной матери, отправились по правой дороге, а тот, который был от другой матери, отправился по левой дороге. Оставь их и послушай про него.

Он одиноко поехал по этой дороге. Ночь в одном месте, день в другом, однажды в пустынном месте он увидел, что издали подходит какой-то человек. Он медленно подошел. Они поздоровались, и этот старик спросил: «дитяtko, куда ты едешь?» Юноша сказал: «батюшка, что тебе, что ты меня спрашиваешь?» Тот сказал: «нет, дитяtko, куда ни едешь, скажи мне!» Он сказал: «хорошо, скажу: мой отец слеп, и я еду, чтобы с какого-нибудь из деревьев сада Нуширвана справедливомo привезти листьев для глаз своего отца, может быть, тогда он прозреет!» Тот сказал: «трудная дорога, дитяtko к тому же и далеко, не ездй по этой дороге, трудная дорога, плохая!» Он сказал: «надежда на бога! я все же поеду». Тот сказал: «хорошо, раз едешь, по-

gúštī: šarr, ki rawáï, bra, pa šárte ke man trā yak číze gušín ke amá čizánā paidá pkanäï: yak arráge o yak tešáge, amāwánā g° wat bzúräï, gúđā š-āī ki šútäï, tī rā^bá sará yak šéräï pādā nále šutá, ta amá šéräï pādäï nalá búrräï, gúđā ar če trā tawár kurt: biyá mní^vā, ta ma^r ra. ar wáxte aikálle rástā sogínd wártī, gúđā ta brá. gúštī: šarr.

e zāg šut, dístī: yak rócäï rāhá yak číze tawár int. e déme amá tawárā šútī, yak wáxte be mǎí^vā sar büt, dístī ke šére. pādäï nále šutá. e zāg gúđā arrágā o tešágā zúrtī, amešī pādäï nalá burritī, alási kurt. gúđā šer tawári kurt: äï kas, ta čonéne wäï ke mnā š-erangén jáye alás kúrtäï? äï, gušt, man ādāmi-záte un. šarr, gúštī, ar čonéne astäï, biyá mní^vā, ar če a-loťäï, man trā dáin. e zāg trusítī, na šut. duwārág šer sogínd wart: mnā be aptekáli rást sogínd, trā ^híčči nā kanīn. gúđā e zāg šut āí^vā. šer gúštī: tī nām káï int? gúštī: mnī nām Šā-niyáz-xān int. gúštī: šarr, äï Šā-niyáz-xān, ta ma trusäï, mnind amédā, man ar če šer ast, āwānī mazān-un, annúⁿ múčānā tawár a-kanín, ta ma trusäï. gúštī: šarr. e šer ar če ki šer at, játī nārāye. be me sǎáttā múčči átant, jam bütant. gúštī: äï Šā-niyáz-xān, trā yak šére daín. ar jā brawáï, go ta góñ bīt. gúštī: šarr. šerānī ma-

сэжай, но только я тебе скажу одну вещь: раздобудь и возьми с собою пилу и топор; когда ты после этого поедешь, — а у одного льва на твоём пути в ногу попала заноза, — так ты эту занозу из ноги льва вырежь, но потом, сколько бы он ни кричал: „поди ко мне“, ты не подходи, а иди только тогда, когда он поклянется на своей правой ладанке». Он сказал: «хорошо».

Юноша поехал и увидел, что на расстоянии дневного пути кто-то кричит. Он поехал по направлению к тому крику, добрался туда и увидел, что это лев и что в его ногу попала заноза. Юноша тогда взял пилу и топор, вырезал занозу из его ноги и освободил его. Тогда лев закричал: «эй, кто ты, что высвободил меня из такой напасти?» — «Я», он сказал, «сын человека». — «Хорошо», сказал тот: «кто бы ты ни был, поди ко мне, и я тебе дам все, что ты захочешь». Юноша побоялся и не пошел. На второй раз лев поклялся: «клятва на правой ладанке, я тебе ничего не сделаю!» Тогда юноша подошел к нему. Лев сказал: «как твое имя?» Он сказал: «мое имя Ша-нияз-хан». Он сказал: «хорошо, Ша-нияз-хан, не бойся! я ведь, сколько ни есть львов, их наибольший, теперь я их всех созову, ты не бойся!» Он сказал: «хорошо». Этот лев издал рыканье, и сколько ни было львов, в тот же час все они пришли и собрались. Он сказал: «Ша-нияз-хан, я дам тебе одного льва, и куда ты ни пойдешь, он будет с тобой». Он сказал: «хорошо». Глава львов ударил по спине одного

zán dastá be yáke puštá jat, ke ar já Šā-niyáz-xān šut, ta eší amráʻ aī, go-ší bra. šer gušt: šarr. xudā-āpizí kúrtant, šútant. čunt waxt gud rá a-šútant.

yak róče nīmróčā be yak d^hráxte siá¹gā wáptant. e daraxtáī sará sāī sāl at ke yak sīmúrye amédā ā-múry a-kú wa čučág a-kúrt. eší čučágānā ke wáxte sīmúry geābānā pa šikārā ke šut, ša pādā yak aždiyāre kātī, eší čučágānā wártī. maróčī Šā-niyáz-xān amédā draxtáī čérā átī, wáptī. yak wáxte dístī pušpúse mārāī. čo sáīlī ku, dístī, máre be daraxtá peč-peč a-bít o ráut be daraxtáī sará. Šā-niyáz-xān ša ʻatī jāhá ustát, zāmá zúrtī, jātī, e mārā kúštī, búrtī, yak singáī čérā íštī.

yak wáxte sīmúry átī watí čučágānīyā, dístī, ādami-záte daraxtáī čérā waptá. sīmúry watí dilá gúštī ke ^har sāl mnī čučágānā amé ādami-zát kāīt o wart, šut pādā, yak tuén sínge zúrtī, āúrtī ke ame Šā-niyáz-xānī sará prénit. čučágī čey-o-čáy kúrtant. sīmúry gúđā watí dilá pikr ku: e mnī čučág pa če čey-o-páy a-kanánt. singá pādā búrtī, be mā jāe íštī. pādā āt, čučágānā pursitī: šumā pa če čey-o-páy kúrtit? čučág gúštant: ta čon sínge rā zúrtāī ke ādamíāī sará prénāī? e ādamí pa mā nekí bāzī kurt. sīmúry gušt: pa šmā če nekí kurt? čučág gúštant: a^mmá rā yak

передней лапой: «куда бы, дескать, ни пошел Ша-нияз-хан, ты его спутник, и иди с ним». Лев сказал: «хорошо». Они простились и пошли. Потом они некоторое время шли по дороге.

Однажды в полдень они легли под тенистым деревом. А уже было три года, как на этом дереве одна симург-птица несла яйца и выводила птенцов, и как только она уходила в пустынные места на охоту, вслед за ней приходил дракон и поедал ее птенцов. Ша-нияз-хан пришел сюда под это дерево и заснул. Вдруг он услышал шипение змей. Он посмотрел и увидел, что одна змея извивается по дереву и ползет на вершину дерева. Ша-нияз-хан встал со своего места, схватил меч, ударил и убил эту змею; отнес и положил ее под камень.

Через некоторое время симург-птица подошла к своим птенцам и увидела, что под деревом спит какой-то человек. Симург-птица сказала про себя: «значит, это вот человеческое порождение каждый год приходит и поедает моих птенцов!» Она пошла обратно, взяла и принесла огромный камень, чтобы сбросить его на Ша-нияз-хана. Ее птенцы подняли шум. Симург-птица подумала про себя: «почему это мои птенцы шумят?» Она отнесла обратно камень и положила на место. Потом она вернулась и спросила птенцов: «почему вы подняли шум?» Птенцы сказали: «как это ты взяла камень, чтобы бросить на человека? ведь этот человек сделал нам много добра!» Симург-птица сказала: «какое он вам сделал добро?» Птенцы сказали: «одна змея при-

māre ātī ke b^wārt, amé ādamí mārā kúštī, búrtī, amā singáĭ čérā kúrtī. gúḍā sīmúry zántī ke ar waxt mnī čučágānā amé mār wártī. gúḍā ša e Šā-niyāz-xānī sará tawár kurt: äĭ ādamí, ta édā čéwā kanáĭ? Šā-niyāz-xān jawáb dāt: äĭ sīmúry, čéwā loťáĭ, ša man a-pursáĭ? sīmúry gúštī: ar niyátte dāráĭ, bguš. Šā-niyāz-xān gúštī: man p^lānā šārā raín. sīmúry guštī: bāz zabr int, xājr bīt, man š-amé watí čučágān trā yáke daín, ^har jā brawáĭ, tī saráĭ sá^yewán bīt. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr. sīmúry š-amé čučágā yáke rá dātī. Šā-niyāz-xān sar gipt o šut.

čunt ayám guḍ be mā šārā matlabiēnā sar būt. ročá amāí nazzíkā wáptī. wābānī waxtá šúti be mā matlabiēn bāgá. gúḍā Šā-niyāz-xān bāgáĭ tā putrít, gáštī, amā d^ráxtā matlabiēnā paidáĭ ku, š-amāí balgān čítī, urjínā púrri ku, gúḍā watí dilá píkrī kurt: man amé argá ša wat ma kanín, na bīt. gúḍā šérā wa sīmúryā wa watí urjínā amédā íštī, šut déme argá. dístī, yak kóreĭ dastá čil dānág kelí astant, amédā ništá. Šā-niyāz-xān ke ešá dístī, zāmá kašítī, jat, ešá kúštī, kelíyānā ša dastáĭ zítī. arg čil darwāzág dārít. ^har darwāzágāĭ dapá yak buzlangí wapt-át. Šā-niyāz-xān ^har čillēnānā kúštī, šut be argáĭ sará.

ходила, чтобы пожрать нас, но этот человек убил змею, снес ее и положил под тот камень». Тогда симург-птица поняла: значит, это змея поедала каждый раз моих птенцов! Потом она закричала Ша-нияз-хану: «эй, человек, что ты тут делаешь?» Ша-нияз-хан ответил: «о симург, что тебе, что ты спрашиваешь меня?» Симург-птица сказала: «скажи всякое желание, какое ты имеешь?» Ша-нияз-хан сказал: «я направляюсь в такой-то город». Симург-птица сказала: «очень хорошо, да будет тебе благо! я дам тебе одного из своих птенцов, и куда ты ни пойдешь, пусть он будет тебе защитой от солнца!» Ша-нияз-хан сказал: «хорошо». Симург-птица дала ему одного из своих птенцов. Ша-нияз-хан собрался и пошел.

Через некоторое время он достиг вожделенного города. День он проспал поблизости от него, а ко времени сна пошел к вожделенному саду. Ша-нияз-хан проник в сад, стал искать, нашел нужное дерево, нарвал его листьев и наполнил свой мешок. Потом он стал думать про себя: «нельзя мне не овладеть этим замком!» Тогда он оставил здесь льва и птицу-симург и свой мешок, и пошел к замку. Он увидел, что в руках у одного слепца сорок ключей, а сам он здесь сидит. Как только Ша-нияз-хан его увидел, он выхватил меч, ударил и убил его, а ключи взял из его рук. Замок имел сорок ворот, и у каждого ворот спало по одному бузланги. Ша-нияз-хан всех их сорок убил и поднялся на вершину замка.

dísti, yak jánike mā-o-róčen waptá, yak čiráge tilláe sarúnäi ér at, yáke pādúnäi ér at, yak na^háre sarúnäi ér at, yáke pādúnäi ér at, čil šalwár pādái at, čil jámág gwarái at, čil dasmál sarái bast-át. Šā-niyāz-xān sī o nú šalwáräi ānjágā páči ku, sī o nú jámágäi zīyá páči ku, sī o nú dasmálā páči ku, sarúnäi na^hárā pādúnā íšti, pādúnäi na^hárā sarúnā íšti. yak lunkáe š-eší wárti, yáke š-ái. čúkke š-é deme gípti, čúkke š-á deme, xáte nimíšti: ai dilbár, ti duz mán un, Šā-niyāz-xān un, plāná pādšá^yäi zāg un, pa digá káse ma gardái, plāná šarā nindín. nimíst o dár büt, šut bāgái tā, balgānā, šerá, sīmúr^yā zurt o ša bāgá dár büt, kaš kurt o pādā watí rāhā šut. šápe jáye, róče jáye, āt amá watí du-rāyá sará, singái čerā sái^li ku, dísti ke mnī brásáni čallá āngát-a singái čerā ant. watí^yā zúrti, āwāniyā íšti. š-eší bill o š-āwān goš kaš.

ā du^yén ke šútant, šápe jáye, róče jáye, gúdá be yak šáre sar bütant. šarái darwāzágái dapá yak jánike xumár-bázen ešānā ke dísti, kāyánt, gúšti: čonén j^wānén warná ant! wáxte ke ā be darwāzágā sar bütant, jānīk tawārī ku: ai šā-zādagán, b^yáit ke man šapí šmā rā memānī^y a-kanín. šā-zādág gúštant: šarr. šapí sáte núā ešānā búrti be gisá. na^háre dāt, ša nahārā gúdá gúšti: ai šā-zādagán, b^yā ke mašmá šapí yak gwāziye pká-

Он увидел, что там спит девушка, подобная луне и солнцу; в головах у нее один золотой светильник, а в ногах другой, один завтрак у изголовья, а другой у ног, на ногах у нее сорок шальвар, на теле сорок одежд, а на голове повязано сорок платков. Ша-нияз-хан распустил тридцать девять поясов у шальвар, растянул у рубашек тридцать девять воротников, снял тридцать девять платков, переставил завтрак от изголовья в ноги, а завтрак от ног переставил в изголовье, отведал кусок от одного и кусок от другого, сорвал один поцелуй с одной стороны, второй — с другой, и написал письмо: «о пленяющая сердца, твой вор, это — я, Ша-нияз-хан, сын такого-то паря! не ищи никого другого! я живу в таком-то городе». Написал и вышел; пошел в сад, взял листья, льва и симург-птицу, вышел из сада и устремился прямо в обратный путь. Ночь в одном месте, день в другом, он пришел к тому распутию, посмотрел под камнем и увидел: перстни твоих братьев до сих пор еще под камнем! Он взял свой, а их оставил. Оставь его и послушай про них.

А те двое, как отправились, так ночь в одном месте, день в другом, достигли, наконец, одного города. При входе в городские ворота одна разгульной жизни девушка, как только завидела, что они приближаются, так сказала: «какие пригожие молодцы!» Когда они достигли ворот, девушка закричала: «эй, царевичи, приходите! ночью я готовлю вам угощение!» Царевичи сказали: «хорошо». Ночью в девять часов она повела их в дом, дала им ужин, а после ужина ска-

nan. šā-zādā gúšťant: če gwāziye pkánan? jānīk jāwāb dāt: man yak šárte dārín. šā-zādā gúšťant: če šárte dārāī? jānīk gúšťi: man yak pišíke dārín, amāé rā kārín, amāī puštā čirágā killín. agár čirágā tā tárī čappí kurt, har če blótit, šmā rā dāín, agár čirágā čappí na kúrtī, gúđā šmāi aspánā wa tūpákkānā wa zarránā múččānā ša šmā zinín. šā-zādā gúšťant: šarr. be me karārā yáke be adgārā xat dātant. jānīk šut, pešíkā āurtī, čirágā be puštāī íštī, jānīk o šā-zādág tā tárī sāubátt a-kúrtant. šā-zādág dístant ke bābāī! e pišík čirágā čappí na kurt, roč büt. jānīk ša šā-zādágān aspāniš wa tūpākāniš wa zarrāniš múččānā zítī, ešānā rādāgī kurt. šā-zādág šútant šarā. watí pōšānā báiš kurt. sāī čār roč xarjī kúrtant. gúđā xarjīiš alās büt. gúđā yáke šut, nānwāye muzūr büt, róče yak karān muzūr büt. yáke digár šut, āšpāze muzūr büt, ā ham róče yak karān. amédā muzūr bütant.

Šā-niyāz-xān ātī singāī sarā, dístī: mnī brāsānī čalló 'ér ant, watí'ā zúrtī, āwānī'ā íštī, āt be ešānī padā. šāpe jāye, róče jāye, ātī be me šarā, sójī kurt yak mardúme rā: du me-rangén mardúm na dístit? mardúmān jāwāb dātant: du me-rangén kas āt, magár go plānā jānīkkā xumār jātant, jānīk āwānā búrtī. nūn yáke nānwāye muzūr int, yáke āšpāzāī muzūr int.

зала: «царевичи, давайте-ка, поиграем сегодня ночью!» Царевичи сказали: «в какую игру поиграем?» Девушка ответила: «я буду держать заклад!» Царевичи сказали: «о чем будешь держать заклад?» Девушка сказала: «у меня есть кошка, я ее приведу и поставлю ей на спину светильник. Если она до утра перевернет светильник, я вам дам все, что вы захотите. Если же она не перевернет светильника, тогда я возьму от вас ваших лошадей, ружья и все деньги». Царевичи сказали: «хорошо». В этом уговоре они дали друг другу расписку. Девушка пошла, привела кошку и поставила ей на спину светильник. До утра девушка и царевичи беседовали. Царевичи увидели, что, увы! кошка не перевернула светильник, а день наступил. Девушка отобрала от царевичей их лошадей, ружья и все деньги, а самих выпроводила. Царевичи пошли в город, продали свою одежду и жили на эти средства три-четыре дня, потом их средства иссякли. Тогда один пошел и поступил в услужение к одному пекарю и стал получать один кран в день. Другой пошел и поступил на службу к одному повару, также за один кран в день. Оба поступили здесь в услужение.

Ша-нияз-хан подошел к камню, увидел, что вот они, перстни моих братьев свой взял, а их оставил и пошел по их следам. Ночь в одном месте, день в другом, он подошел к этому городу и спросил у одного человека: «не видели ли вы двух вот таких человек?» Люди отвечали: «два таких человека приходили, только они стали играть с такой-то девушкой, девушка их обыграла, и теперь один в услу-

gúšti: báz j^uwān int. Šā-niyāz-xān átī šārāi tā, gášti, āwānā dístī. híčči na gúšti, pádā šut, ša šārā dár büt. du mušk gíptī, watí bagálā kúrtī, zurt o āt be šārā, sóji kurt, amá jäník ke xumār a-jánt gujá int. áe rá jawáb dátant ke ádā int.

Šā-niyāz-xān namāz-šāmā šut be jäníkkäiā. gúšti: ai jäník, šapí memānā na lóťai? jäník jawáb dát: tī am-rángäi memán báz átá o "úrka pádā š^uta. Šā-niyāz-xān gušti: man š-āwān getír ná un. jäník gúšti: šarr, biyá, mnind. Šā-niyāz-xān níštī, na^hár wártant. Šā-niyāz-xān gúšti: har sobátte dārāi, bguš. jäník gúšti: man yak pešike dārín, yak čiráge. amá pišíkā kārín be majlísā, čirágā be puštāi killín, agár čirágā čappí kurt, har če blóťai, man trā dāin, agár čirágā čappí na kurt, tī aspá wa tūpákkā wa zarrānā ša ta zinín. Šā-niyāz-xān gúšti: báz zábr int. agár čirágā čappí kurt, amá duyén šā-zādágäi asp o tūpákkā wa zarrānā pádā bdāi be man. agár čappí na kúrtī, mnī asp o tūpákk o zarr — tī. gúšti: šarr. yak o adigārā xat dátant, jäník šut, pešikā o čirágā āurtī, pišíkā gúšti: pišt. pišík jā be jā uštát. čirágā be puštāi íštī. jíndiš pa sáubáttā bütant. šap ke nemá büt jäníkkā wábá gipt. Šā-niyāz-xān dastá be bagálā kurt. yak múške rá watı

жении у пекаря, а другой—у повара». Он сказал: «очень хорошо». Ша-нияз-хан вошел в город, стал искать и нашел их. Он ничего не сказал, вернулся и вышел из города; поймал двух мышей, положил к себе за пазуху, взял и пришел в город; спросил, где та девушка, которая ведет разгульную жизнь. Ему ответили: вон там!

Ша-нияз-хан во время вечерней молитвы пошел к девушке и сказал: «девушка, не хочешь ли гостя сегодня ночью?» Девушка ответила: «вроде тебя много гостей приходили и порожем уходили обратно!» Ша-нияз-хан сказал: «я не лучше их!» Девушка сказала: «хорошо, заходи, садись!» Ша-нияз-хан сел, они поужинали. Ша-нияз-хан сказал: «какой ни есть у тебя разговор, говори!» Девушка сказала: «у меня есть одна кошка и светильник. Я привожу эту кошку к гостям и ставлю ей на спину светильник. Если она уронит светильник, я дам тебе все, что пожелаешь. Если же не уронит, я возьму от тебя твою лошадь и ружье и деньги». Ша-нияз-хан сказал: «очень хорошо, если она уронит светильник, ты отдай мне лошадей, ружья и деньги тех двух царевичей; если же не уронит, тогда моя лошадь и ружье и деньги—твои». Она сказала: «хорошо». Они дали друг другу расписку. Девушка пошла, принесла кошку и светильник и сказала кошке: п-ш-т! Кошка неподвижно стала на месте. Она поставила ей на спину светильник, а сами они принялись беседовать. Когда половина ночи прошла, девушкой овладел сон. Ша-нияз-хан сунул руку за пазуху, взял

dastá kurt. mušká démāi pešíkā kurt. pešík ke mušká dǵstī, gošánā kúrri kurt. Šā-niyāz-xān mušká yálá kurt. pešík āt ke arkát pkant, jānīk gúštī: pešt, jā be jā! pišík watī jāhā wuštāt. Šā-niyāz-xān gúštī: yā xudá, amédā yak ābrú^e.bdáāi! duwārág dastá be bagálā kurt. adigá mušká ša bagálā kašítī, dastá kurt, jānīk um gidđít. Šā-niyāz-xān mušká déme pišíkā táčk a-kánt. do sāi gašt pešíkā gwāzī dāt. gúdá mušká yálá kurt. pešík čirágā čappí kurt, muškái padá kapt. jānīk aīrān mānt: e čonén káre büt!

gúdá Šā-niyāz-xān watī brāsānī asp o tūpák o zarrānā pādā zítī. ša jānikāi sará dár büt, šut be šarā. e asp o tūpákkān o zarrānā yak jāye íštī, wat be šarā āt. watī yak brāse rā dīstī ke āšpázāi muzúr int. šut, tawāre ku, āi rā gúštī: ai siyād, édā čéwā kanāi? brāsī jāwāb dāt: man amédā muzzúr un. gúštī: róče čínka dārāi? gúštī: róče yak ħarān dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: man trā máye dā tumān dāin o yak áspe o tūpáke o j^uwānén puč trā dāin, agār mnī naukár bayāi. gúštī: šarr, ta čun^t naukár a-girāi? gúštī: man du naukár a-girín. gúštī: šarr, ā rang bīt, man digá brāse^y am dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr, āi rā biyār, gujā int? gúštī: nānwāye muzúr int. gúštī: bra, tawāri pkan ke bāit. ešī šut, watī brāsā tawāri kurt.

одну мышь в руки и подвинул мышь к кошке. Как только кошка завидела мышь, она насторожила уши. Ша-нияз-хан выпустил мышь. Кошка было шевельнулась, но девушка сказала: «п-ш-т! на место!» Кошка осталась на своем месте. Ша-нияз-хан сказал: «о боже! даруй честный исход!» Он опять сунул руку за пазуху, вытащил другую мышь из-за пазухи и стал держать ее в руках; девушка все еще дремлет. Ша-нияз-хан протянул мышь к кошке. Два-три раза он подразнил кошку, потом выпустил мышь. Кошка сбросила светильник и бросилась вслед за мышью. Девушка изумлась: как это так случилось?

Потом Ша-нияз-хан получил обратно лошадей, ружья и деньги своих братьев. Он вышел от девушки и пошел в город. Лошадей и деньги и ружья он оставил в одном месте, а сам пришел в город и нашел того своего брата, который был слугой у повара. Он пошел, позвал его и сказал: «что ты здесь делаешь, земляк?» Его брат ответил: «я здесь в услужении». Он сказал: «сколько ты получаешь в день?» Тот сказал: «в день я получаю один кран». Ша-нияз-хан сказал: «если ты будешь моим слугой, я дам тебе в месяц десять туманов, и, кроме того, дам тебе лошадь и ружье и хорошую одежду». Тот сказал: «хорошо, сколько слуг ты берешь?» Он сказал: «я беру двух слуг». Тот сказал: «если так, то у меня есть еще брат». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, приведи его, где он?» Тот сказал: «он в услужении у одного пекаря». Он сказал: «иди, позови его, пусть придет». Тот пошел, позвал своего брата и

gúšti: beyá édā, yak káse naukár a-gít, máye dā tumán o asp o tūpák o libás a-dánt. gúšti: guǰā int? brawán. gúšti: ádā ništá. átant Šā-niyāz-xānīyā. Šā-niyāz-xān gušti: raít go man? gústant: ān. Šā-niyāz-xān ešānā zurt o šut watí jáhā.

jáhā ke šútant, Šā-niyāz-xān gúšti: aǰ siyādán, man yak šárte dārín. āwán gústant: če šárte dārǰ? Šā-niyāz-xān gušt: mnī šart améš int: har guǰámī ripágā yak dáge kanín. agár šumá p-ameší rāzí it, man šmā rā naukarīyā kabúl dārín, agár rāzí ma baít, šmā rā naukára na kanín. e duʹén brās go wat muslahát kúrtant: aǰ, biyá ke bóštan, bill tā dāg pkant. pádā átant Šā-niyāz-xānīyā, gústant: šarr, amhá tí šartá kabúl dārán. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, watí morá sóri kurt, har guǰámī ripágā yak dáge kurt. gúđā ešānā jʷwānén libás zítí o dátí. asp o tūpákk um dátí. nūn, gúšti, brawán. ša šarā dár bútant, šútant.

šápe jáyē, róče jáyē, èunt šapá guđ be mā do-rāʹíyā sará sar bú-tant. amé duyén brās Šā-niyāz-xānā gústant: ta amédā bošt, amhá amé singáyā rawán o kāyán. gúšti: šarr. e šútant, singáǰ čérā sāǰl kúrtant ke Šā-niyāz-xānī čallǰu édā nǰint. pádā ke átant, Šā-niyāz-xān gušti: šmā pa če šútit ódā? ša man čer ma kanít, gušít! gústant: šarr, čize ke ša xudá

сказал ему: «иди сюда, один человек набирает слуг, дает в месяц десять туманов, лошадь, ружье и одежду». Он сказал: «где он? пойдём!» Тот сказал: «там сидит». Они подошли к Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан сказал: «идете со мной?» Они сказали: «да». Ша-нияз-хан взял их и пошел к себе.

Когда они шли к месту назначения, Ша-нияз-хан сказал: «у меня есть одно условие, земляк». Они сказали: «что за условие?» Ша-нияз-хан сказал: «мое условие таково: каждому из вас я поставлю клеймо. Если вы согласны на это, я принимаю вас в слуги, если же вы не согласны, я не беру вас на службу». Двое братьев посоветовались друг с другом: «эх, давай, останемся! пусть его ставит клеймо!» Они вернулись к Ша-нияз-хану и сказали: «хорошо, мы принимаем твое условие». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо», раскалил свою печать и поставил каждому по клейму. Потом он взял для них хорошую одежду и дал им, дал также по лошади и ружью. «Теперь», сказал он, «отправимся!» Они выступили из города и поехали.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько ночей спустя, они добрались до того распутия. Те двое братьев сказали Ша-нияз-хану: «ты побудь здесь, а мы сходим к этому камню и вернемся». Он сказал: «хорошо». Они пошли, посмотрели под камнем и увидели, что Ша-нияз-ханова перстня там нет. Когда они вернулись, Ша-нияз-хан сказал: «зачем вы туда ходили? не скрывайте от

čer näint, ša ta pa če čer kanán? amhá yak wáxte säi brās átan, š-utí šārā ke dar bútan tā mé do-rāyíäi sarā yak jā átan, gúdá watí čalláwānā amé singāi čérā íštan, amá do brās be yak ráye šútan, yak bráse amhái be yak ráye šut. ar kas, gúštan, demá át, ái čalláwā bzúrit. annú amhái amá brāsái čalláu édā näint. Šā-niyāz-xān gušt: šmäi brās mán un. ^ʷédenā wat rá yáke adigárā durúst kúrtant. gúšti: šarr, nūn brawán. šútant.

säi čār šapá guḍ be yak čóle šútant. ^ʷe du^ʷén brās go wat maslahát kúrtant: Šā-niyāz-xān ā wáxte ke mašmá ša gisá sar gíptan, Šā-niyāz-xān gúšti: man go šmā káin, mašmá gúštan: ta ma yā go mā, gujá š-ammái demá ziyán ba^ʷái, gúdá ā pa zor go mašmá át. nūn balgánā ái āúrt, yak šere am dārit, yak simúr^ʷe am dārit, mašmá rá am gulāmí^ʷen dāgi kurt. mašmā pa če xaǰalattí-guší brawán. ta biyá, mašmá eší rá ziyán pkánan. adigá brāsī gušt: čon ziyáni pkánan? gúšti ke mašmá maróči āp ma dayán ešá, wat ša tunn merít.

šútant be čolén ráhá, nīmróči Šā-niyāz-xān tunnág búti, gúšti: biyá, lálá, ke āp b^ʷáran. brāsī gúštant: āp näint. Šā-niyāz-xānā āp na dātant. bāz tunnág búti, gúšti: āi brāsān, man pa šmā če badí kúrtun?

меня, скажите!» Они сказали: «хорошо! что не скрыто от бога, зачем будем скрывать от тебя? Когда-то нас было трое братьев, и когда мы вышли из своего города, то до этого распутия мы шли вместе. Потом мы положили свои перстни под этот камень, и мы, двое братьев, пошли по одной дороге, а один наш брат пошел по другой дороге. Мы сказали, что кто раньше придет, тот и возьмет перстень. Теперь здесь нет перстня нашего брата». Ша-нияз-хан сказал: «ваш брат, это — я!» Тут они узнали друг друга. Он сказал: «хорошо, теперь отправимся!» Они отправились.

Спустя три-четыре ночи они пошли по пустынному месту. Те двое братьев стали друг с другом совещаться: «когда мы выступали из дому, Ша-нияз-хан говорил: „я пойду с вами“, мы же говорили: „не ходи с нами, еще пропадешь где-нибудь с нами!“ он потом силой пошел с нами, а теперь он достал листья, и у него еще есть лев и симург-птица, а на нас он поставил клейма рабов! на какое поношение мы пойдем! давай-ка, мы его сгубим!» Другой брат сказал: «как же нам его сгубить?» Тот сказал: «мы ему сегодня не дадим воды, и он сам помрет от жажды».

Они пошли по пустынной дороге. В полдень Ша-нияз-хан захотел пить и сказал: «давайте, братцы, поьем воды!» Братья сказали: «воды нет!» и не дали воды Ша-нияз-хану. Он почувствовал сильную жажду и сказал: «братья,

mašmá brás an. nūn mnā ápa na dáit. brási gúštant: šarr, trā áp a-dā'án pa yak šárte ke ta bíllāi ke tī yak čámme rā pkášan, gúdā trā áp a-dāián. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, lālā, b'yáit, mnī čammá pkášit. átant, yak čammāi kašittant, préntant, gúdā ká^m me āp go wādā yak jā kúrtant, dátant Šā-niyāz-xānā. Šā-niyāz-xān wárti, gúšti: āi dar-pa-dārān, e čé-w-atant, mnā dátit? gúšti: áp atant. gúšti: e āp ná-w-atant, wād atant! gúštant: šarr, ta biyá, tī adigá čammá am pkášan, gúdā trā áp a-dāián. gúšti: šarr, biáit, pkášit! e digá čammāi átant, kašittant, préntant. duwārág kámme āp o wādā yak jā kúrtant,* dátanti. gúdā balgānā zúrtant, šútant watí šārā.

šútant déme watí šārā. šape jāe, róče jāe, watí šārā sár bútant. balgānā watí pisāi čammān múštant. pādšāen čamm š^a awālā getír bútant. pādšā gúšti: Šā-niyāz-xān gúj int? gúštant ke ā be digá rāe šut, ammā be digá rāe šútan. duwārág sí na bútan š-āi. Šā-niyāz-xānī mās gúšti: gúj int šmāi brās? gúštant: na zānān, ā digá rāe šut, ^amā digá rāe. Šā-niyāz-xānī mās dād o bedād kúrti o grétī, šut watí gešā. š-āi bil, ša pādšāai jānikā goš pkaš.

какое зло я вам сделал? ведь мы братья, а вы теперь не даете мне воды!» Его братья сказали: «хорошо, мы тебе дадим воды, но с условием, что ты позволишь вырвать себе один глаз, тогда мы тебе дадим воды». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, братцы, идите, вырывайте глаз!» Они подошли, вырвали у него один глаз и бросили, а потом смешали немного воды с солью и дали Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан выпил и сказал: «эй, бродяги, что́ это было, что вы мне дали?» Они сказали ему: «вода была!» Он сказал: «это была не вода, это была соль!» Они сказали: «хорошо, давай, вырвем у тебя еще один глаз, а потом дадим тебе воды». Он сказал: «хорошо, идите, вырывайте!» Они подошли и вырвали у него другой глаз и бросили. Опять они смешали немного воды и соли, и дали ему. Потом они забрали листья и отправились в свой город.

Они пошли к своему городу, ночь в одном месте, день в другом, добрались до своего города. Они приложили листья к глазам своего отца, и царские глаза стали лучше прежнего. Царь сказал: «где Ша-нияз-хан?» Они сказали: «он пошел по одной дороге, а мы пошли по другой дороге, и больше не имели о нем известий». Ша-нияз-ханова мать спросила: «где ваш брат?» Они сказали: «мы не знаем, он пошел по одной дороге, а мы по другой». Ша-нияз-ханова мать стала жаловаться и сетовать, заплакала и пошла к себе домой. Оставь ее, послушай о царской дочери.

pādšāāi jānik tāri ša wābā ustāt, dīstī: sī o nu šalwārī ša pādāi kapt, sī o nu jāmagāi zī páč ant, sī o nu dasmāli ša sarāi kapt, watī išk-w-āškā sāli kurt, dīstī ke sarūnāi čirāg pādūnā-int, pādūnāi čirāg sarūnā-int. ādēnkā zūrtī, watī demā sāli kurt, dīstī, yak ká^sse ša mnī demā čukke giptá, gešāi tā watī išk-w-āškā sāli kurt, dīstī: xáte nimistá, diwālāi demā lačcentá, šūtī, xa^ttá wāntī ke xattá nimistá: āi bibí, tī duz mán-e Šā-niyāz-xān p^alaná pādšāāi zāg un, p^alaná šarā nindān, digá káse rā be-gunāe rā azziyát ma kanāi. jānik e xa^ttá wāntī, srenā watī^a bástī, ša argá ér kapt, dīstī, čillén buzlangí^anā yak jā kuštāi šuta. gúdā jānik trummā jātī, ^har če γošún dáštī, jāmi kurt. šewāg büt démi Šā-niyāz-xānī pissāi šarā.

šape jāe, róče jāe, āt, Šā-niyāz-xānī pisāi šarā rast. xáte nemīštī, pa pādšā démi dāt, gūštī: man yak dúzze ti šarā dārín, amāe rā tā bāndā mnī dastá ma daāi, ti šarā čappí o rāstíy a-kanín. jānik xaīmāānā jíkkiš kurt, watī jindāi xaīmāāi demā azār gāmāi kasá ša abrešumíen γālínā gíptī. š-āi bill o ša Šā-niyāz-xān goš pkaš.

Царская дочь утром встала от сна и увидела, что тридцать девять шальвар спали с ног, на рубашках раскрыты тридцать девять воротников, тридцать девять платков упало с головы. Она огляделась кругом и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах; взяла зеркало, посмотрела на свое лицо и увидела: кто-то целовал меня в лицо! она стала смотреть вокруг себя в комнате и увидела, что какое-то письмо написано и прикреплено к стене. Она пошла и стала читать письмо, а в письме написано: «о госпожа, твой вор, это—я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя, мы находимся в таком-то городе, никого другого без вины не обижай». Девушка прочитала письмо, снарядилась, спустилась с замка и увидела, что все сорок бузланги убиты. Тогда девушка собрала все войско, какое имела, и отправилась к городу Ша-нияз-ханова отца.

Ночь в одном месте, день в другом, она подошла и достигла города Ша-нияз-ханова отца. Она написала письмо и отправила царю, сказала: «у меня есть в твоём городе один вор, и если ты завтра его мне не выдашь, я разорю твой город». Девушка разбила шатры и на тысячу шагов покрыла шелковым ковром пространство перед своим шатром. Оставь ее и послушай о Ша-нияз-хане.

wáxte ke Šā-niyāz-xānī brās ke čammānī kašítant, préntant, amá waxtá šer čammānī zurt, watí zuwānāi čérā kurt. Šā-niyāz-xān amédā kápt-at, šér a-šut, ša āpsārān watí dummá tárr a-kurt o kāúrt Šā-niyāz-xānī dilāi sará wa sar o demāi páš a-dāt. duwārág watí dummá tárrī ku, āwúrt Šā-niyāz-xānī sar o demā páš a-dāt. Šā-niyāz-xān dummāi gipt, ustát. šer rādág büt demāi āpsārā. Šā-niyāz-xānā búrti, āpsārā sári kurt. Šā-niyāz-xān āpī wart, gúšti: šukrⁿ alhámdu-illā. duwārág gúšti: akikáttā sezāi nekí badí int. Šā-niyāz-xān anú d^araxtāi čérā wapt, šer pānādāi wapt.

do sīmúrg āt o ame āpāi sará nístant. yáke gúšti: aǰáben warnāe, čammī kór ant. yáke digá gúšti: ša p^lānā pādšāe bāgāi d^araxtānī balgān bít, čammānī sarāi pkášāi, zábr a-bít. adigá gúšti: čammānī tiṭúki bayánt, gúḍā rošán a-bít. édā šer š^u-utí z^wānāi čérā Šā-niyāz-xānī inǰāi tā kexī kurt. Šā-niyāz-xān watí čamānā zúrti ke gúšti: ai, armān, š-amé balgān um kámme bútin! yak gašt dastá be kitóā kurt, dísti ke balg kitóai tā ast, balgānā zúrti, čammānā íšti be jáaiš, balgānā múšti be sarāi, čammī š-awá-leā jgetír rošán büt. ustát, āp wárti, dastá be šerāi puštá jāti, rādág büt démi watí šārā.

Когда Ша-нияз-хановы братья вырвали и бросили его глаза, в то время лев подобрал его глаза и сунул себе под язык. Ша-нияз-хан здесь упал, а лев ходил, мочил в источнике свой хвост, приносил воды и брызгал Ша-нияз-хану на сердце, голову и лицо. Потом он опять мочил свой хвост, приносил воды и опять брызгал Ша-нияз-хану на голову и лицо. Ша-нияз-хан ухватился за его хвост и поднялся. Лев направился к источнику, повел Ша-нияз-хана и доставил его к источнику. Ша-нияз-хан попил воды и сказал: «благодарение и хвала богу!» и вновь сказал: «по истине награда за добро зло!» Ша-нияз-хан заснул теперь под деревом, а лев лег сбоку.

Приблизились две симург-птицы и сели возле воды. Одна сказала: «удивительный молодец, а слепой!» Другая сказала: «будь листья с садовых деревьев такого-то царя, приложить бы их к глазам, и он поправился бы!» Другая сказала: «если бы были зрачки, он был бы зрячим!» Тут лев сплюнул из-под своего языка в полу Ша-нияз-хана. Ша-нияз-хан взял свои глаза и сказал: «ах! если бы было хоть немножко тех листьев!» Он тотчас опустил руку в карман и увидел, что в кармане есть листья. Он набрал листьев, вставил глаза на место, приложил к ним листья, и его глаза стали видеть лучше прежнего. Он встал, попил воды, положил руку льву на спину и направился в свой город.

šápe jáe, róče jáe, āt, watí šārāi nazzíkā ništ. šap ke āxír büt, sar gipt, kará-kará āt, watí māsái gešá sar büt. dará játi, māsI go: ta^k kái äi? gúšti: ar kas un, dará páč pkan. māsI Šā-niyāz-xānī tawārā durúst kurt. dará páči ku. Šā-niyāz-xān gešái tā šut. māsI guttái kapt. dād-bedád kúrti. Šā-niyāz-xān gúšti: māsI, mnā lóťai, ^heč tawár ma kan. māsI be tawár büt. Šā-niyāz-xān gúšti: šarr, māsI, če awál ast édā? māsI gušt: yak jāníke go čil azár ʔošúnā ātá, šārāi ɖanná xaimānā watí^yānā amódā jikk kurtá. xáte pa^t tī pisá nimistá o dem dātá: man be^t tī šārā yak dúzze dārin, agár amé mnī duzzá paídá má kanái, be man má daái, tī šārā čappí o rāsti^y a-kanín. gúšti: šarr, brās mnī ātág-ant yā na? māsI jawáb dāt: ātág-ant, balgānā am ā^wurtág-ant, tī pisái čam am rošán bütant. gúšti: zānái, māsI, nūn čón int? yak sundúxe mazānen paídá pkan o biyár zúte: māsI šut, yak tūén sundúxe paídá ku, āurt. Šā-niyāz-xān watí māsá gúšti: mnā amé sundúxai tā pkan. māsI gušt: šarr. sundúxai dapá páči ku, Šā-niyāz-xānā sundúxai tā kurt. šérā o sīmúrgā digá jáe čér ku.

tārī ke roč büt, ša jāníkkā digá xáte āt: äi pādšá, amá káse ke balgānā ša mnī šārā ā^wurtái, be me sáättā ša^t ta loťinī. pādšá loťit watí ar do zāgānā,

Ночь в одном месте, день в другом, он подошел и остановился вблизи своего города. Когда ночь приблизилась к концу, он поднялся, потихоньку подошел, достиг дома своей матери и постучался в дверь. Его мать сказала: «кто ты?» Он сказал: «кто бы я ни был, открой дверь». Его мать узнала голос Ша-нияз-хана и открыла дверь. Ша-нияз-хан вошел внутрь, мать бросилась ему на шею, стала жаловаться и сетовать. Ша-нияз-хан сказал: «матушка, если хочешь меня сохранить, не голоси!» Его мать замолчала. Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, матушка, каковы здесь обстоятельства?» Его мать сказала: «подступила некая девица с сорокатысячным войском, расставила свои шатры снаружи города и написала и послала твоему отцу письмо: „у меня-де в твоём городе имеется вор, и если ты этого моего вора не сыщешь и мне не выдашь, я твой город в конец разорю“». Он сказал: «хорошо, а мои братья пришли или нет?» Его мать сказала: «пришли, принесли листья, и глаза твоего отца прозрели». Он сказал: «знаешь, матушка, что теперь? сыщи-ка какой-нибудь большой ящик и принеси поскорей». Его мать пошла, сыскала и принесла огромный ящик. Ша-нияз-хан сказал своей матери: «спрячь меня в этом ящике». Его мать сказала: «хорошо». Она подняла крышку ящика и поместила Ша-нияз-хана в ящик, а льва и симург-птицу спрятала в другом месте.

На утро, когда наступил день, пришло другое письмо от девушки: «о царь, я сейчас же требую от тебя того человека, который достал листьев из моего города». Царь призвал обоих своих сыновей и сказал: «сыновья, кто из вас

gúšti: äj zágán, balgánā ša šmā gujám yakkén š-amé jänikkäi bágā awúrti? mazánen zágí go: man áurtun, bábá. gúšti ke ta ā^wurtág äj, bra, jawáb bdäi. gúšti: šarr. zág šut, áspī s^wār büt, šut jänikkäiā. š-amé ráe ke γalín préntatant, š-ešānī sará na šut, ša digárā šut. šut jänikkäiā, salāmī dāt, wuštát. jäník gúšti: balgánā ša gujā awúrtäi? eší go: ša tī bágā ā^wurtun. če nišānī dārāi? čorí gúšti: nišānī amé nišānī int: šapá átun bágāi tā, balgánā čitun, zúrtun, átun. jäník gúšti ke š-amé ráe ke átág-äi, pádā bra, ma ^woš. čorí bír gašt.

jäník duwārág xáte nemísti pa pādšā^hā ke zúte, trā šin, mnī duzzā paiddā pkan, mnī dastá bdäi. pādšā duwārág zágánā loťit, gúšti: äj bábá rást gušít, Šā-niyāz-xān gúĵ int? zág jawáb dātant: ā ĵetāen ráe šut, amā ĵetāen ráe šútan, duwārág ša yáke adigárā sí na bütan, ke ā gujā šut, ā ša ammā sí na büt, ammā gujā šútan. gúšti: nápa, e balgánā käi ā^wúrti? amé gwanđén záge go: man ā^wurtun. písí go: napá, pa če zī na šútäi, jänikā jawáb na dátäi? zág gúšti: balgánā man awúrtun, magár watí mastíren brāsāi nāmá kúrtun. gúšti: napá, maróči bra, jänikā jawáb bdäi. zág s^wār büt o šut démi jänikkā, ša šārā ke dár büt, xajmánā dístī ke če bázén xajmá-e. š-amé dūrā šut jänikkäiā, salāmī dāt o uštát. jäník gúšti ke tá wäi

достал листья из сада этой девушки?» Старший сын сказал: «я достал, батюшка». Он сказал ему: «коли ты достал, так иди и отвечай!» Тот сказал: «хорошо». Юноша пошел, сел верхом на лошадь и отправился к девушке. По той дороге, где были набросаны ковры, он не пошел, а пошел по земле. Он пошел к девушке, поклонился и остановился. Девушка сказала: «откуда ты достал листья?» Он сказал: «из твоего сада достал». — «Какое у тебя доказательство?» Парень сказал: «доказательство? вот какое доказательство: ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и пришел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и уходи обратно, не оставайся!» Парень вернулся.

Девушка опять написала царю письмо: «я тебе говорю, скорее отыщи моего вора и выдай мне». Царь опять призвал сыновей и сказал: «дети, скажите правду, где Ша-нияз-хан?» Сыновья ответили: «он пошел по одной дороге отдельно от нас, а мы пошли отдельно от него по другой дороге, и больше мы друг о друге не имели известий: мы — куда он пошел, а он — куда мы пошли». Он сказал: «кто же достал эти листья?» Младший сын сказал: «я достал». Отец сказал: «почему же ты вчера не пошел и не отвечал перед девушкой?» Юноша сказал: «листья достал я, но от имени своего старшего брата». Он сказал: «ну, так сегодня иди и отвечай перед девушкой». Юноша сел верхом и отправился к девушке. Когда он выехал из города, он увидел: какое множество шатров! Он направился к девушке, и еще издали по-

mnī duz? čorí gúšti: ^hān, mán un. gúšti: balgánā čon ā^wúrtāi, nišāní bdāi. čorí gúšti: šapā átun bāgāi tā, balgánā čítun, zúrtun, pádā átun. jāník gúšti: digá če dístāi? čorí gušt: digá íčči na dístun. jāník go: š-amé ráe ke ātāg-āi, pádā bra.

jāník duwārāg pa pādšā¹ xáte nemísti: āi pādšā, mnā masxará^h a-kanāi, ānčo āškār mālūm pkan be man, yā nāint, duzzā mnīā tā begāi paidā a-kanāi, yā nāint, jāwáb bdāi. pādšā watí zāgánā ložit, gúšti: āi parzendān, šmā bzānit o xudā, aslí duróg ma gušit, awál éš int ke Šā-niyāz-xān gúj int? do^húm éš int ke amé balgánā kái ā^wurtā? rāst gušit, bezār int ša mnī rošaní^{yā}, man š-eší, kor bútin un, getír āsūdāg atun. jāník xáte duwārāg dem dátí: āi pādšā, ^wutí kārā tayār pkan ke man ustát un, yā nāint, be me sá^háttā duzzā dátāi, dátāi, na dátāi, jāwáb bdāi, man watí kārā bzānín.

Šā-niyāz-xān watí māsā gúšti: māsí, če abár ast? ta bra, goš pkaš o bi^{yā}. māsí šut, písāi gešā dísti: xáte wānánt ke amé sá^háttā duzzā tá-i pādšā bdāāi, mnī dastā bdāi, yā nāint, jāwáb bdāi. māsí āt, gúšti: amé rangén awále ast. Šā-niyāz-xān gušt: če awál ast? māsí gušt: jāníkka xáte dem dátā ke amé sá^háttā ke tá-i pādšā, duzzā mnī dastā dátāi, dátāi, na

клонился и остановился. Девушка сказала: «это ты мой вор?» Парень сказал: «да, я». Она сказала: «как ты достал листья? представь доказательства!» Парень сказал: «ночью я пришел в сад, нарвал листья, взял и вернулся». Девушка сказала: «что еще ты видел?» Парень сказал: «больше ничего не видел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и ступай обратно».

Опять девушка написала царю письмо: «о царь, ты надо мной смеешься! ты открыто извести меня: либо ты до вечера отыщешь моего вора, либо нет, дай ответ!» Царь призвал своих сыновей и сказал: «дети, известно вам и богу, не лгите! во-первых, где Ша-нияз-хан? во-вторых, кто достал эти листья? скажите правду! я раскаиваюсь в своем прозрении: если бы я был слеп, я был бы более спокоен! Девушка спять прислала письмо: „о царь, делай свое дело, потому что я уже собралась; если ты сейчас же выдашь вора, то выдавай, если не выдашь, дай ответ, и я буду знать, что делать“».

Ша-нияз-хан сказал своей матери: «матушка, каковы новости? сходн-ка, послушай и приходи!» Его мать пошла и заглянула в дом его отца, а там читают письмо: сейчас же, дескать, ты, царь, выдай моего вора и вручи мне, если же нет, дай ответ. Его мать пришла и сказала: «положение вот какво!» Ша-нияз-хан сказал: «каково положение?» Его мать сказала: «девушка послала письмо: „ты, царь, если выдаешь мне вора, то выдавай сейчас же, а

dátäi, jawáb bdäi. tī pis airán at, če jawáb bdant. Šā-niyāz-xán gúšti: māsī, be tawáre bra, mnī pisá bguš: biyá, brawán gešá, trā yak mardúme loṭít.

māsī šut, Šā-niyāz-xánī pisá gúšti: trā ódā yak mardúme loṭít. āt be gešá. māsī sundúxäi dapá páci ku. Šā-niyāz-xán ša sundúxā dár kapt, salám-aláike kúrtant. Šā-niyāz-xán gúšti: äi bábá, tī čam zabr bütág ant? písī go: äi bábá, bezár at mnā š-āncén rošaní'ā. gúšti: pa če, bábā? písī go: yak jāníkke go čil azár ʎošúnā atá édā, mnī sará ʎazáb kurtá ke amá káse ke balgánā ā^wurtá ša mnī šarā, amáe rá mnī dastá bdäi. Šā-niyāz-xán gúšti ke balgánā nápa kái ā^wúrt? písī gušt: tī brās ā^wúrtant. gúšti: psútin ant, jawáb bdátin ant! písī gušt: šútant, jawáb dátág na kúrtant, pádā átant. Šā-niyāz-xán gúšti: nūn zánäi, čon int, bábā? písī go: čon int, bábā? Šā-niyāz-xán gúšti: be me sá^háttā čil s^wār paidá pkan, man jawáb a-dáinī. gúšti: šarr.

zúti čel s^wār paidá kúrti, ^har čillén s^wāránī aspái nālā ša zarrá gípti, mí'äi jāhá laṭṭien mī kúrti. gúdá š-ái, čil s^wārā čil čapóx o čil gogírd o tammák dátī. s^wāránā gúšti ke ^har kas čilim-káš int wa ^har kas ke náint, ^har mnúte yak gašt čapóxā pur pkánit, bréčit ʎālínánī sará. suwár gústant: báz j^wān int. Šā-niyāz-xán demá büt, suwár be padái bütant. ša šarā ke

если не выдаешь, так дай ответ!“ Твой отец в недоумении, что́ ему ответить». Ша-нияз-хан сказал: «матушка, потихоньку сходи и скажи моему отцу: „давай, сходим домой, тебя зовет один человек“».

Его мать пошла и сказала отцу Ша-нияз-хана: «тебя там зовет один человек». Он пришел домой; его мать открыла ящик; Ша-нияз-хан вышел из ящика, и они поздоровались. Ша-нияз-хан сказал: «что, батюшка, поправились твои глаза?» Его отец сказал: «ох, сынок, отрекаюсь я от такого прозрения!» Он сказал: «что́ так, батюшка?» Его отец сказал: «одна девица подступила сюда с сорокатысячным войском и разгневалась на меня: выдай, дескать, мне того, кто достал листья из моего города!» Ша-нияз-хан сказал: «кто же достал листья?» Его отец сказал: «твои братья достали». Он сказал: «пускай бы они пошли и ответили бы!» Его отец сказал: «ходили, но ответить не смогли, пришли обратно». Ша-нияз-хан сказал: «теперь знаешь что́, батюшка?» Его отец сказал: «что, сынок?» Ша-нияз-хан сказал: «собери сейчас же сорок всадников, я буду отвечать пред ней». Он сказал: «хорошо».

Он быстро набрал сорок всадников, и для лошади каждого из сорока всадников взял золотые подковы, а вместо гвоздей приделал деревянные шпильки. Потом он дал сорока всадникам сорок трубок, сорок коробок спичек и табаку, и сказал всадникам: «каждый, кто курит, и каждый, кто не курит, все вы ежеминутно набивайте трубки и бросайте на ковры!» Всадники сказали: «очень хорошо». Ша-нияз-хан поместился впереди, а всадники сзади него. Когда

dár bûtant, Šā-niyāz-xān dístī, če γālīne be đigārā tanákk int! š-amé γālīnānī sará rāstām aspá aḡ kúrtī, čilīm am ^har jā kašittant o rétant, čappí^y a-kúrtant. asp ke watí pādā zúrtant, náliš ša pādāiš káptant.

jānīk dístī ke, če suwāre ke š-amé γālīnānī sará kāit! jānīk watí dilā gúštī ke duzd améš int, kāit. trus be jānīkkāi dilā kapt. Šā-niyāz-xān naz-zíke átī, salām préntant yak o adigārā. jānīk gúštī ke duzz tá wāi? Šā-niyāz-xān jāwāb dātī: bále, mán un. jānīk gúštī: bguš nišānīānā! Šā-niyāz-xān gúštī: ^házír. awalí^yen nišānī améš int-a ke korá kúštun, kilí^yānā ša dastāi zítun. domīen nišānī améš int ke har čillén buzlangí^yānā kúštun; sājmīen nišānī améš int ke be argá bālā bútnun. agár lóṭāi ke adigārānā ^ham bgúšīn. jānīk xayāl ku watí dilā: akikáttā ke šā-zādág-e. gúštī: bás int, adigārānā ma guš. Šā-niyāz-xānī jindā gardéntī, čil suwārāi čil xal^hát dātī, ruxsát kúrtī: š^umā brāit, Šā-niyāz-xānā šapí ruxsátta^h na kanín. Šā-niyāz-xān um watí suwārānā gúštī: brāit, ruxsát-it. jānīk watí γošúnā yak jā ruxsátī kurt: brāit pādā watí šārā.

jānīk mullāe loṭit: zúte mnī aydá go Šā-niyāz-xān band. mullā ešānī aydá bástī, gúḡḡā Šā-niyāz-xānī pis Šā-niyāz-xānīā āt pa mubārakīā. gúḡḡā

они очутились вне города, Ша-нияз-хан увидел, какие на земле тонкие ковры. Он погнал лошадь прямо по этим коврам, а они повсюду курили и рассыпали табак и разворачивали. А когда лошади поднимали ноги, подковы падали с их ног.

Девушка взглянула: что́ это за всадник приближается по этим коврам? Девушка сказала про себя, что это, наверное, приближается подлинный вор. Смятение запало в сердце девушки. Ша-нияз-хан подъехал близко, они бросили привет друг другу. Девушка сказала: «это ты вор?» Ша-нияз-хан ответил: «да, я». Девушка сказала: «говори доказательства!» Ша-нияз-хан сказал: «сейчас! первое доказательство, это то, что я убил слепого и взял из его рук ключи; второе доказательство то, что я убил всех сорок бузланги; третье доказательство то, что поднялся в замок, а если захочешь, скажу еще другие!» Девушка про себя подумала: «действительно, это царевич!» и сказала: «довольно, других не говори!» Самого Ша-нияз-хана она удержала, а сорока его всадникам пожаловала сорок одежд и отпустила: «вы идите, а Ша-нияз-хана на сегодняшнюю ночь я не отпущу!» Ша-нияз-хан также сказал своим всадникам: «идите, вы свободны!» Девушка вместе с тем отпустила свое войско: «идите обратно в свой город!»

Девушка призвала муллу: заключи, дескать, поскорее мой брак с Ша-нияз-ханом. Мулла заключил их брак. Потом пришел Ша-нияз-ханов отец с поздра-

watí saráĭ táĵā pādšā^ʿénā zúrĭtĭ, Šā-niyāz-xānī sará íštĭ, gúštĭ: bābā, ša maróĉĭ ángū pādšā^ʿ utí mulkáĭ astáĭ. Šā-niyāz-xān gúštĭ: ša mnĭ dastá na bĭt pādšā^ʿí, bābā. písĭ gušt: agá bĭt o na bĭt, ša maróĉĭ ángū ixtĭ^ʿár walā^ʿáttāĭ be^t tá int, watí ixtĭ^ʿárā dārāĭ āngūrĭ. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, nápa, ā rang int, man be^t tĭ šārā do gulām dārĭn, ša^t ta xāhĭšt a-kanĭn, amá mnĭ gulāmānā be^m man bdāāĭ. písĭ gušt: tĭ gulām ká-int? mnĭ gulām tĭ ar do zāg ant. gúštĭ: šarr, bābā, bāndā kārĭnĭš.

bāndā ar do zāgānā watĭ^ʿānā ā^wúrtĭ be majlĭsā. Šā-niyāz-xān sad mardúmi digár be dĭwānā loĵĭtĭ. mardúm ke átant, ĵám bútant, Šā-niyāz-xān gúštĭ: āĭ áli majlĭs, ammá yak wáxte sāĭ brās atan, be yak ráe šútan. šápe ĵáe, róĉe ĵáe, yak wáxte du-rā^ʿĭāĭ sará šútan. mnĭ do brās be yak ráe šut, man be yak ráe šútun. watí ĉillāwānā — amédā sínge^ʿ at, amé singáĭ sará nimist-át: ar kas rāstén rā brāut, pádā bāĭt, ar kas ĉappén rā^há brāut, pádā ná^ʿ-āĭt, — ĉallāwānā be mā singáĭ ĉérā íštan nišānĭ. ar kas demá bāĭt, adigárāĭ ĉallāwā zūrĭt. máne Šā-niyāz-xān ĉappen rā^há šútun o ĉínka-ĉínka sakkén kār mnĭ sará át. xudá mnā šapá dāt, ^híĉĉĭ na būt.

влением к Ша-нияз-хану. Он взял с своей головы царскую корону, возложил ее на голову Ша-нияз-хану и сказал: «отныне и впредь, сынок, ты царь своего государства!» Ша-нияз-хан сказал: «батюшка, несподручно мне царствование!» Его отец сказал: «сподручно или нет, отныне и впредь тебе принадлежит распоряжение страной! впредь твоя воля!» Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, и если так, то у меня в твоём городе есть два раба, и я хочу от тебя, чтобы ты выдал мне этих моих рабов!» Его отец сказал: «кто твои рабы?» — «Мои рабы — оба твои сына!» Он сказал: «хорошо, сынок, завтра я их приведу».

На другой день он привел обоих своих сыновей в собрание. Ша-нияз-хан призвал на совещание еще сто человек. Когда люди пришли и собрались, Ша-нияз-хан сказал: «члены совета! когда-то нас было три брата. Мы вместе пустились в путь. Ночь в одном месте, день в другом, однажды мы дошли до распутия. Мои два брата пошли по одной дороге, а я пошел по другой дороге. Тут был некий камень, и на том камне было написано: кто пойдет по правой дороге, тот вернется, а кто пойдет по левой дороге, тот не вернется. Под тот камень мы положили для приметы свои перстни: кто прежде придет, тот возьмет и другие перстни. Я, Ша-нияз-хан, пошел по левой дороге, и сколько тяжелых трудов пришлось на мою долю! Бог даровал мне избавление, и ничего не случилось!

pádā ke átun du^r-rā^yīāi sarā, dístun, mnī brāsānī čallāw amédā āngā ér ant. man watí^yā zúrtun, āwānī padā šútun, be yak šāre sóč kúrtun ša yak mardúme: do e rangén warná na dístit? gúštant: do ame rangén warná ke gušāi, amédā átant. amédā yak jānīkke xumār-bāzen, go mā jānīkkā xumār jātant, jānīk āwānī māl o zarr o asp o tūpákkānā búrti. nūn yáke nānwāye muzzūr int, yake — āšpázāi. bāz juwān int. šútun be jānīkājā, šapénā xumār jātun, xudā mnā ābrú dāt, ešānī asp o tūpákkānā wa zarrānā pādā zítun, átun šārāi tā, yáke rā ša āšpázāi dukkānā, yáke rā ša nānwāyāi dukkānā dār kúrtun, búrtun dallákājā, sar o rīšāiš trāštun, búrtun xajātāi dukkānā p-ešān juwānén lābās dā tumānien wa bist tumānien ešānī gwarā dātun. gúḡā ešāna āúrtun watí mänzílā, ar gujāme yak asp o yak tūpák, yak zām dātuniš, go wat brābír kúrtuniš. š-é šārā dār bútan, átan. yak wáxte be jāe rast ke mnī ar do čammānā kašittant, mnā be yak čóle tā préntant o átant.

awál xudā, pajēni xudā yak šere dārín wa yak sīmúrge. amešān mnā duwārág pa xudāāi amrá rošān kúrtant. agár bāwār na dārít, ar do^yénānī ripágānā sāil pkānit ke dāg dārānt yā na dārānt. písiš ripágāniš sā^l ku, dístī, ar gujāme ripágā yak gulāmien dāg ašt. āli majlīsā gúštī ke rāst ant

Когда я вернулся к распутию, я увидел, что перстни моих братьев еще лежат тут. Я взял свой и пошел вслед за ними. В одном городе спросил у одного человека: „не видели ли вы двух вот таких юношей?“ Мне сказали: „сюда пришли двое таких юношей, как ты говоришь; но здесь есть одна разгульная девушка, они стали играть с этой девушкой, и девушка выиграла у них имущество, деньги, лошадей и ружья, и теперь один в услужении у пекаря, а другой — у повара“. Очень хорошо, я отправился к девушке, ночью играл с ней, бог отличил меня, и я отобрал обратно их лошадей, ружья и деньги. Потом пришел в город, и одного извлек из съестной лавки, другого извлек из пекарни, сводил к цырюльнику и побрил им головы и бороды, сводил к портному и одел их в хорошую одежду по десять и двадцать туманов. Потом привел их на свою стоянку, дал каждому по лошади, по ружью и мечу, сравнял их с собою. Мы вышли из города и пошли. Однажды в одном месте довелось так, что они мне вырвали оба глаза, бросили меня в пустынном месте и ушли.

Прежде всего бог, а после бога у меня есть один лев и одна симург-птица. Они меня вновь, с помощью божьей, сделали зрячим. Если же мне не верите, то посмотрите у обоих, есть у них клейма или нет!» Их отец посмотрел и увидел, что на каждом есть клеймо раба. Он сказал членам совета:

yā duróg ant mnī abár? maǰlís guštant: rāst ant tī abár. Šā-niyāz-xán guštī: e zamānāgā sezāǰ nekī badī int. amé rang ke ā be murádā rastá, awál trā, gúđā mnā, gúđā āli ĵāmí bandagíāi murádā xudá bdant.

VII

būt na büt, ša mašmāi xudá getír káse na büt. yak pādšāe at. e pādšā dāšt du zāg. amé zāgānī nām yáke Gull at, yáke Momín at. amé Gull u Momínī mās yak róče büt, murt. amé Gull u Momín šútant bi digá šāre pa wāntínā. yak čunt waxt amódā bi šārā wāntant. yak róče amešānī pis gis kúrtī, digá ĵinéne gíptī, go watí ĵinénā guštī: man dārín du zāg, yáke nām Gúll int-a u yáke nām Momín int-a. amé pādšāāi ĵinén go pādšā guštī: ta yak xáte binmís, dém bdāi pa watí zāgānī padá, bí tā biáyant ki man āwánā bgíndīn. amé pādšā yak xáte nimíst u dem dāti pa watí zāgānī padá.

amé xat ki ódinā rast bi zāgānī dastá, zāg ki wāntant, zāntant ki am-māi pis gis kurtagí, go wat abár dátant ki biyá ki anūn mašmā brawán ki mašmāi pis gis kurtagí. š-amódinā sar gíptant u átant, sar bütant bi watí pisāi gisá, dístant tā amāi pis ídā náint-a. yak wār amešāni mātó go pādšāā mazānen zāgá go Gullá guštī: bí tā tī gwandén brās amódinā mníndīt, ta

«правда или ложь мои слова?» Совет сказал: «твои слова правда!» Шанияз-хан сказал: «в эти времена воздаяние за добро зло!» Так же, как он достиг желаемого, пусть бог подаст исполнение смиренных желаний сначала тебе, затем мне, а потом всем вообще.

(VII. О Гуле и Момине)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было два сына. Имена этих сыновей были: одного — Гуль (цветок), другого — Момин. Настал день, и мать Гуля и Момина умерла. Гуль и Момин отправились в другой город учиться. Там в городе они некоторое время учились. Между тем их отец женился, взял другую жену и сказал своей жене: «у меня есть два сына; один по имени Гуль, другой — по имени Момин». Эта царица сказала царю: «напиши письмо и пошли за своими сыновьями, пусть придут, и я увидаю их». Царь написал письмо и послал за своими сыновьями.

Когда это письмо попало в руки сыновей, сыновья прочитали и узнали, что отец женился. Они стали говорить друг другу: «давай, поедем теперь, потому что наш отец женился». Они выступили оттуда, пошли и дошли до дома своего отца и увидели, что отца дома нет. Вдруг их мачеха сказала старшему царевичу, Гулю: «пусть твой младший брат посидит там, а ты подойди сюда».

ídinā biʿá. amé Gull guštī: ammá ič waxt ša wat jítá na bütág an, anún am jítá na bayán. amేశānī mātó guštī: amé yak daγīγá ta biʿá ki man go ta yak abáre dārín. amé Gull go Momín guštī: ta, lálá, amédinā mnind, man anún a-kāin. amé padšāāḡ mazánen zāg šútī bi watī mātóāiyā, guštī: ta ša man čé a-loṭáḡ? amešī mātó go Gullá guštī ki man trá girín. yak wār amé Gull ḡawáb dāt ki na bīt, ta mnī māsāḡ ḡāḡá wāḡ, man trā ič waxtá na girín. amešī mātó guštī: na bīt, mebāét, bgírāḡ. amé Gull dístī: mnā náḡlīt! guštī: ammá anún a-rawán bi watī maktábā, watī kalukalána zūrán u kārán, gúḡinā man trā girín. amé mātóí rāzī büt, Gullá š-amódinā elá kúrtī. Gull áti, go Momín guštī: biá ki e ḡaulén abáre ā go man dātī. Momín guštī: brawán, lálá, ki mašmāḡ kār darbād a-bīt. Gull u Momín pádā átant bi watī maktab-xāná.

yak čunt waxt gwast. pādšā āt bi watī gisá, ša watī jinénā pursít ki ta mnī zāḡánā dístāḡ? amešī jinén ḡawáb dāt ki ān, tī zag battíri tí ant: amé pādšā guštī: pa čé? amé jinénī ḡawáb dāt ki tī zāḡ amé ki átant, čo gušnáḡāḡ lagítant bi parzonáḡāḡ sará. amé pādšā xaḡallát büt, guštī: man anún pa āwán yak xáte binmisín u dem bdáin, ta bí tā biánt. amé pādšāāḡ jinén guštī: nápa bāz ḡuwán int-a, binmís. amé pādšā yak xáte

Гуль сказал: «мы никогда друг с другом не разлучались, и теперь не разъединимся». Их мачеха сказала: «ты подойди на минутку, потому что у меня есть тебе что-то сказать». Гуль сказал Момину: «братец, ты посиди здесь, а я сейчас приду». Старший царевич подошел к своей мачехе и сказал: «что ты от меня хочешь?» Его мачеха сказала Гулю: «я тебя беру (вместо мужа)!» Гуль сразу ответил: «нельзя, ты мне вместо матери, и я тебя никогда не возьму (как жену)!» Его мачеха сказала: «невозможно! необходимо, чтобы ты взял меня (вместо жены)!» Гуль увидел, что она не отстанет, и сказал: «мы теперь отправимся в свою школу, заберем и привезем свои пожитки, а потом я тебя возьму (как жену)». Его мачеха согласилась и отпустила отсюда Гуля. Гуль пришел и сказал Момину: «посмотри-ка, какого рода разговор она со мной имела!» Момин сказал: «братец, уйдем, потому что дела наши запутываются». Гуль и Момин вернулись в свою школу.

Прошло некоторое время. Царь вернулся к себе домой и спросил свою жену: «ты видела моих сыновей?» Его жена ответила: «да, твои сыновья хуже, чем ты!» Царь сказал: «почему?» Его жена ответила: «как только твои сыновья пришли, они точно голодные, бросились к скатерти (с угощением)». Царь был пристыжен и сказал: «я сейчас напишу и пошлю им письмо, а ты позволь им прийти!» Жена царя сказала: «очень хорошо, напиши!» Царь на-

nimíst u dem dātī pa watí zāgān. amé xat šut, rast bi pādšāāi mazānen zāgāi dastā bi Gullāiyā. amé ki Gull wāntī, gúštī go Momín: āi lālā, biyā ki ša mašmāi pisā yak xāte āt. ā u Momín wānt-atant, tā pis nimistagi ki mutlaxān biāit. amé Gull u Momín go wat abār dātant: brawān, lālā. ar duén brās rāzī būtant, š-amódinā ātant bi watí pisāi gisā.

amé ki ātant, distant tā bi pisāi gisā diwāne ništagi. amé ki bi gisāi tā putrítant, yak wār pādšā go watí mardumān gúštī: bgíritiš, ar duénānā pkúšit. yak wār amé pādšāāi wazíl go pādšā gúštī: pa če ta ešānā kušāi? ma kuš, kaušés čapí pkan tā brawánt. go amé mardumān gúštī: šmā bgírit, amé Gullāi kaušā čapí pkānit u Momínī kaušā čapí má kanít. amé mardúm gíptant, Gullāi kaušānā čapí kúrtant u Momínī kaušānā čapí na kúrtant. yak wār amé Gull ša gisā dār káptī ki braut, Momín am ša gisā dār káptī ki braut. amé ki pādšā dístī ki Momín am dār káptī, yak wār go watí mardumān gúštī: brāit, Momínā biārit go zanjírā bandít. amé mardúm šútant, Momínā čār dātant u āúrtant, go zanjírā sak bāstant. yak katráe digár ki būt, amé Momín gipt, amé zanjírāna sist u watí pisā gúštī: ta ki āi pis am ná-wāi, mnī am ná-wāi, š-amódinā jist u šut. tāngāt Gull ša šārā dār ná kápt-at ki Momín raséntī. Gull gúštī go Momín ki ta pa če ātāi? Momín gúštī: ā ki tī pis am nāiint-a, mnī am nāiint-a.

писал письмо и отправил своим сыновьям. Письмо пошло и попало в руки старшего сына, Гуля. Когда Гуль прочитал, он сказал Момину: «смотри-ка, братец, пришло письмо от нашего отца!» Он и Момин стали читать; отец написал: «непременно приходите». Гуль и Момин поговорили между собой: «отправимся, братец!» Оба брата были довольны и пошли оттуда к дому своего отца.

Когда они подошли, они увидели, что в доме их отца заседает совет. Как только они вошли внутрь дома, тотчас царь сказал своим людям: «схватите их и обоих убейте!» Царский визирь немедленно сказал царю: «за что ты их убиваешь? не убивай, а вели перевернуть им туфли (в знак немилости), и пусть они уходят!» Он сказал своим людям: «возьмите и переверните туфли Гуля, а туфли Момина не переворачивайте». Эти люди взяли, перевернули туфли Гуля, а туфли Момина не перевернули. Гуль сразу вышел из дому, чтобы уйти. Момин также вышел из дому, чтобы уйти. Как только царь увидел, что Момин тоже вышел, тотчас он сказал своим людям: «идите, приведите Момина и закуйте в цепи!» Эти люди пошли, окружили Момина, привели и крепко заковали в цепи. Немного погодя, Момин взял, порвал цепи и сказал своему отцу: «раз ты ему не отец, ты и мне не отец!» Он выбежал оттуда и пошел. Гуль еще не вышел из города, как Момин его догнал. Гуль сказал Момину: «зачем ты пришел?» Момин сказал: «раз он тебе не отец, он не отец и мне!»

karār Momín u Gull šútant bi yak jāgāe, ešānā šap gipt. Gull u Momín amé šapénā go wat abár dátant, dérā wáptant. yak wār amé Gull ša wābā ustát u šut pa šikārā, šikārī kurt yak kargóške u amé kargóškā aúrt bi watí brāsáiyā. yak wār šut, yak káme dār aúrt, amé kargóškā zabr pakítī u tayār kúrtī u gúđinā watí brāsá pādī kúrtī. Momín ustátī, amé kargóškāi goštānā ā u Gull wártant, pa duwārág Momín gúštī: anūn wārī mní int-a. amé Momín tūpá^kkā zurt u šut pa šikārā. amé Gull amédinā ki wápt-atī, bí tā amédinā wāb raút, ta bzánāi ša gujāngūr yak aždiyāre brābír a-bít u kāit pa amé Gullāi jānā, Gullā bó a-kánt. yak wār amé Gull amédinā bát a-bít. yak wār am amé Momín ša šikār a-kāit, yak wār dístī: wā wāilán, gújint-a mnī brās! yak wār amé Momín jat bāzéne bi watí sarágā u gret. yak katrāe digá būt, amé Momín š-amódinā šut pa wat.

amé Momín a-ráut bi yak daryābe pānādā. amé daryābāi pānādā, ta bzánāi, mardúm bütág ant. amé mardúm Momínā gindánt, yak wār a-kāyánt, Momínā baránt bi watí gisá. amé ki baránt, yak čunt waxt bīt, gúđinā amešānī pādšā mirít. amé mardúm a-giránt, Momínā watí pādšā a-kanánt. amé Momín ar če ki gull ast bi amé šarāi tā, Momín āwānā gīt u ziyān a-kant yā na, bi digá šarān dém a-dánt, náilit bi watí šarā. anūn ša Momín bil u ša Gullā goš pkaš.

Итак, Момин и Гуль пошли в другое место. Их застигла ночь. Гуль и Момин разговаривали друг с другом и заснули поздно. Вдруг Гуль встал и пошел на охоту. Он добыл зайца и принес этого зайца своему брату; пошел еще, принес немного дров, хорошенько изжарил этого зайца и приготовил и потом уже разбудил своего брата. Момин встал; он и Гуль поели заячьего мяса. На второй раз Момин сказал: «теперь моя очередь!» Момин взял ружье и пошел на охоту. Тут Гуль лег спать. Оставь его, пусть он засыпает, только знай, что откуда-то появляется дракон и подходит с умыслом на Гуля. Он обнюхивает Гуля, и тут же Гуль превращается в кашу. Тотчас же подходит с охоты и Момин: увы! где же мой брат? Много бил себя по голове и плакал Момин. Прошло еще несколько времени. Момин пошел оттуда своей дорогой.

Момин идет к берегу большой реки. А тебе надо знать, что на берегу этой реки были люди. Эти люди видят Момина, тотчас приближаются и забирают Момина к себе домой. Пока они его ведут, проходит некоторое время, и тем временем их царь умирает. Эти люди берут и делают Момина своим царем. Момин тогда, сколько ни есть цветов в его городе, все их берет и уничтожает или же отправляет в другие города, а в своем городе не оставляет. Теперь оставь Момина и послушай про Гуля.

yak róče yak maláŋge ša guǰángūr eší sár a-kapít, kǎit bi amé Gullǎi sará, gindít tā aǰáben juwánén warnáe ídinā murtagí, yak wār amé maláng yak húe kašít wa gušít: yā xudá, amé čoríyā zindág pkánǎi. yak wār xudá am amé malángǎi arzǎ zúrti u amé Gullá zindág kurt. amé ki Gull ustát, sǎilī ku tā mnī brās ídinā nǎint-a, yak wār amé malángā pursítī, gúštī: gú-ǰint-a mnī brās? amé maláng gúštī: man čé zánín ša tī brāsá, man ič áe rā na distág un. man ki átun, ta ídinā murt-átǎi. amé Gull gúštī: nápa bāz juwán int-a, anūn mán a-raín. amé maláng watí dastá ǰat bi amé Gullǎi puštá, gúštī: bra, xudá go ta amrá bīt u ič kas trā āzár ma dant. maláng pa wat šut u Gull pa wat šut.

amé Gull šut, bi yak daryábe pánádā dístī tā amédinā yak ǰiníke. amé ǰiník ki Gullá dístī, átī bi Gullǎjā, dast bi mardí u ǰinení dátant. yak wār ša amé rodǎi áškā mardúm kištíe u yak sundúxe rā bi sǎi mardúmǎi dastá dém a-dayánt ki šmā bráit, awálā Gullá bgúšit: suwár bǎi kištíyā ki trā bgwazénan ša rodá áškā, amé ki Gull bi kištíyā suwár büt, šmā áe rā biyárit bi rodǎi mǎnjínā bi sundúxǎi tā pkánit u bi āpǎi tā elá bdáit. amé sǎén mardúm amé kištíyā āúrtant, Gullá gúštant: suwár bǎi kištíyā tā brawán bi áškā. Gull amé kištíyā ki suwár bütī, yak wār amé sǎén

Однажды откуда-то появился дервиш; он подходит к Гулю и видит, что тут умер удивительно красивый юноша. Сразу этот дервиш взывает к богу и говорит: «о боже, оживи этого юношу!» Бог тотчас же внял молитве дервиша и оживил Гуля. Когда Гуль встал, осмотрелся и увидел, что брата здесь нет, он сразу спросил дервиша: «где мой брат?» Дервиш сказал: «что я знаю о твоём брате? я вовсе его не видал! когда я подошел, ты уже был здесь мертвым». Гуль сказал: «ну, очень хорошо, я теперь пойду!» Дервиш ударил Гуля рукой по спине и сказал: «иди, бог да будет с тобой, и никто тебя не обидит!» Дервиш пошел своей дорогой, и Гуль пошел своей дорогой.

Гуль пошел и на берегу одной большой реки увидел девушку. Когда эта девушка увидела Гуля, она подошла к Гулю, и они дали друг другу руки, как муж и жена. Между тем люди, которые были на той стороне реки, вручают трем человекам лодку и один ящик: вы, мол, отправляйтесь и сначала скажите Гулю: «садись в лодку, мы тебя переправим на ту сторону реки», а когда Гуль сядет в лодку, вы его привезите на середину реки, поместите в ящик и пустите в воду. Эти три человека пригнали лодку и сказали Гулю: «садись в лодку, и мы поедем на ту сторону». Как только Гуль сел в лодку,

mardúm amé kištíyā bi āpā dātant u átant bi amé āpāḡ mānjīnā. yak wār amé mardúm gíptant, amé Gullá bi sundúxāḡ tā kúrtant u bi āpāḡ damá dātant tā amé āp a-bárt, átant bi ḡiníkāḡyā. amé ḡiník gúštī: tā mnī mard máit, man ī-jā na raín, amédenā nindín. karár amé mardúm šútant pa wat. amé ḡinikó amédinā pa wat yak ḡásre jat u amédinā ništ. anún ša ḡinikōā bil u ša Gullá goš pkaš.

karár amé Gullá āp a-bart, bi yak gudáre dapá, yak mardúme watí aspá kārít ki āp bdant. gindít tā asp rúmm a-kánt. amé mardúm bi amé watí aspāḡ gošā bāzén ḡamčúne jant ki daúsāḡ asp pa če rúm a-kánt. amé ki kāḡit bi gudárāḡ dapá, gindít, alá! čunén ḡwānén sundúxe bi rodāḡ tā kaptagí. yak wār átī, ša watí aspá ér káptī u át, amé sundúxā ša āpā kašítī u burt, bāl áúrtī u bi amé aspāḡ sará kúrtī, aspá suwár búti u šut bi watí gisá. ódinā amé sundúxāḡ dapá páčī kúrtī, dístī aḡāben ḡwānén čoríe bi amé sundúxāḡ tā wāb int-a. yak wār amé Gullá pād kúrti ki bust. amé Gull ustát, amé mardúmā gúštī: ta pa man yak káme gull paidá pkan u biyár. amé mardúm gúštī: agár amāḡ pādšā búškint, amā rá ša sará póst a-kánt, pa če ki āí brāsāḡ nām būtagí Gull. anún āí brās murtagí, pa améšā ídinā gullá náḡlit. amé Gull gúštī: ta bra, biyár, man

эти три человека сразу пустили лодку в воду и попали на середину реки. Вдруг эти три человека схватили Гуля, сунули его в ящик и пустили по течению, чтобы его унесла вода, а сами вернулись к девушке. Девушка сказала: «пока мой муж не придет, я никуда не пойду, а останусь здесь». Итак, эти люди отправились во свояси, а эта девушка построила для себя замок и осталась тут. Теперь оставь девушку и послушай про Гуля.

А Гуля вода уносит к месту переправы, и какой-то человек в это время приводит сюда свою лошадь на водопой. Он видит, что лошадь пугается. Этот человек нещадно бьет плетью по ушам свою лошадь: чего, дескать, пугается эта распутная лошадь! Когда он подъезжает к месту переправы, он видит: ах! какой красивый ящик упал в воду! Он тотчас приблизился, сошел с лошади, подошел и вытащил ящик из воды; отнес его, поднял и нагрузил на лошадь; сел верхом и поехал домой. Там он открыл крышку ящика и увидел, что в ящике спит удивительно красивый юноша. Он тотчас разбудил Гуля: вставай, мол. Гуль встал и сказал этому человеку: «принеси мне немножко цветов!» Этот человек сказал: «если наш царь услышит, он сдерет нам кожу с головы, потому что имя его брата было Гуль (цветок), а теперь его брат умер, и потому он не терпит здесь цветов». Гуль сказал: «ты сходи, принеси, а я сам буду отвечать

wat āi ǰawāb a-daǰn. amé mardúm gúštī: man awál a-raǰn, ša pādšá pursín, gúđinā pa ta kārín. Gull gúštī: nápa, bāz ǰwán int-a.

amé mardúm átī bi pādšáǰyā, go pādšá gúštī: äǰ pādšá, ǰábli ālám, āncén mardúme rā zī man bi āpǰǰ tā dístun, bi sundǰxǰǰ tā at, āp a-kāúrt, man ka-šítun u āúrtun bi watí gisá, āncén ǰwánén čoríe, amá čorí ša man gull loťít, anún man átun bi tíā, ta amá rā murxás a-dāyǰǰ yā na? amé pādšá guštī: ta bra, amái rā bzūr u biyár. amé mardúm átī, amé Gullá gúštī: biyá ki bra-wán mašmá bi pādšáǰyā. ā u Gull átant bi pādšáǰyā. amé ki Momín u Gull wat rā dístant, grétant, tā du sāt dast bi gardín bútant u grétant, dérā go wat wašámáde kurtant. ša yak u agdárā pursítant ki čón int-a tí awá. Gull gúštī: zabr int. Gull Momínā pursít: čón int-a tí awá? Momín gúštī: zabr int-a. karár Gull go Momín gúštī: äǰ lálá, man dārín yak ǰinéne, amá mnī ǰinén bi plāná ǰá int-a, mašmá brawán, āe rā biyáran. Momín ašt salát-a zurt u šútant. karár Gull mānt go watí brāsá. eší rā Momín zabr gísī dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant. man am bi amá arosiā čap kúrtun, š-amóđinā ǰístun u bástun, pa wat yak imáne āúrtun, pa ta yak ǰiníke áúrtun.

перед ним». Этот человек сказал: «я сначала пойду спросить у царя, а потом уже принесу тебе». Гуль сказал: «очень хорошо».

Этот человек пришел к царю и сказал царю: «о царь, средоточие мира, вот какого человека я вчера нашел в воде! он был в ящике, и вода его несла, а я вытащил и принес к себе домой, такой красивый юноша! этот юноша просит у меня цветов, вот я и пришел к тебе, дашь ты ему разрешение или нет?» Царь сказал: «иди, возьми его и приведи». Этот человек пришел и сказал Гулю: «давай, пойдём к царю!» Он и Гуль пошли к царю. Как только Момин и Гуль увидели друг друга, они расплакались, часа два обнимались и плакали и долго обменивались приветствиями и спрашивали один у другого: «как ты поживаешь?» Гуль сказал: «хорошо» и спросил Момина: «как ты поживаешь?» Момин сказал: «хорошо». Наконец, Гуль сказал Момину: «братец, у меня есть жена, эта моя жена в таком-то месте, поедем, привезем ее!» Момин взял восемь солдат; они отправились и привезли жену Гуля. Итак, Гуль остался со своим братом, Момин пышно справил его свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабаны. И я на этой свадьбе плясал, оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благоденствие, для тебя доставил девушку.

VIII

būt na būt, ša mašmāḡ xudá getír káse na būt. yak pādšá^{ov} at. e pādšá dáštī yak záge. e zágī yak róče būt, šut pa šikárā, šut, dístī amédā yak róde, sáḡlī ku tā čé paríe ābāzī a-kanánt. e sáḡlī ku tā mešānī tā čonén ḡwānén paríe ābāzī a-kánt. e watí dilá pígrī ku, gúštī ki man go ešán bándā kār dārín. e š-amédā šut bi watí gisá. yak búnđe rā kađá^{ke} ku, zabr ḡdī kurt wa tāriénā āúrtī, bi gudárāḡ dapá išt. wat bi^t táḡ būt. parí átant pa ābāzīā, watí puččānā kašítant. agidá bi đigárā íštant, amé ḡwānén parí watí puččānā bi bundāḡ sará išt, watí amránā gúštī ki šmā am biyárit, watí puččānā bi bundāḡ sará bíllit. ā gúštant ki na, ammā amédā kíllan. e gúštī: ḡwān int. e watí puččānā dārī kúrtī, išt, wat šut pa ābāzīā. amé čorí ša bundāḡ tā dár kapt, šútī, amé paríā puččānā zúrtī, ā^vúrtī, bi bundāḡ táḡ kurt, wat bi bundāḡ tā būt. parí ša āpá dar káptant, átant, watí puččānā gwará kúrtant wa rādág bútant. amé ḡ^vwānén parí átī, sáḡlī ku tā mnī puč édā ná ^vant, watí amránā sóḡī ku ki mnī puččānā káḡ zurtáḡ? ā gúštant ki ammā na zānán.

(VIII. О пэри Шар-шару)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был царь, у этого царя был сын. Однажды этот сын отправился на охоту. Он шел и увидел реку; посмотрел: там купаются пэри. Посмотрел еще: ух! какая красивая пэри купается среди них! Он подумал и сказал сам себе: «ужо завтра я с ними сделаю что-нибудь!» Он отсюда пошел домой, выдолбил бревно, хорошенько обделал его и на утро принес и поместил его у переправы, а сам спрятался внутри. Пэри пришли купаться и сняли с себя одежду. Другие положили ее на землю, а эта красивая пэри положила свою одежду на бревно и сказала своим подругам: «вы тоже принесите и положите свою одежду на бревно». Они сказали: «нет, мы оставим здесь». Она сказала: «ну, хорошо!» Она разделась и положила свою одежду, а сама пошла купаться. Этот юноша вышел из бревна, взял одежду этой пэри, положил в бревно и спрятался сам в бревне. Пэри вышли из воды, подошли, оделись и собрались уходить. Подошла и эта красивая пэри, посмотрела: нет моей одежды! Она спросила своих подруг: «кто взял мою одежду?» Они сказали: «мы не знаем».

ā šútant, e mántī, íngo sáilī ku, ángo sáilī ku, íčči na dístī, átī bi me bundáġiā, gúštī ki ta ínse ʷäġ, jínse ʷäġ, agár ādamíe ʷäġ, mnī puččánā zurtág-äġ, bdääġ! ā gúštī ki man na ínse un, na jínse un, ādamíe un, tī puč go mán ant. gúštī: mnī puččánā bdäġ. ā gušt: na dáin tī puččánā. gúštī: bdäġ pa brásí o gwārí. ā gúštī ki na dáin. gúštī: bdäġ pa nākó-zakí. gúštī: na dáin. gúštī: bdäġ pa trū brā-zakí. gúštī: na dáin. gúštī: bdäġ pa mardí o jānení. gúštī: jwān int, tī puččánā dáin, tī bālānā na dáin. puččánā dátī, eší rā bi bundáġi tāi ku, bundáġi dapá bast. wat bundá badđái kurt, búrtī, bi watí pissáġi gisáġi dapá íštī. watí māsá gušt ki mnā dost dārít, plāná pajyummārā dost dārít, amé bundá na ki dast dáit. māsī gušt ki jwān int.

e š-amédā šut bi bázará, šut, gáštī, gáštī padóī āt. watí māsá gúštī ki pa man ārt bāz drúššit, ki man gís a-kanín. eší mās gušt: ta káġi rā giráġi? e gúštī: man amé bundá girín. eší mās go: ta padšáāġi yakén záge, ta čon búnđe rā giráġi? e gúštī: na, māsí, man amé bundá girín. gúštī: jwān int.

p-eší ārt-u-bār tayár kúrtant. eší rā gis dátant. búrtant bi killá. tāríenā roč büt, bi molíde dastá gul dém dátant, bi yákäġi dastá purr dém dátant.

Они ушли. Она осталась, посмотрела там и сям, ничего не нашла, подошла к бревну и сказала: «дух ли ты какой-нибудь или же человеческого рода, кто взял мою одежду, — отдай!» Он сказал: «я отнюдь не дух, я человеческого рода, и твоя одежда у меня». Она сказала: «отдай мою одежду!» Он сказал: «не дам твоей одежды!» Она сказала: «отдай ради побратимства и посестримства!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений дяди к племяннице!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений тетки к племяннику!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради супружества!» Он сказал: «хорошо, я отдам тебе одежду, но твоих крыльев не дам». Он отдал ей одежду, поместил ее в бревно, закрыл вход в бревно, потом взвалил бревно себе на спину, отнес, положил у входа в дом своего отца и сказал своей матери: «если вы любите меня и любите такого-то пророка, то не прикасайтесь руками к этому бревну!» Его мать сказала: «хорошо!»

Он пошел на базар, походил, походил, вернулся назад и сказал своей матери: «намелите мне побольше муки, потому что я женюсь». Его мать сказала: «кого ты берешь?» Он сказал: «я беру это бревно». Его мать сказала: «ты единственный сын у царя! как можешь ты брать какое-то бревно!» Он сказал: «нет, матушка, я возьму это бревно!» Она сказала: «хорошо!»

Для него приготовили муку и прочее, поженили его и отвели в помещение для новобрачных. На утро рассвело. С одной служанкой послали ему цветов, а с другой послали золы и сказали: «отнеси цветы и посыпь

gústant: gulánā bar bi čoríaj sará breč, purránā bar, bundáj sará breč. e š-amédā búrtant, sáil kurtant tā čoríaj pánádā čonén jwánén warnāe ništá. e ki dístant, yiš kurtant. parí átī, watí dasmálā námmī ku, bi ešānī demá pašítī, eš sár kúrtant, padoí šútant. parí gulánā zúrtī, burtī, ā ū čorí watí sará bār kúrtant. e molíd šútant bi gisá, ódenā gústant go čoríaj māsá: bibí, bibí, bibí šmā nāit, bibí á int ki mnī wājáj demá ništá. e gúštī: watí rangá yaib pkan š-amédā, ta ammā rā ša búnđe kamtír a-kanáj! e gúštī: na, bibí, bibí šmā nāit, bibí á int ki mnī wājáj demá ništá. e š-amédā šútant ódenā p-ái sáilá. ódā dístant tā rāstí bibí ammā ná an, bibí amēš int. pa duwārág eší rā ša sárāj nok gis dátant. tā apt šap o apt roč dol kúrtant.

e čoríā apt šap, apt roč būd bütī, gúštī go watí māsá ki äj māsí, man a-ráin pa kārwan-kaší'ā, mnī jánén bi^t tī dastá int. agár mnā dost dārāj, p^lānā pāiyummārā dost dārāj, na ki mnī jánénā bālānā bdāáj ki ā bāl a-kánt o rot. eší mās gušt: na, māsí, man ič waxt áí bālānā na dáin. gúštī: jwán int, man digá ráin. jáni tá wa jáni mnī jánénā! ki ā bāl má. kant o má rot, ki ič ka áí sará sar-zorí ma kant. gúštī: jwán int, māsí, man ič kasá náilin ki áí sará sar-zorí kant. e čorí š-amédā šut.

голову юноше! отнеси золу и насыпь на бревно!» Они отнесли и стали всматриваться: что это за молодая красавица сидит рядом с юношей! Как только они рассмотрели ее, они лишились чувств. Пэри подошла, намочила свой платок и побрызгала им в лицо; они очнулись и пошли обратно. Пэри взяла цветы и унесла; она и юноша разделили их между собой. А служанки пошли домой и сказали матери юноши: «госпожа, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Она сказала: «сгинь отсюда! ты считаешь нас хуже какого-то бревна!» Та сказала: «нет, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Они пошли туда посмотреть на нее и там увидели: ведь правда! не мы госпожи, а она госпожа! Вторично и снова его поженили. Семь ночей и семь дней били в барабан.

Когда истекло семь ночей и семь дней, юноша сказал своей матери: «матушка, я отправляюсь с караваном, а моя жена остается у тебя на руках; если тылюбишь меня и любишь такого-то пророка, ты не отдавай крыльев моей жене, а то она взлетит и исчезнет!» Его мать сказала: «нет, сынок, я ни в каком случае не отдам ей крыльев». Он сказал: «хорошо, тогда я пойду, но ради твоей души и души моей жены! пусть она не летает и не уходит и пусть никто ее не притесняет!» Она сказала: «хорошо, я никому не позволю, чтобы ее притесняли». Юноша ушел.

tāriēnā bi digá alke arūsíe büt. amé alkāi jānik wat rā jōđ kurtánt. e wat rā jōđi na kurt. eší duskíč āt, gúšti: āi Šar-šarú, ta pa če wat rā jōđa na kanāi ki mašmá b'rawán bi arūsíā. e gúšti: tā mnī bāl má bayánt, man ič jā šutága na kanín. e gúšti: jwān int, man tī bālānā kārín, ta tānāxte wat rā jōđ pkan. e gúšti: jwān int. e š-amédā šúti watí māsáīā, gúšti: āi māsí, eší bālānā bdāi! māsí gušt: na, māsí, agár man āi bālānā bdāin, ā bāl a-kánt o rot ki tī brās a-kāit, ša man awál a-gít ki gúj int mnī jānén? gúšti: man bālānā na dāin. gúšti: na, māsí, bālāni bdāi ki ammá rawán bi arūsíā wa zúti kāyán. gúšti: jwān int. eší bālānā dátī, e š-amédā bālānā āurtī, watí nišārā dátī. eší nišār pa gal o bal zúrtī watí bālānā, š-amédā rādág bütant ki šútant bi arūsíā, šútant bi arūsíā panádā. e gúšti ki šmā bráit, man annún a-kāin. yak wār bāli ku, šut bi awá. e sāil kúrtant ki wā wāilán! ā bāli kurt o šut. e wassūi o duskíči wat rā játant o grétant. ki ā šúti, bāndā na, pōši Šāi-kalandār a-kāit, ša ammā awál a-gít ki gúj int mnī jānén. ammá áe rā če jawāb dāyán. amé Šar-šarú bi awāā demā, abārī dāt ki man rāin, ša apt daryābā áškā bāin. amín-kasī gušt wa šut. eší mās yak sorén búze rā kúšti, burt, góri kurt.

На утро в другом селении была свадьба. Девушки этого селения принарядились, а она не наряжалась. Ее золовка пришла и сказала: «Шар-шару, почему ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!» Она сказала: «пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу идти». Она сказала: «хорошо я принесу тебе крылья, а ты пока принарядись». Она сказала: «хорошо!» Та пошла к своей матери и сказала: «матушка, отдай ей крылья!» Ее мать сказала: «нет, дочка, если я отдам ей крылья, она полетит и исчезнет, а твой брат вернется и спросит про нее: где, мол, моя жена? Нет», — сказала она, — «я не отдам крыльев!» Та сказала: «нет, матушка, отдай ее крылья! мы сходим на свадьбу и скоро придем!» Она сказала: «хорошо!» Она дала ей крылья; та принесла крылья и отдала своей невестке. Ее невестка с радостью взяла свои крылья. Они собрались на свадьбу и пошли. Она сказала: «вы идите, я сейчас приду», а сама вдруг взлетела и очутилась в воздухе. Они взглянули, но увы! она взлетела и летит. Ее свекровь и золовка стали себя бить и плакать: «она ушла, а не завтра, так послезавтра вернется Ша-каландар и спросит у нас про нее: где, мол, моя жена? какой ответ мы ему дадим?» Шар-шару уже в воздухе сказала: «я ухожу и буду по ту сторону семи рек!» только это сказала и улетела. Его мать зарезала красную козу, отнесла и закопала.

tāriēnā büt, Šäi-kalandār āt, guštī: äi māsi, man čunt sāl int ki šutá un pa kārwan-kaší^{vā}. ešī mās gušt: zī na, parerī šutāi pa kārwan-kaší^{vā}. guštī: na, māsi, e du sāl int ki man šutá un pa kārwan-kaší^{vā}. guštī: šarr, māsi, watī nānānā bor. guštī: mnī jānén gújint-a? māsi gušt: ā u tī gwār šutant bi alkā wa annūn a-kāyánt, ta watī nānānā b^{ar}. guštī: jwān int, māsi. e ki watī nānānā wārtī, māsi gušt: čize ki ša xudā čer nājint, ša^t ta um čera na bīt: tī jānén ša^t tī γamā murtī. guštī: gujāmadā gór kurtá it? mnā bārit, āi gorá nišān bdāit. ešī rā burtant, gorā nišān dátant ki amédā tī jānén murtāi. eš tā apt šap o apt roč amēdenā káptī amešī gorāi sarā.

yak róče büt, átī bi gisá, amédā sūgí níštī, yak jānén záge watī jānikkā dušmán dátī ki annū trā čo Šare-šarújā bāl a-dāin. e uškítī, šutī, amā jānén zāgá lojtī. guštī ki Šar-šarú bālī kurtá magá? ā jānén zāg gušt: tā magá sí na dārāi? ā guštī: na, man sī na dārín. jānén zāg gušt: palāná ročā yak arūsie büt, ammā wat rā jód kurtan ki brawán bi arūsia. Šar-šarú wat rā jódī na kurt, tī gwār āt, guštī ki äi nišār, ta pa če wat rā jóda na kanāi ki mašmā brawán bi arūsia? ā guštī ki äi duskíč, tā mnī bāl ma bayánt, man ič jā šutāga na kanín. ā guštī ki man tī bālānā kārín, ta tānāxte wat rā jód pkan, man annūn tī bālānā kārín. e wat rā jódī kurt. ā am šut, bālānī aurt

Настало утро. Ша-каландар вернулся и сказал: «о матушка, сколько лет прошло уже, как я ушел с караваном!» Его мать сказала: «не вчера, так позавчера ты ушел с караваном!» Он сказал: «нет, матушка, уже два года, как я ушел с караваном!» Она сказала: «ну, хорошо, сынок, кушай свой хлеб!» Он сказал: «где моя жена?» Его мать сказала: «они пошли с твоей сестрой по селению и сейчас придут, кушай свой хлеб!» Он сказал: «хорошо, матушка». Когда он поел, его мать сказала: «что́ от бога не скрыто, не должно быть скрыто также от тебя! твоя жена с горя по тебе умерла». Он сказал: «где вы ее похоронили? отведите меня и покажите ее могилу!» Его повели и показали ее могилу: вот здесь, дескать, твоя мертвая жена! Десять ночей и десять дней он лежал здесь, на ее могиле.

Однажды случилось, что он пришел домой и сидел здесь в горе, а одна женщина ругала свою дочку: «я теперь тебя, как Шар-шару, заставлю улететь!» Он услышал, пошел, позвал эту женщину и сказал: «разве Шар-шару улетела?» Та женщина сказала: «разве ты не знаешь?» Он сказал: «нет, не знаю». Женщина сказала: «в такой-то день была свадьба, и мы принарядились чтобы итти на свадьбу, а Шар-шару не наряжалась; твоя сестра подошла и сказала: „невестка, что же ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!“ она сказала: „золовка, пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти“; та сказала: „я принесу твои крылья! ты пока принарядись, а я сейчас

u dāt. e watí bālānā zurt, gúšti ki brawán. e š-amédā šútant bi arūsīā pānādā. āwānā gúšti ki šmā bräit, man annūn a-kāin. ā š-amédā šútant ki e yak wā bālī ku, šut bi awá wa bi mā awáä demá gúšti ki man raín, ša apt daryábā áškā bāin. e Šäi-kalandár gúšti ki man annūn a-raín pa āí padá.

Šäi-kalandár šútī, wat rā malangí póši kurt wa šútī, šútī bi yak čóle. dístī tā yak molíde áp a-kašit. gúšti: äi dādá, mnā yak kámme āp bdäi. e gúšti: bra, gum bāi, tī dil ušk bīt, Šar-šarúäi nimáz kazá bīt, man trā āpa bdäin! e gúšti ki bra ki tī āp ón bayánt. e š-amédā watí āpānā búrtī ódenā, tā mnī āp ón ant! pa duwārág watí maškái āpānā réti, pa duwārág áti bi čāá sará. e čorí gušt: äi dādá, ta mnā yak kámme āp bdäi. a gúšti: bra, gum bāi, tī dil ušk bīt, Šar-šarúäi nimáz ódā kazá bīt, man trā āp bdäin! ā gúšti: bra ki tī āp rem bayánt. ā watí āpānā burt, ódenā säil ku, tā mnī āp rem ant! watí maškái āpānā gipt, réti, áti padā bi čāái sará, watí mašká āpī ku. e čorí gúšti: äi dādá, ta mnā yak kámme āp bdäi. e gúšti b'ra, gum bā, tī dil ušk bīt, ki Šar-šarúäi nimáz ódā kazá bīt! e gúšti: brā ki tī āp čirk bayánt. e š-amédā watí āpānā burt bi ódenā.

принесу твои крылья“; она принарядилась; та пошла, принесла крылья и отдала; она взяла свои крылья и сказала: „пойдемте!“ они пошли на свадьбу, и она сказала им: „вы идите, а я сейчас приду“; они пошли, и вдруг она взлетела на воздух и уже в воздухе сказала: „я ухожу и буду по ту сторону семи рек!“» Ша-каландар сказал: «теперь я пойду за ней!»

Ша-каландар пошел, оделся в дервишеское платье и ушел. Пошел он в пустынное место, увидел, что одна служанка набирает воду, и сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, значит, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «види, и пусть твоя вода обратится в кровь!» Она понесла отсюда свою воду: — «да ведь моя вода, это кровь!» Она вылила воду из меха и вторично пришла к колодцу. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, по твоему, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «види, и пусть твоя вода обратится в гной!» Она повесла туда свою воду и посмотрела: «да ведь моя вода, это гной!» Она взяла и вылила воду из своего меха, опять пришла к колодцу и набрала воды в мех. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода станет грязью!» Она повесла отсюда свою воду.

Šar-šarū gušt: ta zūti pkan, pa man āptāwágāi tā āp pkan wa biār ki man dāsti-nimáz bgirín. e šut, watí āpānā sājli ku, tā mnī āp čirk ant! Šar-šarú gúšti ki zūti pkan, āp biār. pa duwārág gúšti: tī āp pa če ón ant u čirk ant u rem ant? ā jawāb dāt ki bi čāāi sará yak malángo ništá u jwānén sūratíen mardúme, ša man ápe ložit u man áe rā gúštun: b'ra, gum bāi, tī dil ušk bit, Šar-šarūāi nimáz ódā kazá bit wa man trā édā āp bdāin! ā gúšti: bra ki tī āp on u čirk bayán^t. Šar-šarú gušt: ta bra, áe rā āp bdāi, ziyātíānī ma réčāi, pa man biārāi.

e š-amédā šútī bi čāāi sará tā čorī ništá-ī. watí mašká āpī kurt. e čorí gušt ki āi dādá, mnā yak kámme āp bdāi! e molíd gúšti: āi lālā, ta yak wā bošt ki man watí maškāi dapá bandín, gúđā trā āp a-dāin. watí maškāi dapá bast, eši rā āp dāt, gúšti: watí ziyātíyānā ma réčāi ki Šar-šarū go man guštāi ki āi ziyātíyānā biārāi pa man. e ša xudá ložit ki e molíd mnā e đolén abáre dāt. eši dem ki āngūrī gašt, e watí čalláwā gíptī, bi āpānī tā préntī, wa e molíd āpānā búrtī, bi Šāri-šarú dāt.

Šar-šarú wártī, sājli ku tā allá! e čalló mnī int-a! e čalláwā zúrtī, átī bi čāāi sará, sājli ku tā e Šāi-kalandár int-a. gúšti: āi ādamí, múrg

Шар-шару сказала: «поскорее налей воды в кувшин для омовений и принеси, потому что я уже собираюсь встать на молитву!» Она пошла и посмотрела на свою воду: «да ведь моя вода, это грязь!» Шар-шару сказала: «скорее неси воду!» и сказала еще: «отчего это у тебя вместо воды то кровь, то гной, то грязь?» Она ответила: «у колодца сел один дервиш, человек молодой и красивый, он попросил у меня воды, а я ему сказала: „уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена, пока я буду здесь тебе давать воду!“ он сказал: „иди, и пусть твоя вода будет кровью и грязью!“» Шар-шару сказала: «иди и дай ему воды, а остатки не выливай, а принеси мне».

Она пошла отсюда к колодцу; юноша еще сидит. Она наполнила свой мех водой. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Служанка сказала: «братец, подожди немножко, я завяжу свой мех и тогда дам тебе воды». Она завязала отверстие своего меха, дала ему воды и сказала: «остатки не выливай, потому что Шар-шару мне сказала: „что после него останется, принеси мне!“» Это он выпросил у бога, чтобы служанка произнесла такие слова. Как только она отвернулась, он взял свой перстень и опустил в воду. Служанка отнесла воду и дала ее Шар-шару.

Шар-шару стала пить, взглянула: «ах, да ведь это мой перстень!» Она взяла перстень, пошла к колодцу и стала смотреть, а там Ша-каландар. Она

be bāl, ta édenā čon átāi? e gušt: man amé ɖol átun. eší rā gíptī, sūčēnī kurt, bi watí zī^vái jat. š-amédā šútī bi watí jāgá. parí átant, gúštant ki äi Šar-šarú, boi, boi ādamí! e gúštī ki bráit, gum bāit, édā gú] int ādamíe? e gúštant ki na, Šar-šarú, boi, boi ādamí! Šar-šarú gúštī ki bráit, gum báit pa wat, édā ādamí náint-a wa múčči parí ant. e š-amédā šútant pa wat.

Šar-šarú š-amédenā šútī bi dūrā, eší rā gíptī, bi watí bālān jāti, bālī kúrtī, šútī bi watí jāgá. ódenā mās u písī gúštant ki ā^vúrtāi watí jānénā? ā gúštī: ān, š^umā go man bāz gandágen kār kúrtit ki man watí jānénā bi šmāi dastá dátun, šmā go man e ɖol kúrtit. š-amódenā man jístun u bá-stun, átun, bi watí jāgá, níštun.

IX

būt büt, ša mašmāi xudá getír ič kas na büt. yak pādšāe at, e šútant pa gardíštā. e pādšā oš ku: mnī tazbí édā náint, gisá māntá, ša šmā yáke bráit, mnī tazbíā biyárit. wazíl gu: äi pādšā, man a-rāin, ti tazbíā kārín. pādšā gúštī: bra, tazbíā biār. e wazíl šut, der kúrtī. Šā-trasān gúštī ki

сказала: «о человек, птица без крыльев! как ты попал сюда?» Он сказал: «вот так и попал!» Она взяла его, обратила в иголку, воткнула себе в воротник и пошла отсюда к себе. Подошли пэри и стали говорить: «о Шар-шару, запах! человеческий запах!» Она сказала: «уходите, пропадите! откуда здесь человекье!» Они сказали: «нет, Шар-шару, запах! человеческий запах!» Шар-шару сказала: «уходите, убирайтесь к себе! здесь человекье нет, все пэри!» Они ушли отсюда к себе. А Шар-шару пошла отсюда подальше, взяла его, поместила к себе на крылья, взлетела и отправилась к себе домой. Там его мать и отец сказали: «ты привел свою жену!» Он сказал: «да! вы со мною очень скверно поступили: я поручил вам свою жену, а вы так со мной поступили!» Оттуда я выскочил, завязал, пришел к себе, уселся.

(IX. О Ша-трасане)

Было-было, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. (Однажды царь и его приближенные) отправились на прогулку. Вдруг царь спохватился: «здесь нет моих четок, они остались дома; кто-нибудь из вас пусть съездит и привезет мои четки». Визирь сказал: «царь, я съезжу и привезу твои четки». Царь сказал: «поезжай и привези четки». Визирь поехал, но задержался. Тогда Ша-трасан сказал: «я съезжу и привезу четки». Царь сказал

man a-ráin, tazbíā kārín. pādšá gúštī: bra, zúti biáāi. Šā-trasán šúti, rástī ódenā bi pādšāāi gisá, dístī ki wazíl go padšāāi jānénā jānt u wart. e zúti ku, tazbíā zúrtī u amé wazílāi linguṭá go tazbíā zúrtī u áspe rā suwár büt u šut. wazíl zúti kurt, šúti, ša bázārā pa wat linguṭáe zítī, watí sará bast, átī, ša kamándā áspe gíptī, suwár büt u āi ku, šut, ša Šā-trasán demá bütī, šut bi pādšāāi. pādšá gúštī: mnī tazbí gúṣ int? wazíl gu: pádā go Šā-trasán int, ā kārítī. gúštī: šarr. yak sáate büt, Šā-trasán āt.

š-amédā šútant, átant bi yak jāe, dístant ki ajāben jwānén ḡigāre. wazíl gu ki e ḡigār bābi tī šār u kalát-a dārít, tī šār u kalát edenā bīt! pādšá gušt: kār kí kār ant? wazíl gu: kār Šā-trasáni^v ant. pādšá gúštī ki āi Šā-trasán bābā, če a-gušāi? Šā-trasán gušt ki ilāje na dārín. pādšá gúštī ki kanāi yā na? gúštī ki kanín. e pādšá u wazíl šútant, Šā-trasán taná mántī, šúti, dáste nimáz gíptī, átī, nimáz kúrtī. yak pīramārde átī, gúštī: āi bābā, édā ta čew a-kanāi? Šā-trasán gušt ki pādšá bi mnī sará úkme kurtá ki ta édenā šār u kaláte jód kanāi. e pīramárd gušt: āi bābā, ta pa ešī sargardán āi? Šā-trasán gúštī ki ān, bābā, man p-amešī sargardán un. e pīramárd watí asá zúrtī, bi ḡigārā yak wār čóši kašít, šār u kaláte jód büt.

ему: «поезжай, но возвращайся скорее». Ша-трасан отправился, прибыл в царский дворец и увидел, что визирь забавляется с царской женой. Он поспешил, взял четки и вместе с четками захватил чалму визиря; сел верхом и поехал. Визирь заторопился, вышел, купил на базаре для себя чалму, повязал голову, взял лошадь из конюшни, сел на нее, погнал, поехал, опередил Ша-трасана и подъехал к царю. Царь сказал ему: «где мои четки?» Визирь сказал: «сзади, у Ша-трасана, он привезет». Он сказал: «хорошо». Прошло некоторое время, Ша-трасан подъехал.

Они отправились оттуда; приехали в одно место и увидели, что местность удивительно хороша. Визирь сказал: «эта местность подходит для устройства поселения и города, пусть здесь будет основан твой город!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода!» Царь сказал: «что же, сделаешь или нет?» Он сказал: «сделаю». Царь и визирь уехали. Ша-трасан остался один, совершил омовение и стал на молитву. Подошел один старец и сказал: «что ты здесь делаешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «царь приказал мне, чтобы я заложил здесь город». Старец сказал: «этим-то ты расстроен, сынок?» Ша-трасан сказал: «да, отец, я этим расстроен». Старец взял свой посох, провел один раз по земле, и образовался город.

bāndā pādšā átī pa sāilā, sāilī ku ki ajáb jwānén šār u kalāte-e. e wazíl dist, go pādšā gúštī: äj pādšā, e šār u kalāt bābi dráxte gul-xandún u gul-gurún dārít ki édenā dráxte gul-xandún bútin. pādšā gu ki kār kí kār-ant? wazíl gu ki kār Šā-trasānī kār ant. pādšā gu ki äj bābā Šā-trasān, če a-gušāi? Šā-trasān gušt: ilāje na dārín, mebāét pkanín. e šútant.

Šā-trasān mānt u šútī, dast-nimáz gíptī, nimázī ku, pīramárd átī Šā-trasānīyā, gúštī: äj bābā, pa če sar-gardán äj? Šā-trasān gušt ki ša man dráxte gul-xandún u gul-gurún a-loťánt. gúštī: p-amešī sar-gardán äj? gúštī: ān. gúštī: bra š-amédenā, be palāná jā yak buzlangí-e, pādāi tūén nále sabz kurtá, amā nalāi čérā pa wat kúrme dé, wat bi mā kurmá¹ tā mnind, amé nalāi rišágā go watí dastā bgir, péš kaš, ā buzlangí wat paryád a-kánt. buzlangí, káyant, amédenā kót a-bayánt. šant ki bi azrāti Slejmānī čāppāi aptekállā sogínd ki trā íčča na kanán, ar kas-āi, dār kap, biā, trā íčča na kanán. ta māil, pa duwārág péš pkaš. ā wat a-gušánt: bi azrāti Slejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íčča na kanán. gúđinā ta bil. Šā-trasān gúštī: nápa bāz jwān int-a.

На следующее утро царь прибыл для осмотра и усмотрел, что поселение и город удивительно хороши. Визирь поглядел и сказал царю: «царь, этот город вполне достоин дерева с цветами смеха и плача (гуль-хандун и гуль-гурун)! если бы здесь было это дерево!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что ты скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, приходится сделать». Они уехали.

Ша-трасан остался, совершил омовение, сотворил молитву. Явился старец и сказал: «ну, сынок, чем ты расстроен?» Ша-трасан сказал: «с меня требуют дерева с цветами смеха и плача». Он сказал: «так ты этим расстроен?» Он сказал: «да». Он сказал ему: «иди отсюда; в таком-то месте есть один бузланги, и в ноге у него вырос большой отросток; ты под тем отростком выкопай для себя яму, сядь в яму, захвати рукой корни отростка и потяни: тот (бузланги) закричит, и другие бузланги придут туда к нему на помощь и скажут: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем! кто бы ты ни был, выйди наружу и подойди, мы тебе ничего не сделаем!“ ты не отпускай, а опять потяни; они снова скажут: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем!“ тогда ты отпусти». Ша-трасан сказал: «очень хорошо!»

š-amódinā šútī bi amá naláiyā ki bi amé buzlangíāi pādā sabz kurt-át. šut, amāi čérā pa wat yak kúrme jātī u bi amá kurmāi tā wat čer káptī u amá nalái rīšágānā gipt, peš kašit u yak wār amé buzlangí grétī u čičál kúrtī. yak wār buzlangí gírdī átant, tawár kúrtant ki ta ādamíe wāi yā ínse wāi yā jínse wāi, ar čée wāi, bil. bi azrāti Slejmānī čáppāi aptekállā sogínd, trā íččia na kanán, bil. e náišti, pa duwārág peš kašitī, pa duwārág amé buzlangí čičál kurt. yak wār amé buzlangí gírdī gúštant: be azrāti Slejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íččia ná kanán. e dár kapt. gúštant ki āi ādamí, ta š-e badbáxtā če loťāi ki e badbáxtā e dol sizá dārāi? če dard dārāi b-eši? e gušt ki man yak murāde dārín, ki šmā āsíl pkanít. buzlangí gúštant ki če murāde dārāi? e gušt ke man amé murādā dārín ki dráxti gul-xandún u gul-gurúnā ša man pādšā loťít. e gúštant: tī murád améš int? Šā-trasán gúšti ki ān. gāmjánā gúštant ki eší rā bzūr u bar, bi dráxti gul-xandún u gul-gurúnī sarā s^uwār kan, dráxti gul-xandún u gul-gurún rā ša rīšágā pkaš u bar, bi pādšāāi šārā bil u wat biā. eš Šā-trasānā búrtī, bi draxťāi šarā s^uwār kurt, búrtī, bi pādšāā šārā íšti, wat bi pādā átī.

šäjpúr tawár ku, poť átant pa säjlā. säjl kúrtant, wazíl dist, go pādšā gušt: āi pādšā, e dráxtā gul-xandún u gul-gurún bāb dāšt ke p-eší yak

Оттуда он пошел к тому тростнику, который вырос на ноге у бузланги. Пошел, вырыл под ним для себя яму, спрятался в яме, схватил корни тростника и потянул; тотчас бузланги заплакал и застонал. Сразу подошли все бузланги и закричали: «человек ли ты, или дух, кто бы ты ни был, отпусти! клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем, отпусти!» Он не отпускал, а потянул вторично. Вторично тот бузланги застонал. Тотчас все бузланги сказали: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем!» Он вышел. Они сказали: «человек, что ты хочешь от этого бедняги, что ты этого беднягу подвергаешь такому наказанию? какую обиду он причинил тебе?» Он сказал: «у меня есть одно желание, которое вы могли бы исполнить». Бузланги сказали: «какое у тебя желание?» Он сказал: «у меня такое желание, что царь требует от меня дерево с цветами смеха и плача». Они сказали: «таково-то твое желание?» Он сказал: «да». Они сказали скороходу: «возьми его, отнеси и посади на дерево смеха и плача, вытащи с корнем дерево с цветами смеха и плача, снеси и поставь в царском городе, а сам приходи». Он понес Ша-трасана, посадил его на дерево, отнес и поставил в царском городе, а сам вернулся.

Протрубили в трубу, и стража пришла для осмотра; стали осматривать. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево с цветами смеха и плача требует,

bálle bútin, dráxti čil-muḡám édenā bútin. pādšá gušt: kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gušt ki äĭ bābā Šā-trasán če a-gu-šāĭ? Šā-trasán gušt ki man ilāje na dārín, amé kārā kanín. guḡā e šútant.

Šā-trasán šut, daste-nimáz gipt, nimáz ku, spe-ríše átī, guštī: äĭ bābā, édā če^v a-kanāĭ? guštī ki pādšá go man guštāī ki dráxti čil-muḡámā ša^t ta loĭín. guštī ki p-amešī ḡussá warāĭ? Šā-trasán gušt ki ān. guštī ki bra, p^lānā jā yak buzlangiā jānéne nān a-pačít, amé ki pādāĭ girdágā mān bast, ta bgir, ša pādā godánānī čuš-čúšā binā pkan. āí nān a-sučánt, ā gušít ki ta ar kas-āĭ, bil, ki mnī nān sótant, ta máĭläĭ, āí nān sučánt, ā wat a-gušít: bi azráti Sleĭmánī čáppāĭ aptekállā sogínd, trā íččia na kanín, ar kas-āĭ, bil, ta máĭl. amé ki nānī bāz sótant, ā wat gušít ki bi azráti Su-leĭmánī rástāĭ aptekállā sogínd, trā íččia na kanín. guḡā ta am bā^l.

Šā-trasán átī bi jānákāĭā, dístī ki nān a-pačít, uštátī. pādāĭ girdágā ki mān bast, ša pādā godánānī čuš-čúšā binā kurt. eší nān sótant, guštī: ta ar kas-āĭ, bil, ki mnī nān sótant. e nāšítī, buzlangiā jānéne nān sótant. guštī: ta ar kas-āĭ, bi azráti Sleĭmánī čáppāĭ aptekállā sogínd ki trā íččia na kanín, bíl, ki mnī nān sótant. e nāšítī. nānī bāz sótant, guštī:

чтобы для него была пара! если бы здесь было дерево сорока песней!» Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь сказал: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «что скажешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «у меня исхода нет, сделаю и это». Они уехали.

Ша-трасан пошел, сделал омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «что здесь делаешь, сынок?» Он сказал: «царь сказал мне: „я хочу от тебя дерево сорока песен“». Тот сказал: «ты этим опечален?» Ша-трасан сказал: «да». Тот сказал: «иди! в таком-то месте жена бузланги печет хлеб; как только она прилепит последнюю лепешку, ты изловчись и примись сзади сосать ее грудь; ее хлеб будет сгорать, и она скажет: „кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!“ ты не отпускай; ее хлеб будет сгорать, и она снова скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, кто бы ни был, отпусти!“ ты все же не отпускай; когда хлеб сильно подгорит, она снова скажет: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ тогда ты отпусти».

Ша-трасан пошел к женщине, увидел, что она печет хлеб, встал, и как только она прилепила последнюю лепешку, принялся сзади сосать ее грудь. Ее хлеб стал подгорать, и она сказала: «кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал, хлеб жены бузланги горел. Она сказала: «кто бы ты ни был, клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал. Ее хлеб сильно подгорел, и она

bi azrátī Slejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íčča na kanín, bil. eš am íštī. eší rā sūčéne kúrti, ħi watí kulāi jat. watí nānānā pač sist, búrti bi watí gisā, zāgī átant, gúštant: māsī, māsī, boi, boi ādamí. māsī gušt: albát šmā ādamíe čiz wartág-it ki bi šmā gīnā ast. ā gúštant: na, māsī, boi, boi ādamí. māsīš gušt ki yak ādamíe ast, eš am čo š^umājā yak bráse.

eší rā dārī kurt, āwúrti, b-ešānī māñjīnā íštī. e gúštant: āi lālā, če murád dārāi? e gušt: man yak muráde dārín, agár š^umā āsíl pkanít. e gúštant ki če muráde. e gušt: mnī murád dráxti čil-muyám ast. e gúštant: ammā yak muráde dārán, agár ta āsíl kanāi. e gušt: če muráde? e gúštant: yak buzlangíe ast ki ammāi dištārā wāúndí kurtá, bi amā na dant, agár ta brawāi, š-āi ammāi dištārā alás pkanāi, amā-m tī murádā āsíl a-kanán. e gušt: ša šmā yáke go man bājt, mnā nišānī b'dánt. e gúštant ki ammā trusán, na rawán. amé ammāi tūlá bi^t tī demā bīt, trā bart rástám be māi sarā. e gúšti: nápa juwán int. tūlá b-eší demā būti, eší rā búrti, rástám bi buzlangíai sarā.

óda šut, sáil a-kú ki čāá tā buzlangí waptá, jānikkú sarāiā patīt, jānikkú eší rā dist, gušt: man bi balāe kaptá un, ta wat rā bi balāe

сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти». Он ее отпустил. Она его превратила в иголку и воткнула в свою шапку, а свой хлеб вынула и отнесла домой. Ее дети подошли и сказали: «матушка, матушка, запах! человеческий дух!» Мать сказала: «должно быть, вы поели какой-нибудь человечины, что вам чудится запах!» Они сказали: «нет, матушка, запах! человеческий дух!» Их мать сказала: «здесь есть один человек, но он, подобно вам, один из братьев».

Она его вынула, подвела и поставила между ними. Они сказали: «какое у тебя желание, братец?» Он сказал: «у меня есть одно желание, только исполните ли вы его?» Они сказали: «какое желание?» Он сказал: «мое желание — дерево сорока песен!» Они сказали: «и у нас есть одно желание, исполнишь ли ты его?» Он сказал: «какое желание?» Они сказали: «есть один бузланги, который овладел нашей невестой и не дает ее нам; если ты пойдешь и освободишь от него нашу невесту, и мы твое желание исполним». Он сказал: «пусть один из вас пойдет со мной и покажет мне». Они сказали: «мы боимся и не пойдём, а вот наш щенок будет впереди тебя и отведет тебя прямо к нему». Он сказал: «ну, хорошо». Щенок шел впереди и повел его прямо к местообитанию бузланги.

Он пошел туда, стал смотреть и увидел в колодце спящего бузланги; девушка перебирает у него волосы на голове. Девушка его увидела и сказала: «я попала

ma pren. e gúštī: man ná^y-átun ki napás drūaén pádā barín, yā eší rá kušín, yā na ke e mnā kušít. watí zāmā bi buzlangíä pādā inđ dāt. buzlangí gúštī ki mnī pādā bóde wart. gúštī go jänikkúā ke amé bođá bgir. ā badtír pādāī tā inđ dāt. e gušt ki trā gušín: bođá bgir. ā gušt: e bóde näint, watí burzágā säjl pkan. e ki säjlā kurt tā mardúme bi mnī saráī čérā uštátá, ša čā arkát ku, dár kapt. e gúštī: ta dé mnā! ā gúštī: ta dé mnā. Šā-trasán gu ki wārí tí-int, ta mnā de! buzlangí Šā-trasánā jātī záme, e zām Šā-trasánā tap na kurt, e zām šut bi digárā. Šā-trasán bi buzlangíä gušt ki tī zāmāī jātín améš büt? buzlangí gu: mnī zāmāī jātín améš int, ta wat rá b'šān. Šā-trasán wat rá šānt. buzlangí dist ki b-eší tap na kurtá. Šā-trasán gušt ke annún wārí mnī-int. buzlangí gušt ki ān. Šā-trasán eší rá jat yak záme. eš gúštī: tī zāmāī jātín améš büt? Šā-trasán gu: ān. Šā-trasán gúštī: wat rá pšān. buzlangí wat rá šāntī, néme éškā kapt, néme áškā kapt. adigá buzlangí dístant ki dūt ziyán büt, ā am rástant, jänikkúā kašítant, búrtant, gām-jánā gúštant ki eší rá bar, be dráxti čil-muḡámā sará s^wár kan, dráxtā ša buná pkaš, bar, bi pādšāāī ḡasrá dapá de. e Šā-trasánā gúštī ki brawán ódenā bi dráxti čil-muḡámāīä, eší rá búrtī, bi dráxti čil-muḡámāī

в беду, хоть ты себя в беду не ввергай!» Он сказал: «я не затем пришел, чтобы уходить назад здоровым и невредимым: или я его убью, или же он меня убьет!» и своим мечем уколол бузланги в ногу. Бузланги сказал: «меня в ногу укусила вошь!» и велел девушке: «убери эту вошь!» Он еще хуже уколол его в ногу. Он сказал: «я тебе говорю, убери вошь!» Она сказала: «это не вошь, посмотри над собой!» Как только он рассмотрел, что над его головой стоит человек, он поднялся из колодца и вышел наружу. Этот сказал: «ударь меня!» и тот сказал: «ударь меня!» Ша-трасан сказал: «очередь твоя, ты меня ударь!» Бузланги нанес Ша-трасану удар мечом. Этот удар не поранил Ша-трасана, меч ушел в землю. Ша-трасан сказал бузланги: «так-то ты бьешься мечом!» Бузланги сказал: «я так бьюсь мечом, ты отряхнись!» Ша-трасан отряхнулся, бузланги увидел, что он его не поранил. Ша-трасан сказал: «теперь моя очередь!» Бузланги сказал: «да». Ша-трасан нанес ему удар мечом. Он сказал: «так-то ты бьешься мечом!» Ша-трасан сказал: «да». Потом Ша-трасан сказал: «отряхнись!» Бузланги отряхнулся, и одна половина упала на одну сторону, другая — на другую. Другие бузланги увидели, что поднялся большой дым. Они также приблизились, девушку взяли и увели с собою, а скороходу сказали: «отведи его, посади на дерево сорока песен, а дерево выдерни с корнем, снеси и посади у входа в царский замок». Он сказал Ша-трасану: «отправимся к дереву сорока песен!» повел его и посадил на дерево сорока песен;

sará s^wwārī ku, dráxti cil-muyám rá ša buná kašítī, búrtī, bi padšáāi γasrái dapá íštī.

tārīenā šāipúr tawár ku, poĵ átant pa säilá. wazíl dist, go pādšá gušt ki e dráxti čil-muyám u dráxti gul-xandún u gul-gurún u e tī šār bāb dāšt, duxtári Šāri-sabz édā bűtin. pādšá gu ki kār kí kār ant? wazíl ĵawáb dāt ki kār Šā-trasāni kār ant. pādšá gu ki āi bābā Šā-trasān, če a-gušāi? Šā-trasān gušt: ilāje na dārín, mebāyét pkanín. pādšá gušt: kanāi yā na? Šā-trasān gušt: kanín. gúštī ki nápa ĵwān int. ā šútant.

Šā-trasān šut, dast-nimáz gipt, nimázī kurt, pīramárd ātī, gúštī: āi bābā, pa če sargardān āi? Šā-trasān gušt: pādšá ša man duxtáre Šāri-sābzā ša man loĵita-ī. e gúštī: ta p-amešī γussá warāi? Šā-trasān gušt: ān. watí ar pancén čangúlānā bi puštāi ĵātī, gúštī: bra, pa xudāi ukmā ādamizāt wa zinda-ĵān tī puštā bi ĵigārā kurtā ma kant.

Šā-trasān š-amédā šútī, yak ĵāe buzlangie déde yak náne prenít bi wārā, yáke kašít u wart. Šā-trasān gušt ki ta pa če e dol a-kanāi? ā gúštī ki man e dāul a-kanín, bálke zor paĵdá a-kanín ki go Šā-trasān kuští bgirín. Šā-trasān gušt ki man Šā-trasān ná un, magár Šā-trasāni dastāi

вытащил с корнем дерево сорока песен, отнес и посадил у входа в царский замок.

Утром затрубили в трубу, и стража пришла для осмотра. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево сорока песен, это дерево с цветами смеха и плача, этот твой город требуют, чтобы здесь была девушка из Зеленого города». Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь ответил: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «ну, что скажешь, сынок Ша-трасан?» Ша-трасан сказал: «у меня нет исхода, я должен сделать!» Царь сказал: «сделаешь или нет?» Шатрасан сказал: «сделаю». Он сказал: «ну, хорошо». Они уехали.

Шатрасан пошел, совершил омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «чем ты расстроен сынок?» Ша-трасан сказал: «царь потребовал с меня девушку из Зеленого города». Тот сказал: «так ты этим опечален?» Шатрасан сказал: «да». Он ударил его всеми пятью пальцами по спине и сказал ему: «иди! по божьему повелению, никто, рожденный от человека и с живою душой, не сможет положить тебя спиной на землю!»

Ша-трасан пошел отсюда. В одном месте бузланги один хлеб бросает в золу, а другой хлеб вынимает и ест. Ша-трасан сказал: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы приобрести силу, потому что я буду бороться с Ша-трасаном». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много

nānā wārtag un, agár mnā wāpéntāi, Šā-trasán am wāpenāi. eš ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšítí. e gu: mnā ma kuš ki man tī yakumíen brās un. Šā-trasán gušt: jwān int.

š-édenā e ar duén šútant, bi yak jáe dístan^t tā yáke š-é watánā taur a-jánt bi^y-á watánā, š-á watánā taur a-jánt b-é watánā. eší rā pursítant ki ta pa če e đāul a-kánāi? e gušt ki man e đāul a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demá ma jít, ki man g^wa aī kuští^y a-girín. Šā-trasán gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasáni dastāi nānā wārtag un, agár mnā wāpéntāi, Šā-trasánā wāpenāi. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšítí. buzlangí gu ki mnā ma kuš, man tī dūmíen brās un. guští: napá jwān int.

š-amédā šútant, bi yak jáe dístant tā yak buzlangíe š-é watánā goš a-kašít bi^y-á watánā, š-á watánā goš a-kašít b-é watánā, eší rā pursítant: ta pa če e đāul a-kanāi? e guští ke man e đāul a-kanín, ki Šā-trasán ša mnī demá ma jít ki man g^wa aī kuští^y a-girín. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasáni dastāi nānā wartá un, bi^yá ki man u ta kuští bgíran. ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšítí. e gušt: mnā ma kuš ki man tī sáyumíen brās un. guští ki jwān int.

кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня свалишь, то повалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим первым братом». Ша-трасан сказал: «хорошо».

Отсюда они отправились вдвоем, и в одном месте увидели, что кто-то мечет пращей из этой страны в другую страну, а из той страны мечет пращей в эту страну. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Он сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан не убежал от меня, потому что я с ним буду бороться». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня повалишь, то свалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Бuzланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим вторым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они отправились отсюда и в одном месте увидели, что какой-то buzланги из этой страны слушает, что делается в другой стране, а из той страны слушает, что в этой стране. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал, потому что я с ним буду бороться». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они стали бороться. Ша-трасан его повалил и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим третьим братом». Он сказал: «хорошо».

š-amédenā šútant ke yak jāe distant tā yak buzlangie š-é watánā gām a-jánt bi^v-á watánā, š-á watánā gām a-jánt b-é watánā. eší rā guštant: ta pa če e đaul a-kanāi? e gušti: man e đaul a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demā ma jīt. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasáni dastái nānā wartág un, bi^vá ki man u ta kušti bgirán. e ar duén kušti gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšitī, e gušt ki mnā ma kuš ki man tī čārumíen brās un. gušti: nápa jwān int.

šá-idenā šútant, bi yak jāe distant tā bāzén morínke ant. awálā amédā yak jūwáke bŭtá, āp na dāštá, amé morínk š-amédenā šútant u átant. maróci amé jūwák āp dāštá, amé morínk némiš bi éškā mántant, némiš bi áškā mántant. Šā-trasán watí asá gíptī, bi amé jūwákā sará išt. morínk gírdi š-ameší lattái sará gwástant, áškā šútant, ša pádā amešáni mazán āt, gušti: š-amé mnī puťán yak kámme bzūr, ar jā dŭt pkánai, man āzír a-báin.

e š-amédā šútant, bi jānikkúai ʔasrái pānádā er kúrtant. Šā-trasán gušt: ai gām-jan, ša^t ta loťín ke mnā bi jānikkúaiā barái. Šā-trasán š-amédenā go gām-jánā šútant. gām-ján Šā-trasánā go dastá gípt, ša gisái sarxolúká Šā-trasánā éri ku. Šā-trasán áti, sarúnai čirágā bi pādúnā išt, pādú-

Они пошли отсюда, и в одном месте увидели, что какой-то бузланги как шагнет из этой страны, так прямо в другую страну, а из той страны, как шагнет, так прямо в эту. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они принялись бороться. Ша-трасан его повалил и вытащил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим четвертым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они пошли отсюда и в одном месте увидели много муравьев. Раньше там была канава без воды, и муравьи с этой стороны уходили и приходили. В этот день в канаве была вода, и половина муравьев осталась с этой стороны, а половина с той. Ша-трасан взял свой посох и положил его через канаву. Все муравьи перешли по его посоху и пошли на ту сторону. Потом пришел их старейшина и сказал: «возьми немного из моих волосков, и как только ты заставишь их дымиться, я тотчас явлюсь».

Они отправились отсюда по направлению к замку девушки и остановились. Шатрасан сказал: «скороход, я требую от тебя, чтобы ты меня доставил к девушке». Ша-трасан отправился вместе со скороходом. Скороход взял Ша-трасана за руки, и спустил его через отверстие в крыше. Ша-трасан подошел и светильник от изголовья переставил в ноги, а светильник от ног переставил

nājā bi sarūnā išt, ša brinjānī yak du lunkā wart, gūḍā ša jānikkūā demā yak du čuk gipt. gām-jān ešī rā bālā kašit, burti pādā.

tārienā jānikkū ustāt ša wābā, dīstī ki sarūnāi čirāg pādūnāi ér int, pādūnāi čirāg sarūnāi ér int. šapēnā ki wāpt-at, wāb dīst-at ki amé mar-dúmā nām Šā-trasān ast, p^lānā paiḡammārā ar pančén čangúl bi puštāi zilā jatā, bi mā wābā ki tārienā kustit, watī dast u démā šodit, ādénkā zūrit, sāil a-kānt tā bi mnī demā tāpe ast. molīdānā gūštī ki š^umā albāt mnī demā čukkitag it. molīd gūštant ki na, bībī, amā ič waxt e ḍāulén kār na kanān. jānikkū gu: albāt gisāi dapā kulp na kurtāg it. molīd gūštant ki na, kilī b-emmāi dastā int, ša gisāi dapā ič kas nāi-ātā. jānikkū gušt: šarr, nápa brāit, ša kassābā piḡ biārit. e šūtant, piḡ ā^urtant. édenā e piḡānā koṭitī, amé čāxūnā gipt, pa ḡast bi watī čangúlā mān dātī. čangúlāi čāxūn burt. e gipt, piḡānā bi molīdānī dastā dāt. amé čangúlā ki čāxūn burt-at, gipt, wād rétī. amé wād e dastāi sótant, šapī na wapt.

Šā-trasānā duwārāg gām-jān āurti b-e jānikkūāi. e Šā-trasān sarūnāi čirāgā pādūnā ištī, pādūnāi čirāgā sarūnā ištī, ša brinjān yak du lunkā wārti, e ātī ki jānikkūāi demā pčūkkit. jānikkū dastāi bandāi gipt, gūštī: xabardā-

к изголовью, съел горсть или две рису и поцеловал раз-другой лицо девушки. Потом скороход вытащил его наверх и отвел обратно.

На утро девушка пробудилась от сна и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах. А когда она ночью спала, она видела во сне, что имя этого человека Ша-трасан и что такого-то пророка все пять пальцев оставили след на его спине. Как только она пробуждается от сна, она умывает лицо и руки, берет зеркало и видит, что на ее лице остался след. Она сказала служанкам: «вы, должно быть, целовали меня в лицо?» Служанки сказали: «нет, госпожа, мы никогда не совершим такого поступка!» Девушка сказала: «должно быть, вы не заперли дверь на замок?» Служанки сказали: «нет, ключ в наших руках, и через двери никто не приходил». Девушка сказала: «ну, хорошо, идите и принесите от мясника сала». Они пошли и принесли сала. Она стала резать его, взяла нож и нарочно приложила его к своему пальцу. Нож обрезал палец. Она взяла сало и отдала его служанкам, а на палец, который был порезан ножом, посыпала соли. Эта соль жгла ее руку, и ночью она не спала.

Скороход вторично привел Ша-трасана к девушке. Ша-трасан от изголовья светильник переставил в ноги, от ног светильник переставил к изголовью, съел одну-две горсти рису и собирался поцеловать лицо девушки. Девушка схватила его за кисть руки и сказала: «будь осторожен! здесь птица теряет

rāi ta bīt, ke murg édā parr a-rečít, mār édā post a-prenít, ta édā čon átāi? Šā-trasán gušt: ādamí múrge be bál int, man ki āšix un, átá un ki trā barín. jänikkú gu: ta magár ša mnī pisá sí na dārāi? Šā-trasán gušt ke na, man sí na dārín. jänikkú gušt: mnī pis säi šart dārít, agár amá šartānī búrtāi, mnā um barāi. Šā-trasán gušt: tī pis če šart dārít? jänikkú gušt: mnī pisāi säi šart ant ki āncén tī amrangén warná bāz átá, e šartānā burtá na kurtá. Šā-trasán gušt: magár man am š-ā warnán getír ná un. jänikkú gušt: man watí pisāi šartānā go ta gušín. mnī pisāi säi šart astánt ke ar šarte sákk int. e Šā-trasán gušt ki magár če dāulāi šart ant? jänikkú gušt ki yak man gallá go yak man arzúnā yak jā kant, tārī tā begāi ešānā mebāét jítá pkanāi. gúšti: ešānā man dārín. gúđā gúšti ki e gidá šárti cé int? e gušt: e gidá šárti: tī gāmjánā go watí gāmjánā dem a-dánt, ar kasá gāmján ša plāná jā demtírā angūr āúrti, šartā amá a-bárt. e gúšti: š-e šartāi uddá man dár a-kāin, e gidá šárti če int? jänikkú gušt: e gidá šárti: tā begāi kassābči pas a-kušánt, nānwā nān a-pačánt, āšpáz góšt a-pačánt, ešānā tārī tā begāi magá bóräeš. Šā-trasán gušt: š-ešānī uddá man dár a-kāin. jänikkú gušt: mnī pisāi šart améš ant. gāmján Šā-trasānā ša gisá zúrti, bālā kašiti, búrti bi watí jāgá.

перья, змея сбрасывает кожу! ты как сюда попал?» Ша-трасан сказал: «человеческая птица без перьев, а я, влюбленный, пришел, чтобы взять тебя!» Девушка сказала: «разве ты ничего не знаешь о моем отце?» Ша-трасан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «мой отец ставит три условия, и если ты их исполнишь, то получишь меня». Ша-трасан сказал: «каковы условия твоего отца?» Девушка сказала: «три условия моего отца таковы, что приходило много юношей, подобных тебе, но удовлетворить условиям не смогли». Ша-трасан сказал: «я ведь не лучше тех юношей!» Девушка сказала: «я скажу тебе условия моего отца, все три условия таковы, что одно другого труднее». Ша-трасан сказал: «но какого же рода условия?» Девушка сказала: «смешивается один ман пшеницы и один ман проса, и нужно, чтобы ты разобрал их от утра и до вечера». Он сказал: «с этим я справлюсь». Потом он сказал: «каково другое условие?» Она сказала: «вот другое условие: он посылает твоего скорохода вместе со своим скороходом; чей скороход раньше с такого-то места принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Он сказал: «с этим требованием я также справлюсь, каково еще условие?» Девушка сказала: «вот еще условие: с утра до вечера мясник режет баранов, пекарь печет хлеб, повар варит мясо, и ты должен это съесть от утра и до вечера». Ша-трасан сказал: «с этим я также справлюсь!» Девушка сказала: «условия моего отца таковы!» Скороход взял Ша-трасана из дома, вытащил наверх и отвел его на место.

tārienā roč dar ātī, eš šūtī bi pādšāāiā. pādšā gušt: āi bābā, édā
 će a-loṭāi? e guštī: man ātag un ke tī jānikkā barín. e gušt: man sāi
 šart dārín, agár ta mnī šartānā barāi, man watí jānikkā bi^t ta dāin. eš
 gušt ki watí šartānā bguš. pādšā gušt: mnī sāi šart ant: yak šárte améš int
 ki yak man gallá go yak man arzúnā yak já kanín, ta tārī tā begāi agár
 ešānā jitā kúrtāi, man trā watí jānikkā dāin. yak šárte digár améš int ki
 tārī tā begāi kassābčī pas a-kušánt, nānwā nān a-páčánt, āšpáz gošt a-páčánt,
 tārī tā begāi ešānā bórāi. eš gušt: ešānā man mardúme dārín ki b^uárt.
 pādšā gušt: yak šárte digár dārín. eš gušt: watí šartā bguš. pādšā gušt ki
 mnī šart améš int ki tī gāmjánā go watí gāmjánā dem a-dāin, ar kasāi
 gāmján demā angúr āurt, šartā amā bart. Šā-trasán guštī ki bāz jwān int.

tārienā büt, Šā-trasán āt go watí mardúmān. pādšā go kassābčīā, go
 nānwā, go āšpázān guštī ki š^umā tārī tā begāi nānwā nān pačít, kassābčī
 pas pkušít, āšpáz gošt pačít. e tārī tā begāi nān u gošt pakítant, tayár
 kúrtant, go Šā-trasán guštant: biár watí mardúmā ke ešānā buárt. Šā-
 trasán loṭít wārīxórā. wārīxór laggít b-ešānī sará, tārī tā begāi ešānā alási
 ku. maxlúk šābāš kašítant ki Šā-trasán pādšāāi jānikkā burt.

На утро возшло солнце, и он отправился к царю. Царь сказал: «что хочешь, сынок?» Он сказал: «я пришел взять твою дочь!» Тот сказал: «у меня три условия, и если ты мои условия выполнишь, я выдам за тебя свою дочь». Он сказал: «скажи свои условия!» Царь сказал: «вот мои три условия: одно мое условие таково, что я смешаю один ман пшеницы с одним маном проса, и если ты от утра и до вечера их разберешь, я дам тебе свою дочь; другое условие таково, что с утра до вечера мясник будет резать баранов, пекарь будет печь хлеб, повар варить мясо, и ты от утра и до вечера должен это съесть». Он сказал: «у меня есть человек, который сможет съесть это». Царь сказал: «у меня есть еще условие». Он сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «мое условие таково, что я пошлю твоего скорохода со своим скороходом, и чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан сказал: «очень хорошо».

Наступило утро. Ша-трасан пришел со своими людьми. Царь сказал мяснику, пекарю и поварам: «пусть с утра и до вечера пекарь печет хлеб, мясник режет баранов, повар варит мясо!» Они с утра до вечера пекли хлеб и варили мясо, изготовили и сказали Ша-трасану: «приведи своего человека, пусть съест это!» Ша-трасан позвал золоеда. Золоед подошел к этим кушаньям и от утра и до вечера прикончил их. Люди закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

e gidá šartá pādšá gallánā go arzúnān yak jāe ku, āurtī bi Šā-trasānīā. Šā-trasān dūt ku morínkāi puṭá, morínk átant. Šā-trasān gušt: ša šmā loṭín, tári tā begāi ešánā, ša yak digárā jítá pkanít, gallánā édenā kot pkanít, arzúnānā éškā kot pkanít. eš tári tā begāi gallánā u arzúnānā jítá kúrtant ša yak u agdárā, gallánā éškā kot kúrtant, arzúnānā áškā kot kúrtant. pādšá átī, go Šā-trasān gúšti ke alás kurtāi? Šā-trasān gúšti: ān. tranzúā āúrtī, ešánā kašítī tā arzún nem dānág kammí kúrtant. šábáš kúrtant ki pādšá šartá burt. Šā-trasān gušt: āi pādšá, mnā nem daγīγá mulhát bdāi. pādšá gúšti: šarr. morínkāi dapá amá nem arzún átī, āurtī, íšti. pa duwārág tranzúā āurtant, kašítant tā brābír āt. šábáš kašítant ki pādšáai jānikkā Šā-trasān burt.

édā pādšá gušt: man yak šarte digár dārin. Šā-trasān gušt: watí šartá bguš. pādšá gušt: tí gāmjánā u watí gāmjánā yak jā dem a-dāin, ar kasá gāmján demtírā angúr āurtī, šartá amá bart. Šā-trasān watí gāmjánā u pādšáai gāmjánā dem dāt pa angúrā. e š-amédā šútant bi angúrāi draxtāiā, sar bútant, pādšáai gāmján angúr čit, Šā-trasānī gāmján bi draxtāi čérā wapt, pādšáai gāmján čit u rādág būt. Šā-trasān dístī ki e dér kúrtant. bi goš-kašókā gúšti ki goš kaš. goš-kašók goš kašít, dístī ki pādšáai

Для другого испытания царь смешал пшеницу с просом и доставил Ша-трасану. Ша-трасан заставил дымиться муравьиные волоски; муравьи пришли. Ша-трасан сказал: «я хочу, чтобы вы от утра и до вечера отделили их друг от друга: пшеницу соберите здесь, а просо соберите с той стороны». Они от утра и до вечера отделили друг от друга пшеницу и просо: с этой стороны собрали пшеницу, а с той стороны просо. Царь пришел и сказал Ша-трасану: «кончил?» Ша-трасан сказал: «да». Принесли весы, взвесили; вышло, что проса на ползерна меньше. Закричали ура: царь выиграл, мол, заклад! Ша-трасан сказал: «царь, дай мне полмгновенья отсрочки». Царь сказал: «хорошо». Та половина зерна была во рту у муравья, ее принесли и положили. Вторично принесли весы и взвесили, оказалось поровну. Закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

Тут царь сказал: «у меня есть еще условие». Ша-трасан сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «я одновременно пошлю твоего скорохода и своего скорохода; чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан послал за виноградом своего скорохода и царского скорохода. Они отправились. Дошли до виноградного куста, и царский скороход сорвал виноград, а скороход Ша-трасана улегся под деревом. Царский скороход сорвал и пустился в путь. Ша-трасан увидел, что они запоздали. Он сказал слухальщику: «прислушайся». Слушальщик прислушался, понял, что еще немножко осталось,

gāmjan nazík māntá ki brasít. taur-jānā guštī ki uštātag ai? taur-jān dōnke bi taurāi tā ku, jat, bi ai pādā laggít. ā yak sar arkāt kurt. ša watí jā ustāt, sāilī ku tā ā ša^m man demá angúr burtá, amé angúrāi draxtá ša buná kašít u búrtī š-ai demtírá. šabáš kašítant ki Šā-trasán šartá burt. édenā pādšā Šā-trasānā gis dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant.

eš gūḍā watí jānēnā zúrtī ki man a-rāin bi watí jāgā. š-édenā šútant, bi ráā čérā māntant, yak šápe wáptant, eš amé watí zāmā gipt, bi mānjīnā išt. jānikkú gušt: ta pa če e ḍāulá kanāi? Šā-trasán gušt: man trā pa wát-a na barín. jānikkú gušt: man agár bzāntin-un ki ta mnā pa wat na barāi, káuli ki ta sar drūāén ma^v-āwurtín-ai! Šā-trasán gušt: man trā barín pa pādšā, ta albátta z^wān dārāi. pādšā ša ta pursít ki ta mnā a-girāi yā Šā-trasānā girāi? ta bguš ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant u ič šwānāge rā be muz ma kant. albát ā am bi watí dilá zānt ki Šā-trasán zāmát bāz kašítāgi, albát trā gušít ki parzīndi man, ta bābe Šā-trasán dārāi. eš am gušt ki bāz jwān int.

š-amédā šútant bi pādšāai. pādšā gušt: ai bābā, ta mnā girāi yā Šā-trasānā? e gušt ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant wa ič šwānāge rā be muz ma kant, man Šā-trasānā girín pa če ki ā zāmát bāz kašítāgi,

и царский скороход вернется. Он сказал пращнику: «ты готов?» Пращник вложил в пращу комок земли, бросил и попал ему в ногу. Тот сразу встрепетнулся, вскочил с места и посмотрел: да ведь он раньше меня унёс виноград! Он с корнем выдернул виноградный куст и отнес раньше его. Прокричали ура: Ша-трасан выиграл заклад! Потом царь справил Ша-трасанову свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабан.

Потом он взял свою жену: пойду, дескать, к себе. Они отправились отсюда и на пути остановились и заночевали; он взял свой меч и положил посередине. Девушка сказала: «почему ты так делаешь?» Ша-трасан сказал: «я тебя беру не для себя». Девушка сказала: «если бы я знала, что ты берешь меня не для себя, даю слово, что ты не сносишь бы головы невредимой!» Ша-трасан сказал: «я тебя беру для царя, а у тебя ведь есть язык! царь спросит у тебя: ты, мол, меня предпочитаешь или Ша-трасана? ты скажи, что бог никакого слугу не лишает его прав и никакого пастуха не оставляет без вознаграждения; конечно, он сам поймет, что Ша-трасан понес много трудов, и, наверно, скажет тебе: „дитя мое, ты подходишь к Ша-трасану“». Она сказала: «очень хорошо».

Отсюда они отправились к царю. Царь сказал: «ну, дочка, ты меня предпочитаешь или Ша-трасана?» Она сказала: «бог не оставляет без награды никакого слуги и никакого пастуха не лишает вознаграждения! я предпочитаю Ша-трасана, потому что он понес много трудов, даже мог быть убит на этом

bálki bi me rá kuštá bŭtin, ā zāmát bāz kašitá. pādšá gušt ki ta bābi amāi dārāi. Šā-trasānā pa duwārág gis dāt, tā apt šap u apt roč dol ku.

gúđā ki bŭt, yak wáxte wazíl dístī, go pādšá gúštī ke e tī šār u kalát, e tī dráxti gul-xandŭn u gul-gurŭn wa dráxte čil-muġám bāb dāšt ki áspe čil-kurrá édā bŭtin, go čillén kurrágān gáštīn. e gušt ki kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasānī kār ant. pādšá gušt: āi bābā Šā-trasān, če a-gu-šāi? Šā-trasān gušt ki iláje na dārín, ráin.

š-amédā šut, nimáze ku, amá spe-ríš áti, gúštī: āi bābā, édā če a-loťái? gúštī ki pādšá ša man áspe čil-kurrá loťitagí. gúštī ki ta p-amešī ġussá warái? Šā-trasān gušt: ān. gúštī: bra, š-amédenā apt bār uštŭrāi pašm bzŭr, bar, p^alānā čammágāi dapá pren. ā wat maróči kāit, sārā jál a-kant ki āp b^art, gindít ki āp gandágen táme dāyánt, š-amédā gúđā padoi a-rót. tārī bāz b-e āpā kāit, gindít ki tāngát āp gandágeñ tām a-dāyánt, gušit ki bi azrāti S^uleimānī čáppāi aptekállā sogínd ki ar kas-ái, trā íččiā na kanín, āpāi dapá páč pkan. ta páč ma kan, maróči am rot, tārī ke š-amāngŭ paidā bit, tawār a-kánt ki ar kas-ái, āpāi dapá páč pkan! bi azrāti S^uleimānī rástāi aptekállā sogínd, trā íččiā na kanín. ta gúđā āpāi dapá páč pkan!

пути! он много вытерпел!» Царь сказал: «ты подходишь к нему». Вторично сыграли свадьбу Ша-трасана, семь ночей и семь дней били в барабан.

После того как это случилось, однажды визирь посмотрел и сказал царю «это твоё поселение и город, это дерево с цветами смеха и плача, это дерево сорока песен требуют, чтобы здесь была и здесь бы бегала лошадь с сорока жеребятами!» Царь сказал: «чье же это дело?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, братец, Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, отправлюсь».

Он пошел отсюда и сотворил молитву. Пришел тот же старец и сказал: «чего ты хочешь здесь, сынок?» Он сказал: «царь потребовал от меня лошадь с сорока жеребятами». Тот сказал: «этим-то ты озабочен?» Шатрасан сказал: «да». Тот сказал: «иди, возьми отсюда семь выюков верблюжьей шерсти, свези и брось в такой-то колодец; как раз в этот день эта лошадь сама придет, чтобы напиться воды, наклонит голову, увидит, что вода пздает гадкий запах, и уйдет обратно; на утро она опять придет к этой воде, увидит, что все еще вода пздает гадкий запах, и скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, кто бы ты ни был, я ничего тебе не сделаю, открой воду!“ но ты не открывай, и в этот день она также уйдет; на утро она, как только оттуда покажется, закричит: „кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ только тогда ты открой воду».

š-amédenā Šā-trasán šut, apt bār uštúrāi pašm zúrti, búrti, plāná čammá-gāi dapá básti, wat amódā srappítī, dísti ki áspe čil-kurrá go watí čillén kurrágān áti bi āpá, sará jālī ku, dísti ki āp gandágen táme dayánt, āp na wart, išt u šut. tārīenā būt, š-amāngūr áti, gúšti ki bi azráti S^ulejmāni čáppāi aptekállā sogínd, trā íččīā na kanín, ar kas-āi, āpāi dapá páč pkan. eš páč na kúrti, áti, sará jāl ku, dísti ki āp gandágen táme dāyánt, š-āmédenā padoi šut. tārīenā pa duwārág áti wa gúšti ki ta ar kas-āi, āpāi dapá páč pkan, bi azráti S^ulejmāni rástāi aptekállā sogínd ki trā íččīā na kanín. eš zúti kurt, āpāi dapá páč kurt, gandágen āp šut, j^uwānén āp āt, áspe čil-kurrá āp wart, go watí čillén kurrágān wat rā šād-āp kúrtant. áspe čil-kurrá watí kurrágānā gúšti ki e mardúm Šā-trasán int-a, eš šmā rā bart, awálā go watí jindāi ḡošúmā, go watí maxlúkā swār a-bít, šmā ánčo bráit ki múrge āzār ma gindít, ša pādā pādšā go watí maxlúkā s^uwār a-bít, pa āi^y-am amé dol bráit ki múrge āzār ma gindít, š-āi padā wazíl go watí maxlúkā s^uwār a-bít, du gām jéit, gúḡā bál kanít, bi awā bráit. bgúšit-iš: agár šmā rā bi āpá deyán yā bi kóā. agár gúštant: ammā rā bi āpá dit, šmā āwānā bi koā dit. gúštant: jwān int.

Ша-трасан пошел отсюда, взял семь вьюков верблюжьей шерсти, свез и заткнул отверстие у такого-то источника, а сам спрятался там же и увидел, что пришла лошадь со своими сорока жеребятами. Она нагнула голову к воде, увидела, что вода издает гадкий запах, не стала пить воды и ушла. Наступило утро; она пришла оттуда и сказала: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю! кто бы ты ни был, открой воду!» Он не открыл; она подошла, нагнула голову, увидела, что вода издает гадкий запах и ушла обратно отсюда. На следующее утро она опять пришла и сказала: «кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю!» Он поторопился и открыл воду; гадкая вода ушла, хорошая вода пришла. Лошадь с сорока жеребятами попила воды и со своими сорока жеребятами вволю насладилась водой. Потом лошадь с сорока жеребятами сказала своим жеребятам: «этот человек — Ша-трасан; он уведет вас и сядет верхом сначала со своей свитой и со своим людьми, и вы так бегите, чтобы даже курица не могла пострадать; потом на вас сядет царь со своими людьми, и для него вы тоже так скачите, чтобы и курица не пострадала; после него сядет визирь со своими людьми, — тут вы сделайте два шага, а потом взлетите, поскачите по воздуху и скажите им: „сбросить вас в воду или на горы?“ если они скажут: „сбросьте нас в воду!“ вы их бросьте на горы». Они сказали: «хорошо».

Sā-trasán āwánā āurti bi pādšāāiā. pādšā gušt: awálā ta go watí γošúmā s^uwār bāi. Šā-trasán go watí γošúmā s^uwār büt. amé dol šútant ki múrge š-ešán āzár na dist. ša pādā wazíl go watí γošúmā s^uwār büt. du gām šútant, säyumíenā bāl kúrtant bi awá. ešánā búrtant bi awá, gúštant ki šmā rā bi āpá deyán yā bi kóā. e gúštant: ammá rā bi āpá dit. ešánā játant bi koā. ešáni burrág kásā goššš büt. š-amódenā Šā-trasán āsūdág mánt, wazílāi xatá kóri ku. man am āsūdág bütun.

X

yak pādšāe at, ič āi rā zágā na büt. pikir u xayál a-ku, šut, tandúrāi sará ništ, maxlúk káti, gúšti: ā pādšā, ta édenā purránī sará pa če ništág-āi? gúšti: šmā rā káre nāint. büt yak wáxte, yak malángxē at, gúšti: ā pādšā pa če ništág-āi purránī sará? gúšti: ā maláng sāib, trā káre nāint. gúšti: āi pādšā, ta pa če édā ništág-āi, ta pādšāe astāi, watí pādšāiā birá, bar. pādšā gúšti: maláng jān, ša xudá am čer nāint, ša^t ta am čer nāint, awál xudá pkant, pāyeni xudá tá wāi: mnā ič záge na bīt. gúšti: āi pādšā, zāg bi^t tī pešani^yā ič nāint. agár bīt, yak murdáge, zindagéne nāint. pādšā gušt:

Ша-трасан привел их к царю. Царь сказал: «сначала поезжай ты со своими людьми». Ша-трасан со своими людьми поехал. Они так бежали, что и курица не могла бы пострадать. Потом визирь со своей свитой сели верхом. Они прошли шага два, а на третьем взлетели на воздух и понесли их по воздуху. Понесли их по воздуху и спросили: «сбросить вас в воду или на горы?» Те сказали: «сбросьте нас в воду!» Они сбросили их на горы, и клочки их были не больше их ушей. После этого Ша-трасан освободился, даже след визиря исчез. Я также освободился.

(X. О Джантеге и Деде-гаргашанге)

Был один царь, и у него совсем не было детей. Он думал и размышлял; пошел и сел около очага. Люди подходили и говорили: «о царь, зачем ты сел здесь на пепле?» Он говорил: «вам нет дела». Однажды случилось, что подошел один дервиш и сказал: «о царь, зачем ты сел на пепле?» Он сказал ему: «почтенный дервиш, тебе нет дела до этого!» Тот сказал ему: «о царь, зачем ты сел здесь? ты ведь царь, иди, правь своим царством!» Царь сказал: «голубчик дервиш, что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! сначала творит бог, а после бога ты; у меня нет детей!» Тот сказал ему: «о царь, тебе вовсе не предназначено детей; а если бы и был ребенок, то мертвый, а не

šarr, murdáge bit. man bráin bi mā goristánā ki, pādšá gušt, man bi me goristánā yak záge dārín. maláng gušt: šarr, pādšá, ta bāz na mānāĭ. yak sébe dáti, gúšti: bar, eší rā ar ĵanénā ki tī dost int, amāe rā bdāĭ, tā b^uart. ĵanénī sebá wart.

yak sāl gwast. pādšáĭ ĵanén zāg dist. awál búrtant pa pādšá ki tī ĵanén zāg distá. gúšti: šarr, bra, mnī zāgá biárit tā man bgíndīn, čonén číze. šútant ki biárantī, zāgá šústant, maĵmāĭ tā kúrtant. Azrāíl áti, zāgá burt āsmānāĭ demá. awál búrtant pa pādšá: tī zāgá Asrāíl búrtī. pādšá gušt: mnī kismát zána náĭ-atī ki bgíndīn. Azrāíl eší rā burt, zindágī kurt, ki zāg tū bítī.

čunt sāl gwast, Azrāíl áti, gúšti: āĭ Ĵāntey, ta watí pi^sájā na rawáĭ? gúšti: man če a-zánín, ki pí^sse dārín yā na. Azrāíl gúšti: ta murdáge bútág-āĭ ki man trā ā^wúrtun. gúšti: šarr, mnā barāĭ. gúšti: ān, trā barín tī píssáj šarā. eší rā búrtī, āi píssáj šarāĭ kiníkkā íštī. gúšti: á tī píssáj šar int. Azlāir padá šútī, watí ĵindāĭ gisā.

Ĵāntey šut, tā dístit yak uštúr-suwāre dáde engūrí a-kāĭt. Ĵāntey gúšti ki tī nām ká-int? gúšti: mnī nām Istārā-šnās int. gúšti: guĵá rawáĭ? gúšti:

живой!» Царь сказал: «хорошо, пусть будет мертвый! я могу пойти на то кладбище, думая, что у меня», — сказал царь, — «на этом кладбище есть ребенок». Дервиш сказал: «хорошо, о царь, ты не долго будешь оставаться (бездетным)!» Он дал ему яблоко и сказал: «отнеси его той жене, которая тебя любит, и дай ей, пусть она съест!» Его жена съела яблоко.

Прошел год, и жена царя родила ребенка. Царя известили: «твоя жена родила ребенка!» Он сказал: «хорошо, сходите за моим сыном, посмотрю, каков он!» Пошли, чтобы его принести, ребенка вымыли и положили на блюдо. Появился Азраил и унес ребенка на небо. Царя известили: «твоего сына унес Азраил!» Царь сказал: «значит, не судьба была мне его увидеть!» Азраил его отнес и оживил; ребенок вырос.

Прошло несколько лет. Азраил пришел и сказал: «Джантег, ты не хочешь сходить к своему отцу?» Он сказал: «разве я знаю, есть у меня отец, или нет?» Азраил сказал: «ты был мертвым, когда я принес тебя!» Он сказал: «хорошо, отведи меня!» Тот сказал: «да, я отведу тебя в город твоего отца!» Он повел его, оставил на краю отцовского города и сказал ему: «это город твоего отца!» Азраил вернулся к себе домой.

Джантег шел, пока не увидел, что кто-то приближается верхом на верблюде. Джантег сказал: «как твое имя?» Тот сказал: «мое имя Звездочет». Он сказал ему: «ты куда едешь?» Тот сказал: «я еду за девушкой Волосы-

rāin pa Čil-gaz-múďäĭ padá. Jāntéy gúštī: man um rāin p-amāi padá. gúštī: šarr, ša yáke do getír ant. ar duén dast bi brāsí dātant. maróči tā begāi šútant, bándā dístant: yak asp-suwáre áncō "äĭ kurtá u kāit. šā ešī pursítant: ta guĵá a-rawáĭ? gúštī: man pa Čil-gaz-múďäĭ padá rāin. Jāntéy gúštī ki ammá duén um rawán. āi nām Āu-šnās at, gúštī: šarr, do brās šmá it, sāyumíen man un.

e du sāi roč šútant, šapénā wáptant amódā, šap néme Jāntéy ustát, gušt: äĭ lālā, man sardí a-warín. sāil kúrtant tā dūrā yak ātíše sučít amángū. gúštī: äĭ lālā, bráit, pa man yak ātíšā š-amódā biárit. amá yak brāsí šúti tā dísti ki amé ātíšäĭ sará buzlangíe ništá. buzlangíā salám dāt. buzlangí gušt: agár tī salám ma bútin, trā yak lunkáe kúrtun. Istārā-šnās gušt ki mnā ātíše bdäĭ. gúštī: bzūr š-amódā! Istārā-šnās āt ki ātíšā bzúrīt, buzlangí äe rā gipt, watí mozágäĭ tā kurt.

Jāntéy dist ki mnī brās nāy āti, der kurt. Jāntéy Āu-šnāsā rái kurt. Āu-šnās āti, buzlangíäĭā sár büt. Āu-šnās buzlangíā salám dāt. buzlangí gúštī: agár tī salám ma bútin, trā yak lunkáe kúrtun. Āu-šnās gušt: mnā ātíše bdäĭ. buzlangí gušt: š-amódā bzúr. amé ki āt ki ātíšā bzúrīt, ešī rā am gipt u e digá mozágäĭ tā kurt.

в-сорок-аршин». Джантег сказал: «я тоже поеду за ней!» Тот сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они дали друг другу руки и побратались. В тот день они ехали до вечера; на другой день увидели, что кто-то приближается верхом на лошади, и гонит-гонит. Они спросили его: «ты куда едешь?» Он сказал: «я еду за девушкой Волосы-в-сорок-аршин». Джантег сказал: «и мы оба едем за ней же» Его имя было Водовед; он сказал: «хорошо, два брата вы, а третий — я!»

Ехали они два-три дня, на ночь остановились ночевать. В полночь Джантег встал и сказал: «братья, мне холодно!» Они стали смотреть и увидели что вдали горит огонь. Он сказал: «братья, сходите и принесите для меня оттуда огня!» Один из братьев пошел и увидел, что у огня сидит бузланги; он поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Звездочет сказал: «дай мне огня!» Тот сказал: «вон там возьми!» Звездочет потянулся за огнем, как вдруг бузланги схватил его и сунул в сапог.

Джантег увидел: не вернулся мой брат, задержался! Он послал Водовед. Водовед дошел до бузланги, приблизился к нему. Водовед поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Водовед сказал: «дай мне огня!» Бузланги сказал: «вон там возьми!» Как только он собрался взять огня, он и его схватил и сунул в другой сапог.

Jāntéγ dist ki mnī brās dér kurtant. wat pa āwānī padá šut, āt, buzlangíäjä, sar büt. amé ki buzlangí Jāntéγā dístī, ustát, Jāntéγā salám dāt. Jāntéγ gušt: aláikūm salám, mnī brās gúĵ ant? buzlangí gúštī: man sī na dārín. Jāntéγ gušt: ā mnī brāsānī asp u uštúr ant. buzlangí gúštī: ta ki watí brāsānā bgíndäĵ, drúst a-kanáĵ? Jāntéγ gúštī: ān. buzlangí brāsānī ša mozágäĵ tā kašít, Jāntéγäĵ dastá dātī, gušt: e tī brās ant. tárī roč büt. buzlangí gušt: säĵ brās šmā it, čārumíen man un. Jāntéγ gušt: čārumíen ta wäĵ, watí pasānā b"ár. buzlangí Jāntéγā gušt: šmā yak páse pa wat ná kušít? Jāntéγ gušt: kušán. gúštī: yak ĵuwānén páse biár ki pkúšan. buzlangí šut, yak ūke āwúrt. Jāntéγ gušt: äĵ murdár, eší rā guĵá āwúrtäĵ? gúštī: äĵ lālá, bra, ar guĵám ĵuwānéne biár, man na zānín. Jāntéγ šut, yak ĵuwānén páse āúrtī, kúštant eší rā, tānāden ki eší rā pakkítant, buzlangí watí pasānā múččānā wart, átī Jāntéγäĵä, gušt: brawán, man watí pasānā wártun. Jāntéγ watí goštānā wártant, alás kúrtant, nūn pa wat šútant.

do säĵ šap ki šútant, dístant ki šāre. amé šārāĵ nazdikā ki átant, dístant: pādšāĵĵ janík go čil gulāmā, go čil majmá brinjá pa aždiārā baránt.

Джантег увидел, что запоздали, де, мои братья! отправился сам вслед за ними, дошел до бузланги и приблизился к нему. Как только бузланги увидел Джантега, он встал и приветствовал его. Джантег сказал: «и тебе привет! где мои братья?» Бузланги сказал: «понятия не имею!» Джантег сказал: «а вон лошадь и верблюд моих братьев!» Бузланги сказал: «если ты увидишь своих братьев, ты их узнаешь?» Джантег сказал: «да». Бузланги вытащил его братьев из сапог, вручил Джантегу и сказал: «вот твои братья!» На утро взошло солнце. Бузланги сказал: «вас трое братьев, я буду четвертым!» Джантег сказал: «если ты четвертый, съешь своих баранов!» Бузланги сказал Джантегу: «а для себя вы не убьете барана?» Джантег сказал: «убьем». Потом он сказал ему: «приведи-ка хорошего барана, и мы его зарежем». Бузланги пошел и привел кабана. Джантег сказал: «ах, ты, падаль! куда ты привел его?» Тот сказал: «братец, сходи ты и приведи, что ни есть наилучшего, я ведь не понимаю!» Джантег пошел и привел хорошего барана. Его зарезали, и пока его варили, бузланги съел всех своих баранов, подошел к Джантегу и сказал: «пойдем, я всех баранов съел!» Джантег (и его товарищи) стали есть свое мясо, покончили и пошли своей дорогой.

Две-три ночи они шли, потом увидели город. Как только они приблизились к городу, они увидели, что ведут к дракону царскую дочь, вместе с сорока

Ĵāntéγ pūrsít: gujá rāwít? gúštī: maróĉi gazák pādšá int ki mnā pa aždiārā rāi a-kánt ki kámme āp billít ki jūāi tā b'āiĵ ki maxlúk tunnág ant. Ĵāntéγ gušt: šmā bír gardít, ki man tanā rāin. mardúm padūi šútant. Ĵāntéγ šut, tā dístī ā aždiār int. yak ṭapúre watí jánā sakk patápt, zāmā watí dastā sātít, amāe šut aždiārā kinikkā, aždiār dístī, gúštī: maróĉi yak nā^hāre zi^ʔātí āt. Ĵāntéγ gušt: agár wartág kanāi, zabr int. aždiār damā kašít Ĵāntéγā ki b^ʔártī. zāmā watí pešāniā sātít at. aždiār āt pa Ĵāntéγāi jánā. amé ki ātī, wártī, aždiār du kap búi. Ĵāntéγ tā yak sāt γiš ku, gúḍā ustát, silúme ša aždiārāi jánā kašít. amā buzlangí, ešī nām Bābā-γarγašáng at, ātī, aždiārā wart. Ĵāntéγ u Bābā-γarγašáng šútant, āp šut bi šārā, mardúm awāl búrtant pa pādšá ki jūāi āp múĉĉi āt. pādšá gúštī: brāit, amā mardúmānā biārit. amé ki ā^wúrtant, pādšá gúštī: aždiārā šmā kuštág-it? Ĵāntéγ gúštī: ammā na kuštág-an. pādšá gúštī: man ša édā kārín ki šmā kuštág-it, ma trussít, man watí janikkā bi šmā a-dāin. Ĵāntéγ gúštī: ĉize ki ša xudā am ĉer nāiĵt, ša ta am ĉer nāint, ammā aždiārā kuštág-an. pādšá gušt ki watí janikkā trā dāin. Ĵāntéγ gušt: mán-a na girín, bi mnī brāsā bdāi. watí janikkā bi

рабами и вместе с сорока блюдами рису. Джантег спросил: «куда вы идете?» Она сказала: «сегодня очередь царя отправить меня к дракону с тем, чтобы он пустил немного воды в каналы, потому что народ томится от жажды». Джантег сказал: «возвращайтесь, я пойду один!» Люди вернулись. Джантег шел, пока не увидел дракона. Он плотно обернул свое тело войлоком, покрепче сжал руками меч и так пошел к дракону. Дракон увидел его и сказал: «сегодня мне попался обильный обед!» Джантег сказал: «если сможешь съесть, так хорошо!» Дракон вдохнул воздух со стороны Джантега, чтобы поглотить его, а тот держал меч перед своим лбом. Дракон подошел к Джантегу вплотную, но как только подошел и проглотил его, сам распался на две части. Джантег некоторое время был без чувств, затем встал и вырезал ремень из тела дракона. Тот бузланги, — а его имя было Дед-гаргашанг, — подошел к нему и съел дракона. Джантег и Дед-гаргашанг ушли. Вода потекла в город, народ сообщил царю, что вода пошла по всем каналам. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы убили дракона?» Джантег сказал: «нет, мы не убивали!» Царь сказал: «я так заключаю, что вы убили; не бойтесь, я отдам вам свою дочь!» Джантег сказал: «что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! это мы убили дракона!» Царь сказал: «отдаю тебе свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай моему брату!»

Istará-šnás dāt. apt šap o apt roč dol o sáz kúrtī. Istará-šnásā gis dāt. Jāntéγ āwán šútant pa wat.

du šap o du roč ki šútant, dístant ki šár int, laškár átá, pādšāāi šārāi išk-w-áškā giptá. pādšá am ša trusá dár-a na bítī. Jāntéγ āwán átant, go me laškárā jang kúrtant, laškárā múččānā kúštant, yak pādšá jist. Bābā-γarγašáng mardumānī lāšágānā wártī. pādšá gušt: bráit, biárit amá mardúmānā. amé ki áúrtant, pādšá gušt ki šmá atit ki amé laškárā kúštit? Jāntéγ gušt ki ān, amá atan ki laškárā kúštan. pādšá go watí wazílā o wakílā muslahát kúrtant ki mašmá e mardumānā čé'ā bdāyán? wazíl guštī: āi pādšá, watí janíkkā bdāi. pādšá guštī: čonén jwānén abāre dátāi, wazíl, bráit ā mardúmānā biárit, ki watí janíkkā bdāin. šútant, ā mardúmānā áúrtant. pādšá guštī: man watí janíkkā bi šmā a-dāin. Jāntéγ gušt: mán-a na girín, bi Āušnás bdāi. janíkkā bi Āušnás dātant, dol u sáz kúrtant, gis dātī. Jāntéγ o Bābā-γarγašáng šútant.

yak čunt-šap rá šútant, bi Čil-gaz-múdi jā rástant. Čil-gaz-múdi jā bi daryábāi miānjína átī. Jāntéγ Bābā-γarγašángā gušt ki anún mnā čón a-barāi bi Čil-gaz-múdi gisá. Bābā-γarγašáng gušt: tī burtín āsán int. ešī

Он отдал свою дочь Звездочету. Семь ночей и семь дней били в барабан и пели, справляли свадьбу Звездочета. Джантег и его спутники пошли своей дорогой.

Когда они прошли две ночи и два дня, они увидели город, а к нему подступило войско и захватило окрестности царского города. Даже царь от страха не выходил наружу. Джантег и его спутники подошли и стали сражаться с этим войском. Они истребили все войско, только царь убежал. Дед-гаргашанг поел людские трупы. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы те, кто перебил это войско?» Джантег сказал: «да, это мы те, кто перебил это войско!» Царь стал совещаться со своим визирем и наместником: что мы, дескать, дадим этим людям? Визирь сказал: «о царь, отдай свою дочь!» Царь сказал: «какое хорошее мнение ты высказал, визирь! идите и приведите этих людей, я отдам свою дочь!» Пошли и привели этих людей. Царь сказал: «я отдаю вам свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай Водоведу!» Девушку отдали Водоведу, били в барабан и пели, справили свадьбу. Джантег и Дед-гаргашанг ушли.

Несколько дней они шли по дороге, дошли до жилища девушки Волосы-в-сорок-аршин. Жилище девушки Волосы-в-сорок-аршин было на середине реки. Джантег сказал Деду-гаргашангу: «как же ты меня теперь доставишь к дому девушки Волосы-в-сорок-аршин?» Дед-гаргашанг сказал: «тебя доставить,

rā gipt, watí baḍḍā kurt, bi me daryābā xaṭ jat, yak pādā éškā išt, yak pādā áškā, Jāntéγ āškā er kurt. Jāntéγ šut bi Čil-gaz-mūdi gisāi tā, distī, yak táme ér int, dastānā šušṭ, š-amešān wártī, šut, Čil-gaz-mūdi bagalā wáptī. Čil-gaz-mūd āgā büt, ar duén jātant u wártant. e bill tā-médā bayánt.

Bābā-γarγašáng ša daryābā ášk at, šagāle, úke gíptī, wártī. yak čunt waxt ki gwast, digár pādšāe pa Čil-gaz-mūdi padā laškár kurtá, átá. Bābā-γarγašáng distī, čonén laškāre tuén átá, šut, yak tuén dráxte rā ša buná kašit, wat go laškārā jang ku, go d^rraxtá mardúmānā jat, kúštī. amé ki alás bütant, pādšāiš jist, pādā šut watí gisá, gúštī: ar kas Čil-gaz-mūdā biārīt, man āi tolá zarr u sor a-kašín. yak pīrazāle dár āt, gúštī: man a-kārín ki pa^m man yak sundúxe joḍ pkan, čappí tá^b bdāín, burzágā brot, rástī tá^b bdāín, jālágā biāit. pādšā gušt: āzír wastá gušín ki pa^t ta joḍ pkant. sandúγe amé ki joḍ kúrtant, pīrazál bi^t tái büt, dapái γulp kurt, pečái tāb dāt ki šut pa wat, amé ki āt, rodái sará rástī. Bābā-γarγašáng distī, gušt: ta gujá ra^{ai}? pīrazál gúštī: man yak miskíni ājí astun ki ša aj átun, mnī amrák šútant pa wat, man mántun. Jāntéγ distī: go Bābā-γarγašáng yak

легко!» Он взял его, посадил к себе на спину, расставил над рекой ноги, одну ногу поставил с этой стороны, другую с той стороны, и спустил Джантега на ту сторону. Джантег вошел в дом девушки Волосы-в-сорок-аршин и увидел, что там приготовлено кушанье. Он помыл руки, поел и пошел и лег спать в объятиях девушки Волосы-в-сорок-аршин. Девушка Волосы-в-сорок-аршин проснулась, и они ласкались и забавлялись. Оставь их пребывать там.

Дед-гаргашанг перешел на ту сторону реки и стал ловить шакалов и кабанов и поедать их. Когда прошло некоторое время, другой царь снарядил войско за девушкой Волосы-в-сорок-аршин и подступил. Дед-гаргашанг увидел, как велико подошедшее войско, пошел, выдернул с корнем большое дерево, вступил в бой с войском, стал побивать людей этим деревом и перебил их. Когда они погибли, их царь обратился в бегство, отправился домой и сказал: «всякому, кто доставит девушку Волосы-в-сорок-аршин, я дам равное по величине количество денег и золота». Вышла одна старуха и сказала: «я доставлю, только изготвь для меня ящик, чтобы он, если поверну влево, двигался вверх, а если поверну вправо, шел вниз». Царь сказал: «сейчас же прикажу мастеру, чтобы он для тебя изготовил». Когда сделали ящик, старуха поместилась в него, заперла на замок вход, повернула винт, и он стал двигаться сам собою; он дошел и достиг берега реки. Дед-гаргашанг увидел ее и сказал: «куда ты идешь?» Старуха сказала ему: «я бедная паломница, возвращаюсь с паломничества, мои спутники ушли своей дорогой, а я отстала». Джантег увидел, что

pīrazále ništá, amá int Jāntéγ tawár kurt Bábā-γarγašángā, gúštī ki ā čonénen go ta ništá? Bábā-γarγašáng gušt: miskínen ājféγ int. Jāntéγ gušt: áe rā bgwazén ki tā báit éškā. Bábā-γarγašáng eší rā gwazént áškā.

čunt roč gwast, ša Čil-gaz-mūd pursít ki ša watí mardá purs ki tī napás čéwāi dastá int, tī mard γār a-kánt, ta ič gw-āí abár ma dāi, dérá go ta gušít ki mnī napás yak čízāi tā int. Jāntéγ ki āt watí gisá, yak sāátte ništ, janénī gušt ki tī napás čéwāi dastá int? Jāntéγ γār kurt pa watí janénāi jānā, pīrazál am goš a-kašít. der ki büt, Jāntéγ gušt watí janénā: āi napás jān, ta pä če š-erangén abáre pursái? janén gušt ki man um sí bāin ša^t tī napásā ki bi čéwāi dastá int. Jāntéγ gušt: āi napás jān, mnī napás íččiā dastá nāint, mnī napás amé zām int, ki ša pošāi yak mardúme pkašít, man gúdā mirín. pīrazál ki uškítī, gúštī: man tī pikrá dārín.

amé ki Jāntéγ wápt-atī, janénāi pīrazál gušt: brawán mäšmā rodāi sará. Čil-gaz-mūd gúštī: brawán. amé ki šútant, sar bútant rodāi sará, pīrazál gušt: allá, čonén jwānén sundúxe ér int. dapāi páč ku pīrazál, Čil-gaz-mūdā gušt: ta biā, mnind bi^t tái, mäšmā säil pkanán, ki mäšmā rā gīt,

с Дедом-гаргашангом сидит какая-то старуха; поэтому Джантег позвал Деда-гаргашанга и сказал ему: «кто это сидит с тобой?» Дед-гаргашанг сказал: «это бедная паломница». Джантег сказал: «переправь ее, пусть идет сюда!» Дед-гаргашанг переправил ее на ту сторону.

Несколько дней прошло, и она спросила девушку Волосы-в-сорок-аршин: «спроси у своего мужа: „в чьих руках твоя душа?“ он рассердится, и ты с ним больше не разговаривай, а попозже он скажет тебе: „моя душа в такой-то вещи!“» Когда Джантег вернулся домой и немножко посидел, его жена спросила: «в чьих руках твоя душа?» Джантег рассердился на свою жену, а старуха стала прислушиваться. Прошло много времени, и Джантег сказал своей жене: «душечка, почему ты спрашиваешь о таких вещах?» Жена сказала: «пусть и я буду осведомлена о твоей душе, в чьих она руках!» Джантег сказал: «душечка, моя душа не находится ни в чьих руках, моя душа — вот этот меч. Если кто-нибудь вытащит его из ножен, тогда я умру!» Как только старуха услышала это, она сказала: «я уж о тебе подумаю!»

Как только Джантег заснул, старуха сказала его жене: «пойдем с тобой на берег реки!» Девушка Волосы-в-сорок-аршин сказала: «пойдем!» Когда они пошли и дошли до берега реки, старуха сказала: «боже, какой тут красивый ящик!» Старуха открыла вход в него и сказала девушке Волосы-в-сорок-аршин: «поди сюда и сядь внутри, посмотрим, вместит он нас с тобой или нет!»

agár na. Čil-gaz-múd bi^t táj ništ, pīrāzāl dapáj γulp ku, šútī, Jāntéγī nipádā sājl ku tā dist, zāmī amédā ér int, zāmáj zurt, ša pošáj kašít, zāmáj jindā rodáj tā prent, pošáj tandūrā puránī čerā kurt. amá int ki šut sundúxājā, dapáj páč kurt, eš am bi^t táj ništ, dapáj γulp ku, pečáj tāb dāt ki šut pa wat, šut, watí gisá sar büt. awál búrtant pa pādšá: pīrazál āt. pādšá ātī, gušt ki āúrtāj janíkkā. pīrazál gúštī: aúrtun. pādšá gušt: brawán bi gisá ki tī tolá zarr u sór a-kašín. pīrazál am šut go pādšá, toláj zarr u sor kašít, pīrazál zurt u burtít-iš. janíkkā pādšá ložit, gúštī: trā man a-girín. janík gušt: sabr kan tā čil šab. eší abár alás büt tā čil šab.

Istārā-šnás sājl ku pa ^{wa}tī brāsáj istārā, dist tā mnī brāsáj istár nājnt. ya digá šapénā duwārdág sājl ku, tā dist ki mnī brāsáj istár nājnt. tārīenā roč büt, watí aspá zen kurt, suwár büt u šut bi Āu-šnásājā. Āu-šnásā gušt: ā lálá, mǎšmáj brāsáj istár nājnt. šapénā sājl kúrtant pa ^{wa}tī brāsáj istārā, tā dístant ki wadía na bīt. tārīenā ki roč büt, ar du brās rádág bútant u šútant, bi Jāntéγājā rástant, tā dístant Bábá-γarγášáng amédā waptá. Bábá-γarγášángā pād kúrtant, gúštant: gúj int Jāntéγ? Bábá-γarγášáng gušt:

Девушка Волосы-в-сорок-аршин села внутрь. Старуха заперла вход на замок, а сама пошла посмотреть постель Джантега и увидела, что его меч там лежит; она взяла меч и вытащила из ножен: самый меч бросила в реку, а ножны спрята- тала в золу очага. Потом она пошла к ящичку, открыла дверцу и сама села внутри; заперла вход на замок и повернула винт, чтобы ящик пришел в дви- жение; он двинулся сам собою и достиг своего дома. Царю принесли весть: «старуха вернулась!» Царь пришел и сказал: «привезла девушку?» Старуха сказала: «привезла!» Царь сказал: «пойдем домой, и я отвечу тебе по твоей величине денег и золота!» Старуха пошла с царем, и ей отвесили по ее вели- чине денег и золота; старуха их взяла и унесла. Царь позвал девушку и ска- зал: «я тебя возьму (в жены)!» Девушка сказала: «потерпи сорок ночей!» Рас- сказ о ней кончился на сорок ночей.

Звездочет стал искать звезду своего брата, смотрит: «нет звезды моего брата!» На другую ночь он вторично стал искать, опять смотрит: «нет звезды моего брата!» На утро взошло солнце; он оседлал свою лошадь, сел верхом и поехал к Водоведу. Водоведу он сказал: «братец, нет звезды нашего брата!» Ночью они стали высматривать звезду своего брата, пока не убедились, что ее нет. Когда на утро взошло солнце, оба собрались в путь, отправились и добрались до жилища Джантега; увидели, что Дед-гаргашанг спит. Они разбудили Деда- гаргашанга и сказали: «где Джантег?» Дед-гаргашанг сказал: «вон Джантег,

Ĵāntéγ á int, gisái tā go ĵaníkkā tamāšá a-kánt. Istārá-šnáš gúšti: amhá rā bgwázen, bar Ĵāntéγäiā. ešánā gwazéntī ša rodá áškā.

e šútant gisá tā, Istārá-šnáš säiļ kurt tā dístī: mnī brās amédā waptá. lepáĵ bāl áurt tā dístī ki mnī brās amédā kirm ĵatá, murtá. Āu-šnášā gušt: annūn mäšmá čón kanán? gúšti: čoní améš int ki zāmá wadí pkánan. biná kúrtant bi gaštínā. ākánī čérā, purránīā gáštant, zāmáĵ pošá tandūrāĵ purránī čérā dístant. Āu-šnáš säiļ ku bi āpáĵ tā, tā dist, bi nihíngā dapá band giptá. gúšti ki nūn do xaltá pog wadí pkánant, b'árant ki man zāmá pkašín. Bābā-γarγašángā ráí kúrtant bi pogá, šut, do xaltá pog áurtī, daságā bástant bi xaltá. Āu-šnášī ĵind xaltáni sará suwár büt, gúšti: amé ki xaltá ér šut, šmā daságā peš kašit. amé ki Istārá-šnáš dist ki xaltá ĵāl bütant, Āu-šnáš um ša nihíngāĵ dapá zāmá gipt, Istārá-šnáš daságā káš kurt, zāmá kašítant tā dístī ki zām zang ĵatá. zāmá gíptant, šúštant, zangáni pāk kurtá pošáĵ tā kúrtant. amé ki pošáĵ tā kúrtant, Ĵāntéγ ustát, sábre ĵat, gušt: čon wáb atun! Āu-šnáš gušt: trā wábíä čé-ä loťit! kirmánā säiļ pkan ki murt-átäĵ! gúšti: gúĵ int tī ĵanén? Ĵāntéγ gušt: man čéw a-zánín. Istārá-šnáš gúšti: mäšmá tanák bayán, šāránā bgárdan, tā ki ĵaníkkā wadí pkanán.

с девушкой дома развлекается!» Звездочет сказал: «переправь нас и доставь к Джантегу». Он их переправил на ту сторону реки.

Они вошли в дом; Звездочет стал смотреть и увидел: вот здесь спит мой брат! Он приподнял одеяло и увидел: моего брата изъели черви, и он умер! Он сказал Водоведу: «что же мы теперь будем делать?» Тот сказал: «способ один, надо отыскать меч!» Они принялись разыскивать; стали искать под землей, в золе, и в золе от очага увидели ножны. Водовед стал смотреть в воду и увидел, что он застрял в пасти у чудовищной рыбы. Он сказал: «пусть теперь найдут и принесут два мешка соломы, и я вытащу меч!» Деда-гаргапанга послали за соломой; он пошел и принес два мешка соломы; к мешкам привязали веревку. Водовед уселся сверху на мешки и сказал: «как только мешок дойдет до низу, вы тащите за веревку». Как только Звездочет увидел, что мешки спустились вниз и что Водовед взял меч из пасти чудовищной рыбы, Звездочет потянул за веревку. Меч вытащили, и увидели, что меч поеден ржавчиной. Взяли меч, вымыли, очистили от ржавчины и вложили в ножны. Как только его вложили в ножны, Джантег встал, чихнул и сказал: «как я заспался!» Водовед сказал: «какая тут сонливость! посмотри-ка на червей, ведь ты был мертвым!» Потом он сказал: «где твоя жена?» Джантег сказал: «откуда я знаю?» Звездочет сказал: «мы разделимся и будем ходить по-одиночке по городам, пока не найдем девушку». Они пошли. Звездочет и Водо-

šútant. Istārā-šnās, Āu-šnās gáštant, na dístant. Bábá-γarγašáng gušt ki man bi éngūrāi šārā dístun. Jāntéγ gúšti: bra, ma wušt, janíkkā biár. Bábá-γarγašáng šut pa janíkkāi padá ki biárin.

Bábá-γarγašáng šut tā dist janíkkāi čil šap büt bütá, nūn dol u sáz kurtág ant ki pādšá gís a-kant. Bábá-γarγašáng wat rā pīramárde kurt, šut janíkkāi. Janík Bábá-γarγašángā drust kurt, gušt ki pādšá lořít, mnā bgīt, káre pkan ki mnā bzūr u bra. Bábá-γarγašáng gust: γussá ma war ki trā šapí a-barín. Bábá-γarγašáng šut, bi arūsīā pādšāiā ništ. pa Bábá-γarγašáng nān u gošt āúrtant. ešánā wárti, gúšti: man ser na kúrtun. e čonén pādšáe gušnág int ki mnā nān dātága na kant. pādšá gušt: ar če nān u gošt int, bdáit ameší rā, tā b^uwart ki mnā bad-nām a-kánt. tā begāi ar če ki nān dātant, ar če ki pas kúštant, e ser na kurt. tā ki šap büt, šut pīrazālā wadí kurt, āúrti, gúšti: biá, brawán ádenā, trā pādšá gušt: biá. amé ki pīrazál yak ťukkúre šut, eší rā gipt u wárti. šut, janíkkā zurt, watí puštá suwár kurt u šut, Jāntéγāi jā sár büt. Jāntéγ gušt: bārikállā, bārikállā Bábá-γarγašángā. šapí mántant.

tāriēnā Jāntéγ š-édā laddít ki brāut watí pissāi šār u kalātā. ša rodá ki gwástant, yak do šap gwast, šútant, bi Āu-šnāsī jā sar bütant, šapí

вед ходили-ходили, не нашли. Дед-гаргашанг сказал: «я видел в городе по близости». Джантег сказал: «не сиди, а иди и приведи девушку». Дед-гаргашанг пошел, чтобы привести девушку.

Дед-гаргашанг пошел и увидел, что сорок ночей девушки окончились, а теперь забили в барабан и заиграли, так как царь женится. Дед-гаргашанг обратил себя в старика и пошел к девушке. Девушка узнала Деда-гаргашанга, и сказала: «царь хочет меня взять (в жены), придумай что-нибудь, чтобы забрать меня и уйти». Дед-гаргашанг сказал: «не печалься, сегодня ночью я увезу тебя!» Дед-гаргашанг пошел и уселся на свадебном пиру у царя. Деду-гаргашангу принесли хлеба и мяса. Он съел и сказал: «я не наелся! что это за царь-голодранец, что меня не может накормить!» Царь сказал: «сколько ни есть хлеба и мяса, дайте ему, пусть ест, потому что он меня срампт!» До вечера, сколько ни давали хлеба, сколько ни убивали баранов, он не наедался. Когда наступила ночь, он пошел, отыскал старуху, привел ее и сказал: «давай, пойдём туда, царь велит тебе прийти!» Как только старуха прошла немножко, он схватил ее и съел, а сам пошел, забрал девушку, посадил ее к себе на спину, пошел и добрался до Джантега. Джантег сказал: «да благословит бог! да благословит бог Деда-гаргашанга!» Эту ночь они оставались там.

На утро Джантег снарядился, чтобы отправиться в город и крепость своего отца. Когда они переправились через реку и прошла одна ночь или две, они

mántant, tárī Āu-šnás am go āwán laddít. wasírkī gušt ki äj zāmás, ar če gulám a-loťáj, ar če asp u daulát a-loťáj, go wat bar. Āu-šnás gúštít: én ka mnā pa kār näint. gúšti: šarr, yak o do gulám go yak o do aspá bzūr. amé aspánā ša dauláttā laddít. ameshánā Au-šnás zurt u šut pa wat. šútant ki e digár ročcēnā Istārā-šnásāj jā rástant. šapí mántant Istārā-šnásājā. tārīenā Istārā-šnás am rādág büt, eší wasírk am gušt: daulát ar če pa kār dārít, bzūr. eší aspánā laddít ša dauláttā, gulámā rái kurt. tārīenā zurt u šútant. tā yak mā ki rá šútant Bábá-γaryášangī jā rasant. Bábá-γaryášang gušt: nūn go šmā man na raín, man amédā nindín. e amédā níšti. Jāntéγ āwán šútant ki bi Āu-šnási ráiā sár bütant, Āu-šnás gušt: man annún na raín go šmā. Jāntéγ gušt: šarr, ki na raíj, pa tī ruxsáttā. mántant annún Jāntéγ u Istārā-šnás. ar duén šútant bi Jāntéγī pissáj šarāj nazzíkā. Istārā-šnás gušt: man am na raín go ta, mnī rá améš int. Jāntéγ gušt: pa^t tī ruxsáttā ki rawáj.

Jāntéγ yak ťukúrre šútít tā dístī, amédā ramáge čārít. Jāntéγ šuwānágā pursít, gušt ki e ramág kí-int? šuwānág gušt ki e pādšáen ramág. gušt: bra, awál bar pa pādšá ki tī zāg áti. e šuwānág šut, go pādšá gušt: tī zāg

пошли дальше и дошли до жилища (жены) Водоведа. Ночь переночевали, а на утро и Водовед снаряжился. Его тесть сказал: «зять, возьми с собой слуг, лошадей и имущества, сколько захочешь!» Водовед сказал: «мне столько не надо!» Тесть сказал ему: «ну, хорошо, возьми одного или двух слуг с лошадьёю или двумя». Он нагрузил имуществом этих лошадей; Водовед их взял и отправился к себе. Они пошли дальше. В один из следующих дней они дошли до жилища (жены) Звездочета. Ночь они провели там, а на утро Звездочет собрался в путь, его тесть также сказал: «возьми себе имущества, сколько нужно!» Он нагрузил ценностями его лошадей и прислал слуг. На утро они отправились. Целый месяц они были в дороге, пока дошли до жилища Деда-гаргашанга. Дед-гаргашанг сказал: «я теперь с вами не пойду, а останусь здесь». Он остался. Джантег со спутниками пошли и дошли до дороги Водоведа. Водовед сказал: «я теперь с вами не пойду!» Джантег сказал: «хорошо, если не пойдешь, прощай!» Остались теперь Джантег и Звездочет. Вдвоем они приблизились к городу отца Джантега. Звездочет сказал: «я тоже не пойду с тобой, это — моя дорога!» Джантег сказал: «прощай, если не идешь!»

Джантег немного прошел и увидел, что пасется стадо овец. Джантег спросил пастуха и сказал: «это чье стадо?» Пастух сказал: «это царское стадо». Он сказал: «иди и снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Пастух пошел и сказал

āt. gúštī ki man záge na dārín. šuwánág pa dūríā āt. Ĵāntéγ dístī ki bágge čārít, sarwánā gušt: bra, awál bar pa pādšá, bguš ki tī zāg āt. sarwán šut, go pādšá gušt ki tī zāg átī. pādšá gušt: man záge na dārín. sarwán padūí bír gašt, āt. Ĵāntéγ demtírā šut, tā dist ki gokčaréne, gušt: awál bar pa pādšá ki tī zāg āt. gokčarén ki šut pādšáāīā, gušt: tī zāg átī. pādšá gušt: man záge na dáštun. gúštī, én ka mardúm a-kājt, gušt ki pādšá, tī zāg āt, bráit, yak do suwár rái pkanít. e s^uwār šútant tā dístant ki mardúm a-kājánt. go eni mardúmān wašāmád kúrtant, ša e pursítant: ta čonéne wāi? Ĵāntéγ gušt: man pādšáāi zāg un. e šútant, bi pādšáāi gisá sar bútant. pādšá pursít: tā čonéne wāi? Ĵāntéγ jawáb dāt ki man tī zāg un. gúštī: ta čon mnī zāg āi? gúštī: man amá tī zāg un murtágen ki mnā Azrāíl burt, mazán kurt, nūn átun. pādšá kapt bi guṭṭāi, bāzénī gret. tári ki roč büt, duwārdág pādšá dol u sáz kurt, Ĵāntéγā gis dāt. jístun u bástun, pa wat imáne āúrtun, pa^t ta dištáre āúrtun.

царю: «твой сын пришел!» Тот сказал: «у меня нет сына!» Пастух ушел в даль. Джантег увидел, что пасется стадо верблюдов, и сказал погонщику: «иди, снеси весть царю, скажи: „твой сын пришел!“» Погонщик верблюдов пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня нет сына!» Погонщик верблюдов пошел и вернулся назад. Джантег пошел вперед и увидел коровьего пастуха; он сказал ему: «снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Коровий пастух пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня не было сына!» потом он сказал: «столько людей приходит и говорят: „царь, пришел твой сын!“ идите и пошлите одного-двоих верховых!» Эги верховые отправились и увидели, что приближаются люди. Они поздоровались с этими людьми и спросили: «кто ты таков?» Джантег сказал: «я царский сын!» Они отправились и пришли к царскому дому. Царь спросил: «кто ты таков?» Джантег ответил: «я твой сын!» Тот сказал: «как это ты мой сын?» Он сказал: «я тот твой мертвый сын, которого Азраил унес и вырастил, а теперь я пришел!» Царь бросился ему на шею и долго рыдал. На утро, когда взошло солнце, опять били в барабан и играли, опять праздновали свадьбу Джантега. Я убежал и завязал, себе спискал благополучие, тебе привел невесту.

XI

būt, būt, ša xudá káse getír na būt. yak pādšáe ʔat, čil u yak zāg dāšt. yak wáxte būt ki pādšáäi zāg gúštan^t: äi bābá, ammá rā gis bdäi. e pādšá wati zāgānā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dāín, man bi pādšáe dāín ki čil u yak jínik dāštá bīt. biyá ki mäšmá nūn kāsíd kanán bi yak pādšáe ki čil u yak jínik dāštá bīt. amédā xat nemištá kúrtañ^t p-á pādšá. nūn ša e pādšá bill u ša digár pādšá goš kaš.

e pādšá dāšt čil u yak jínik. yak wáxte at ki jínikāñ gúštan^t: äi bābá, ammá rā pa če gis na dāái? pādšá gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dāín, šmā rā bi pādšáe dāín ki čil u yak zāg dāštá bīt. biyá mäšmá kāsíd kanán pa pādšáe ki čil u yak zāg dāštá bīt. nūn yak xáte nemištá kurt, kāsídäi dastá dāt ki^t ta eší rā bar, bi pādšáe bdäi ke čil u yak zāg dāštá bīt. e kāsíd š-amédā rādág būt, šut. ša e kāsídā bill u ša digár kāsíd goš kaš.

e kāsíd ar dokén átan^t, yak jā níštan^t. yáke gušt ki ta ša gujá kääi? gušt ki man ša pādšáe kāsíd astun ki mnā dém dātá bi pādšáe ki čil u yak jánik dāštá bīt. e kāsíd gušt: ša wat bil, ša man goš kaš, man am yak pādšáe kāsíd astun, ki mnā dém dātá bi pādšáe ki čil u yak zāg dāštá bīt.

(XI. Об А мат-ша и Сорокавьючнике)

Было-было, никого лучше бога не было. Был один царь, у него был сорок один сын. Однажды царские сыновья сказали: «батюшка, жени нас!» Царь сказал своим сыновьям: «я не буду женить вас порознь, а отдам (вас в зятья) такому царю, у которого будет сорок одна дочь; давайте, снарядим теперь вестника к такому царю, у которого будет сорок одна дочь». Тут же составили письмо к царю. Теперь оставь этого царя и послушай о другом царе.

У этого царя была сорок одна дочь. Однажды девушки сказали: «батюшка, почему ты не выдаешь нас замуж?» Царь сказал: «я вас порознь не буду выдавать замуж, а отдам вас такому царю, у которого будет сорок один сын; давайте, теперь отправим вестника к царю, у которого будет сорок один сын». Он тотчас составил письмо и дал его вестнику: снеси, мол, и отдай такому царю, у которого будет сорок один сын! Этот вестник снарядился в путь и отправился. Оставь теперь этого вестника и послушай о другом вестнике.

Оба эти вестника сошлись и остановились в одном месте. Один сказал: «откуда ты идешь?» Другой сказал: «я вестник одного царя, который меня послал к царю, у которого была бы сорок одна дочь». Первый гонец сказал: «оставь себя, послушай обо мне! я тоже царский гонец, посланный к такому царю,

e kāsíd gušt ki e rang büt, ta b'yā, mnī xatā bzūr, man am tī xatā zūrīn, ta b'ra watí jindāī šārā, man am watí jindāī šārā rāin. ešān watí xatānā zúrtañ, ar kas pādā šut.

e kāsíd šut bi pādšāī demā, gušt ki b'yā ki wadí kurtá un, b'yā ki nūn brawān, watí zāgānī jānēnā b'yār. e pādšā watí zāgānā loṭit ki b'yāit, ša šmā yak gujām bi mnī pādšāī sarā búštīt, ki man brāin šmāī jānēnānā b'yārīn. e zāgān yak gujām rāzī na būtan^t, gúštan^t: ammā múčči rawān. pādšā dāšt yak gwandén zāgā, gúšti: āī bābā, man tī pādšāī sarā nindīn. mnī jānēnā bi mnī amé zāmā nikā pkanāī. pādšā bi amé abār rāzī büt, š-amédā watí ḡošúnā zurt u rādāg büt, šut bi amā šāre ki jinikān ast, šārāī išk-u-āškā xāimāg jat.

tārī mullā ustāt ki azān bdant, dist ki šārāī išk-u-āškā xāimāg jatāg-an^t. š-amédā jist be padšāī demā, uštāt, gušt: e pādšā, b'yā ki šārāī išk-u-āškā xāimāg bāz jatāg-an^t, bra, sāī kan ki yā dōst an^t yā dušmān an^t. pādšā š-amédā kāsíd dem dāt ki šmā dost it yā dušmān it. agār dost it, biyāit bi šārāī tā, agār dušmān it, ammāī jawābā bdāit. ā pādšā gušt ki ammā tī dušmān nāyan, tī dōst an. darwāzāgāī dapā páč kan ki ammā b'yāyan bi šārā tā. e pādšā darwāzāgāī dapā páč kurt ki pādšā watí urdū

у которого будет сорок один сын». Тот гонец сказал: «раз так, давай, ты возьми мое письмо, а я возьму твое, и ты иди в свою страну, а я пойду в свою!» Они взяли письма, и каждый отправился обратно.

Первый гонец отправился к царю и сказал: «ну, я нашел! давай, теперь поедem, и ты привезешь жен своим сыновьям». Царь позвал своих сыновей: приходите, мол, пусть кто-нибудь из вас останется во главе моего царства, а я поеду и привезу вам жен! Никто из сыновей не согласился; они сказали: «мы все поедem!» А у царя был младший сын, он сказал: «батюшка, я останусь во главе твоего царства, а ты повенчай мне жену на этом моем мече!» Царь остался доволен этими словами; он тотчас снарядил свою свиту и войско, собрался, выступил к тому городу, где находились девушки, и разбил свои палатки вокруг города.

Рано утром мulla встал, чтобы прочесть призыв к молитве, и увидел, что вокруг города разбиты палатки. Он побежал к царю, остановился и сказал: «царь, посмотри, вокруг твоего города разбито много палаток, пойдй, посмотри, друзья это или враги!» Царь тотчас отправил гонца: вы, де, друзья или враги? если друзья, войдите в город; если враги, сообщите ваши требования. Тот царь сказал: «мы не враги тебе, а друзья, открой ворота, и мы войдем в город». Царь открыл ворота, и другой царь ввел свою свиту и войско

wa ɣušánā āwúrt bi šarā tā. édā šap büt. pādšá watí urdú u ɣušánā nān dāt, murxás ku, wa watí zāgánā loṭít, wa digá pādšá watí janí^kkānā loṭít wa kattár nādént, bi pādšáäi zāgánī sará bár ku. e pādšá gušt ki äi pādšá, tī yak zāg náint? e pādšá jawáb dāt ki mnī zāg bi mnī pādšáäi sará ništág int wa aí jānénā bi amé zāmái niká kanít. nūn alás büt š-édā.

e pādšá yak dā roč bi amédā zindagānī kurt, gúḏā gušt ki biyá ki brawán. e pādšá watí urdú u ɣušánā sí ku ki bándā māšmá rawán. tárī pādšá ša e šār laddít, šut yak manzíl rā, er ku bi yak kalātāi, watí aspánā kā u jau dāt wa jīndī čā wa nān wártan^t. amédā tā tárī wáptan^t. tárī kⁱ ustátan^t, dístan^t ki yak buzlangí ešānī išk u áškā giptá. pādšá yak kāsíde dem dāt, gušt: ta dóst äi yā dušmán äi? buzlangí gušt ki na, man dušmán ná un, man dost un, man ša šmā Amat-šāā janénā loṭín. pādšá gušt ki agár digáre rā loṭāi, man trā dáin, Amat-šāā janénā na dáin. buzlangí gušt ki agár ma dáäi, man šmā rā múččānā warín. pādšá nā-čár büt, gušt ki biyá ki Amat-šāā janénā bi me buzlangí dāyán. édā watí zāgánā loṭít, gušt ki bābá, šmā čéwā gušít? pādšáäi zāg ruzá bútan^t. e Amat-šāā janénā ištān^t wa jīndī rādág bútan u šútan pa wat. e buzlangí Amat-šāā janénā gušt ki

в город. Наступила ночь. Царь роздал продовольствие своей свите и войску, отпустил их и позвал своих сыновей, а другой царь позвал своих дочерей, рассадил их и разделил их между царскими сыновьями. Этот царь сказал: «царь, одного твоего сына нет!» Царь ответил: «мой сын остался во главе моего царства, обвенчайте его жену на этом мече!» На том и покончили.

Затем этот царь дней десять прожил там, а потом сказал: «ну, поедем!» Этот царь известил свою свиту и войско, что завтра, дескать, мы с вами выступаем. На утро царь снарядился, выступил из города на один перегон, и остановился в одной своей крепости; своим лошадям дали сена и ячменя, а сами стали пить чай и есть хлеб и проспали здесь до утра. Когда на утро встали, они увидели, что какой-то бузланги окружил их со всех сторон. Царь послал гонца и спросил: «ты друг или враг?» Бузланги сказал: «нет, я не враг, я друг, только я хочу от вас жену Аамат-ша (младшего сына царя)». Царь сказал: «если ты захочешь кого-нибудь другого, я тебе выдам, но жену Аамат-ша не дам». Бузланги сказал: «если ты не дашь, я вас всех пожру!» Царь не имел выхода и сказал: «пожалуй, отдадим этому бузланги жену Аамат-ша!» Он созвал своих сыновей и сказал: «дети, что вы скажете?» Царские сыновья согласились. Жену Аамат-ша оставили, а сами собрались в путь и пошли к себе. Бузланги сказал жене Аамат-ша: «ты не горюй, что я тебя

ta γussá ma wár ki man trā gardentá un, bálke Amat-šá rá ša watí čammá bgindín. ša e bill u ša pādšá goš kaš.

e pādšá watí urdú wa γušánā gušt ki agár Amat-šá ša šmā soč pkant, bgúšit ki tī janén murtá. gušt: wā bi jāni yáke ki bgúšit ki tī janénā spetén deb gardentá! ša pādšá bill u ša Amat-šá goš kaš.

Amat-šá bi γasráj sará ništ-át, go dūrbín sājlá kurt, kadén mnī pisáĭ kušán kāĭt. dist ki yak dūlaxte ustát. ádā Amat-šá watí gulámā gušt ki mnī asp u eráγā biʹár. gulám asp u zen u eráγā āʷúrt. Amat-šá watí aspá suwár büt, dem watí pi^ssáĭā rādág büt, šut watí pissáĭā, dist ki písī siyā-póš int. gušt ki äĭ bābá, pa če ta siʹā-póš äĭ? písī gušt ki biʹá, bābá, ki tī baxt kamí kurtá ki tī janén murtá. e Amat-šá bāz gret, át watí jindáĭ gisá.

édā šap büt. Amat-šá púčči durbeší gwará ku, šut pa durbešiyā, dist ki čār warná arák wartág-an^t, mast bütág-an^t. yáke gušt ki armán, sad armán ki Amat-šáā janénā spetén deb gardént. yak warnáe gušt ki armán, ki Amat-šá amédā bütin ki šut, watí janénā kāwúrt. yak gašt Amat-šá wat rá gisá tā prent. gušt: äĭ warná, ta watí amé abáre ki annūn gúštäĭ, bguš. e warná bi Amat-šá gušt ki agár man watí abára go ta bgúšin, pādšá mnā goš u póz a-kánt. Amat-šá bi warná gušt ki ta ša

вернул: я хочу только увидеть своими глазами Ама́т-ша». Оставь его и послушай о царе.

Царь сказал своей свите и войску: «если Ама́т-ша у вас спросит, скажите: „твоя жена умерла!“» и прибавил: «и горе тому, кто скажет, что твою жену отнял белый див!» Оставь теперь царя и послушай об Ама́т-ша.

Ама́т-ша сидел на замке и смотрел в подзорную трубу: когда, мол, придет войско моего отца? увидел, что поднялась пыль. Тут Ама́т-ша сказал своему слуге: «приведи мне оседланную лошадь». Слуга привел лошадь с седлом и со всем убором. Ама́т-ша сел верхом на свою лошадь и отправился к своему отцу. Он увидел, что его отец одет в черное, и сказал ему: «батюшка, почему ты в черном?» Отец сказал ему: «вот, сынок, твое счастье потерпело ущерб: твоя жена умерла!» Ама́т-ша горько заплакал и пошел к себе домой.

Наступила ночь. Ама́т-ша надел дервишеское платье и отправился странствовать дервишем. Он увидел, что четверо юношей напились водки и опьянели. Один сказал: «досадно, сто раз досадно, что жену Ама́т-ша отнял белый див!» Другой сказал: «досада! ведь если бы Ама́т-ша был здесь, он отправился бы и привел свою жену!» Ама́т-ша стремительно бросился внутрь дома и сказал: «юноша, повтори то, что ты сейчас сказал!» Юноша сказал Ама́т-ша: «если я скажу тебе свои слова, царь отрежет мне уши и нос». Ама́т-ша сказал:

dādšá ma trus ki man Amat-šá un. e warná gušt ki tī janénā spetén deb gardentá. b'ra, watí janénā padā deĵ.

Amat-šá š-amédā rādág büt, watí asp u zen u eráĵā múččānā zurt u watí aspá s^uwār büt u šut. be yak ĵáe rasít, dist ki du buzlangíyā bastág an^t u yak buzlangí ša pādā langár a-kánt, go šipáng ĵant. gušt: salám aláĵk, äĵ buzlangí. buzlangí gušt ki agár tī salám ma bütin, trā man árt a-kúrtun, bi gwātáĵ dapá dātun. Amat-šá bi buzlangí gušt ki xudá trā ĉe zóre dātá ki du buzlangíā bastág-äĵ, langár a-kanáĵ, go šipánk am ĵanáĵ. e buzlangí gušt ki xudá zorá bi man na dātá, bi Amat-šá dātá. Amat-šá bi buzlangí gušt ki äĵ buzlangí, agár ta Amat-šáā bgíndäĵ, durústī am kanáĵ? buzlangí gušt ki yak wáxte man äe rá distá un, agár nūn bgíndīn, durústī am kanín. Amat-šá gušt ki Amat-šá mán un. e buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmán bgirín, nūn bi đigárā be mnī gírā kaptág-äĵ, trā náĵlīn ki ša mnī demá beĵiáĵ. Amat-šá gipt buzlangíäĵ srená, watí xudá yāt ku, buzlangíā bāl āwúrt, ĵat bi đigárā, watí zāmá kašít ki eší sará burrít. e buzlangí gušt ki ta mnī sará ma bur, ki man tī yak guláme baín. Amat-šá gušt: šarr, ša yákke do getír int. rādág bútan u šútan.

bi yak ĵáe rasítan^t, dístan: yak buzlangíe e singá zūrít, bi ā singá ĵant, árt a-kant o wart. salám dāt ki äĵ buzlangí, xudá ĉe zóre trā dātá ki

«ты царя не бойся: я Ама́т-ша!» Юноша сказал: «твою жену отнял белый див! иди вслед за своей женой!»

Ама́т-ша пошел оттуда, взял свою лошадь с седлом и убором, сел верхом и поехал. Приехал он в одно место и увидел, что запряжены два бузланги, а один бузланги сзади, он пашет на них и бьет их бичем. Он сказал: «привет тебе, бузланги!» Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы превратил тебя в муку и развеял по ветру!» Ама́т-ша сказал бузланги: «что за силу бог дал тебе, что ты запряг двоих бузланги, пашешь на них и бьешь бичом!» Бузланги сказал: «бог дал силу не мне, а Ама́т-ша!» Ама́т-ша сказал бузланги: «бузланги, если бы ты увидел Ама́т-ша, ты его узнал бы?» Бузланги сказал: «я раз его видел, и если теперь увижу, узнаю!» Ама́т-ша сказал: «Ама́т-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался достать тебя с неба, а теперь ты и на земле попался мне в руки; не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Ама́т-ша схватил бузланги за пояс, помянул своего бога, приподнял бузланги и бросил на землю. Он выхватил свой меч, чтобы отрезать ему голову, но бузланги сказал: «не отрезай мне головы, я буду твоим рабом!» Ама́т-ша сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они собрались и пошли.

Они пришли в одно место и увидели, что один бузланги берет камень, ударяет его о другой, готовится муку и ест. Он поздоровался и ска-

e singá be ā singá janāi, árt a-kanāi u warāi? e buzlangí jawāb dāt ki xudā zorā be man na dātá, bi Amat-šá dātá. Amat-šá gušt ki agár ta Amat-šāā bgíndāi, durústī am kanāi? e buzlangí gušt ki yak zamáne man go Amat-šá bāz dawā kurtá un, agár bgíndīn, drústī-m kanīn. e gušt ki Amat-šá mán un. buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmánā bgírīn, ta nūn bi đigárā bi mnī gírā kaptág-āi, trā nāilīn ki ša mnī demā bjāi. e Amat-šá gušt ki šarr, ta pa če ruzá wāi: pa kuští ruzá wāi yā pa gurz? buzlangí gušt ki man pa kuští ruzá un. Amat-šá gušt: man am ruzá un. Amat-šá gipt buzlangíāi srená, bāl āwúrt, jat be đigárā, zāmá kašit ki buzlangíāi sará burrit. buzlangí gušt ki ta mnā ma kuš ke man ti yak gulām a-bāin Amat-šá gušt: šarr, ša du sāi getir int. biyá ki māšmā brawán.

šútan^t bi yak jāe. yak āūe šikár kúrtan^t. gogírd na dāštant, dístan^t ša yak koé tā yak dúte ustát. yak buzlangí rá Amat-šá gušt ki ta b'ra, š-amódā yak átíše bi'ár. e buzlangí rādág būt, šut be mā jāe ki amá dūt būt. dístī ki yak Čil-xarwārie čil xarwār ártā be átíšāi čerā kurtá. e Čil-xarwāri be buzlangí gušt ki pa če átág āi? e buzlangí gušt ki man pa átíše átág un. e Čil-xarwāri gušt: biyá, bar! e buzlangí watí dastá tácke ku ki

зал: «бузланги, что за силу бог тебе дал, что ты ударяешь один камень о другой, изготавливаешь муку и ешь?» Бузланги ответил: «бог дал силу не мне а Amat-ша!» Amat-ша сказал: «если ты увидишь Amat-ша, ты его узнаешь?» Бузланги сказал: «я раз порядком потягался с Amat-ша, и если увижу, узнаю его». Он сказал: «Amat-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался на небе тебя достать, а ты теперь на земле попался мне в руки! не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Amat-ша сказал: «хорошо! ты что выбираешь: борьбу или палицы?» Бузланги сказал: «я согласен бороться». Amat-ша сказал: «и я согласен». Amat-ша схватил бузланги за пояс, поднял кверху и бросил на землю. Он вытащил меч, чтобы отрезать бузланги голову, но бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим рабом!» Amat-ша сказал: «хорошо, трое лучше, чем двое, давай, пойдём!»

Они дошли до одного места, поохотились и застрелили газель, но у них не было спичек (чтобы развести огонь). Они увидели, что с одной горы поднялся дым. Amat-ша сказал одному бузланги: «сходи, принеси оттуда огня». Бузланги отправился, дошел до того места, где был дым, и увидел, что некто Сорокавыючник положил под огонь сорок ослиных вьюков муки (и печет хлеб). Сорокавыючник сказал бузланги: «зачем ты пришел?» Бузланги сказал: «я пришел за огнем». Сорокавыючник сказал: «ву, возьми!» Бузланги протянул руку,

ātiše bzūrīt. Čil-xarwārī giṭt ešī gardínā, watí zānāī čérā ku. ša Čil-xarwārī bíll u ša Amat-šā goš kaš.

Amat-šā dist ki e buzlangí na āt. e digá buzlangiā gušt ki ta b'ra, ātišā bi'ár. e buzlangí rādág büt, amá jáe ki dūt ustát-at, šut, dist ki āi amrákāī sará bi Čil-xarwārīāī zānāī čérā kurtá. ša Čil-xarwārī pursít ki pa če ešī rā amé rang kurtág āī? Čil-xarwārī gušt ki e be-adabí kurt-át, ta bi'á, ātiše bzūr u bra. e buzlangí watí dastá táčke ku pa ātišā. ya gašt Čil-xarwārī giṭt ša ešī gardínā, watí čappén zānāī čérā kurt. ša Čil-xarwārī yak kámme bill u ša Amat-šā goš kaš ki bi rá int u kāīt.

āt Čil-xarwārīāī nazdíkā, dist ki du buzlangiāī sará watí zānāī čérā kurtá. Amat-šā š-amāngū rast, ša Čil-xarwārīāī nān sist u wart. Čil-xarwārī bi Amat-šā gušt ki e če be-adabí at ki ta kurtāī? Amat-šā gušt bi Čil-xarwārī ke āīni adáb ameš int. Amat-šā bāz duwārág gušt ki āī Čil-xarwārī, e če zór int ki ta dārāī ki mnī du brāsāī sarágā watí zānāī čérā kurtág āī? Čil-xarwārī gušt ki xudá bē man zorá na dātá, bi Amat-šā dātá. e gušt ki agár Amat-šāā bgíndāī, drustí am kanāī? Čil-xarwārī gušt ki man āe rā yak wáxte distág un. gušt ki Amat-šā mnī jínd un. Čil-xarwārī

чтобы взять огня, но Сорокавьющник схватил его за шею и сунул к себе под колено. Оставь теперь Сорокавьющника и послушай про Аमत-ша.

Аमत-ша увидел, что бузланги не пришел. Он сказал другому бузланги: «сходи ты и принеси огня!» Бузланги собрался и пошел к тому месту, откуда поднимался дым. Там он увидел, что голова его товарища засунута под колено Сорокавьющника, и спросил у него: «за что ты так поступил с ним?» Сорокавьющник сказал: «он невежливо себя вел! пойдя ты, возьми огня и уходи». Бузланги протянул свою руку за огнем, как вдруг Сорокавьющник схватил его за шею и подсунул к себе под левое колено. Оставь не на долго Сорокавьющника и послушай про Аमत-ша, который уже на дороге и подходит!

Он приблизился к Сорокавьющнику и увидел, что головы его бузланги подсунуты к нему под колени. Аमत-ша подошел, выхватил хлеб у Сорокавьющника и съел. Сорокавьющник сказал Аमत-ша: «что это за невежливость ты сделал?» Аमत-ша сказал: «это-то и есть настоящая вежливость!» Потом Аमत-ша вторично сказал: «что это за сила, которою ты обладаешь, что ты сунул себе под колени головы двоих моих братьев!» Сорокавьющник сказал: «бог дал силу не мне, а Аमत-ша!» Он спросил: «если ты увидишь Аमत-ша, ты его узнаешь?» Сорокавьющник сказал: «однажды я его видел!» Он сказал: «Аमत-

gušt ki man átag un ki trā dar asmán bgirín, nūn ki bi ḡigārā bi mnī gīrā kaptág-äi, trā náilīn, ša mnī demā bjiäi. Amat-šā gušt ki ta pa če rāzī äi: pa kuštī ruzā äi? pa gurz ruzā äi? pa če rāzī äi? Čil-xarwārī gušt ki man pa kuštī rāzī un. Amat-šā gipt ešī srenā. tā do šap u do roč watī yak ḡigārā na jātan. Amat-šā watī xudā yāt ku, ešī rā bāl ā'úrt, jat bi me ḡigāra, zāmā kašit k-ešī sarā burrit. Čil-xarwārī gušt ki mnī sarā ma bur ki man ar jā tī dardā warín. édā Amat-šā gušt ki ša säi čār getír int.

Amat-šā gušt ki mnī janénā spetén deb gardéntī, man ráin spetén débäiä. Čil-xarwārī gušt ki äi lālā Amat-šā, man trā yak farsáxā sarā barín, āngūrī burtága na kanín, mnī par u bāzúl sučít. Amat-šā gušt: šarr, mnā šmā tā yak farsáxā sarā barít, āngūrī mnī jind tānā raín. ešān čār mardúm bi Čil-xarwārīäi sarā s'wār būtan. yak farsáxā sarā 'ér kaptan. Čil-xarwārī bi Amat-šā gušt ki äi lālā Amat-šā, amé watī aspā bdäi ammā rā ki ammā warán. Amat-šā gušt ki e mnī asp bórit. Amat-šā jindī tānā rādág büt, šut bi spetén débäiä. amé ki bi ḡasráiä nazdik but, dist ki ḡasrái išk u wāškā múči buzlangí an^t, waptág an^t. Amat-šā š-ešān na trusít, rāst šut bi ḡasrá.

ша, это я сам!» Сорокавьющник сказал: «я стремился и на небе захватить тебя, а теперь, когда ты на земле попался мне в руки, я не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Ама-ша спросил: «ты что выбираешь: борьбу или палицы? что выбираешь?» Сорокавьющник сказал: «я выбираю борьбу». Ама-ша схватил его за пояс. Две ночи и два дня они не могли бросить друг друга на землю. Ама-ша помянул своего бога, потом поднял его кверху и бросил на самую землю. Он вытащил меч, чтобы отрубить ему голову, но Сорокавьющник сказал: «не отрубай мне головы, потому что я, где бы ни случилось, помогу тебе в беде!» Ама-ша тогда сказал: «четверо лучше, чем трое!»

Потом Ама-ша сказал: «мою жену отнял белый див, и я иду к белому диву». Сорокавьющник сказал: «братец Ама-ша, я тебя донесу до одного фарсаха пути, а дальше нести не смогу, потому что у меня сожгутся перья и крылья». Ама-ша сказал: «хорошо, отнеси меня до одного фарсаха пути, а оттуда я уже и сам доберусь». Они вчетвером уселись на Сорокавьющника. На границе последнего фарсаха спустились. Сорокавьющник сказал Ама-ша: «братец Ама-ша, дай нам съесть твою лошадь». Ама-ша сказал: «можете есть мою лошадь». Сам Ама-ша один собрался в путь и пошел к белому диву. Когда он приблизился к его замку, он увидел, что вокруг замка всё бузланги, и они спят. Ама-ша не испугался их, а пошел прямо к замку.

amé ki bi ʧasrá šut, dist ki spetén deb waptá, āí jánén amódā ništá int. spetén debáĭ sar bi āí zānāĭ sará int. Amat-šá gušt ki agár eší rā be wābāĭ jā pkúšĭn, nā-mardí a-bít. getír int ki eší rā sī pkanĭn u pkúšĭn. Amat-šá watí zāmá kašít bi pādāĭ dilāĭ šĭg dāt. spetén deb ša watí wābá yak sar ustát, Amat-šāā jánénā yak čapóđ jat, gušt: aĭ gísi burídá, ta pa če magísānā (|| masiskānā) killāĭ ki mnā waránt? duwārág Amat-šá watí zāmá bi čappén pādāĭ šĭg dāt, e spetén deb duwārág ustát, Amat-šāāĭ jánénā jat, Amat-šāāĭ jánénā sot, bāz gret, gušt ki tī māsāĭ mard bi^t tī sarāĭ čérā ustatá! spetén deb ustát ša wābá, gušt ki aĭáb lunkái čárme bi mnī gírā kaptá. Amat-šá gušt ki bále, agár mnā er burtág pkánāĭ! Amat-šá spetén debá gušt ki ta pa če rāzí-ā? spetén deb bi Amat-šá gušt ki man pa gurz rāzí un. Amat-šá am rāzí büt. spetén deb gurzá bāl ā^urt, jat be Amat-šāāĭ sarāĭ mānjĭnā. Amat-šá watí jāgá šor na wart, ša spetén deb pursít ki tī zor améš at? gúđā burzá ša spetén debáĭ dastá zīt, watí xudāā yāt ku, jat be spetén debáĭ sarāĭ mānjĭnā. spetén debá ša mānjĭnā du kap kurt. kápe éškā kapt, kápe áškā kapt. gúđā watí jánénā zurt u rādág büt, ša ʧasrá ér kapt. buzlangĭān ustátan ša wābá, dístan ki spetén debá jánénā búrtī. néme

Когда он подошел к замку, он увидел, что белый див спит, а его жена сидит возле, и голова белого дива у нее на коленях. Ама-ша сказал: «если я убью его во сне, это будет не достойно мужчины; лучше дам ему знать, а потом убью!» Ама-ша выхватил свой меч и уколол его в подошву. Белый див сразу очнулся от своего сна, дал пощечину жене Ама-ша и сказал: «ах, ты, бесстыжая! почему ты позволяешь мухам есть меня?» Ама-ша еще раз уколол своим мечом его левую ногу. Белый див опять вскочил и ударил жену Ама-ша. Она вспыхнула, разрыдалась и сказала: «муж твоей матери встал у тебя в головах!» Белый див совсем проснулся, встал и сказал: «какой жирный кусок попался мне в руки!» Ама-ша сказал: «да, если только ты сможешь меня проглотить!» Потом Ама-ша сказал белому диву: «ты что выбираешь?» Белый див сказал Ама-ша: «я выбираю палицы!» Ама-ша согласился. Белый див поднял палицу и ударил Ама-ша как раз по середине головы. Ама-ша не сдвинулся со своего места и спросил белого дива: «это-то твоя сила?» Потом он выхватил палицу у белого дива, помянул своего бога и ударил белого дива как раз по середине головы. Он расколол белого дива по середине на две части; часть упала на одну сторону, часть на другую. Потом он взял свою жену и отправился в путь. Он спустился с замка. Бузланги проснулись и увидели, что он увел жену белого дива. Половина их приготовилась

ustátan pa ĵangá, néme digár šútant ki spetén débā sī kanánt. šútant, dístan^t ki spetén deb ša mājínā du ka^p int. buzlangiān múčči ĵistan^t.

Amat-šá watí ĵanénā zurt u watí brāsániyā šut. dístī ki ar sāi amédā ništág ant. Čil-xarwāri gušt ki āi bābā Amat-šá, watí ĵanénā āwúrtāi, bi^ʔá ki brawán. ešán čār mardúm be Čil-xarwāriāi sará s^wār bútant, šútan^t tā wáxte ki bi yak šáre rástant. Amat-šá dist ki šārāi išk-w-áškā muč mardúmī sarág ĵatág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumáni sarágān pa če buritág ant? ā mardúm bi Amat-šá gušt ki bi e šār pādšáe ast, yak šárte dārít: ar ka amá šartá burt, watí ĵaníkā bi amāi a-dánt. Amat-šá gušt ki man bándā rāin bi amé padšāi darbārá, man šárt a-kanín. bándā Amat-šá šut bi pādšāi. pādšá pursít ki āi warná, ta čé^ʔ a-loṭāi? Amat-šá gušt ki amé mardúm gúštant ki e pādšá e-rangén šárte dārít, man ātá un pa^t tī amá šartá, ta čé^ʔ a-gušāi? pādšá gušt ki āi warná, ta ša watí oná na trusāi, ki šárt a-kanāi go man? Amat-šá gušt ki mnī on ša ěn-kas mardúm getír náint. pādšá gušt: man am rāzī un. Amat-šá šut Čil-xarwāriyā, gušt: āi lālā Čil-xarwāri, e pādšá e-rangén šárte dārít, ta čé^ʔ a-gušāi? Čil-xarwāri gušt ki man um rāzī un.

к битве, а половина пошла известить белого дива. Они пошли, увидели, что белый див с середины рассечен на две части, и разбежались.

Амат-ша взял свою жену и отправился к своим братьям. Он увидел, что все трое еще сидят там. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, ты привел свою жену, давай, поедем!» Они вчетвером уселись на Сорокавьючника и двигались так, пока не достигли до одного города. Амат-ша увидел, что вокруг города всюду разбросаны человеческие головы. Он спросил у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «в этом городе есть царь; им поставлено одно условие, и всякому, кто это условие выполнит, царь отдаст свою дочь». Амат-ша сказал: «завтра я пойду на прием к этому царю! я выполню это условие!» На утро Амат-ша отправился к царю. Царь спросил: «что ты хочешь, юноша?» Амат-ша сказал: «люди говорят, что здешний царь делает такой-то вызов; я пришел на твой вызов, ты что скажешь?» Царь сказал: «юноша, ты разве не боишься за свою кровь, что хочешь тягаться со мной?» Амат-ша сказал: «моя кровь ведь не лучше крови стольких людей!» Царь сказал: «ну, я согласен!» Амат-ша пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, этот царь делает такой-то вызов; ты что скажешь?» Сорокавьючник сказал: «я тоже согласен».

bāndā ki bŭt, Amat-šā watí jindāi puččānā dāt bi Čil-xarwāriāi gwarā, āwŭrt āe rā bi pādšāāi šartāi sarā. pādšā gušt: e singā bzŭr, mnī šārāi išk u āškā čār bdāi, agār búrtāi, man watí janíkkā trā dāin. Čil-xarwāri zurt amé singā, pādšāāi šārāi išk-w-āškā čār dāt, āwŭrt, bi mā awwāli jāe išt, gúštant ki biyā, šartā burt. pādšāāi janíkā nikā kúrtant, bi mā buzlangí dātant ki đigārānā langār a-kúrt. buzlangí gušt bi Amat-šā: āi lālā Amat-šā, man čon tī dardā bŭrin. Amat-šā bi buzlangí gušt ki ta amé kāsāgā mās kan, bil watí demā, ar wāxte ki amé kāsāg on gašt, ta bi mnī dardā bŭrāi.

ešān sāi mardŭm Čil-xarwāriāi sarā suwār bútan^t, šútant bi yak šāre. dístan, šārāi išk-w-āškā muč mardŭmī sarāg ant. ša yak mardŭme pursít ki e mardumānī sarāgā pa če burritāg an^t? ā mardŭm bi Amat-šā gušt ki e pādšā e-rangén šarte dārít: čil xarwār ārt kúrtan, čil am gok a-kušān, čil am pas a-kušān, ar kas amešānā wartāg pkant, pādšā watí janíkā amāe rā dant. agār wartāg na kurt, āi sarā burrān^t, lakatāb a-kanān^t. Amat-šā š-amédā rādāg bŭt dem pādšāyā, šut bi pādšāāi darbārā. pādšā gušt ki āi warnā, ta pa če ātag āi? Amat-šā gušt ki man pa^t tī šartā ātag un. pādšā gušt ki āipe tī warnāi nājnt? Amat-šā gušt ki magār tī šartā man barín.

Когда наступило утро, Ама́т-ша надел свою одежду на Сорокавьючника и привел его на состязание с царем. Царь сказал: «возьми этот камень и обнеси его вокруг моего города, и если сможешь, я выдам за тебя свою дочь». Сорокавьючник взял камень, обнес его вокруг царского города, принес и положил на первоначальное место. Все сказали: «смотри-ка, он выполнил условие!». Царскую дочь обвенчали; ее отдали тому бузланги, который пахал землю. Бузланги сказал Ама́т-ша: «братец Ама́т-ша, как я смогу помочь тебе в беде?». Ама́т-ша сказал бузланги: «налей в эту чашку кислого молока и поставь перед собой; как только чашка станет кровавой, спеши мне помочь!»

Они втроем уселись на Сорокавьючника, направились к одному городу и увидели, что вокруг города всюду человеческие головы. Они спросили у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Ама́т-ша: «здешний царь устраивает такое состязание: мелют сорок ослиных вьюков муки, убивают сорок быков, убивают сорок баранов, и всякому, кто сможет все это съесть, царь отдаст свою дочь; если же не съест, ему режут голову и вешают». Ама́т-ша отсюда направился к царю и пошел к царю на прием. Царь сказал: «зачем ты пришел, юноша?» Ама́т-ша сказал: «я пришел на твой вызов!» Царь сказал: «разве у тебя нет жалости, к своей молодости!» Ама́т-ша сказал: «но, может быть, я выиграю заклад!»

e pādšá gušt ki annūn bra, tārī byā. Amat-šá š-amédā šut Čil-xarwariāiā, gušt: äi lālā Čil-xarwārī, bi'yā ki e pādšá e-rangén šárte dārít, ta čé' a-gušái? Čil-xarwārī gušt ki záláre na dārít, man rāzī un.

tārī ki büt, Amat-šá watí puččānā bi Čil-xarwariāi gwará dāt, rādág bütan^t u šútan bi pādšāāi šartāi sará. čil xarwār ártā Čil-xarwārī wart, čil gok am wart wa čil pas am wart. Čil-xarwārī gušt ki amé čil gokā postá wa čil pasāi postá yak dóle bdočít. ešānā yak dóle dótan^t, dātan bi Čil-xarwariāi dastá. e Čil-xarwārī dolá zurt, šut daryāā sará. watí yak pādá išt bi daryāā sará, watí rāstén pādá išt bi bāgāi sará. e bāgā pur ku ša āpá. mardúm gúštan ki b'yā ki Čil-xarwārī pādšāāi šartá burt. pādšá dāt watí janíkā bi me buzlangíe ki e singá bi ā singá jat, árt a-kúrt u wart, e janíkkā dātan^t bi amāi. e buzlangí gušt ki äi lālā Amat-šá, man čon tī dardá bórīn? e Amat-šá gušt ki kāságā mās pkan, ar wáxte ki amé kāság ón gašt, ta bi mnī dardá bórāi.

Amat-šá g-otí janénā s^uwār büt bi Čil-xarwariāi sará. šútan^t, bi yak γásre ér kurtan^t. Čil-xarwārī gušt ki äi lālā Amat-šá, man nūn waspín. Amat-šá gušt ki ta ki nūn waspāi, pa man dār bāz b'yār. Čil-xarwārī šut

Царь сказал: «ну, теперь иди! приходи утром!» Ама-ша отсюда пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, посмотри-ка, какое состязание устраивает здешний царь! что ты скажешь?» Сорокавьючник сказал: «ничего, я согласен!»

Когда наступило утро, Ама-ша надел свою одежду на Сорокавьючника. Они отправились и пришли на состязание с царем. Сорокавьючник съел сорок ослиных выюков муки, съел сорок быков, съел также сорок баранов. Потом Сорокавьючник сказал: «из кож этих сорока быков и сорока баранов сшейте мех». Из них сшили мех и дали Сорокавьючнику. Сорокавьючник взял мех и пошел к реке; одну ногу он поставил у реки, а правую ногу поставил у сада, и наполнил сад водой. Люди сказали: «смотри-ка, Сорокавьючник выполнил условие!» Царь выдал свою дочь за того бузланги, который ударял один камень о другой, готовил муку и ел; ему отдали девушку. Этот бузланги сказал: «братец Ама-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Ама-ша сказал: «налей в чашку кислого молока, и как только она станет кровавой, поспеши ко мне на помощь!»

Ама-ша со своей женой уселась на Сорокавьючника и отправились в дорогу. В одном замке они остановились. Сорокавьючник сказал: «братец Ама-ша, я теперь посплю!» Ама-ша сказал: «раз ты заснешь, принеси мне пока побольше дров». Сорокавьючник пошел в лес, и сколько ни увидел дров,

pa ĵangálā. ar ĉe ki dār dist, názd āwúrt, bi daságäĵ tā bast, watí baḍḍā kurt, āúrt, bi ĵasráĵ dapá prent, ĵíndī wapt.

yak róĉe Amat-šāāĵ ĵanén šut bi daryāāĵ sará ki watí sará pšódīt. yak múde ša saráĵ sist, eší ra nazd āwúrt, gurenáge ku^{rt}, prent bi daryāāĵ dapá. e mūd šut u bi māíāĵ dapá tā kapt. e māí eší rá wart. amé māíe ki amé mūdā wart, eší rá sayádāĵ zāg gipt. sayádā zāg gušt ki bi^á ki man eší rá pa pādšāāĵ zāg barín. e sayádāĵ zāg amé māíā zurt u rádág büt bi pādšāāĵ zāgāĵ demá, amé māíā dāt bi pādšāāĵ zāgāĵ dastá. e pādšāāĵ zāg sāĵl kurt, dist ki e māí murtá, zindág näĵnt. watí gulámā gušt: ta amé māíāĵ lāpá páĉ kan, ki man bgíndīn bárāⁱ ĉe int. gulámī māíāĵ lāpá páĉ ku, dist ki yak múde ast. pādšāāĵ zāg gušt ki ar kas amé mūdāĵ wāúndā biárīt, āí du brebírā zárr a-dāín. yak pīrazále āt ki iĉ dandán bi saráĵ na at, gušt ki pa^m man yak sundúxe ĵoḍ pkan ki ĉappí tā^b bdáín, bi ḍígārā mníndīt, rástí tā^b bdáín, bi asmánā brot. e pādšāāĵ zāg zúti ĵoḍ kurt u dāt bi pīrazálāĵ dastá. pīrazál bi sundúxāĵ tā ništ. rástí tāb dāt, šut bi asmánā, šut bi yak ĵáe, bi daryāāĵ kírrá, ér ku, šut bi ĵasrá.

Amat-šā šutá bi šikárā. améš at ki āt, dístí āí ráā sará yak pīrazále ništá, gušt: āĵ māsí, tá ĵidā ĉe^y a-kanáĵ? ā pīrazál gušt ki man ša zawár

собрал их; обвязал веревкой, взвалил на спину и принес; бросил при входе в замок, а сам заснул.

Однажды жена Аамат-ша пошла на берег реки, чтобы помыть голову, и у нее выдернулся волос из головы. Она его подняла, завязала узелком и бросила в реку. Волос понесло, и он попал в пасть рыбе; рыба его проглотила. Сын охотника поймал эту рыбу, которая проглотила волос. Охотников сын сказал: «давай-ка, я снесу эту рыбу царевичу!» Охотников сын взял эту рыбу, направился к царевичу и вручил ему эту рыбу. Царский сын стал смотреть и увидел, что эта рыба уже мертва, а не жива. Он сказал своему рабу: «вскрой брюхо этой рыбе, я посмотрю, что у нее внутри». Раб вскрыл брюхо рыбе и увидел, что там волос. Царский сын сказал: «каждому, кто сыщет обладателя этого волоса, я дам двойное количество золота!» Пришла одна старуха, у которой зубов совсем не было и сказала: «изготовь для меня такой ящик, чтобы он, если я его закручу влево, останавливался на земле, а если вправо закручу, поднимался на небо». Царский сын быстро его изготовил и вручил старухе. Старуха села в ящик; она закрутила вправо и полетела к небу. Потом она опустилась в одном месте на берегу реки и направилась в замок.

Аамат-ша отлучился на охоту. Вышло так, что он пришел и увидел, что на его дороге уселась какая-то старуха. Он сказал: «что ты, матушка, здесь

māntá un. Amat-šá gušt ki b'iyā, go man brawán ki man yak jánéne dārín, ā am taná int. Amat-šá e pīrazálā zurt, burt watí jindáĭ gisá. amé ki jánénī dist ki Amat-šá ša^r rá yak pīrazále āwúrt, e jánén γār kurt, gušt ki ta pa če watí māsáĭ mardá āwurtág äĭ? Amat-šá gušt ki äĭ jánén, eš am bil tā bīt go ta, ki ta taná-ā.

yak róče büt ki amé pīrazál bi Amat-šáäĭ jánén gušt: ta bi Amat-šá bguš ki amé tī šišági umr cé int? Amat-šā āt, gisá ništ. āĭ jánén gušt ki äĭ nākó-zág, amé tī šišági umr cé int? Amat-šá watí jinénäĭ dapáĭ tā jat. yak sá^báte níštan^t. amé Amat-šá dasmálā zurt, watí jinénäĭ onánā pákī ku, gušt: äĭ mnī nipás, mnī šišági umr mnī amé zām int. šap büt. e pīrazál Amat-šáā zāmā kašít ša srenáĭ, burt, bi čāā tā prent.

tārī büt, e pīrazál Amat-šáā jánénā gušt: tā watí mardá ša wábá pād ma kan, mäšmá biyá ki b'rawán, watí saránā pšódan. e pīrazál Amat-šáā jinénā zurt u šut bi daryáäĭ kirrá, burt amá sundúxäĭ kiníkkā, gušt: biyá, māsī jān, mäšmá amé sundúxäĭ tā mníndan, bgíndan, mäšmá rá ar dokénā jáh a-bít. Amat-šáäĭ jinén go pīrazál bi sundúxäĭ tā ništ. yak gašt pīrazál bi sundúxäĭ tā ništ. yak gašt pīrazál sundúxäĭ pečá rāstí tāb dāt. sundúx ustát, šut bi asmánā, šut, bi pādšáäĭ zágáĭ gisáĭ dapá, er büt. pādšáäĭ zág

делаешь?» Старуха сказала: «я отстала от паломников». Ама́т-ша сказа́л: «давай, по́йдем со мной: у меня́ есть жена́, и она́ тоже совсем одна́». Ама́т-ша взял старуху́ и отве́л к себе́ домой. Как то́лько его́ жена́ уви́дела, что Ама́т-ша приве́л с доро́ги ка́кую-то старуху́, она́ рассерди́лась и сказа́ла: «за́чем это ты приве́л мужа́ свое́й матери́?» Ама́т-ша сказа́л: «жена́, оста́вь ее, пусть она́ побуде́т с тобо́й, ты ве́дь одна́!»

Одна́жды случи́лось та́к, что э́та старуха́ сказа́ла же́не Ама́т-ша: «спроси́ у Ама́т-ша: „в че́м за́ключаете́ся сосу́д тво́ей жи́зни?“» Ама́т-ша верну́лся и си́дел дома́. Его́ жена́ сказа́ла: «о сын мо́его дяди́, в че́м за́ключаете́ся сосу́д тво́ей жи́зни?» Ама́т-ша уда́рил же́ну по рту. Неко́торое вре́мя они́ поси́дели, пото́м Ама́т-ша взял плато́к, выте́р кро́вь свое́й же́ны и сказа́л: «ду́ша мо́я, сосу́д мо́ей жи́зни — во́т э́тот меч!» Насту́пила но́чь. Старуха́ ста́щила с по́яса Ама́т-ша его́ меч, отне́сла и бро́сила в колоде́ц.

Насту́пило у́тро. Старуха́ сказа́ла же́не Ама́т-ша: «ты не бу́ди свое́го мужа́, а давай, мы по́йдем и помое́м голо́вы!» Старуха́ взя́ла же́ну Ама́т-ша, по́шла к бе́регу ре́ки, пове́ла к ящи́ку и сказа́ла: «давай, дитя́тко, поси́дим в э́том ящи́ке, посмот́рим, хватит ли ме́ста нам обо́им!» Же́на Ама́т-ша усела́сь вме́сте с старухо́й в ящи́ке. То́гчас старуха́ усела́сь в ящи́ке и по́вернула ви́нт ящи́ка впра́во. Ящи́к подня́лся, напра́вился к небу́, понесе́ся и спу́стился у́ входа

ša pīrazāl pursít ki āwúrtāi yā na? pīrazāl gušt ki āúrtun. Amat-šāāi jīnén gušt ki āi pādšāāi zāg, tā čil roč ta mnī šórā ma dā ki man márde. dārín. ša e pādšāāi zāg bill u ša Amat-šā am bill u ša buzlangiān kámme goš kaš.

amā buzlangí ki đigárānā langár a-kurt, watí kāságā mās kurt, watí demā išt, dist ki ón gaštá, wat rā kapóte kurt, rādág büt, āt déme amé buzlangí ki e singá bi ā singá jat, árt a-kurt u wart, āt, gušt ki āi lālā buzlangí, man kāságā mās kurtá un, watí demā ištág un, ón gaštá. biyá ki brawán bi Amat-šāāiā. ā buzlangí gušt ki biyá ki brawán. ar dokén wat rā kapóte kúrtan, šútan bi Amat-šāāiā, dístan ki Amat-šāā išk-u-áška múči kirm jatá. dístan ki Čil-xarwāri am waptág int. e Čil-xarwāriā ar če ki tawár kúrtan^t, e ša watí wābā na ustát. amé dārāne ki Čil-xarwāri pa Amat-šā āwúrt-at, múčcānā bi sarāi xarmán kúrtan^t, gogírde ša čerāi játan. e Čil-xarwāri sot, ustát ša watí wābā, gušt: čé^y a-lořít ša^m man? e du buzlangí gúštan^t ki biyá ki Amat-šā murtá, āi jānénā burtág ant. Čil-xarwāri gušt ki šmā brāit, Amat-šāā jānénā paidá kanít u biyāit. e duén šútan. ša e duén bill u ša Čil-xarwāri kámme goš kaš.

во дворец царевича. Царский сын спросил старуху: «привезла или нет?» Старуха сказала: «привезла!» Жена Аамат-ша сказала: «царевич, сорок дней не трогай меня, потому что я замужняя!» Оставь теперь царского сына, оставь также Аамат-ша, а послушай немного о бузланги.

Тот бузланги, который пахал землю, налил кислого молока в чашку, поставил перед собою и увидел, что получилась кровь. Он обернулся в голубя и пустился в путь. Он приблизился к тому бузланги, который ударял один камень о другой, получал муку и ел, приблизился и сказал: «брат бузланги, я налил в чашку кислого молока и поставил перед собой, получилась кровь; давай, пойдём к Аамат-ша!» Тот бузланги сказал: «давай, пойдём!» Они оба обернулись в голубей и отправились к Аамат-ша. Там они увидели, что вокруг Аамат-ша повсюду завелись черви, увидели также, что Сорокавьющник спит. Сколько они ни кричали Сорокавьющнику, он не вставал. Тогда они сложили в кучу около головы Сорокавьющника все те дрова, которые он принес для Аамат-ша, и зажгли под ними спичку. Сорокавьющник обгорел, проснулся и сказал: «что вам от меня нужно?» Эти двое бузланги сказали: «смотри-ка, Аамат-ша мертв, а его жену похитили!» Сорокавьющник сказал: «идите, найдите жену Аамат-ша и приходите!» Они оба пошли. Оставь их обоих и послушай немножко про Сорокавьющника.

e Čil-xarwāri ustát, šut, bi čāā tā ér kapt, zāmā kašit, āwúrt, bi Amat-šāāi srená jat. Amat-šā ustát ša watí wābā, gušt: aǰáb wābe átun. ki mnā sí kurtít. Čil-xarwāri gušt ki gúǰ int tī janén? guǰá bütá? Amat-šā gušt ki agár burtá, amā pīrazāl burtá. ša Čil-xarwāri bil, ša ā du buzlangí goš kaš.

ā du buzlangí wat rā kapóte kúrt-atan, bi šārāi tā čār a-kúrtan, Amat-šāāi janénā wadí kúrtan^t. e du buzlangí šútan^t bi Čil-xarwāriāiā, go Čil-xarwāri gúštan ki ā lālā Čil-xarwāri, biyá ki Amat-šāāi janénā distág an, ta bra, biǰāri. Čil-xarwāri š-amédā rādág büt, šut bi Amat-šāā janénī^{vā}. dist ki amā janén bi gisāi tā ništág int. e Čil-xarwāri go mā gis u mis, go mā pīrazālā watí badǰā kurt, āwúrt bi Amat-šāāiā, gušt: āi lālā Amat-šā, man ki tī janénā ā^vúrtun, mnī girá yak pīrazāle kapt.

e Amat-šā ā du buzlangíyā ruxsát ku, ki šútan^t. Amat-šā bi Čil-xarwāri gušt ki āi lālā Čil-xarwāri, man a-rāin watí jindāi šārā. Čil-xarwāri gušt ki zālāre na dārit. šut, du asp āwúrt, gušt: āi lālā Amat-šā, ta ki rawāi, biyá, bra. yak áspe rā Amat-šāā janén suwār büt, yak áspe rā Amat-šāā jind suwār büt u šútant bi watí pisāi šārā. gúštant ki biyá ki Amat-šā āt.

Сорокавьючник встал, пошел к колодцу, спустился, вытащил меч, принес и надел его Ама́т-ша на пояс. Ама́т-ша пробудился от своего сна и сказал «странно! значит, я спал, раз вы меня разбудили?» Сорокавьючник сказал: «где твоя жена? куда она делась?» Ама́т-ша сказал: «если она похищена, так это та старуха похитила!» Оставь Сорокавьючника и послушай о тех двух бузланги.

Те двое бузланги обернулись в голубей, стали кружиться над городом и нашли жену Ама́т-ша. Оба бузланги отправились к Сорокавьючнику и сказали ему: «братец Сорокавьючник, смотри-ка, мы нашли жену Ама́т-ша, сходи за ней!» Сорокавьючник выступил оттуда и отправился за женой Ама́т-ша. Он увидел, что она сидит дома. Сорокавьючник взвалил ее вместе со всем домом и утварью и с той старухой к себе на спину, принес к Ама́т-ша и сказал: «братец Ама́т-ша, вот я принес твою жену! ко мне в руки попалась еще одна старуха!»

Ама́т-ша отпустил тех двух бузланги, и они ушли. Ама́т-ша сказал Сорокавьючнику: «братец Сорокавьючник, я хочу ехать в свой город!» Сорокавьючник сказал: «вреда не будет!» Он пошел, привел две лошади и сказал: «братец Ама́т-ша, раз едешь, пора ехать!» На одну лошадь села жена Ама́т-ша, а на другую сам Ама́т-ша. Они отправились в город своего отца. Там заговорили: «смотри-ка, прибыл Ама́т-ша!» Царь взял свою свиту и войско и высту-

pādšá watí urdú ḡušánā zurt u šut bi Amat-šáá demá. ān čo ki bi Amat-šā rast, pādšá āt ki demá wat rā prenīt, Amat-šá ša watí pisá wat rā demtírā prent. šútan^t bi šārāⁱ tā, apt šap u apt roč dol u sáz kúrtant, Amat-šā rā duwārág gis dátant. man āwánā amódā íštun, mnī jind jístun u átun, pa^t ta dištáre āwúrtun, pa e warná am dištáre āwúrtun, pa wat imáne āwúrtun. e padšāā urdú⁷ā múččānā bástun, préntun, mnī jind jístun u átun.

XII

būt na büt, ša mašmāġ xudā getír káse na büt. yak pādišáe at. amé pādišá dāšt yak zāge. amé pādišāāġ zāg ša du-sālagíyā bi maktab-xānā wānt bi yak tārínken gisāġ tā. yak wáxte büt, amé zāgá büt nozdá sāl. amé zāg watí dilá pígrī kurt wa gúšti: biyá ki man maróci ša amé gisá dar pkapín bi đaná. amé ki dár kapt bi đaná, sáġlī kurt, dístī tā amé gisāġ dapá yak ādénke. amé zāg šut, bi amé ādénkāyā oštát, sáġlī kurt, wat rā dístī tā man čunén speténe - un. watí dilá gúšti: bil tā mnī pis bāġit, gúđinā man go āiyā gušín ki ā pa man yak juwānén ĵiníke pāđdā pkant. š-amídinā šut. bi watí ĵāgá.

пил на встречу Ама́т-ша. Как только царь подъехал к Ама́т-ша, он хотел первым броситься с лошади, но Ама́т-ша соскочил раньше отца. Они отправились в город; семь ночей и семь дней были в барабан и пели, вторично справляли свадьбу Ама́т-ша. Я их там оставил, а сам убежал; пришел и привел тебе невесту, и этому юноше тоже привел невесту, а себе приобрел благополучие. Войско этого царя я все перевязал и бросил, а сам прибежал.

(XII. О Г а р а м - б о г а т ы р е)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был сын. Этот царевич с двухлетнего возраста обучался в школе, в темном помещении. Настала пора, и юноше исполнилось девятнадцать лет. Юноша подумал про себя и сказал: «дай-ка, я выйду сегодня из этого дома наружу!» Когда он вышел наружу, он посмотрел и увидел, что при входе в дом есть зеркало. Юноша пошел, остановился перед зеркалом, посмотрел и увидел: какой я белый! Он сказал про себя: «пусть придет мой отец, и тогда я скажу ему, чтобы он сыскал для меня пригожую девушку!» Он пошел отсюда к себе.

tārienā büt, amé zāgāi pis āti bi watí zāgäyā. amé zāg gúšti go watí pisá ki äi bābā, man ša ta loťin yak ĵinike ki mnī am-rānge bīt. amé zāgāi pis gúšti: man āncén ĵinike paďdā kurtāga na kanīn. amé zāg go watí pisá gúšti: agár ta amé đaulén mnī am-rāngen ĵinike pa man päďdā na kanāi, man š-amídā raín pa wat. amé pādišá gúšti: ta, bābā, yak wār ma ra, man a-raín, gardín bi mašmāi alkā tā, agár dístun tī am-rāngen ĵinike, gúďā man amá ĵinikā pa ta alás a-kanīn.

amé ki amé zāgāi pis rādāg büt démi watí gisá, amé ki ĵukúre šut, amé zāg rādāg büt u šut bi đaná. dístī tā amé gisāi demá yak ĵinén zāge ništagí. amé ĵinén zāg š-amódinā ustát u āt bi amé zāgäyā, go amé zāgā gúšti: äi ĵuwānén čorí, tī am-rāngen ĵinik bi amé šārāi tā náint-a wa ič kas na dārít, bi yak ĵāgāe ast. amá ĵinikóai ešk u áška mudám ĵarāul a-gardánt. agár ta amá ĵinikóā pa wat āurtāi, amá ĵinik tī am-rāngen ĵinike. amé ĵinén zāg š-amódinā šut bi watí gisá, amé zāg am šut bi watí gisá.

tārienā ki büt, amé zāgāi pis āt bi watí zāgäyā. amé zāg pursít ša watí pisá ki äi bābā, ta pa man yak ĵinike päďdā kúrtāi? amé zāgāi pis gúšti: äi bābā ĵān, man šútun, gáštun, bi amé maxlúkānī gisá, gáštun, gáštun, ič ĵinik na dístun. amé zāg gúšti: agár, bābā, ta päďdā kurtāga ná kanāi,

Наступило утро. Отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша сказал своему отцу: «я хочу от тебя девушку, которая была бы мне под стать». Отец юноши сказал: «я не могу сыскать такой девушки». Юноша сказал своему отцу: «если ты не отыщешь девушки мне под стать, я уйду отсюда». Царь сказал: «ты, сынок, сразу не уходи, я пойду и поищу в нашей округе, и если найду тебе девушку под стать, тогда я ее тебе высватаю».

Когда отец юноши отправился к себе домой и прошел немного, юноша собрался и вышел наружу. Он увидел, что перед домом сидит женщина. Эта женщина встала, подошла к юноше и сказала ему: «о пригожий юноша, в этом городе нет тебе девушки под стать, ни у кого нет, а она есть в другом месте, только вокруг этой девушки всегда ходит стража! но если ты приведешь для себя эту девушку, то эта девушка будет под стать тебе!» Эта женщина отсюда пошла к себе домой, юноша также пошел к себе домой.

Когда наступило утро, отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша спросил у отца: «батюшка, ты сыскал для меня девушку?» Отец юноши сказал: «голубчик сынок, я ходил здесь и искал по домам у жителей, искал, искал, никакой девушки не нашел!» Юноша сказал: «если, батюшка, ты не можешь оты-

man š-amé tī šārā raín. amé pādišā gúštī: āi bābā, ta ki rawāi, bra, ā ta u ā tī rā. amé zāg digār iči na gúštī, š-amódinā ustát u šut bi yak jāgāe.

yak sāi róči digār būt. amé pādišā go amé watí salātán gúštī: šmā bráit pa mnī zāgāi padā ki agār amé mnī zāg braut bi amé kápéren Garám-bātúrāiyā, amé Garám-bātúr mnī zāgā bgíndit, gúđinā amé Garám-bātúr mnī zāgā kušít. šmā rā man mardúme yak asp a-daín, šmā demtírā bráit bi Garám-bātúrāiyā, amódinā mníndit. agār mnī zāgā dístit u biyárit, agār na dístit, gúđinā šmāi jind padoi biyáit. amé salát gúštant: nápa bāz juwán int. watí aspánā lagām kúrtant, zen u sanj kúrtant u watí zāmānā wa watí tūpákānā zúrtant, bi watí bađá kúrtant. š-amódinā šútant, bi amé Garám-bātúrāiyā šútant, dístant tā Garám-batur ídinā bi watí jāgā náint-a. amé salát amódinā ér kurtant, watí aspánā gíptant, amódinā bástant, yak jāgāe nístant, pa wat čā još dátant wa amédinā nístant, dédi amédinā čā wártant.

yak wār amé Garám-bātúr, ta bzánāi, amé salát čilím am kašánt, amé Garám-bātúr amešāni čilímāi boá kuškínt, wat š-amódinā rástám a-kāit bi amé salātāniyā. amé ki átī, amé watí ģurzā gipt, amāngūr prent u wat átī, go wat gúštī: agār man amé watí ģurzā go wat barín, amā salát amé mnī ģurzāi boá kuškinánt. gúđinā amé watí ģurzā gít, amāngūr a-prenít

скать, я уйду из твоего города!» Царь сказал: «раз ты уходишь, сынок, иди! вот тебе дорога!» Юноша больше ничего не сказал, встал и пошел отсюда в другое место.

Прошло дня три. Этот царь сказал своим воинам: «отправляйтесь вслед за моим сыном, потому что, если мой сын пойдет к этому нечестивому Гарам-богатырю и Гарам-богатырь увидит моего сына, тогда он убьет моего сына. Я дам вам каждому по лошади, и вы поезжайте вперед к Гарам-богатырю и там оставайтесь. Если найдете моего сына, приведите, если не найдете, тогда возвращайтесь сами». Воины сказали: «очень хорошо», взнуздали своих лошадей, оседлали и снарядили их, взяли свои мечи и закинули ружья себе за спину. Они отправились отсюда, направились к Гарам-богатырю и увидели, что Гарам-богатыря у себя нет. Воины здесь спешили, взяли и привязали своих лошадей, а сами расположились в одном месте, вскипятили себе чай и сидели здесь, попивая чай.

Вдруг Гарам-богатырь, — а нужно знать, что воины курили табак, — слышит запах их кальяна, и прямо направляется к этим воинам. Когда он подходил, он взял свою палицу и бросил ее в сторону, а сам подошел; он сказал себе: «если я понесу с собой палицу, воины услышат запах моей палицы». Поэтому он берет

u wát a-kāit pádā bi amé salātānīyā. amé ki átī amé salātānī nazikā, amé salāt trusítant. yak wār amé Garám-bātúr tawārī kurt ki ma trusít, man šmā rā íčiyā na kanín. amé salāt na jístant. amé Garám-bātúr š-amángūr ki átī, lagít, bi amé čilímānī sarā kapt. amé ki amé Garám-bātúri sar démi amé čilímānīyā büt, amé salāt watí zāmāna zúrtant, arkát kúrtant pa amé Garám-bātúri jānā. Garám-bātúri sar bi čilímā jāl at. yak wār amé salāt gírdī amé watí zāmānā šiwág kúrtant bi amé Garám-bātúri sarā. amé Garám-bātúrá čist go zāmā ťukúr-ťukúri kúrtant, amé gardínāi tāngát na murt at.

yak wār, ta bzānāi, ša gujāngūr amé pādišāai zāg kāit. amé ki átī, tāngát amé Garám-bātúr, ta bzānāi, na murtagí, tāngát zindág int-a. amé pādišāai zāg go amé watí pisāi salātān gúštī: šmā amé Garám-bātúrá bá ná kanit ki man ša šmā zinín, pa ar čínka ki šmā bdáit, man ša šmā zinín. amé salāt go wat gúštant: agár amā amé Garám-bātúrá go wat barán, amé pādišā mašmā rā albatán yak bārikalāe dant, digár íčiya na gušít. biyá ki mašmā amé Garám-bātúrá bi amé zāgā bdáyan. amé salāt go amé zāgā gúštant: ta amā rā mardúme sad řarān zar bidāi, gúđinā amā amé Garám-bātúrá bi ta dayán. amé zāg watí dastā burt bi watí kitóā, zarānā dārī kurt, amé salātānā mardúme sad řarān zar dātī. amé salāt amé

свою палицу и бросает ее в сторону, а сам подходит опять к воинам. Когда он приблизился к воинам, они испугались. Тотчас Гарам-богатырь закричал: «не бойтесь, я вам ничего не сделаю». Воины не убежали. Когда Гарам-богатырь подошел, он сразу припал к кальяну. Как только голова Гарам-богатыря склонилась к кальяну, воины схватили свои мечи и двинулись на Гарам-богатыря. Голова Гарам-богатыря была опущена к кальяну. Сразу все воины замахнулись своими мечами на Гарам-богатыря. Прямо на части изрубилл мечами Гарам-богатыря, только еще шея его не была мертва!

Вдруг, нужно знать, откуда-то подходит тот царевич. Когда он подошел, Гарам-богатырь, нужно знать, еще не умер, еще был жив. Этот царевич сказал воинам своего отца: «вы не продадите этого Гарам-богатыря, чтобы я его мог у вас купить? за сколько вы его ни отдадите, я его у вас выкуплю!» Воины сказали друг другу: «если мы повезем с собой этого Гарам-богатыря, конечно, царь скажет нам только спасибо! и больше ничего; давай-ка, отдадим этому парню Гарам-богатыря!» Воины сказали юноше: «дай нам каждому по сто кранов денег, и тогда мы отдадим тебе Гарам-богатыря!» Юноша опустил свою руку в карман, вынул деньги и дал каждому из воинов по сто кранов. Воины

zarāṇā zúrtaṅt, amé watí aspānā suwár bŭtant u šútant bi pādišāāi gisā. ódinā ki šútant, pādišā ša ešān pursít ki šmā mnī zāgá na dístit? amé salát ĵawáb dátant ki amá tī zāgá na dístan. š-āwán bil u ša Garám - bātúr u ša amé zāgá goš pkaš.

amé zāg amé Garám - bātúrā burt bi duxtŭrāiā, amé Garám - bātúrā zabr drŭā kant. amé ki Garám - bātúr ša awálā getír drŭā bŭt, go amé zāgá gŭštī: biyā ki man u ta dast bi pisí u zāgí bdáyan. amé Garám - bātúr u amé zāg dast bi pisí u zāgí dátant, amé Garám - bātúr amé zāgāi pis bŭtī, amé zāg Garám - bātŭrī zāg bŭtī.

š-amódinā átant bi yak ĵāgāe. yak wār Garám - bātúr go amé zāgá gŭštī: āi bābā, mnī ĵurz bi plānā watānā ast, man tānāxten rāin, amé watí ĵŭrzā kārín, ta tānāxten amídinā bošt, man anŭn a-kāin. šŭtī pa watí ĵŭrzāi padā. du daĵīyā na gwast, zāg dist tā mnī pis átī.

š-amódinā šŭtant bi yak ĵāgāe. amé zāg go amé watí pisā gŭštī: āi bābā Garám - bātúr, mān dáštun yak píse. amé mnī pis mnā ša du-sālagíyā bi maktáb - xānā nādéntī, bi yak tārínken gisā tā ki mardŭm wat rā pa šaríyā na dist. yak čunt waxt gwast, yak róče man šŭtun bi đaná, dístun tā amé gisāi dapā yak ādénke ér int - a. man šŭtun bi amá ādénkāyā, wat rā sāiĵ kŭrtun, dístun: pŭk! xānāi xaráb bit! man čunén speténe un.

взяли деньги, сели на своих лошадей и поехали в царский дом. Когда они туда прибыли, царь спросил их: «вы не нашли моего сына?» Воины ответили: «мы твоего сына не нашли». Оставь их и послушай о Гарам-богатыре и об этом юноше.

Юноша повел Гарам-богатыря к врачу; он хорошо вылечивает Гарам-богатыря. Когда Гарам-богатырь стал здоровее прежнего, он сказал юноше: «давай, подадим друг другу руки и будем отцом и сыном!» Гарам-богатырь и юноша дали друг другу руки, чтобы стать отцом и сыном. Гарам-богатырь сделался отцом юноши, а юноша сыном Гарам-богатыря.

Отсюда они пошли в одно место. Вдруг Гарам-богатырь сказал юноше: «моя палица в такой-то стране! я пока схожу и принесу свою палицу, а ты пока побудь здесь, я сейчас приду!» Он пошел за своей палицей, и двух минут еще не прошло, как юноша увидел: вот пришел мой отец!

Они пошли отсюда в одно место. Юноша сказал этому своему отцу: «батюшка Гарам-богатырь, у меня ведь был отец! Этот мой отец поместил меня с двухлетнего возраста в школу, в такое темное помещение, что человек себя хорошо не мог видеть. Прошло несколько времени; однажды я вышел наружу и увидел, что у входа в дом лежит зеркало. Я пошел к тому зеркалу, посмотрел на себя, увидел: „тфу, пропасть! какой я белый!“

amédinā ništ-atun, dístun tā š-amíngūr yak ĵinén zāge mnā tawār a-kánt ki ta bošt, man go ta yak abáre dārín. man oštátun. amé ĵinén zāg go man gúšti: tī am-rángen ĵiník ídinā náĵint-a, bi e tī pisáĵi šār u kalátā, bi yak ĵāgāe ast, ámmā bi amāī ĵiníkāĵi ešk-ŭ-áškā mudám pajrá a-gardánt. amā ĵinikó am bi yak sundúxā tā int. ta bra, go watí pisá bguš ki amā ĵiníkā pa ta agár alásī kurt, kurt, digá tī am-rángen ĵiník náĵint-a. man go amé ĵinén zāgá gúštun: anūn ta bra, ki anūn mnī pis a-kāĵit. yak sáte digár būti, dístun tā eš int, mnī pis átī. man go watí pisá gúštun: āĵi bābā, ta yak káre pkan ki maróĉi bra bi watí gisá, pa man yak ĵwānén mnī am-rángen ĵinike paidá pkan. mnī pis š-amódinā šut bi watí gisá, du róĉi digár büt, amé mnī pis átī bi mníyā, go man gúšti: man šútun, bi gisán gáštun, tī am-rángen ĵinike na dístun. man go watí pisá gúštun ki man a-raín pa wat. amé mnī pis gúšti: nápa bāz ĵuwán int-a, bābā, ta ki rawáĵi, bra. man íĉi na gúštun, šútun, améš int-a, bi tíyā átun. anūn agár ta amā ĵiníkā pa man paidá pkánāĵi u biyárāĵi! amé Garám-bātúr gúšti: āĵi bābā, ā ĵiník bi mnī dastá int-a, ta pa améš ĵusá wartág-āĵi? brawán!

amé Garám-bātúr u amé zāg šútant, bi yak ĵāgāe dístant tā amídinā sāĵi gwandáken gidanúk ant buzlangiāĵi. amé zāg u amé Garám-bātúr átant

Я посидел здесь и увидел, что отсюда меня зовет какая-то женщина: подожди, мол, я хочу тебе словечко сказать! Я остался, и женщина мне сказала: „здесь, в этом городе твоего отца, нет девушки тебе под пару, а есть в другом месте; только вокруг этой девушки всегда ходит стража, и сама та девушка находится в ящике; иди и скажи своему отцу, что если удастся ему просватать для тебя эту девушку, так хорошо, а иначе нет девушки тебе под пару!“ Я сказал этой женщине: „ты теперь уходи, потому что придет мой отец!“ Прошло немного времени, и я увидел, что мой отец пришел. Я сказал своему отцу: „батюшка, ты уж как-нибудь постарайся! сходи сегодня домой и подыщи мне под пару хорошую девушку“. Мой отец пошел домой; прошло еще два дня, и мой отец пришел ко мне и сказал мне: „я ходил-ходил по домам, но не нашел девушки тебе под пару“. Я сказал своему отцу, что я уйду. Мой отец сказал: „очень хорошо, сынок! раз уходишь, иди!“ Я ничего не сказал, пошел, и вот, пришел к тебе! О если бы ты теперь сыскал и привел мне ту девушку!“ Гарам-богатырь сказал: «та девушка, сынок, в моих руках! значит, ты по ней тоскуешь! пойдём!»

Гарам-богатырь и юноша пошли и увидели в одном месте, что там три маленьких шатра бузланги. Юноша и Гарам-богатырь подошли поближе

bi amé gisánī nazíkā. yak wār ki amé gisánī puštá átant, dístant tā amídinā yak pīra-zále ništagi. amé Garám-bātúr amé ki bi amé pīra-zálāi pānādā átī, gúšti: salám aláik. amé pīra-zál gúšti: aláik-u salám. amé ki Garám-bātúr u amé zāg āngūrī šutant, yak wār amé pīra-zál go wat gušt: agár amešī salám ma bútin, man ešī rā yak lunkáe kúrtun! yak wār amé Garám-bātúr uškítī wa bir gáštī u átī padá, go amé pīra-zálā gúšti: man Garám-bātúr baín, ta mnā āncén abáre bdáyāi! amé watī ɣurzā zurt, jat bi amé pīra-zálāi sarágā. amé pīra-zál múrtī wa wat š-amídinā sútant bi amé gisánīyā, pa wat nān zítant u wártant u š-amódinā šútant bi yak jāgáe, amá juwānén jiníkāi pisāi šārāi pānādā, bi dūrā šútant, dístant tā roč níšti. amé Garám-bātúr go amé zāgā gúšti: anún ta amídinā mnind, ša amé tāgazán bzūr u bún bdāi, amé watī ātīšā na ki pkúšāi, mudám dār bāz bír bdáyāi. agár ta watī ātīšā pkúšāi, amé buzlangí kāyánt, trā kušánt. amé zāg gúšti: nápa bāz juwān int-a.

amé Garám-bātúr š-amódinā šútī amé jiníkāi pisāi šārāi pānādā, dístī tā ič kas ídinā nájnt-a. amé Garám-bātúr šut bi amé jinikóāi gisā, dístī tā á int-a jinikó, ódinā bi yak sundúxāi tā ništagi. amé Garám-bātúr šut, amé jinikóā go amé sundúxā zurt, bi watī bađá kúrtī u š-amódinā ki rādág büt, šútī, amé ki ša gisā dar kapt u bi đaná šut, yak wār amé

к этим домам. Когда они подошли сзади к этим домам, они увидели, что там сидит старуха. Когда они подошли к этой старухе, Гарам-богатырь сказал: «мир тебе!» Старуха сказала: «и тебе мир!» Когда Гарам-богатырь и юноша прошли мимо, вдруг старуха сказала сама себе: «если бы не было его приветствия, я бы его разом проглотила!» Гарам-богатырь услышал, тотчас повернулся, подошел обратно и сказал старухе: «я Гарам-богатырь, а ты мне говоришь такие слова!» Он схватил свою палицу и ударил старуху по голове; старуха умерла. Они пошли в те дома, взяли себе хлеба, поели и оттуда пошли в другое место. Они подошли к дальним окраинам города отца той пригожей девушки и увидели, что солнце село. Гарам-богатырь сказал юноше: «посиди теперь здесь, только набери хворосту, зажги и не давай потухнуть твоему огню, а все время подкладывай побольше дров: если ты упустишь свой огонь, придут бузланги и тебя убьют». Юноша сказал: «очень хорошо».

Гарам-богатырь пошел отсюда к городу той девушки и увидел, что там никого нет. Гарам-богатырь пошел к дому этой девушки и увидел, что вот она, девушка! сидит там в ящичке! Гарам-богатырь пошел, взял девушку с ее ящичком, взвалил себе на спину и пошел. Когда он пошел оттуда, вышел уже из

ĵinikóāĵ pajrá amé Garám-bātúrā distant. yak wār tawār kúrtant ki āĵ bošt! amé Garám-bātúr íĉi na gúštĭ u šútĭ. amé pajrá am ša amé Garám-bātúr trusítant, iĉ kas bi amé Garám-bātúrāĵā átág na kúrtant.

amé Garám-bātúr amé ĵinikóā āúrtĭ bi zágāĵyā. amé zāg amé sundúxāĵ dapā páĉĭ kurt, yak wār amé ĵinikó yak ĉapóĉe ĵat bi amé zāgāĵ demāĵ gwará, amé zāg grétĭ. amé Garám-bātúr amé watĭ ĵurzā zúrtĭ ki amé zāgā dit. yak wār bi watĭ ošā kapt wa gúštĭ: agár tĭ am-awálāĵ nekĭ ma bútin ki ta pa man kúrt-atāĵ, anún man trā go yak ĵurzā kúštun, pa ĉe ki ta ša yak ĵinikóā ĉapóĉā grewāĵ. amé Garám-bātúr amé watĭ ĵurzā zúrtĭ, ĵat bi amé sundúxā; yak wār amé sundúx palk-palk bŭt. amé ĵinikó š-amóĉinā ustát u oštát. amé zāg šut, amé ĵinikóāĵ dastā gipt u āúrt, bi watĭ pānādā nādéntĭ.

amé šapénā amidā wáptant, tārĭenā ki roĉ búti, amé Garám-bātúr u amé zāg u amé ĵinikó š-amóĉinā átant bi yak ĵāgāe, distant tā améĉinā yak šāre. améš šútant bi amé šārāĵyā, distant tā bi amé šārāĵ tā iĉ kas náĵnt-a. amé Garám-bātúr amešānā zurt u burt bi amé šārāĵ tā, óĉinā amešānā bi yak gisé tā kúrtĭ wa amé gisāĵ dapā ĵŭlpĭ kúrtĭ wa wat š-amóĉinā šútĭ pa šĭkārā, šĭkārĭ kúrtĭ u āúrtĭ, bi amešān dātĭ. yak ĉunt waxt bŭt, pa duwārág amé Garám-bātúr šut pa šĭkārā. amé ki Garám-

дому и пошел наружу, вдруг стража этой девушки увидела Гарам-богатыря. Они тотчас закричали: «стой!» Гарам-богатырь ничего не говорил и шел. Стража испугалась Гарам-богатыря, и никто не мог подойти к Гарам-богатырю.

Гарам-богатырь принес эту девушку к юноше. Юноша открыл ящик, как вдруг девушка дала ему пощечину. Юноша заплакал. Гарам-богатырь схватился за свою палицу, чтобы ударить юношу, но тотчас опомнился и сказал: «если бы не было твоего первоначального добра, которое ты для меня сделал, я бы теперь убил тебя одним ударом палицы, потому что ты плачешь от одной пощечины девушки!» Гарам-богатырь взял свою палицу и ударил по ящику; ящик сразу разбился в дребезги. Девушка поднялась оттуда и стала. Юноша пошел, взял девушку за руки, привел и посадил рядом с собой.

Эту ночь они здесь переночевали, а на утро, когда наступил день, Гарам-богатырь, юноша и девушка пришли оттуда в одно место и увидели там город. Они пошли к этому городу и увидели, что в городе никого нет. Гарам-богатырь взял их и отвел в этот город; поместил их в один дом и запер на замок дверь этого дома. Сам он пошел на охоту; поохотился, принес добычу и отдал им. Прошло несколько времени, и Гарам-богатырь вторично отпра-

bātúr rādág büt u šut, yak wār amé zāg u amé ĵinikó go wat gúštant ki amé Garám-bātúr mašmá rá pa če náilit ki mašmá brawán bi đaná, biyá ki mašmá maróci dár pkapan bi đaná. amé ki bi đaná šútant, dístant tā amédā bi yak gisá dapá ĵik ast u amá ĵikáni sará du leđá bastagí u dédi go wat ĵáng a-kanánt. amé zāg u amé ĵinikó átant pa amé dukén leđānī sājlá. amé ki bi amé dukén leđāniyā sar bütant, yak wār amé dukén leđá ĵukítant, yak wār amé zāg u amé ĵinikó pursítant ki áxti šmā ĵáng a-kúrtit, anún pa če oštátit u ĵukítit? amé dukén leđá gúštant: ša šmā yáke bāit, bi mnī sará suwār bīt, yáke braut bi aī sará suwār bīt, gúđinā ammá zabr ĵáng a-kanán. amé ĵinik u amé zāg go wat abár dátant, gúštant: biyá ki suwār bayán. amé leđānā suwār bütant. yak wār amé leđá bál kúrtant, amé zāgá bál áurtant, ĵátant bi amé ĵikáni sará u amé ĵinikóā go wat búrtant.

yak du sáte digár büt, yak wār Garám-bātúr át, dísti tā alá! ā zāgá sājl pkan ki bi ā ĵikáni tā kaptagí. áti, amé zāgá ša amé ĵikáni tā dár kúrti, búrti, bi đaná íšti. amé zāgá ĵānā ĵikānā kašiti, amé zāgá pursiti ki ta pa če bi e ĵikáni tā kaptág-ai? amé zāg gúšti: biyá ki amá e dol ša gisá dár káptan u átan bi đaná, dístan tā amídinā yak du leđá ĵáng

вился на охоту. Когда Гарам-богатырь собрался и пошел, юноша и девушка тотчас сказали друг другу: «почему это Гарам-богатырь не позволяет нам выйти наружу? давай, выйдем сегодня наружу!» Когда они вышли наружу, они увидели при входе в один дом кусты колючки, и около них на привязи два верблюда дерутся друг с другом. Юноша и девушка подошли посмотреть на этих двух верблюдов. Как только они дошли до этих верблюдов, те вдруг улеглись. Юноша и девушка тотчас спросили: «вы давеча дрались, почему же теперь остановились и улеглись?» Оба верблюда сказали: «пусть один из вас подойдет и сядет на меня, а другой пусть пойдет и сядет на него, и тогда мы хорошенько подеремся!» Девушка и юноша поговорили друг с другом, сказали: «давай, сядем верхом!» и сели на верблюдов. Эти верблюды сразу взлетели, подняли юношу и сбросили на колючку, а девушку унесли с собой.

Прошел еще час-другой. Гарам-богатырь пришел и увидел: ах! посмотрела на этого юношу! как он лежит в колючке! Он подошел, вынул юношу из колючки, отнес его и положил снаружи. Потом он вытащил колючки из тела юноши и спросил его: «почему ты упал в эту колючку?» Юноша сказал: «вот мы так-то вышли из дому и пошли наружу, увидели, что здесь дерутся два

a-kanánt. yak wār amā átan. amé dukén leđá jukít-atant. amā go amé dukén leđán gúštan ki šmā áxtī dédi jáng a-kúrtit, amé ki amā átan, šmā oštátit u jukítit. amé dukén leđá gúštant ki amā pa ešá jukítan ki šmā biyáit bi ammāi sará suwār bāit, gúđinā amā zabr jáng a-kanán. amā suwār bútan. yak wār amé dukén leđá bál kúrtant, mnā ša awá játant bi đigárā u ĵinikóā búrtant. amé Gará-bātúr bi amé zāgāi jānā dārū múštī u wat š-amídinā šut bi amé dukén leđānī padā.

šut bi yak jāgāe, dístī: āmení amídinā yak gíse ast. amé gisāi dapā yak mazanen láxe ast. amé Garám-bātúr amé laxā zúrtī, áškā íštī, dístī tā amé nī ĵinikó bi amé gisāi tā ništagí. amé Garám-bātúr íči na gúštī, amé đaul amé ĵinikóā gúštī: ar waxt ki tī mard átant, ta yak wār bguš ki šmāi napás bi čéwāi dastā int? ā awálā pa tī jānā ĵār a-kanánt, gúđinā ta bgre, gúđinā ā wát a-gušánt ki jāni man, imāni man, amāi napás bi čéwāi dastā int, gúđā ā wát a-gušánt. man amídinā srapín, ta bguš go watí mardán, na ki ptrúsāi. man amédinā nindín bi šmāi gisāi pallā. amé ĵinikó gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a. amé Garám-bātúr šútī, bi amé gisāi pānādā čer káptī. yak katráe digár būt, amé ĵinikóāi mard átant bi gisā. yak sáte digár būt, amé ĵinikó go amé watí mardán gúštī: šmāi napás bi čéwāi dastā int?

верблюда, и тотчас подошли, а эти два верблюда улеглись; мы сказали этим двум верблюдам: „давеча вы дрались, а когда мы подошли, вы остановились и легли!“ оба верблюда сказали: „мы для того легли, чтобы вы подошли и сели на нас, и тогда мы хорошенько подеремся!“ мы сели верхом, и вдруг оба верблюда взлетели, сбросили меня с воздуха на землю, а девушку унесли». Гарам-богатырь помазал тело юноши лекарством, а сам отправился отсюда вслед за верблюдами.

Он пошел в одно место и увидел, что вот здесь есть дом, и при входе в дом лежит большая каменная глыба. Гарам-богатырь взял эту глыбу, отложил в сторону и увидел, что вот она, моя девушка! сидит себе в этом доме! Гарам-богатырь ничего больше не сказал, только так сказал этой девушке: «как только придут твои мужья, ты вдруг скажи: „в чьих руках находится ваша душа?“ они сначала на тебя рассердятся, тогда ты заплачь, и тогда они сами скажут: „душа моя, упование мое, наша душа вот в чьих руках!“ они сами скажут! я спрячусь здесь, и ты говори со своими мужьями, не бойся! я буду сидеть здесь около вашего дома». Девушка сказала: «очень хорошо». Гарам-богатырь пошел и спрятался около этого дома. Немного погодя, мужья девушки: пришли домой. Прошел час-другой, и девушка сказала своим мужьям: «в чьих

yak wār amé dukén buzlangí γár kurtant pa amé ĵinikóāi jānā. yak sáte digár bŭt, amé buzlangí gúštant: āi ĵáni man, imáni man, amái napás du čučág ant u amá čučág bi du šišágānī tā ant u amá sīšág bi yak sundŭxāi tā ant-a u amá šundŭx bi apt daryábāi māñjīnā int-a.

amé Garám-bātúr š-amódinā ustát u šut, bi amé apt daryábāi māñjīnā wat rā prent u sundŭxā kašitī u bi đaná íštī u šut, watí pučānā watí gwará kŭrtī u amé sundŭxāi dapá páči kŭrtī u amé dukén šišágānī dapá páči kŭrtī u amé dukén čučágāna ša amé šišágānī tā dár kŭrtī u ā pānādā búrtī, amé ar duén čučágānī guṭá gipt ki pkúšit. amé ki guṭáiš gipt, dístī tā áw-ant buzlangí dédiy a-kāyánt. amé ki átant, yak wār bi amé Garám-bātúri dast u pādán wat rā préntant, gúštant: amá tī gulám a-bayán, amé amái napásā ma gir. Garám-bātúr gúštī: nápa bāz juwán int-a, man šmā rā na kušín. amešānā zurt u burt bi amešānī gisá. ódinā ki burt, amé ĵinikā gúštī: anŭn biyá ki mašmá brawán. amé ĵinikó pa gāl-u-bal watí jwānén pučānā bi watí gwarāi kurt u gúštī: brawán. amé Garám-bātúr amé ĵinikóā u amé buzlangíyānā zurt u āurtī bi amé zágāiyā. ídinā āurtī, sáilī kŭrtī, dístī tā amé zág ša awálā getír joḍ būtagí. amé Garám-bātúr gúštī: āi bābā, anŭn ā ta u ā tī ĵinén u ā am tī gulám ki man pa ta āurtun. ĵinikó šut go watí awálāi mardá. amé Garám-bātúr

руках находится ваша душа?» Сразу оба бузланги рассердились на девушку. Прошел час-другой, и бузланги сказали: «душа моя, упование мое, наша душа, это — два птенчика, и эти птенчики находятся в двух склянках, а эти склянки — в сундуке, а тот сундук — меж семи рек».

Гарам-богатырь встал, пошел оттуда, перебросил себя в середину этих семи рек, вытащил сундук и поставил его снаружи. Потом он пошел, надел свою одежду, открыл сундук, открыл обе склянки, вынул из этих склянок обоих птенчиков, отнес их в сторону и схватил за шею обоих птенчиков, чтобы убить их. Как только схватил их за шею, он увидел, что вот они, бузланги! подходят! Как только они подошли, они сразу бросились к рукам и ногам Гарам-богатыря и сказали: «мы будем твоими рабами, не бери только нашу душу!» Гарам-богатырь сказал: «ну, хорошо, я вас не убью». Он взял их и повел в их собственный дом. Когда он отвел их туда, он сказал девушке: «теперь, давай, пойдем!» Девушка с радостью и весельем надела на себя свою хорошую одежду и сказала: «пойдем!» Гарам-богатырь взял девушку и бузланги и повел к юноше. Он привел их туда, посмотрел и увидел, что юноша поздоровел лучше прежнего. Гарам-богатырь сказал: «ну, сынок, вот тебе твоя жена, и вот тебе твои рабы, которых я привел к тебе!» Девушка пошла

go amé zāgá gúšti: äi bābā, biyá ki mašmá blađán u brawán bi tī pisáĭ šārāiyā.

š-amédinā lađítant u šútant bi watí pisáĭ šārāĭ pānādā. yak wār ameshānā šap gipt. amé amidinā ér kurtant, amé šapénā amédinā wáptant. tārīenā ki roč bŭtī, ameshānā yak mardúme gindít, amé pādišāāĭ zāgá drúst a-kánt, amé ĵinikóā am drúst a-kánt, zānt ki amé amá ĵwānén ĵiník int. amé mardúm a-rāut bi pādišāāĭ gisá, go pādišá gušít, ki tī zág ātagí, bi plāná ĵāgá ātág-ant u waptág-ant. amé pādišá aĭrān mántī u go amé watí gulāmā gúšti ki ta amé aspáĭ zenāĭ sará bgir u dārú muš bi amé aspáĭ zenāĭ sará, bar u wat suwár ma bāĭ. ódinā ki búrtāĭ, amá mnī zāgá bguš ki trā tī pis guštagí: amé aspá suwár bāĭ u biyá. amé gulām amé aspá zurt u burt bi zāgāiyā, gúšti: e aspá tī pis pa tī padá dem dātagí, ta biyá ki mašmá brawán. amé Garám-bātúr go amé gulāmā gúšti: ta awálā amé aspá suwár bāĭ, gúđinā ā suwár a-bít. amé gulām gúšti: man agár amé aspá suwár baín, pādišá gúđinā mnā kušít, pa če ki e aspá ā pa watí zāgāĭ padá dem dātagí u man ič-waxt suwár bŭtāga na kanín. yak wār amé Garám-bātúr ĵārī kúrtī u gúšti: man trā gušín, ta suwár bāĭ, ta suwár bāĭ, tī pādišá drógī guštagí. amé gulām iči na gúšti u amé aspá suwár bŭtī. amé ki amé aspá suwár bŭtī, yak wār bun gíptī. Garám-bātúr iči na gúšti.

со своим прежним мужем. Гарам-богатырь сказал юноше: «давай, снарядимся и отправимся в город твоего отца!»

Они снарядились и отправились отсюда к городу своего отца. Однажды их застигла ночь. Они остановились и эту ночь переночевали здесь. На утро, когда наступил день, их видит один человек. Он узнает царевича, узнает также эту девушку и понимает, что это — та красивая девушка. Этот человек идет к царю в дом и говорит царю: «прибыл твой сын! они прибыли в такое-то место и заночевали». Царь изумился и сказал своему рабу: «возьми седло этой лошади и поверхность этого седла помажь снадобьем, и отвези его, но сам верхом не садись! а когда туда отвезешь, скажи моему сыну, что, тебе, мол, твой отец сказал: „садись на эту лошадь и приезжай!“» Раб взял эту лошадь, отвел к юноше и сказал ему: «твой отец прислал за тобой эту лошадь, давай, поедем!» Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты садись на эту лошадь, а потом сядет и он!» Раб сказал: «если я сяду на эту лошадь, царь меня убьет, потому что эту лошадь он послал за своим сыном, и я никак не могу сесть на нее». Гарам-богатырь сразу разгневался и сказал: «раз я говорю тебе: „садись верхом“, значит, садись верхом! твой царь сказал неправду!» Раб ничего не сказал и сел на эту лошадь. Лишь только он сел на эту лошадь, он сразу сгорел. Гарам-богатырь ничего не сказал.

tāriēnā būt, amé pādišá bi watí digá gulámā gúšti: ta maróči nān jod pkan u bar ódinā bi mnī gisá u š-amá dārúān ki mardúm a-kušánt, š-amāwān bgir, bi nānānī tā pren. amé nānānā |bzūr u bar ódinā bi mnī zāgāiyā, bguš ki e nānānā tī pis pa ta dem dātagí, ta amé nānānā bor. amé gulám nān jōdī kurt u burt bi pādišāāi gisá, š-amá dārúān ki mardúm a-kušánt, š-amāwān yak ašt čánkāi kasá zurt u ret bi amé nānānī tā u amé nānānā zurt u burt bi zāgāiyā, gúšti: e nānānā tī pis u tī mātó pa ta dem dātág ant, šmā amé nānānā bórit. yak wār amé Garám-bātúr go amé gulámā gúšti: ta awálā amé nānānā bor, gúđinā amá waran. amé gulám gúšti: man agár e nānānā borīn, gúđinā pādišá mnā kušít. amé Garám-bātúr pa amé gulámāi jānā γārī kúrtī, gúšti: man trā gušín: awálā ta bor, agár ta na warāi, trā man yak γúrze bár a-kanín. amé gulám amé nānānā wártī. amé ki awalien lunká bi dapāi kúrtī, yak wār múrtī.

karār amé zāgāi pis dístī tā e dáula na bīt, magár go ešī jang pkanín, digár daul ič na bīt. amé pādišá amé watí jārčínā gúšti: ta maróči bra, bi amá burzāgāi sará bošt u amé maxlúkānā jār bjan ki bāndā múči wat rā jod pkánit ki jāng a-bīt. tāriēnā būt, amé maxlúk girdī yak jā bútant u átant. šútant pa amé zāgāi u Garám-bātúri jāngá. amé ki Garám-bātúr ešānā

Наступило утро. Царь сказал своему другому рабу: «приготовь сегодня хлеб и снеси ко мне домой! возьми тех снадобий, которые убивают человека, и положи в хлеб! а эти хлебы возьми и отнеси туда моему сыну и скажи, что эти хлебы, дескать, тебе послал твой отец, и ты их откушай!» Этот раб приготовил хлеб, отнес его к царю домой и взял горстей восемь тех снадобий, которые убивают человека, и насыпал в хлеб. Он взял этот хлеб, отнес юноше и сказал: «этот хлеб послали тебе твой отец и твоя мачеха, отдайте этого хлеба!» Тотчас Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты поешь этого хлеба, а потом и мы будем есть». Раб сказал: «если я поем этого хлеба, потом меня царь убьет!» Гарам-богатырь разгневался на этого раба и сказал: «я говорю тебе, сначала ешь ты! если ты не будешь есть, я тебя сделаю добычей одного удара палицы!» Раб стал есть этот хлеб, и как только он положил первый кусок в рот, он сразу умер.

Итак, отец этого юноши увидел, что эти способы не удаются; остается только воевать с ним, иначе ничего не выходит. Царь сказал своему глашатаю: «сегодня иди, стань на этом возвышении и объяви народу: „завтра все приготовьтесь, потому что будет война!“» Наступило утро. Весь народ собрался и пришел, и они пошли на войну с этим юношей и Гарам-богатырем. Когда Гарам-богатырь их увидел, он тотчас сказал обоим своим бузланги:

đístī, yak wār go amé dukén buzlangíyān gúštī: anūn šmāi wār int-a, šmā agār amešānā bi yak daγīγá íštī, gúđinā man šmā rā kušín. amé buzlangí gúštant: amá wat gušnág an, maróčī amá ešānā kilán? amé ki amé pādišāāi maxlúk ātant pa jāngá, yak wār amé dukén buzlangí gál kúrtant ki pa mā nān ātág ant. yak wār amé buzlangí šútant, bi amešānī demá lagítant, amé pādišāāi maxlúkānā gírdānā wártant, gírdānā alás kúrtant u amé pādišāāi jindá gíptant u āúrtant bi Garám-bātúrāiyā. amé ki Garám-bātúr amé pādišā dístī, go amé buzlangíyān gúštī: ma yáritī, amāngūr pkúšitī. amé buzlangí amé pādišā búrtant u kúštant. Garám-bātúr u amé zāg šútant, bi šārāi tā čār kúrtant, dístant tā ič kas bi šārāi tā náint-a. š-amódinā pādā ātant, amé jinikóā zúrtant u búrtant, buzlangíyānā ruxsát kúrtant ki šútant. ātant bi šārā. karār pādišā Garám-bātúr büt u wazíl zāg büt.

XIII

büt na büt, ša mašmāi xudá getír káse na büt. yak pādišāe at. e pādišā dāšt šaš zāg. yak róče büt, amé pādišā watí čār zāgá gísī dāt wa dúi digārā gísī na dāt. amé duén zāgī go wat gúštant ki mašmāi pis mašmā rā gísa na dant, biyá ki mašmā brawán bi yak jāgāe ki amé mašmāi pis mašmā rā

«теперь ваш черед! если вы оставите их на одну минуту, я вас тогда убью!» Бузланги сказали: «сами мы голодны! как можем мы их сегодня оставить?» Когда подданные царя подступили, чтобы сразиться, тотчас оба бузланги обрадовались: для нас, мол, хлеб пришел! Бузланги тотчас подошли к ним и поели всех царских подданных, всех прикончили, а самого царя схватили и привели к Гарам-богатырю. Как только Гарам-богатырь увидел царя, он сказал этим бузланги: «не приводите его, а там же убейте!» Бузланги отвели царя и убили. Гарам-богатырь и этот юноша пошли, обошли город и увидели, что в городе никого нет. Они вернулись оттуда, девушку взяли и отвели, бузланги позволили уйти, а сами пришли в город. Итак, Гарам-богатырь сделался царем, а юноша — визирем.

(XIII. О богаче)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей. Случилось так, что этот царь четверых своих сыновей женил, а двоих других не женил. Эти два сына сказали друг другу: «наш отец нас не женит! давай, отправимся в другое

gísa na dant. amé gda brásī gušt: biyá ki brawán. amé zāg šútant bi watí pisáǰā, gúštant: äǰ bābá, ta pa če amá rā gísa na dāyǰā? amešānī pis gúštī ki šmā tángāt zāg it, man ič waxt šmā rā gis dātága na kanín. amé zāg go watí pisá gúštant: äǰ bābá, ta ki amá rā gísa na daǰǰ, amá rā mardúme yak asp bdǰǰ. amešānī pis gúštī: bráit, bābá, ā šmā, ā asp. amé š-amídā šútant, pa wat mardúme yak asp gíptant wa š-amídā šútant bi yak ĵāgāe.

dístant tā amídā yak áuze. e š-amídā šútant, be me auzǰǰ sará wáptant. amídā ki wápt-atant, amídā wāb šútant. bi amé šapǰǰ nemágā amešānī asp páč a-bayánt, š-amídā rawánt bi yak ĵāe. amódenā ki amešānī ásp a-rawánt, yak pādišāe murtá būtagí. amé maxlúk amé aspánā watíyāna āurtá būtag ant, amešānī asp rāst bi amé aspánīyā rawánt. amé maxlúk gúštant ki du asp átant. amé maxlúk átant, amé duén zāgānī aspánā gíptant wa bástant.

yak wār amé mazānen brásī āgá būt, sǰǰlī kurt tā amé asp édā. ná-want. áti ki watí brāsá pád pkant. sǰǰlī kurt tā mnī brās čo wāb int. ešī rā dil na būt ki watí brāsá pád pkant. wat š-amídā šut, šut, dístī tā. amídā če mardúme ast. amé zāg sǰǰlī kurt tā ánī amǰǰ asp ant, ódinā bastág-ant. amé zāg š-amídā šut amé mardumānīyā, pursít ki amé aspánā kǰǰ édinā bastagí? amé mardúm gúštant ki amá amídā pādišā dédi gór

место, так как наш отец нас не женит!» Другой брат сказал: «давай, отправимся!» Сыновья пошли к отцу и сказали: «батюшка, что ты нас не женишь?» Их отец сказал им: «вы еще дети, я никак не могу вас женить!» Сыновья сказали своему отцу: «батюшка, раз ты нас не женишь, дай нам каждому по лошади!» Их отец сказал: «идите, дети, вот вам лошади!» Они вышли, взяли каждый себе по лошади и отправились в одно место.

Они увидели, что там есть озеро. Они туда отправились, расположились у озера на ночлег, улеглись и заснули. К ночи их лошади распутываются и идут оттуда в другое место. А там, куда идут их лошади, умер царь, и его подданные привели туда своих лошадей. Их лошади направляются прямо к тем лошадям. Эти люди сказали, что пришли две лошади. Эти люди подошли, поймали этих двух лошадей и привязали.

Вдруг старший брат проснулся, взглянул: нет лошадей! Он хотел разбудить своего брата, посмотрел: как сладко спит мой брат! У него не хватило духу разбудить своего брата, и он сам пошел оттуда. Он пошел и стал смотреть: что это там за люди? Юноша стал всматриваться: да ведь это наши лошади там привязаны! Юноша пошел оттуда к этим людям и спросил: «кто здесь привязал этих лошадей?» Эти люди сказали: «мы собирались здесь хоро-

a-kúrtaŋ, dístaŋ tā š-amí²go du ásp a-ĵiyánt u kāyánt. amá amé maxlúk gúštaŋ: biyáit ki amé aspánā bgíraŋ u bándan, amé ki wāúndiš āt, bdáyaŋ. karár amá, amé tī aspánā gíptaŋ, bástaŋ. amáĭ pādišā murtagí, biyá ki mašmá brawán ódinā bi ammáĭ gisán, ódinā sīmúrġe bál a-dayán. bi ar kasé sará ki ništ, amáe rā pādišā girán. amé mařdák ki go eší e ğol gušt, amé zāg watí gwandén brāsá be-óšī kurt, š-amídā go amé mardumán šútī, ódinā sīmúrġe bál dátant. amé sīmúrġe āt, bi amé zāgáĭ sará ništ. amé zāgá pādišā kúrtant. amé zāg watí gwandén brāsá čist be-óšī kúrtī.

amé gwandén brāsī tāriēnā āgá büt wa ustátī, sáĭlī kurt, amáĭ asp édā ná-want, mnī brās am édā náĭnt. amé gwandáken zāg š-amé watí ĵagá ustát wa ĵist. šut, amé watí aspánī padánā dist, amé watí brāsáĭ padánā am dist tā amé mnī brās ammáĭ nī aspánī padánā burtagí. amé zāg amé aspánī padánā búrtī, dístī tā amé nī asp átág ant, amídā digár asp bütág ant, amé amáĭ asp átág ant, amídā oštátág ant. amé, amáĭ aspánā am gíptag ant wa bastág ant, amení mnī brāsáĭ pād ant ki ātagí amé mardumániyā, pursitagí ki amáĭ aspánā kāĭ édinā bastagí? amé mardúm š-amídā šutág ant, mnī brāsá am go wat burtág ant. amé gwandén zāg š-amídā ĵist, amé aspánī padánā zurt u burt, š-amídā šut u šut.

нить царя и увидели, что с этой стороны подбегают две лошади; мы сказали вон тем людям: „подойдите, поймаем и привяжем этих лошадей, а когда придет их хозяин, отдадим!“ поэтому мы поймали и привязали твоих лошадей. Наш царь умер! давай, пойдем туда к нам, там мы выпустим летать симург-птицу, и на кого она сядет, того мы возьмем в цари!» Когда этот человек так с ним говорил, юноша совсем забыл своего младшего брата и пошел с этими людьми. Там пустили летать симург-птицу, и симург-птица приблизилась и села на юношу. Юношу сделали царем. Юноша совсем забыл своего младшего брата.

Его младший брат на утро проснулся и встал, взглянул: наших лошадей здесь нет! моего брата тоже нет! Этот младший юноша поднялся со своего места и поспешно пошел. Он пошел и увидел следы своих лошадей, а потом увидел также следы своего брата: вот здесь мой брат напал на следы наших лошадей! Юноша пошел по следам лошадей и стал всматриваться: вот здесь лошади прошли, а здесь были другие лошади, наши лошади подошли, и здесь остановились; а вот здесь наших лошадей взяли и привязали! вот это следы моего брата, который подошел к этим людям спросить, кто привязал здесь наших лошадей! вот отсюда эти люди ушли и увели с собой моего брата! Младший юноша поспешно вскочил и пошел по следам лошадей; он шел и шел.

bi amé watí brāsáĭ šārāĭ pānādā ki rast, ešĭ ra salāt dĭstant, amé zāgā čār dātant wa gúštant ki ta ša guĵá "kāĭĭ? amé zāg gúštĭ: amā du brās átan, ša p^lānā ĵāgā átan, bi yak ĵāgāe, dĭstan amídā yaĵ áuze, amā átan bi amé auzáĭ sarā wáptan, amé watí aspānā amódinā bāstan u wat wáptan, amídā ta bzānāĭ, wāb šutág an. amé amāĭ asp páč bütág ant wa šutág ant. amé mnĭ mazānen brās der āgā bĭt, sáĭl a-kánt tā asp édinā ná-want. amé mnĭ brās wat a-kustĭt wa mnā páda na kant.

amé salāt dédi go ešĭ abār a-dātant, ameshānĭ áškā yak róde, ta bzānāĭ, bütágĭ, yak tajāre watí daulātā āurtá ki bgwazenĭt ša amé rodá áškā. amé watí daulātā bi kištĭāĭ tā "kant ki bgwazenĭt áškā. amé kištĭ bi rá na ráut. amé tajār a-pursĭt ša amé kištĭwānā ki tĭ kištĭ pa če rá na ráut? amé kištĭwān gúštĭ: e kištĭy a-loĭtĭt mardúmāĭ on, ta bra, bgard, yak kóre yā yak šále paĭdá pkan, biyār, pkuš u onānĭ bi amé kištĭyā muš. guĵā amé kištĭ bi rá ráut.

amé tajār š-amódā átĭ bi amé salātānĭyā. amé salātānā pursĭtĭ ki šmāāyā ič kor u šále yā atĭmen zāge ičĭ ĭnāĭnt? amé salāt gúštant ki amāyā yak zāge ast, magār ā zāg ā ĵoléne nāĭnt ki ta "gušāĭ. e zāg yak ĵále, ešĭ rá amā rá díla na bĭt ki amā āĭ rá bi ta bdāyān. amé tajār gúštĭ:

Когда он дошел до окраины города своего брата, его увидели солдаты; они окружили этого юношу и сказали: «откуда ты идешь?» Юноша сказал: «нас было два брата, мы из такого-то места пришли в другое место, увидели там озеро и подошли переночевать у этого озера; привязали своих лошадей и расположились на ночлег; здесь, нужно знать, мы заснули, а наши лошади развязались и ушли; было уже поздно, когда мой старший брат просыпается и смотрит: лошадей здесь нет! мой брат сам встает, а меня не будит».

Солдаты так с ним разговаривали, а по ту сторону от них, нужно знать, была река, и один купец привез свое имущество, чтобы переправить его на ту сторону реки. Он грузит на судно свое имущество, чтобы его переправить, но судно не двигается в путь. Купец спрашивает у корабельщика: «почему твое судно не отправляется?» Корабельщик сказал: «судно требует человеческой крови, иди, поищи какого-нибудь слепого или калеку; отыщи, приведи и убей и помажь его кровью судно, тогда судно пойдет».

Купец пришел оттуда к этим солдатам и спросил солдат: «нет ли у вас какого-нибудь слепого или калеки или сироты?» Солдаты сказали: «у нас есть один юноша, только этот юноша не таков, как ты говоришь; этот юноша подобен рубину, и у нас не хватит духу отдать его тебе». Купец

magár ā šmāi pis u māsāi zāg-u näint, yáke-m digár: man āi rā ānčoš ša šmā na zinín, šmā rā ín-kar zár a-dāín. šmā āi rā bi man bdáit. amé salát gúštant: amá rā sad azár řarān zar bdäi, amá gúđā āi rā bi ta dayán. amé tajár gúšti: nápa bāz řwān int, man bi šmā dāín. amé salátānā sad azár řarān zar dátī wa amé zāgā zurt u burt bi kištiyāiyā.

ódinā ki burt, amé tajár gúšti ki anūn ta bwasp ki man trā kušín. amé zāg pursít ki ta pa če mnā kušāi? amé tajár gúšti ki man trā kušín ki amé kištiyāi demā ón a-kanín ki amé kišti bi rá brot. amé zāg gúšti: ta mnā ič ma kuš, man anūn amé kištiyā pa ta bi rá prenín. amé tajár gušt: nápa bāz řwān int, ta mul amé kištiyā bi rá prenāi, man trā digár ičiya na kanín. amé zāg gipt, watí čangúlā šāxī kurt. ša čangúlāi on āt. amé onānā gipt, bi amé kištiāi demā mušt. yak wār amé kišti bi rá büt. amé kāperén tajár amé zāgā go wat búrtī. amé zāgā pa wat sarwāne kurt.

čunt waxt büt, amé tajár š-amídā šut bi pādišāyā. amé ki rástī bi pādišāyā, amé pādišā watí wazíl u wakílānā múčānā lořit wa watí mullānā am lořit. gúšti ki man došī āncén wābe distāg un. amé wazíl u wakíl gúštant ki čunén wābe? amé pādišā gúšti ki man došī wāpt-atun, wāb dístun tā amé mnī demā čil kāsāg ér int. amídā man níšt-atun, dístun tā

сказал: «но ведь он не сын ваших родителей! к тому же еще одно: я ведь не так хочу его взять, а дам вам много денег, отдайте его мне!» Солдаты сказали: «дай нам сто тысяч кранов, и мы тогда отдадим его тебе». Купец сказал: «очень хорошо, я дам!» Он дал солдатам сто тысяч кранов, взял юношу и отвел его на судно.

Когда купец отвел его туда, он сказал ему: «теперь ложись, я тебя убью!» Юноша спросил: «за что ты хочешь меня убить?» Купец сказал: «я тебя убью, чтобы твоей кровью смазать поверхность судна, и тогда оно двинется в путь». Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе сдвину это судно». Купец сказал: «очень хорошо, ты мне только заставь двигаться это судно, и я тебе больше ничего не сделаю!» Юноша взял и порезал себе палец. Из пальца пошла кровь. Он взял эту кровь, помазал ею поверхность судна, и судно тотчас двинулось в путь. Этот нечестивый купец взял с собой юношу и сделал его своим приказчиком.

Прошло некоторое время. Этот купец отправился к царю. Когда он пришел к царю, царь призвал всех своих правителей и наместников, призвал также своих мулл и сказал: «вот какой сон я видел прошлую ночь!» Правители и наместники сказали: «что за сон?» Царь сказал: «прошлую ночь я спал и видел во сне, что передо мной сорок чаш; я сидел тут же и увидел, что пришло

čil siyāen tūlá átant, amé kāságānā čatítant. amé wābāĭ mānīyā šmā pa man bgúšit. amé wazíl u wakíl gúštant: amá e wābāĭ mānīyā na zānán. amé tajár gúštī ki man yak zāge dārín, amá mnī zāg a-zānt. amé pādišā gúštī ki nápa ta bāndā watí zāgá biyár. amé tajár šut bi watí gisá.

tāriēnā amé watí zāgá zurt u āúrt bi pādišāyā. amé pādišā go amé zāgá gúštī ki āĭ bābā man doší wābe distág un. amé zāg gušt: ĵuwānén wābe! ame pādišā gúštī: man wāb dístun tā man amídā ništág un, amé mnī demá čil kāság ast. amé kāságānā čil tūlá átant, ar tūláe yak kāságāĭ demá čatítant. amé zāg gúštī: agár man bgúšín, ta yā mnā pkúšāĭ yā tīr-bārán a-kanāĭ. amé pādišā gúštī ki man ič waxt trā na kušín wa trā tīr-bārán am na kanín, amé watí ĵiníkā bi ta am dāín. amé zāg gúštī: āĭ pādišā ġábli ālám, ta dārāĭ čil ĵinén wa čil gulám, amé tī ar ĵinén go yak gulám ant. amé pādišā gúštī: man bāndā watí muzūrānā gušín ki amé mnī ĵinénānī pānādā bgírant, agár rāst büt ki mnī ĵinén go amé gulámān átant, gúđā man watí ĵiníkā bi ta dāín. agár rāst na büt, gúđā man trā kušín. amé zāg š-amídenā šut bi watí gisá.

yak cunt waxt gwast. amé pādišā go watí muzūrān gúštī: šmā maróčī amé mnī ĵinénānī padā bgirít ki go ešān āncén kāre ast. amé muzūr šútant, amé pādišāĭ ĵinénānī pānādā gíptant. amé ki roč pešín büt, amé pādišāĭ

сорок черных щенят и они стали лизать эти чаши; скажите мне значение этого сна!» Правители и наместники сказали: «мы не знаем значения этого сна!» Купец сказал: «у меня есть один юноша, этот юноша знает!» Царь сказал: «ну, так приведи завтра своего юношу!» Купец пошел домой.

На утро он взял своего юношу и привел к царю. Царь сказал юноше: «сын, я прошлую ночь видел сон!» Юноша сказал: «хороший сон!» Царь сказал ему: «я видел во сне, что я здесь сидел, а передо мной сорок чаш: пришло сорок щенят, и каждый щенок облизал одну чашу». Юноша сказал, «если я скажу, ты меня или убьешь или расстреляешь!» Царь сказал: «я не только не убью тебя и не расстреляю, но даже выдам за тебя свою дочь». Юноша сказал: «о царь, средоточие мира, у тебя есть сорок жен и сорок невольников, и каждая из твоих жен в общении с одним невольником!» Царь сказал: «я завтра скажу своим наемникам, чтобы они последили за моими женами, и если окажется справедливым, что мои жены были с моими невольниками, я выдам за тебя свою дочь; если же окажется неправда, тогда я тебя убью». Юноша пошел отсюда домой.

Прошло некоторое время, и царь сказал своим наемникам: «сегодня последите за моими женами, потому что с ними вышло такое дело!» Наемники пошли и стали следить за царскими женами. Когда уже прошел полдень,

jinén átant, gírdi yak jā bütant, amé gulám am gírdi átant, yak jā bütant. ar guláme yak jinénäi dastá gíptant u šútant pa mailá. amé pādišáäi muzúr ki distant, átant, go pādišá gúštant ki amé abár ki amá zāg gúštī, rāst int: tī jinén ar yáke go yak gulám ant. amé pādišá gušt go watí muzúrān ki šmā bráit, amá zāgá biyárit. amé muzúr átant pa amé zāgá padá, átant bi gisáiš, go amé zāgá gúštant ki trā pādišá guštagi: biyá. amé zāg u amé tajár u amé muzúr gírdi átant. ān-čo ki átant, sar bütant bi pādišáäi gisá, salám u aláik kúrtant. wašámád ki kúrtant, amé pādišá go amé zāgá gúštī ki amá abáre ki ta dátäi, amá abár rāst int-a u man am watí γaulá na prošín, amá dol ki go ta gúštun, amá dol am kanín, watí jiníkā bi ta am daín.

amé pādišá lojt amé watí maxlúkānā. maxlúk gírdi átant, jām bütant. pādišá gúštī: man watí jiníkā bi amé zāgá daín. watí dolčínānā gúštī: šmā dol bjánit, kasábānā gúštī: šmā pas pkúšit, āšpázānā gúštī: šmā gošt pačit, nānwānā gúštī: šmā nān pačit, dārkāšānā gúštī: šmā dār biyárit. bi amé yak damá nān jód kurtant. maxlúk nān wártant wa oštátant bi čápá, čáp kúrtant. maróči amé zāgá gis dátant, sāyumíen roč ki purá büt, amé tajár du asp zurt u áurt, pa watí zāgá padá áti, go pādišá gúštī ki man maróči watí zāgá barín. amé pādišá gúštī: nápa bāz juwán int, brawán ki man

царские жены пришли и собрались все в одном месте, а эти невольники также все пришли и собрались, и каждый из невольников взял руку одной из жен, и они пошли развлекаться. Когда наемники это увидели, они пришли к царю и сказали: «то, что сказал тот юноша, правда: каждая из твоих жен в общении с невольником!» Царь сказал своим наемникам: «пойдите и приведите того юношу!» Наемники пошли за юношей, пришли к нему и сказали: «царь сказал, чтобы ты пришел». Юноша с купцом и наемники, все пришли. Когда они подошли и дошли до царского дома, они обменялись приветствиями. После приветствий царь сказал юноше: «то, что ты сказал, правда! я тоже не нарушу своего слова, и как я тебе сказал, так и сделаю: я выдам за тебя свою дочь!»

Царь созвал своих подданных. Весь народ пришел и собрался. Царь сказал: «я выдаю свою дочь за этого юношу!» Барабанщикам он сказал: «бейте в барабаны!» мясникам сказал: «режьте скотину!» поварам сказал: «варите мясо!» пекарям сказал: «пеките хлеб!» дровосекам сказал: «таскайте дрова!» В один миг приготовили угощение. Народ поел и пустился в пляс. В этот день юношу оженили, а когда исполнился третий день, тот купец взял и привел двух лошадей и пришел за своим юношей. Он сказал царю: «сегодня я возьму своего сына!» Царь сказал: «очень хорошо, пойдем, я тоже попрощаюсь со своей

am go watí jiníkā ruxsatí pkanín. amé tajár u pādišá átant pa amé zāgāḡ padá. amé ki átant bi amé zāgāḡ gisá, wašámáde kúrtant. amé pādišá pursít ki mubārāk bīt šmäḡ arūsí! amé zāg jawáb dāt ki salāmát bīt šmäḡ sar! yak katráe níštant, amé tajár gúštī ki äḡ bābá, man átag un ki tī gisá barín, amé tī wasírk átagí ki watí jiníkā rādág pkant. šmā zúte pkánit, watí gisá bḡalénit tānāxten. amé zāg watí gisá ḡaléntant, watí julánā gíptant, bi amé aspānī sará kúrtant. amé pādišá burt, watí jiníkā, rādāgī kurt u amé watí jiníkāḡ demá čukít wa íštī tā šut.

amé ki š-amídā šútant, bi ráäḡ nemágā dístant tā amídā yak róde. amé zāg u amé jinikó u amé tajár gírdī tunág büt-atant, gáštant pa táse. amé jinikó gúštī ki táse ast, bi amá mazānen sundūxäḡ tā int. amé tajár gúštī: äḡ bābá, ta bra amé sundūxäḡ tā, amé tāsá biyár. amé zāg ki putrít bi sundūxäḡ tā, yak wār amé tajár gipt, amé sundūxäḡ dapá bast u amé sundūxäḡ bandānā gipt u burt bi amé rodāḡ tā prent. amé jiníkā zurt u āúrt bi watí gisá. yak čunt waxt bütī. amé tajár watí gisá ša amé rodā áškā burt. amé zāgā amé rod burt.

pa amé zāgāḡ brāsāḡ bāgān yak jūe āp a-bárt, amé sundūx a-rāut bi amé zāgāḡ brāsāḡ bāgān, amé zāgāḡ brāsāḡ bāgwān a-gindít tā ap čo ušk büt. amé watí pīrazālen jinénā gúštī ki āp čo ušk büt, mán a-rāín démi amé āpá, ta am biyá. amé pīramárd u amé pīrazāl š-amídā átant. amé jūwāḡ

дочерью!» Купец и царь пошли за юношей. Когда они пришли к нему в дом и поздоровались, царь сказал: «да благословится ваша свадьба!» Юноша ответил: «да будет благополучие над вами!» Они немного посидели, и купец сказал: «ну, сынок, я пришел перевезти твою семью, а твой тесть пришел проводить свою дочь, поторопитесь и соберите пока свое хозяйство!» Юноша (с женой) собрали свое хозяйство, взяли свои пожитки и нагрузили на лошадей. Царь вывел свою дочь, проводил ее, поцеловал ее в лицо и пустил ехать.

Когда они отсюда отправились, на пути они увидели реку. Юноша и девушка и купец, все они хотели пить и стали искать чашку. Девушка сказала: «есть чашка! она в большом сундуке!» Купец сказал: «сынок, сходи-ка в тот сундук, достань чашку!» Когда юноша проник в сундук, купец вдруг взял и закрыл крышку сундука. Он взял сундук за ремни, отнес его и бросил в реку, а девушку взял и привез к себе домой. Прошло некоторое время. Купец переселился на ту сторону реки. Юношу унесло рекой.

В сады брата юноши выводит воду один канал, и этот сундук плывет в сады брата юноши. Садовник брата юноши видит, что вдруг вода высохла. Он сказал своей старой жене: «что это вода высохла! я пойду к воде, и ты тоже

kírrá āúrtant, dístant amānī sundūxe bi amé jūwákāi dapá band giptagí. amé pīrazál u amé pīramárd gál kurtant, zúte kúrtant, átant, amé sundūxā ša amé jūwákāi tā kašítant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé sundūxāi dapá páč kurtant, dístant tā amé sundūxāi tā yak zāge ništaǵí. pīramárd amé zāǵá pursítí ki trā kāi amé sundūxāi tā kurtagí u prentagí bi apāi tā? amé zāǵ gušti: mnā āncén mardúme prentagí, šmā awálā pa man, agár nān dārit, yak káme biyárit. amé pīrazál šut, zúti kurt pa amé zāǵá nān jódí kurt wa āúrt, amé zāǵá dāt. amé zāǵ gúšti ki šmā mnā ša amé sundūxāi tā dār pkánit. amé pīramárd u amé pīrazál amé zāǵāi dastá gíptant, ša amé sundūxāi tā dār kurtant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé nānānā āúrtant bi amé zāǵāi demā dātant. amé zāǵ amé nānānā wártí. yak katráe digár büt, amé zāǵá pa duwārág amé pīramárd pursítí ki ta go amá bguš, trā kāi bi amé sundūxāi tā kurtagí wa čon bi apāi tā prentagí? ame zāǵ jawáb dātí... anún man šmā rā gušín ki ar waxt amé pādišāi jārčín tawár kurt ki ič kas pa kārā ma rāut ki bāndā amé tajárāi arūsíy a-bīt, gúđinā šmā mnā bārit, bi amé pādišāi pānādā, bílit. amé pīramárd gúšti: nápa bāz juwán int.

karár tārienā büt, amé zāǵāi brāsāi jārčín jār jat ki bāndā ič kas pa kārā ma rāut ki tajárāi arūsíy a-bīt. tārienā büt, amé pīramárd amé

иди!» Старик и старуха пошли, обошли кругом канала и увидели, что какой-то сундук застрял при входе в канал. Старик и старуха обрадовались заторопились, вытащили сундук из канала и отнесли домой. Когда они его отнесли и открыли крышку сундука, они увидели, что в сундуке сидит юноша. Старик спросил юношу: «кто тебя поместил в сундук и бросил в воду?» Юноша сказал: «меня бросил такой-то человек, но сначала, если у вас есть хлеб, дайте мне немного!» Старуха пошла, заторопилась, приготовила юноше хлеба и принесла. Юноша сказал: «высвободите меня из сундука!» Старик и старуха взяли юношу за руки, высвободили его из сундука и отвели к себе домой. Когда они его туда отвели, они принесли хлеба и поставили перед юношей. Юноша поел. Прошло немного времени, и вторично старик спросил юношу: «скажи нам, кто тебя поместил в сундук и как бросил в воду?» Юноша отвечал:... (следует изложение всех приключений юноши) «...теперь же я говорю вам, что как только царский глашатай провозгласит, чтобы никто не шел на работу, потому что на утро будет свадьба того купца, тогда вы меня отведите к царю и оставьте там!» Старик сказал: «очень хорошо».

Итак, наступило утро. Глашатай брата юноши провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что будет свадьба купца.

zāgāḡ dastá gipt u burt, bi amé pādišāāḡ pānādā nādént. ān čoš ki wašā-máde kúrtant, amé zāg go pādišá gúštī: āḡ pādišá, ḡabli ālám, man pa ta yak asmānāke gušín. amé pādišá gúštī: bguš. amé zāg gúštī: būt na būt, ša mašmāḡ xudá getír káse na būt. yak pādišāe at. amé pādišá dāšt šaš zāg. čārā gísī dāt, dúi digārā gísī na dāt. amé pādišá bi watí ošá kapt wa íčī na gúštī. amé kāpéren tajār gúštī: ta mnā zūte pkan, gis bdāḡ. amé pādišá gúštī: ta yak wār sabr pkan...

karār amé zāg amé naklá am gúštī, amé dāul am gúštī ki man go ta gúštun. gúḡā gúštī: amá tī brās am mán un, améš am amá tajār int, anún ta ar číyā kanāḡ, amé tajārā wa amé watí pairānā, pkan. karār amé pādišá wat rā prent bi amé zāgāḡ guḡā wa gréti. yak wār go amé watí muzūrān gúštī: šmā bráit, amá salātānā pkúšit. amé pādišāāḡ muzūr š-amédinā šútant, amá salātānā kúštant wa wat padoí átant. ān čoš ki padoí átant bi pādišāāḡ gisá, yak wār amé pādišá amé watí muzūrānā gúštī: šmā anún amé kāpéren tajārā bgírit, pkúšit wa go naptá bun dáiti, amé daulátāḡ bgírit, bárit bi amé mnī bāgwānā bdáit. karār amé muzūr šútant, amé tajārā gíptant, kúštant wa go naptá bun dátant, amé daulátāḡ búrtant bi amé bāgwānā dátant. amé zāgā pa duwārāg gis dátant. man š-amódinā ḡístun, áttun pa wat imáne áúrtun, pa ta dištāre áúrtun.

На утро старик взял юношу за руку, повел и посадил около царя. Когда они обменялись приветствиями, юноша сказал царю: «о царь, средоточие мира, я расскажу тебе сказку!» Царь сказал: «говори!» Юноша сказал: «было ли, не было ли, никого не было лучше нашего с вами бога. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей, четверых он женил, а двоих других не женил». Царь задумался и ничего не говорил, но этот нечестивый купец сказал ему: «поспеш с моей свадьбой!» Царь сказал: «подожди немножко!» *(следует вторичный рассказ о всех приключениях юноши).*

Итак, юноша рассказал свои приключения точно так же, как я тебе рассказал. Потом он сказал: «этот твой брат—я, а он—тот купец! теперь делай с купцом и с той своей стражей все, что ни сделаешь!» Царь бросился на шею юноше, заплакал и сказал своим наемникам: «идите и убейте тех солдат!» Царские наемники пошли отсюда, убили тех солдат и пришли обратно. Как только они вернулись в царский дворец, царь сказал им: «теперь схватите этого нечестивого купца, убейте его и сожгите на нефти, а его имущество возьмите, отнесите и отдайте тому моему садовнику!» Наемники пошли, схватили купца, убили его и сожгли на нефти, а его имущество отнесли и отдали садовнику. Юноше вторично справили свадьбу. Я оттуда выскочил, пришел, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XIV

būt na būt, ša mašmāḡ xudá getír káse na būt. yak pādšáe at. e pādšá dāšt sāḡ zāg. du zāgī mās dáštant, yak zāge mās na dāšt. yak róče būt, amé sāḡ zāgī mazán bútant wa go watí pisá gúštant ki aḡ bābá, amá rá sáre yak asp bdāḡ ki amá suwár bayán. pādšá gúštī ki man kadé ša šmāḡ demá gíptun? ā šumá, ā asp! bráit, pa wat asp bgírit. e šútant, pa wat sáre yak asp gíptant. amá duén zāg ki mās dáštant, pa wat juwānén asp gíptant. amé be-māsen zāgī pa wat yak pīrakíen áspe gipt. amá māsíen zāgānī asp bajrayíen átant. mudám bi ar jā pa bajráḡā búrtant. eší asp mudám elá at.

yak róče būt, eší asp bi zānká būt. e watí aspá padá gipt. eší asp š-amédā šut u šut bi yak jāe, bi yak daryábā pānādā šut. e asp watí kūnā bi āpá jat ki bzāḡt. áncō ki zāt ki kurágāḡ pād dár átant, e kurágā yak dastá amé zāg gipt, yáke digá ša āpāḡ tā kurrágāḡ pādā gipt. e pa wat káši kurt, ā pa wat káši kurt. e gušt ki bil, ā pa wat gúštī: bil. e gúštī ki ta bil. ā ki āpāḡ čerā at, gušt ki ta sātítāga na kanāḡ! e gúštī ki man pādišāā zāg baín, man sātítāga na kanīn! amá ki āpá čerā at, gušt: juwān

(XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына. У двоих из его сыновей была мать, а у одного матери (в живых) не было. Настал день, когда трое его сыновей выросли и сказали отцу: «батюшка, дай нам каждому по лошади, и мы будем ездить верхом!» Царь сказал: «когда я отказывал вам? вот вам лошади! идите и выбирайте!» Они пошли и взяли себе каждый по лошади. Двое сыновей, у которых была мать, взяли себе хороших лошадей, а сын, у которого не было матери, взял себе старую лошадь. Лошади тех сыновей, у которых была мать, были скакунами, всегда всюду скакали и получали призы, а его лошадь всегда паслась на воле.

Однажды его лошадь стала жеребой, и он стал следить за своей лошастью. Его лошадь пошла и пошла, пришла в одно место на берегу реки и пригнула к воде свой зад, чтобы ожеребиться. Как только она ожеребилась, и ноги жеребенка очутились снаружи, юноша взял жеребенка за переднюю ногу, но кто-то изнутри воды схватил жеребенка за заднюю ногу. Он стал тащить к себе, а тот тащил к себе. Он сказал: «пусти!» и тот сказал: «пусти!» Он сказал: «тыпусти!» Тот, кто был под водой, сказал: «ты не сможешь его уберечь!» Он сказал: «я царский сын, и не смогу его уберечь!» Тот, кто был под водой, сказал:

int, nápa bar! magár tā sī roč ešī rā siyāen pasáĭ šir bdäĭ. e gušt: nápa juwán int, mán a-barín, dāin. e š-amédā burt bi watí gešá. ódenā tā sī roč siyāen pasáĭ širī dātī. amé kurág bi yak sááttā apt rangá gašt. e duén zāgānī mās ki e kurágā dístī, watí dilá gúštī: man go ešī kár dārín.

e zāg mudám bi maktábā wántī. ar waxt ki alás a-būt, demtirá bi kurágäyā kāt.

yak róče amé duén zāgānī mās gúštī ki man pa ešī nān jōḍ a-kanín wa nānānī tā zār a-rečín ki áncō buwárt, mirít ki kurág mānít pa mnī zāgān. amé atímen zāg maróčī ša maktábā áti bi watí gešá, awálā áti bi kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó pa ta nān tayári kurtái, ta bra, íčī ma guš, ā wat tī dastānā šodít, nānānā kārít, ta awálā ma war, du dayīḡá sabr pkan, yak pišíke kājít, awálā ta amá pišíkā yak lunkáen náne bdā, dístā ki na murt, gúḍā bor. e gušt: juwán int. amé zāg š-amédā šut bi watí gisá, ódenā ešī mātó pa ešī nān áurt. ešī dastānā šúštī wa gúštī: anún watí nānā bor. e sālī kurt ki pišík bāt, yak sá^ate digá büt, pišík āt. e yak lunkáen náne írrī dāt bi pišíkā demá. e pišík ki wártī, murt. e zāg nānānā gipt, írrī dāt bi watí mātóā demá. ešī mātó íčī na gušt, watí nānānā zurt

«хорошо, бери! только тридцать дней давай ему молока от черной овцы!» Он сказал: «хорошо, я возьму и буду давать!» Он повел его отсюда к себе домой и там тридцать дней давал ему молока от черной овцы; жеребенок в один час сменил семь цветов. А мать тех двух сыновей, как только увидела этого жеребенка, так про себя сказала: «я уж с ним разделаюсь!»

Этот юноша постоянно учился в школе, и каждый раз, когда освобождался, сначала шел к жеребенку.

Однажды мать тех двух сыновей сказала: «я приготовлю для него хлеб и положу в него яду: он поест и умрет, и жеребенок достанется моим сыновьям». В этот день этот осиротелый юноша вернулся домой и сначала пошел к жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха приготовила для тебя хлеб; ты иди и ничего не говори! она сама помое тебе руки и принесет хлеб, но ты сначала не ешь, а потерпи минуты две; потом подойдет кошка, и ты сначала дай кусок кошке, и если увидишь, что она не умерла, тогда ешь сам!» Он сказал: «хорошо!» Юноша отсюда пошел домой. Там мачеха принесла ему хлеб, помыла ему руки и сказала: «теперь ешь свой хлеб!» Он подождал, чтобы подошла кошка. Прошло немного времени, и кошка подошла. Он бросил кусок хлеба кошке. Как только кошка поела, так тотчас умерла. Он взял хлеб и швырнул его своей мачехе. Его мачеха ничего не сказала, взяла свой хлеб,

u burt, írri dāt bi giyābānā. e zāg šut, ša bāzārā pa wat nān zītī u wártī. pa duwārāg šútī bi watí maktábā, watí sabáxā buwānīt.

bāz. tāriēnā ešī mātó watí delá pígrī kurt. gúšti: man maróči bi watí gešā dapá yak čāe janín ki ša man dūr bīt, be me čāā tā pkapít. eš yak čāe bi watí gešāi dapá jat wa yak káme xašpál bi sarāi ret wa γālínā bi sarāi prent wa íšti. yak sāt dígar būt, amé zāg ša watí maktábā āt. awálā bi kurāgāyā āt, dístī tā amé kurāg a-grét. e gúšti: jāni man, imāni man, pa če grewāi? kurāg gušt: āi ādamí, tī mātó pa ta maróči ódenā bí šmā gisā dapá yak čāe jant, bi čāā sarā ya káme ák a-rečít u ya káme xašpál a-rečít u γālínā bi sarāyā prení. ta ki ānčo šútāi, š-amé gešā dapá kúp kan, ša čā áškā pren. ā wát a-guší ki ta pa če e dól a-kanāi? ta bguš ki maktabiēn zāg múči amé dól a-kanánt. zāg gúšti: nápa juwān int. e š-amédā šut bi watí gešā. ānčo ki š-amé gešā dapá ki rast, kúpī kurt, áškā prent. ešī mātó ešī rā gúšti: āi māsí, ta pa če e dól a-kanāi? e gúšti ki man ša maktabiēn zāgān a-zūrín. e š-amédā šut, watí nānānā wart, pa duwārāg padoi āt wa šut bi watí maktábā.

ešī mātó watí delá pígrī kurt. amé mullānā múčānā loṭítī wa go ešān gúšti ki man šmā rā mardúme saṭ tumān zár a-dāin, amé ki pādišā āt, šmā

отнесла его в степь и бросила. Юноша пошел на базар, купил себе хлеба, поел, и опять пошел в школу заниматься своими уроками.

На утро его мачеха стала размышлять и сказала про себя: «сегодня я вырою колодец при входе в дом, чтобы он свалился в этот колодец, когда будет еще вдали от меня». Она вырыла колодец при входе в дом, а сверху насыпала соломы, набросила ковер и так оставила. Прошло некоторое время. Юноша вернулся из школы, пошел сначала к жеребенку, увидел, что жеребенок плачет, и сказал ему: «душа моя, мое благополучие, что ты плачешь?» Жеребенок сказал: «о человеческое существо! сегодня твоя мачеха при входе в дом выроет для тебя колодец, насыпет на него сверху немного песку и соломы и набросит сверху ковер; когда ты пойдешь, ты сделай прыжок через вход в дом и перепрыгни через колодец; она скажет: „зачем ты так делаешь?“ ты скажи: „все школьники так делают!“ Юноша сказал: «ну, хорошо!» Он пошел отсюда домой, и когда дошел до входа в дом, сделал прыжок и перепрыгнул на ту сторону. Его мачеха сказала ему: «что ты, сынок? зачем так делаешь?» Он сказал: «я научаюсь от школьников!» Он прошел, поел свой хлеб, вернулся и опять пошел в свою школу.

Его мачеха стала размышлять. Она созвала всех мулл и сказала им: «я дам вам каждому по сто туманов, а когда вернется царь, вы скажите:

bgúšit ki tī jinén nā-jóđ int. ā wát a-gušit ki pa eší čé zabr int? e gommullán gúšti ki man bi watí pālúnkān lawáš a-bandín ušk-uškén ki pādišā āt, šmā bgúšit ki pa eší ábi-daryābīen aspāi kurágāi post zābr int. e mullá gúštant ki zabr int. amé ki pādišā átī, dístī tā mnī jēnén nā-jóđ int. e pādišā gúšti ki trā če bütāi ki ta nā-jóđ bütāg āi? ā gúšti ki man pālúnk-próš bütāg un. e pādišā mulānā loṭit ki mnī jinén pa če nā-jóđ bütāgī. e gúštant ki tī jinén pālúnk-próš bütāgī. pādišā gúšti ki pa mnī jinénā če zabr int? e mullá gúštant ki pa tī jinénā ábi-daryābīen aspāi kurág zabr int. e gúšti ki édā kai ábi-daryābīen kurāge dārít? e mullá gúštant ki tī zāg dārít. e gušt ki nápa bāz juwán int. man āe rā gušín ki watí kurágā bdant. gúštant ki ta bra, go watí zāgā bguš ki ā watí kurágā dant yā na. agár dātī, ta pkúši, postāi bar, bi watí jinénā gwarā bdāi, ā ki watí gwarā pkant, gúḍā zābr a-bít. agár na dātī, gúḍā drūā na bít. ta yak káre pkan ki amé ábi-daryābīen aspāi kurágāi post bāz zābr int. e pādišā gúšti: mán a-raín, āe rā gušín, agá ā watí kurágā bdant. e š-amédā šut bi watí zāgāyā ki āi kurágā bzint.

āi zāg demtírā át-atī bi watí kurágāyā. amé kurág gúšti ki tī mātó watí pālúnkānā lawáš bastāgī ki man nā-jóđ un ki mnā ša tī dastā bgīt.

„твоя жена больна!“ тогда он спросит: „что может ей помочь?“ Она еще сказала муллам: «я привяжу к своим ребрам сухарей, сухих-пресухих, и когда царь придет, вы скажите, что ей поможет кожа жеребенка от водяной лошади». Муллы сказали: «хорошо!» Когда царь пришел, он увидел, что его жена больна. Он сказал: «что с тобой случилось, что ты заболела?» Она сказала: «у меня разлом ребер». Царь потребовал мулл: почему, мол, моя жена заболела? Они сказали: «у твоей жены разлом ребер». Царь сказал: «что может помочь моей жене?» Муллы сказали: «ей может помочь жеребенок от водяной лошади». Он сказал: «у кого здесь есть жеребенок от водяной лошади?» Муллы сказали: «у твоего сына». Он сказал: «ну, хорошо, я ему скажу, чтобы он дал своего жеребенка». Они сказали: «ты сходи и спроси у своего сына, даст он своего жеребенка или нет, и если даст, ты его убей, а его кожу отнеси и приложи к груди своей жены, и когда она приложит ее к своей груди, она поправится. Если же он ее не даст, она не поправится. Ты уж как-нибудь постарайся, потому что эта кожа жеребенка водяной лошади очень полезна!» Царь сказал: «я пойду и спрошу у него, даст ли он своего жеребенка!» Он пошел к своему сыну, чтобы взять его жеребенка.

А его сын уже раньше пришел к своему жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха навязала себе сухарей на ребра: я, мол, больна! чтобы меня

wa pkušít. agár mnā kúšťant, tī xat korā int, tī pis maróči kāit bi^h tíyā ki äi bābā, watí kurágā bdäi ki tī mās bāz nā-jōđ int. ta bguš ki kurág pa tī sarā xairát bīt, ā tá. ā kurág. ā ki bi mníyā átī, man ašt sidág a-žanín. bi awalien šidágā ta bzánäi ki ā démi mán a-kāit, bi dūmien šidágā ta bzánäi ki ā bi mníyā átī, bi säimien šidágā ta bzánäi ki ā mnā ša mīyā páč a-kánt, bi čarumien šidágā ta bzánäi ki ā mnā rādág a-kánt démi āpā, bi pačumien šidágā ta bzánäi ki ā mnā burt pa kuštínā, bi šašumien šidágā ta bzánäi ki ā mnī dast u pādánā bandít, bi aptumien šidágā ta bzánäi ki ā pātiyā kanánt, bi aštumien šidágā ta bzánäi ki ā mnā kušánt, agár ta wat rā bi aštumien šidágā raséntäi, mnā baräi, agár na raséntäi, man ša tī demā rāin u mnā kušánt, trā am kušánt. e čorí gúšti ki bāz jwān int-a, mán a-raín bi watí maktábā. e gušt: nápa bra wa tī goš amíngūr bīt. ā gušt: nápa bāz juwán int. eš š-amídā šut bi watí maktábā.

amé ki rādág būt, yak wār amé písī bi demäi dār átī wa gúšti ki äi bābā, watí kurágā bdäi ki tī mās bāz nā-jōđ int. e gúšti ki bra, bābā, ā tá wa ā kurág, pa tī sarā xairát bīt, bra, bárī. e pādišā š-amídā šut bi kurágāyā. yak wār amé kurág yak šidáge jat. amé zāg bi watí maktábā wántī. gúšti go watí mullā ki äi mullā, adáb! mullā gušt ki malhún

взять от тебя и убить, а если меня убьют, то погубят и тебя. Сегодня придет к тебе твой отец: отдай, мол, сынок, своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна! и ты скажи: „пусть жеребенок будет жертвою ради тебя! вот тебе жеребенок!“ Когда он подойдет ко мне, я восемь раз испущу ржание. При первом ржании знай, что он подходит ко мне; при втором ржании знай, что он уже подошел ко мне; при третьем ржании знай, что он меня отвязывает от коновязи; при четвертом ржании знай, что он меня ведет к воде; при пятом ржании знай, что он меня повел убивать; при шестом ржании знай, что он мне связывает ноги; при седьмом ржании знай, что читают молитву; при восьмом ржании знай, что меня убивают. Если ты при восьмом ржании подоспеешь, ты меня уведешь; если же не подоспеешь, я от тебя уйду, и меня убьют! и тебя также убьют!» Юноша сказал: «очень хорошо, я пойду в свою школу!» Жеребенок сказал: «ну, иди, но твои уши пусть будут здесь!» Он сказал: «очень хорошо!» и пошел отсюда в свою школу.

Как только он туда направился, его отец вышел к нему и сказал: «сынок, отдай своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна!» Он сказал: «иди, батюшка, жеребенок твой! пусть он будет жертвою ради тебя! иди и возьми его!» Царь пошел отсюда к жеребенку, и тотчас жеребенок заржал; а юноша уже занимался в школе. Он сказал своему учителю: «учитель,

bitáb! pa duwārág amé kurág yak digá šidáge jat. e gúšti: mullá, adáb! mullá gúšti: malhun bitáb! e gda gaštá ki yak šidáge jat, e gúšti ki äḡ malhúnen mullá, trā gušín: adáb! édā ki búrtantī bi āpāḡ sará, e yak digá šidáge jat. e zāg gúšti: äḡ mullá, man trā gušín ki adáb! e mullá gúšti ki malhún bitáb! amé ki čārumíen šidágā jat, e gušt: äḡ kāpār-dílen mullá, tī dil kap bīt, man trā gušín ki adáb! e mullá gúšti ki bi sabáxäḡ waxtá abár dātága na bīt. e gúšti: nápa man go ta kār dārín. e gúšti ki šāgírd go mullá ič waxt abár dātága na kant. bi pančumíen šidágā amé čoríká gúšti: äḡ mullá, adáb! e gúšti: malhún bitáb! eš amá int íčī na gúšti. bi aštumíen šidágā gušt ki äḡ mullá, adáb! e gúšti ki malhún bitáb! amé zāg e mullá gúšti: äḡ mullá, ta mnā agár náḡlāḡ, man go ta kār dārín. amídā amé zāgāḡ pānādā yak āptāwáge ér at. amé āptāwágā zúrtī, jat bi mullāḡ sará u š-amídā jístī wa šútī.

am amé sarabún³ átant ki e kurágā pkúšant. tawārī kurt ki xabardári šmā bīt, yak wār bóštit ki man sar bāín. eš oštátant. ā ki átī wa gúšti: äḡ bābá, man pa e aspá zāmát bāz kašítág un, yak wār ta bi man bdāḡ ki man suwār a-baínī. e pādišá gúšti ki bra, bābá, suwār bāḡ watí kurágā ki tī

благодаристойность!» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Вторично жеребенок испустил ржание. Он сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда еще раз раздалось ржание, он сказал: «эй, *ошибочный* учитель, говорю тебе: *благодаристойность!*» Когда жеребенка повели к воде, он еще раз заржал. Юноша сказал: «учитель, я тебе говорю: *благодаристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда четвертый раз раздалось ржание, он сказал: «жестокосердый учитель, пусть расколется твое сердце! говорю тебе: *благодаристойность!*» Учитель сказал: «нельзя разговаривать во время урока!» Он сказал: «ну, так я с тобой разделаюсь!» Тот сказал: «ученик с учителем никогда не разговаривает!» При пятом ржании юноша сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Больше он ничего не говорил. При восьмом ржании он сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Юноша сказал учителю: «учитель, если ты не отпускаешь меня, я с тобой разделаюсь!» Около юноши стоял кувшин для воды. Он схватил этот кувшин и бросил его в учителя, а сам выскочил и побежал.

Уже подходили, чтобы убить жеребенка. Он закричал: «внимание! подождите, пока я подойду!» Они остановились. Как только он подошел, он сказал: «батюшка, ради этой лошади я понес много трудов! позволь мне разок посидеть на ней!» Царь сказал: «иди, сынок, и садись на своего жеребенка,

dilāj sarā yak armāne ma mānīt. e š-amídā šut bi watí gešá, watí kurágäi julānā zurt u burt, bi watí kurágäi sarā dāt wa yak wār suwār büt u äiyi kurt. eší kurág šut bi āsmānā, bālī kurt, bi mā āsmānāi demá oštāt. amé zāg yak xáte nimísti, bi jālāgā prénti. e maxlúk gúštant ki xáte kapt ša āsmānā. e xatā gíptant, wāntant, dístant ki bi xatāi tā nimistagi ki äi bābā, man ša tī dastā šútun. bi tī jinēnāi rāstén pālúnkān uškén lawāš bastā, bi demāi dārú zard muštā. čínka róči digár pa mnī padā gāštī ki mnā pkúšit, e mnā kuštāg na kúrti. digá pa tī ruxsātā, man šútun. e pādišā š-amídā šúti pa wat.

e čorí š-amídā šut u šut, bi āsmānāi sarā ki rast, ódinā er kapt u šut bi yak jāe, dísti tā amídā yak débe nāl-nāl a-kánt. e uškítī, š-amídā šut bi mā debāyā, gúšti ki tī če dárd a-kánt? ā gušt ki äi ādāmi ħarīb, ta ša man pa če pursāi? mnī pādā yak jike šutagi. ta agā mnī pādāi jikā kašitāg pkānāi, man ša ta bāz rāziy a-bāin. e gušti ki nápa bāz juwān int. man yak sāate digár kāin, tī pādāi jikā kašin. e zāg āti, watí kurāgā gúšti ki man ša ta amé anún loṭin yak anbúrre. eší asp gúšti ki bāz juwān int-a. eší asp š-amídā bālī kurt wa šut bi awā. be me yakén sāā^ttā šut, anbúre āurti, dāti. e zāg anbúrā āurti bi debāyā. e deb gúšti ki man ástun yak

чтобы не оставалось у тебя на сердце неудовлетворенного желания!» Он пошел домой, взял и принес убор и покрывала для жеребенка, положил на него, сел верхом и сразу погнал его. Его жеребенок направился к небу, взлетел и остановился у самого неба. Юноша написал письмо и бросил вниз. Люди сказали, что с неба упало письмо. Они взяли письмо, стали читать и увидели, что в письме написано: «батюшка, я ушел от тебя. У твоей жены справа к ребрам привязаны сухари, а лицо вымазано желтым сладобъем. Сколько дней она старалась всячески меня известить, но не смогла! А затем прощай, я ушел!» Царь отсюда отправился к себе.

Юноша ехал и ехал, и когда добрался до самого неба, спустился там с лошади и пошел в одно место. Он увидел, что здесь ревет один див. Он услышал, подошел к этому диву и сказал: «что у тебя болит?» Тот сказал: «странник, зачем ты меня спрашиваешь? мне в ногу попала заноза, и если ты сможешь вытащить из моей ноги эту занозу, я буду очень тобою доволен!» Он сказал: «ну, очень хорошо, немного погодя, я приду и вытащу занозу из твоей ноги». Юноша пришел и сказал своему жеребенку: «что я теперь хочу от тебя, это — щипцы!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» Его лошадь взлетела и двинулась по воздуху. В какой-нибудь час она обернулась, и принесла и дала щипцы. Юноша понес щипцы к диву. Див сказал: «я ведь зверь! ты сходи,

jinawāre. ta bra, byār bāzen xište be me mnī pānādā ničén bdāi ki man watí dapá prenín bi^t ti jānā, trā gandág a-kanín. e gušt ki man raín, xišt a-kārín. e š-amídā šúti pa xištá. š-amídā šut, xišt āurti b-eší ešk-u-áška ničén dāti u anbúrā mān dātī. e deb yiši kúrti, eší pādāi jiká ša pādāi kašiti, dārī kurt, prénti. e amédā kápti. yak sáte digár büt, eší čučág átant bi watí māsāyā, dístant ki tā amídā mardúme ništagi. e gústant ki mašmāi māsá ki p-azāb dārít, albatá améš int. eš átant ki eší rā pkúšant. yak wār ešāni mās gúšti ki eší rā šor ma dāit ki e mnā ša yak balāe alāsī kurtagi. e š-amódā wat rā préntant bi eší dast u pādāi čérā. yak katráe digár büt, ešāni mās dⁿrūá büt wa eší rā gušt: š-amé ammāi puṭán yak káme bzūr, bar. ar jā ti sarā sakie büt, ta amé puṭānā dūt pkān, a^mmā āzír a-bayán. e gúšti ki nápa bāz juwán int. e š-amešāni puṭán ya káme pa wat zurt u búrti.

š-amídā šut, bi yak jāe āti, dísti tā amídā yak dráxte. e š-amídā šúti, bi me draxtāi čérā wapt. bi me wābā tā āti, yak wār dísti tā čaṭupíye. e ša wābā arkāti kurt wa sājli kurt tā yak aždiyāre bālā būtagi wa kājti ki amé čučágānā buwárt. eš watí zāmā zurt u arkāti kurt ki amé aždiyārā pkúšit. š-amé jālágā alyāci kurt, bi me mārāi sarā lagiti. e mār š-amā burzágā kápti bi jālágā, karār e mārā jat, zabr kúšti, zabr eší rā ṭukúr ṭukúri

принеси побольше кирпичу и наложи его около меня, а то я могу броситься на тебя своей пастью и причинить тебе зло!» Он сказал: «я схожу и принесу кирпичу». Он пошел за кирпичем; сходил, принес кирпичу, наложил вокруг него и приложил щипцы. Див лишился чувств. Он потянул занозу из его ноги, вытащил и бросил. Тот тут же свалился. Немного погодя, пришли дивьи детеныши к своей матери (див был самка) и увидели, что здесь сидит человек. Они подумали: «наверное, это тот, кто мучает нашу мать!» и уже хотели его убить, как вдруг их мать сказала: «не трогайте его, потому что он вызволил меня из беды!» Они бросились к его рукам и ногам. Немного погодя, их мать оправилась и сказала ему: «возьми с собой немного из наших волосков! где бы ни случилась с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Он сказал: «очень хорошо», взял с собой немножко из их волосков и унес.

Он пошел отсюда, пришел в одно место и увидел дерево. Он пошел и лег под деревом. Он уже спал, когда вдруг услышал шум. Он проснулся и стал смотреть: один дракон поднялся наверх и хочет пожрать птенцов. Он схватился за меч и двинулся, чтобы убить дракона; нацелился снизу и попал в змея. Змей повалился сверху вниз. Тогда он ударил змея, окончательно его убил, раскромсал на куски и отнес и положил у входа в гнездо этих птенцов,

kurt wa búrti, bi čučágānī kudógāi dapā íštī wa wat pádā átī, bi watí jágá wápti. yak wār amé čučágānī mās átī. e gúštī: bálken mnī čučágānā améš wartai. amé sīmúry š-amídāšut, yak sínge rā bi watí suntá gipt wa áurt ki be me čoriāi sará prénit. amé čučág yak wār bi čaγupíyā átant, gúštant ki äi māsī, na ki e singá prénäi b-é zágāi sará ki amá aždiyār ki ar sál a-kāt, tī čučágānā wart, maróči át ki amá rā buwárt, amé zág át at, be me draxtāi čerā wápt at, yak wār amé mār wat rā pleč dātī wa yak wār amá bi čaγupíyā átan, amé čorí š-amé daraxtāi čerā āgā büt, sálii kurt, dístī ki tā be me draxtāi sará e čaγupíy ast. e zabr sálii kurt, dístī tā ā int aždiyār wat rā pleč dātagí. e watí zāmā zurt u burt bi me draxtāi čerā, zabr e zāmā tézī kurt, zabr sálii kurt, dístī tā zabr be me zāmāi čamá int, amé watí zāmā alyāči kurt, be me mārāi sarágā lagítī. amé mārā zurt u áurt bi jālágā, eši rā gipt, čo páse pósti kurt. š-amé mārāi postā yak silúme kašítī. e gúštant ki na ki māsī e zágā pkúšāi, ki e amá rā āzādī kurt. ešānī mās amé singá pádā burt wa préntī wa jīndī pádā átī bi watí jágá, bi watí čučágānīyā. amídā tángā wáb int. amé sīmúry átī, watí yak bále rā bi čerāi kurt, yáke rā p-ái gwátī jat tā wáxte ki āgā bütī. amé ki āgā bütī, amé sīmúry gušt ki ta š-a^mmāi parān yak káme psind. ar jā ki tī sará sakie

а сам вернулся и лег на свое место. Вдруг вернулась мать этих птенцов. Она сказала: «наверное, этот самый поедал моих птенцов!» Эта птица-симург пошла, схватила в клюв камень и принесла, чтобы бросить его в этого юношу. Тотчас птенцы подняли шум и сказали: «матушка, не бросай камень в этого юношу, потому что тот дракон, который каждый год приходил и поедал твоих птенцов, приходил и сегодня, чтобы нас съесть, а этот юноша еще прежде того пришел и спал под деревом. Вдруг змей пополз, и мы подняли шум. Юноша под деревом проснулся, посмотрел и понял, что этот шум идет с вершины дерева. Он хорошенько присмотрелся и увидел: вот оно что! это дракон пополз! Он схватил свой меч, понес под дерево, хорошенько наточил его, хорошенько взгляделся, увидел, что он приходится как раз под самый меч, размахнулся мечом и попал змею в голову. Он взял этого змея, стащил вниз и содрал с него кожу, как с барана, а из змеиной кожи вытянул ремень». Они сказали: «нет, матушка, не убивай этого юношу, потому что он освободил нас!» Их мать отнесла назад камень и бросила его, а сама вернулась на свое место к своим птенцам. А он еще спит здесь! Птица-симург подошла, подложила одно крыло под него, а другим стала на него навевать ветер, пока он не проснулся. Когда он проснулся, птица-симург сказала: «вырви немножко из наших перьев, и где только ни

būt, ta amé puṭānā dūt pkan. amá āzír a-bayán. amé zāg gúštī: nápa juwán int. ša ešānī bāzúl u parán yak káme zurt u burt.

š-amídā šūtī bi yak jāgāe, dístī tā yak šuwānāge dédi yak páse rā kušít wa dédi post a-kántī. amé zāg gúštī ki amé watí pasáĭ uškumágā mnā bdāit. e gúštant ki nápa bāz juwán int. amá watí pasáĭ uškumágā bi ta dayán. e gúštī ki nápa bdāit. e gíptant, watí pasáĭ uškumágā dātant bi zāgāĭ dastá.

e zāg š-amídā šut, dístī tā amídā yak bāgwāne dédi watí bāgānā āp a-dánt. amé zāg šut, wat rā prent bi amāĭ jūwákāĭ dapá. e bāgwán dístī tā amé mnī jūwákāĭ dap bastág būt. ā int-a ki āpa na kāĭt, watí belá zurt u bi watí kopágā prent u átī, sālī kurt tā bi mnī jūwákānī tā mardúme kaptagí. yak wār amé bāgwán watí belá kašít pa jānāĭ. amé zāg gušt: na ki mnā pkúšāĭ? man tī muzūr a-baín. e gúštī: nápa juwán int, ta byā ki brawán, ya káme gul go man ta bčín ki man a-barín pa pādišāāĭ jiníkān. e gúštī: nápa juwán int, brawán. e š-amídā šútant wa gul čítant. amé bāgwán eší rā gúštī ki ta amídā mnind ki mán a-raín bi pādišāāĭ gisá. amé zāg bi amé bāgāĭ sará níštī. e bāgwán bi ódenā e gulánā ki burt, pādišāāĭ jiník átant pa gulānī sāĭlā. gulánā sāl kurtant, dístant tā amé gulānī tā yak dastáge gul jwānén bastá wa ér int. amé pādišāāĭ jiník

случится с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Юноша сказал: «хорошо!» взял немного перьев из их крыльев и понес с собой.

Он пошел отсюда в другое место и увидел, что один из пастухов режет овцу и сдирает с нее шкуру. Юноша сказал: «отдайте мне желудок своей овцы!» Они сказали: «хорошо, отдадим!» Он сказал: «ну, так давайте!» Они взяли и вручили юноше овечий желудок.

Юноша пошел отсюда и увидел, что один садовник поливает свои сады. Юноша пошел, лег в канаву и завалил собою вход в нее. Садовник увидел: да ведь завален вход в канаву, вот потому вода и не идет! Он взял лопату, положил на плечо, подошел, стал смотреть и увидел: какой-то человек лежит в моей канаве! Садовник тотчас схватил свою лопату и двинулся на него. Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе буду слугой!» Тот сказал: «ну, хорошо, давай, пойдём! ты набери со мной немного цветов, и я их снесу царским дочерям!» Он сказал: «ну, хорошо, пойдём!» Они пошли отсюда и набрали цветов. Садовник сказал ему: «ты посиди здесь, а я пойду в царский дом!» Юноша сел у входа в сад. Когда садовник отнес туда эти цветы, царские дочери пришли посмотреть на них. Они стали рассматривать цветы и увидели, что из этих цветов один букет красиво связан и уложен. Царские дочери спросили у садов-

pursítant š-amé bāgwánā ki amé gulánā kaj čitagí? e bāgwán jawáb dátī: man yak muzúre dārín, amá čitagí. e ĵiník bi watí dilá pígr kurtant ki biyáit tā bándā mašmá brawán ꝑa ābāziyā.

bándā ki būt, amé pādišāāĵ ĵiník wat rā ĵóđ kurtant ki brawánt. amé zāg maróči watí aspāĵ puṭá dūt kurtagí, amé asp ātagí bi amāiyā. amé zāg watí pādišāien ĵulánā watí gwará kurtagí. amé aspāĵ bi āškāĵ bastagí. amé zāg dédi watí tilāen šaká zurtagí, watí sará dédi šák a-kánt. amé ki pādišāāĵ ĵiník ātant, amé gwandén ĵiníkāĵ čam kapt bi me zāgá. amé zāg ki watí sará šákī kurt, watí šaká amídā be °óši kurt. be me draxtá ĵát at, amé pādešāāĵ gwandén ĵiníkāĵ čam kapt be me šaká. amídā oštát, íči na gušt. amé zāg watí ĵwānén ĵulánā gipt, bi aspāĵ sará bast, ā wat amá watí uškumágā gipt bi watí sará bast. š-amídā watí aspá zurt u burt, bi dūrā, elāi kurt, ya káme puṭ am sist, wat š-amídā šut bi bāgāĵ pānādā. amé pādišāāĵ gwandén ĵiník ātī, ameši šaká zurt wa búrti pa wat.

yak čunt roč gwast. amé pādišāāĵ ĵiník pa watí pisá bi gulámāĵ dastá galó^w dem dátant. ar yáke yak galó^w dem dátant. e gulám galó^wānā š-amídā zurt wa burt pa pādišā. ódinā bi pādišāāĵ demá íšti. e pādišā aĵrān mántī, watí wazíl u wakilānā loṭítī ki ešānā pa čéwāĵ xātírā pa man dem dátág ant. amé wazíl jawáb dátī ki āĵ pādišā, man agár bgúšín, ta mnā ta^mmiya

ника, кто набрал эти цветы. Садовник ответил: «у меня есть один слуга, это он набрал!» Девушки про себя подумали: «давайте, завтра сходим купаться!»

На следующее утро царские дочери собрались итти. А юноша в этот день заставил дымиться волосок своей лошади, и лошадь пришла к нему. Юноша надел на себя свои царские одежды, привязал свою лошадь поодаль, а сам взял свой золотой гребень, да и причесывает свою голову. Когда царские дочери подошли, младшая девушка заметила юношу. А когда юноша причесывал голову, он забыл здесь гребень: уронил его под деревом. Младшая царевна заметила этот гребень; она остановилась, но ничего не сказала. Юноша взял свою хорошую одежду и привязал ее к лошади, а сам взял тот свой овечий желудок и повязал им голову. Потом он взял свою лошадь, повел ее и пустил вдаль, только выдернул несколько волосков; а сам направился отсюда к саду. Младшая царская дочь подошла, взяла его гребень и унесла с собой.

Прошло несколько дней. Царские дочери послали с рабом своему отцу дыни. Каждая послала по одной дыне. Раб взял дыни, отнес царю и поставил перед царем. Царь удивился и позвал своих правителей и наместников: зачем, дескать, они мне их прислали? Визирь отвечал: «о царь, если я скажу, ты

na kanā? amé pādišá gúšti ki man ič waxt trā tamiya na kanín, ta bguš. amé wazíl gúšti: ā mazánen galówā tī mazánen ĵiník pa ta dem dātagí ki ameší dil pa mardá omán kurtagí. e pādišá gúšti: ĵuwán int. amé miyānta-íen galó^w tī miyāntaíen ĵiniká int, amé gwandentarúk tī gwandén ĵiniká int. amé pādišá gúšti ki tawár pkánit amé ĵārčínā. e tawár kúrtant ĵārčínā. amé ĵārčínā gúšti: ta bra, amé maxlúkā bguš ki bándā ič kas ma rot ki bándā pādišáĵi ĵiník pa wat márd a-giránt.

tārienā büt, maxlúk gird bi yak ĵā bütant. amé zāg š-amídā šut, bi yak ĵāe čer kapt, bi yak tandúrāĵi tā. amé pādišá āúrt, bi amé maxlúkāĵi tā yak kapóte elái kurt wa gúšti: amé mnī ĵinikáni dil bi ar kasí sará bit, amé kapót wat bál a-kanánt, bi māí sará rawánt, nindánt. amé mazánen ĵinikāĵi wār bütī. amé mazánen ĵinikāĵi dil bi wazilāĵi zāgāĵi sará at. amé kapótā bál dātant, amé kapót šut, bi wazilāĵi zāgāĵi sará ništ. wārí amé gwandén ĵinikāĵi büt. amé gwandén ĵinikāĵi dil bi wakílāĵi zāgāĵi sará at. amé kapótānā bál dātant. amé kapót šútant bi amāí sará ništant. eší pa wat wakílāĵi zāgā gipt. wārí amé gwand-gwandén ĵinikāĵi büt. eš ar čę sālī kurt, amá zāg paidá^a na bit. e gušt: šmā amé kapótānā elá pkánit, amé kapót āí rā wat getír paidá^a kanánt. amé pādišá kapótānā elá kurt. amé kapót gáštant éngūr, gáštant ángūr, yak wār šútant, bi tandúrāĵi tā ništant,

не подвергнешь меня наказанию?» Царь сказал: «говори, я тебя ни в каком случае не накажу!» Впзирь сказал: «большую дыню тебе послала твоя старшая дочь, потому что ей хочется мужа!» Царь сказал: «хорошо!» — «Средняя дыня — твоей средней дочери, а самая маленькая — твоей младшей дочери!» Царь сказал: «позовите глашатая!» Позвали глашатая. Он сказал глашатаю: «иди, объяви народу, чтобы завтра никто не уходил, потому что завтра царские дочери будут выбрать себе мужей!»

Наступило утро. Весь народ собрался в одном месте, а этот юноша пошел отсюда и спрятался в одном месте, в печке. Царь принес и выпустил в народ голубя и сказал: «кто бы ни был по сердцу моим дочерям, эти голуби взлетят, сами направятся к тому и сядут на него». Настала очередь старшей дочери. Старшей дочери был по сердцу сын визиря. Голубя пустили лететь, голубь полетел и сел на сына визиря. Настала очередь младшей дочери. Младшей дочери был по сердцу сын наместника. Голубей пустили лететь, голуби полетели и сели на него. Она взяла себе сына наместника. Настала очередь самой младшей дочери. Сколько она ни смотрела, того юноши нельзя было найти. Она сказала: «выпустите голубей, голуби сами его лучше найдут!» Царь выпустил голубей. Голуби сунулись сюда, сунулись туда, и вдруг направились

bi me zāgāi sará. amé pādišá airán mānt ki e mnī jiník bi! e brot, yak gá're rá bgit! e pādišá gušt ki e wāri na büt! pa duwārág kapót átant bi amé zāgāi, amé zāgá búrtant, bi amé maxlúkai tā čér kurtant. amé kapót átant, š-amé maxlúkai tā eši rá paiddá kúrtant, bi sarái nístant. e gaštínā pādišá gúšti: albatán xudá bi ameši pešāniyā kurtagi. amé wazil u wakilāi zāgānā búrti, juwānén tamāni tā kurt, amé zāgá wa amé watí jinikā burt, bi arāi kulundāi tā kurt.

yak róče büt, amé wazilāi zāg wa wakilāi zāg go watí wasirkā gústant ki ai wasirk, ta amé amá duénānā sáre yak asp bdāi wa sáre yak tūpák bdāi ki amá rawán pa šikārā. e gúšti: nápa bāz juwán int. amešānā sáre yak asp u tūpák dāti. amé zāg go watí jenénā gúšti: ta bra, pa man yak tūpáke ša watí pisá bzin wa yak áspe. e gušt: juwán int. e š-amidā šut bi watí pisāyā, gúšti: ai bābā, ta amé mnī mardā yak áspe go yak tūpáke bdāi ki ā-m rot pa šikārā. eši pis gúšti: nápa bāz juwán int. š-amidā šut, yak lakundáge go yak ābūe dāt. amé zāgāi jinén āurti, watí mardāi dastā dāt. ameši mard amé aspā be-zenāyā suwār büt wa ai kurt u šut. amé aspā búrti, bi yak zambūr-dānāgai dapā básti wa watí aspāi puťá dūti kurt wa gúšti ki ar če bi dunyā āú ast, man maróči ša ta loťin ki amidā byāyant. ameši asp gúšti: nápa bāz juwán int-a. bi me yak damā ar če āú at, e jāmī

к печке и сели на юношу. Царь изумился: и это моя дочь! она пойдет и возьмет какого-то лысого! Царь сказал: «этот раз не в счет!» Но и вторично голуби приблизились к этому юноше. Юношу схватили и спрятали среди народа, но голуби приблизились, отыскиали его в народе и сели на него. На этот раз царь сказал: «должно быть, бог приготовил ему такую судьбу!» Он повел сыновей визиря и наместника и поместил их в хорошие дома, а этого юношу со своей дочерью повел и поместил в ослиный хлев.

Однажды сын визиря и сын наместника сказали своему тестю: «тесть, дай нам обом по лошади и по ружью, и мы отправимся на охоту!» Он сказал: «очень хорошо!» и дал им каждому по лошади и по ружью. Этот юноша сказал своей жене: «сходи и возьми у своего отца и для меня ружье и лошадь!» Она сказала: «хорошо!» Она пошла отсюда к своему отцу и сказала: «батюшка, дай моему мужу лошадь и ружье, пусть и он также едет на охоту!» Ее отец сказал: «очень хорошо!» Он пошел и дал негодное ружьишко и какую-то клячу. Жена юноши доставила это и вручила своему мужу. Ее муж без седла сел на эту лошадь, погнал ее и уехал. Он увел эту лошадь, привязал ее к одному улью, а сам задымил волоском своей лошади и сказал ей: «сколько ни есть в мире газелей, сегодня я от тебя требую, чтобы они сошлись сюда!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» В этот самый миг, сколько ни было

kurt wa āurtī. amé zāg amídenā pa wat yak xajmáe jat, wat bi me xajmáā tā büt. āú am amesi ešku-áškā átant. yak āúe lang at. amé wazíl u wakílāi zāg bi amesi padā kápt-atant. amé āú am rástam átī bi me āúānīyā. yak wār amé zāgāi čam kápti, tawāri kurt, gúšti: bílit āúā. amé wazíl u wakílāi zāg ístant wa átant bi amé zāgāyā. amé zāg gúšti: šumā če kār dārit bi digārāi āúān. ā gústant: amā rā plāná pādišā dem dātagí pa āúā. e gúšti: man šmā rā āú a-daín pa yak šárte: bi šmāi rástén padā yak gulāmien nāldáge kilín. e gústant: bāz jwān int-a, byār, bil. amé zāg šut, yak āyíne rā burt, bi átíšā sóri kurt, āurtī, bi amesāni padā lačént wa š-amídā šut, amā āúā āurt u kúšti. lášāi ešānā dāt, dil u jagārāi pa wat zurt wa gúšti: ar če waší u noší ast, bāit bi me sarág wa pādágāi tā, ar če tālí ast, brot bi māwānī lášāi tā. ešānā gúšti: anún šmā brāit. amé wazíl u wakílāi zāg šútant, átant bi watí gešā. amé zāgāi jēnén ešānā pursít ki gúj-int mnī mard? ā gústant ki āi rā am dístan, amādā čār a-kúrt, šikāre čize na díst atī, amā āi rā amé āúāi sarág u pādágā dātan.

yak sá^{te} digār büt, amé zāg átī bi mā zānbūr-dānágāi dapā. amé aspā páčī kurt wa suwār büt, ai kurt wa átī bi watí gisā, amé sarág u pādágānā dāt bi watí jēnēnā. amesi jēnén zabr pakít, begāenā āurtī, bi

газелей, она собрала их и привела. Юноша разбил здесь для себя шатер и поместился в шатре. Газели собрались вокруг него. Одна газель хромала, а сыновья визиря и наместника ее преследовали. Эта газель прямо подошла к другим газелям. Взгляд юноши упал на нее и он закричал: «оставьте газель!» Сыновья визиря и наместника оставили ее и подошли к юноше. Юноша сказал: «что вам нужно от чужих газелей?» Они сказали: «нас послал за газелями такой-то царь!» Он сказал: «я дам вам газель, но с условием: я поставлю вам на правую ногу рабские клейма!» Они сказали: «очень хорошо, неси, ставь!» Юноша пошел, понес железо и раскалил его на огне; принес и приложил им к ногам. Потом он пошел, привел и убил ту газель и ее тушу отдал им, а сердце, печень, (голову и ножки) взял себе и сказал: «все, что есть вкусного и приятного, пусть придет в эту голову и ножки! все, что есть горечи пусть идет в их тушу!» а им он сказал: «теперь идите!» Сыновья визиря и наместника пошли. Они пришли домой, жена юноши спросила их: «где мой муж?» Они сказали: «мы его видели, он там бродил; на охоте он ничего не нашел, и мы ему отдали голову и ножки этой газели!»

Прошло немного времени. Юноша подошел к улью, отвязал лошадь, сел верхом и погнал ее; приехал домой и отдал жене голову и ножки газели. Его жена хорошенько изжарила, и вечером принесла и поставила перед мужем,

watí mardáġ demá íštī wa pa watí pešáġ gešá ya káme zurt wa burt. amešī pis ki wártī, guštī: bábá, e čo wás ant! digár náint? pa man byār. ā guštī ki ast. písī gušt: nápa bra, byār. amé ĵinikó šut, ya káme ātúk bi yak káságāġ tā kurt wa āúrt, bi me ātúkānī tā yak aráġ léde prent. ān čo ki āúrt pa watí pisá, písī ki wart, guštī: bábá, ešānī tā aráġ léde. amé ĵiník guštī: ta amā rā bi yak aráġ kulundáġ tā prentág āġ, albatá ātúk go leđān a-bayánt. amešī pis guštī: nápa man bándā šma rā bi tamānī tā kanín.

tārienā ki büt, yak digá pādišāe āt pa amešī wasírkāġ ĵānā pa ĵangá, ki ĵang pkant. amé zāg šut, watí aspáġ puťá dūtī kurt, amā šeráġ puťá dūtī kurt, sīmúryāġ puťá dūtī kurt. karār watí aspá suwár büt, šer u sīmúry ātant bi ešī padá. ā sīmúry čāmm a-kašít, amé šer lāp tál a-dāt, ĵat ki amé pādišá ki pa ešī wasírkāġ ĵangá āt-at, amešī ġošúmā ġátlī kurt. yak wār amešī dast tīr wart. amešī wasírk āúrt watí dasmálā, bi amešī dastá bast. e laškárā čist tamāmī kurt wa šapí āt bi watí gešá. amé pādišá šút-atī demtírā, gušt-at go watí ĵiníkā: maróčī ānčen mardúme átī ki čist amā laškárā tamāmī kurt. amé ki átī, ta purs ki ta maróčī guĵá bütág āġ? agár dístāġ ki bi amāí dastá mnī dasmál bást-at, gúđā bzánāġ ki amā int-a, gúđā ta purs ki tī dastá če būtagí. yak katráe digár büt, amé zāg āt, šapénā ki

а немножко взяла и отнесла в дом к своему отцу. Как только ее отец поел, он сказал: «батюшки, как это вкусно! нет ли еще? принеси мне!» Она сказала, что есть. Ее отец сказал: «ну, так сходи, принеси!» Девушка пошла, налила в миску немного похлебки и принесла, а в похлебку бросила ослиного навозу. Как только она принесла своему отцу и ее отец поел, он сказал: «батюшки, тут ведь ослиный навоз!» Девушка сказала: «ты ведь бросил нас в ослиный хлев, поэтому похlebка и выходит с навозом!» Ее отец сказал: «ну, завтра я помещу вас в настоящий дом!»

Когда наступило утро, другой царь подступил с войной к его тестю, чтобы повоевать. Юноша пошел, задымил волоском своей лошади, задымил волоском того льва (дива), задымил волоском птицы-симург. Коротко говоря, он сидел верхом на своей лошади, а лев и птица-симург шли сзади него: симург выклевывал глаза, а лев вспарывал животы и избивал, так что он на смерть перебил войско того царя, который пришел воевать с его тестем. Вдруг его поравили в руку. Его тесть принес свой платок и завязал ему руку. Он совсем прикончил это войско и к ночи вернулся домой. А царь еще раньше ушел и сказал своей дочери: «сегодня приходил такой-то вот человек, который совсем прикончил то (вражеское) войско! когда (твой муж) вернется, спроси: где, мол, ты был сегодня? и если увидишь, что на его руке повязан мой платок, знай, что это он и есть, и тогда спроси, что, мол, случилось с твоей рукой?» Немного

wáptant, amesi jenen säil kurt: amé mnī pisái dasmāl be meši dastā bastagí. amesi jinen zūti kurt, šut, watí pisá sí kurti ki ti dasmāl bi amesi dastā bastagí. amesi pis gúšti ki šmā rā man bāndā mutlaxán bi tamāni tā kanín. amé zāgái jinen ki pádā áti, šapénā wáptant.

tārienā mālā amé zāg šut, watí aspái puṭá dūtj kurt. áspi ki áti, amé zāg gúšti ki man ša ta loṭin ki bi me yak ročá pa man amídā tilāāi šār u kaláte jod pkan. amesi asp gúšti: pa če bi yak róče? man pa ta bi nim sāātā jod a-kanín. e gúšti: nápa bāz jwán int, ta pa man jod pkan. amé asp loṭiti múči pariyānā. amé pari átant, go eši yak damā tillāāi gise jod kurtant. tāngāt roč dar náy-āt at, e gisā tayār kúrtant. amé zāg šut, watí jinenā zúrti u aúrti, bi gešái tā búrtant. amé pari bi yak sāātā pa eši nān jod kurtant.

amé ki roč büt, mullā ustát pa azānā, ič na zánti ki watí demá gujān-gūri pkant wa azān bdānt. dísti tā ša ingyūr roč dar átá, ša āngūr am roč dar átá. pādišá ki ustát, sāili kurt, gúšti wā wajlān! amé pādišá mnā kušit! watí maxlūkānā gúšti: biyāit ki mašmā brawán pa amé pādišāāi salāmā. amé maxlūk watí aspānā zen kúrtant wa suwār bütant, átant pa amé pādišāāi salāmā. amé pādišá at, eši dastānā gipt, čukít. amé pādišāāi

погода, юноша пришел. Ночью, когда они легли, его жена взглянула: да ведь это платок моего отца повязан у него на руке! Его жена заторопилась и пошла известить своего отца: у него, мол, на руке повязан твой платок! Ее отец сказал: «я завтра же помещу вас в настоящий дом!» Жена юноши вернулась, и они ночь проспали.

Рано утром юноша пошел и задымил волоском своей лошади. Когда лошадь пришла, юноша сказал: «я хочу от тебя, чтобы в течение одного этого дня ты для меня здесь построила золотой город и замок!» Лошадь сказала: «почему в течение одного дня? я для тебя построю в течение получаса!» Он сказал: «очень хорошо, построй для меня!» Лошадь созвала всех пэри. Пэри пришли и в один миг построили золотой дом. Еще солнце не взошло, когда они окончили этот дом. Юноша пошел, взял свою жену и привел ее; они перебрались в дом. Пэри тотчас приготовили для него еду.

Когда наступил день, мулла встал на молитву и не мог понять, в какую сторону обратить свое лицо и звать на молитву: он увидел, что и с той стороны взошло солнце, и с этой стороны взошло солнце! Царь встал, посмотрел и сказал: «ох, этот царь меня убьет!» Он сказал своим подданным: «давайте, пойдем на поклон к этому царю!» Его подданные оседлали лошадей, сели верхом и прибыли к тому царю на поклон. Этот царь подошел, взял его

jiník átī, bi watí mardáǰi zānáǰi sará ništ. amé písi ki dist, watí dilá gúšti ki sāǰl pkan mnī jinikā ki watí mardáǰi zānáǰi sará ništagi! yak katráe digár ki büt, pa ešan nān āurtant. e ki nān wártant, amé zāg gúšti go amé pādišá: man amé tī mardumāni tā du gulām dārin. amé pādišá pursit ki ká int-a ti gulām? amé zāg gúšti: yáke á int-a, yáke á int-a, nišaní pa e nišaní ki rāstáǰi pādáǰš yak nāldáge. amé maxlúk aǰrān mántant, amé pādišá am aǰrān mānt ki e čunén káre büt. amé maxlúk gústant go amé zāgá ki amá amá mardumānā lúč a-kanán. agár ān čo ki büt ki tī gulāmien nāldág bi āwāni pādá na at, gúdā amá go ta jáng a-kanán. amé zāg gúšti: nápa bāz juwān int-a. šmā, matláb, amá zāgānā biyárit u bi mnī demá luč pkānit. amé maxlúk gústant: nápa bāz juwān int-a. amé maxlúk šútant, amá ar duén zāgāni dastānā giptant u āurtant u bi amé zāgáǰi demá lúč kurtantiš, amé zāgá gústant: anún ta biyá, sāǰl pkan ki tī nāldág guǰamadā int. amé zāg āt, sáǰli kurt, gúšti: e mnī nāldág ant. amé pādišá ki dísti, ša amé watí jāgá ustát u āt, amé zāgáǰi demá čukit, gúšti: ta rāst a-gušáǰi. karār ame watí gulāmānā gúšti: man šmā ra pa watí pisáǰi xatírá ičiyā na kanín.

karār amé pādišá ame zāgá zurt u burt bi watí gisá. ódinā ki búrti, amé watí maxlúkānā gírdānā loǰit wa gúšti: man anún pír bütág un, mnī jā

руки и поцеловал. Пришла царская дочь и села на колени к своему мужу. Когда ее отец увидел это, он сказал про себя: «посмотри-ка! да ведь это моя дочь уселась на колени к своему мужу!» Немного погодя, принесли еду. Когда они поели, юноша сказал царю: «среди твоих людей есть двое моих рабов!» Царь спросил: «кто твои рабы?» Юноша сказал: «один — вот этот, другой — вот этот! а доказательство то, что у них на правой ноге клеймо!» Люди изумились, и царь изумился: что, мол, за происшествие случилось! Люди сказали юноше: «мы разденем этих людей, и если окажется, что у них на ногах нет твоего клейма для рабов, тогда мы будем с тобой воевать!» Юноша сказал: «очень хорошо! только вы приведите этих людей и разденьте их передо мной!» Люди сказали: «очень хорошо!» Люди пошли, схватили их обонх за руки, привели и раздели их перед юношей и сказали: «теперь подойди и смотри, где твои клейма!» Юноша подошел, посмотрел и сказал: «вот мои клейма!» Царь, как увидел, так встал с своего места, подошел, поцеловал юношу и сказал: «ты говоришь правду!» Наконец, юноша сказал этим своим рабам: «ради своего отца я вам ничего не сделаю!»

Итак, царь взял юношу и отвел к себе домой. Когда он его туда отвел, он созвал весь свой народ и сказал: «я теперь состарился, пусть вместо

amé mnī zāg pādišá bit. amé maxlúk gírdi gústant: nápa bāz juwán int-a, bí tā tí amé zāg pādišá bit. amā gírdiy a-lóṭan ki ā pādišá bit. karár amé zāg pādišá büt. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat imáne āúrtun, pa ta juwānen jínike āúrtun.

XV

büt büt, ša xudá getír káse na büt. pādšáe at, dášti du zāg. e zāgī šútan^t pa šikárā, šikárāi jāgá dú bütant. gwandén bráse šúti, dísti yak šikáre. e šikárā máre wart-áti, amé šáxi band gipt-áti bi dapái. e brás šúti bi watí mazánen brásáia, gúšti: biá ki aždiáre goránde rá wartá, šáxi band giptág-an^t bi dapái. édā átant. aždiár gušt: äi ādamī-zát, š^mmā ma trusít, e šāxá ša mnī dapá agár dūr pkánit, ar če bloṭit, man *dā^hín šmā rá. e šútant, arráge āúrtant, e šāxá arrág kúrtant, e aždiár šāxá wárti. e čorí gústant: biá, brawán ammái pisái šārā. e šútan^t watí pisái šārā, šārāi mardúm aždi-árā dístant, múči jístan^t, yakén pādšá mánti. čorí gústant: äi mardumán, ma jéit. písíš āt, p-é aždiárā čergéj préntan^t, wašámáde kúrtant. aždiár gúšti: ša šmā du brásán yáke biáit. gwandén trusít, mazánen brási šut.

меня будет царем этот мой сын!» Весь народ сказал: «очень хорошо, пусть этот твой сын будет царем! мы все хотим, чтобы он был царем!» Итак, этот юноша сделался царем. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел красивую девушку.

(XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря)

Было-было, лучше бога никого не было. Был царь, у него было два сына. Его сыновья отправились на охоту. На охоте они разделились. Младший брат пошел и увидел одного барана; его поел змей, но его рога застряли в пасти. Этот брат пошел к своему брату и сказал ему: «подойди, змей пожрал барана, но его рога застряли у него в пасти». Они подошли туда. Змей сказал: «рожденные человеком, не бойтесь, и если вы удалите у меня из пасти эти рога, я дам вам все, что вы захотите!» Они пошли, принесли пилу и отпилили рога; змей пожрал рога. Юноши сказали: «давай, пойдем в город нашего отца!» и они пошли в город своего отца. Жители города увидели змея и все разбежались, остался один царь. Юноши сказали: «люди, не убегайте!» Их отец подошел, змею постлал ковер и сказал ему: «добро пожаловать!» Змей сказал: «пусть придет один из вас, двух братьев!» Младший брат испугался, старший брат пошел.

aždiár gušt ki man a-räin demá, ta ša pádā biyá, ar čiz a-kāit tíā, ma trusáĭ: trā zā^arát a-kánt. yákke ša pádā kāit, trā tī rikébā zārát a-kánt, amá tī dištár int. amé mār átant, eší rā zārát kúrtant. ša pádā yak máre át, eší rā tā rikébā zārát kurt. čorí šut, aždiáāĭ gisá sár büt. e aždiyá ša watí siyādān sóĭi ku ki man watí ĵaníkā b-e ādami-zátā bdáin yā ma dáin. siyádi gústan^b: agá sāĭ šapá ĵoĵ ma bit, eší póst a-kašán, ša ka^ba púr a-kanán. agá ĵoĵ büt, eč kārā heč. gúšti: šarr. watí ĵaníkā gísí dāt.

bi awalien šapá sāĭ godí kitóāĭ tā kúrti ki ma gušant ki wāb šutá. eš šapí ĵoĵ na büt. tári ustát, aždiá át, gúšti: tī woš go godiā bütá. šapí büt. sāĭ muĵúl kitówāĭ tā kúrti. ĵaník át, watí mārí^ven pošá kašítí, e čorí āgá na büt. ĵaník čirágā búní dāt, níští, e čorí āgá na büt. tári roč büt, aždiá át, gúšti: ĵoĵ na bütit. čorí gušt: na. aždiá gušt: tī woš go muĵúlān bütá. šapí büt, čorí watí čangúlā šáxi kurt, eší rā wád ku. šapí wáptí, wāb na šut. ĵaník át, watí pošá kašítí, čirágā búní dāt, níští, čorí āgá büt. ĵoĵ bütant. tári roč büt, aždiá át, gáli kurt.

dā roč gwast. čorí aždiá gúšti ki man a-räin watí pisáĭ šārā. eší gušt: bāz ĵwān int. át watí ĵánénāĭā. ĵánén gušt ki bra mni pi^sáya, bguš ki ta

Змей сказал: «я пойду вперед, а ты иди сзади, и кто бы ни подошел к тебе, не бойся: это тебя будут приветствовать; и сзади некто подойдет к тебе, чтобы поклониться твоим стремнам, это — твоя невеста!» Змей подошли и приветствовали его. Одна змея подошла сзади и поклонилась его стремнам. Юноша пошел и добрался до дома змея. Змей спросил у своих родственников: «отдавать мне свою дочь за рожденного человеком или нет?» Его родственники сказали: «если он в три ночи не сладит (с женой), мы снимем с него кожу и набьем ее сеном! ну, а если сладит, тогда ничего!» Он сказал: «хорошо!» и выдал за него свою дочь.

В первую ночь он положил в карман три рюхи, чтобы не говорили, что он заснул. Ночью он не сладил (с женой) и утром встал. Змей пришел и сказал: «твои мысли были с рюхами!» Наступила ночь, он положил к себе в карман три бабки. Девушка пришла, сняла свою змеиную оболочку, но юноша не проснулся. На утро, когда взошло солнце, пришел змей и сказал: «не сладились?» Юноша сказал: «нет!» Змей сказал: «твои мысли были с бабками!» Наступила ночь, юноша обрезал себе палец и посыпал на него соли. Ночью он лег, но не заснул. Девушка пришла, сняла свою оболочку, зажгла светильник и села. Юноша проснулся, и они сладились. На утро рассвело. Пришел змей и стал шутить.

Прошло десять дней. Юноша сказал змею: «я отправляюсь в город своего отца». Тот сказал: «очень хорошо!» Он пришел к своей жене. Жена сказала:

áspe bdäi. áspe ki dátī, lāgárene byáräi, pa-zórene ma yáräi, ša lagámānī ta konágene byáräi, zenānī tā konágene byáräi. čorí šut aždiáäiā, gúšti ki mnā áspe bdäi. gúšti: bra, pa wat áspe biyár ša aspānī tā. šut, lāgáren áspe āurtī, šut, konágen lagáme āurtī, šut, zenānī tā konágen zéne āurtī. jänénī gúšti ki bra, mnī māsá bguš ki azrāti Sulejmānī paḥbambári aptekállā bdäi. e čorí šúti, gúšti: azrāti Sulejmānī paḥbambári aptekállā bdäi. māsī dátī, eš zurt o āurtī. jänénī gúšti ki bra, mnī māsá bguš ki azrāti Sulejmānī ampānā bdäi. čorí šúti, gúšti ki azrāti Sulejmānī ampānā bdäi. ešī rā dátī. eš zurt o āurtī. čorí gúšti: man a-rāin watī pissāi gisá. jänénī gúšti ki bra, p^lānā gudāräi sará mnind ki man ša watī pis o māsá raxsatī a-girín o káin.

čorí šut, amá gudāräi sará ništ, gušnág büt, gúšti: äi biyá, ki man yak lunkáe nān bzūrín o borín. eš yak lunkáe nān zúrti, dístī ki máre. sínge zúrti, játi sarágäi täi. gušti: äi čorí, kuštínā mnā kúštäi, plānā ampānāi tā dārūānā mnī sará dé. eš zúrti, be sarāi játi. e mār čoriäi jänén átī, amé mārien postá wat rā kúrt-atī. čorí gúšti: brawán. e š-amédā šútant, bi watī pisāi šārā šútant.

tāri roč büt. gwandén brási ša gisāi demá gwast, čámmī kápti bi janénäi. dístī čonén zabrén-e, γišī kurt, kapt. janén átī, gwandén čoriäi

«иди к моему отцу и скажи, чтобы он дал лошадь; когда он даст лошадь, выбирай худую, сильную не бери, уздечку бери старую, и седло бери старое!» Юноша пошел к змею и сказал: «дай мне лошадь!» Тот сказал: «иди и сам выбери себе лошадь!» Он пошел и привел худую лошадь; пошел и взял старую уздечку; пошел и из седел выбрал старое седло. Его жена сказала: «иди и скажи моей матери: „дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!“» Юноша пошел и сказал: «дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!» Мать дала ему. Он взял и принес. Его жена сказала: «иди, скажи моей матери, чтобы она дала сумку святого пророка Сулеймана». Она дала. Он взял и принес. Юноша сказал: «я отправляюсь в дом своего отца!» Его жена сказала: «иди и подожди у такой-то переправы, потому что я попрощаюсь с отцом и матерью и приду».

Юноша пошел, стал ждать у той переправы, проголодался и сказал: «дай-ка, я возьму и съем кусок хлеба!» Он взял кусок хлеба, как вдруг увидел змею. Он схватил камень и бросил ей в голову. Она сказала: «юноша, ты меня на смерть убил! приложи мне на голову лекарства из такой-то сумки!» Он взял и приложил ей к голове. А эта змея была жена юноши, она надела на себя змеиную кожу. Юноша сказал: «пойдем!» Они ушли оттуда и пришли в город своего отца.

На утро рассвело. Младший брат проходил перед домом, и его взгляд упал на жену брата. Он увидел, как она хороша, лишился чувств и упал. Жен-

demá páki ku go watí dasmálā, čori ustátī, šútí watí pisá^{yā}, gušt: äi bábá, e janén bábi mni brásá na dārit, bábi man dārit. pādšá watí wazílā lotít, wazílā gúšti: yak káre pkan ki e čorí^{yā} pkúsan, janikā bzínan, bdáyan bi gwandén zāgá. wazíl gúšti: bāz jwān int.

čorí^{yā} lotítant, čoríyā gústant: šapí sāi kūzágā pur pkanāi ša debái širá, tári biyárai. čoríyāi rang zard büt. šut janíkā^{yā}. janík gúšti: ti rang pa če zard int? čorí gúšti: biyā ki e rang guštág ant. e janík dasmálā zúrti, demái páki kurt. rángi am-awálāi rang büt. e janík gúšti ki γussá ma war, ki āsán int. šapí čoríyā bíri dāt. debái púte dúti kurt. deb rástant, ar yáke yak úre šir āurt, e kūzág pur bútan^t.

tári ki roč büt, e kūzágānā zúrti, búrti, bi pādšāyā, dāti. wazíl gúšti ki e ziyānā na bit, byā ki digá abáre gušán. čorí^{yā} gústant ki bra, š-á dunyá gul byār. čorí gúšti: šarr. čorí áti janíkāyā, gúšti: byā ki e rang guštág ant. janík gúšti: āsānen káre. gúšti: kunčít bzūr, bra plāná čammágāi sarā, pkiš, pa wat kūdíke jođ pkan. kunčít ki gul kúrtant, ar če parí ki kāit, šor ma dāi, sāi parí ša pádā kāit, miānjínāi puččānā bzūr u biá: mni nāko-zák int, e puččāni zúrtāi, pádā čak má janāi. e čorí gúšti: šarr.

щина подошла и обтерла своим платком лицо младшего юноши. Юноша встал, пошел к своему отцу и сказал: «батюшка, эта женщина не подходит к моему брату, а подходит ко мне!» Царь позвал своего визиря и сказал визирю: «подумай что-нибудь, чтобы убить этого молодца, а девушку возьмем и отдадим младшему сыну!» Визирь сказал: «очень хорошо!»

Юношу позвали и сказали юноше: «наполни ночью три кувшина дивьим молоком и утром принеси!» Юноша побледнел и пошел к девушке. Девушка сказала: «почему ты побледнел?» Юноша сказал: «подумай-ка, что они сказали!» Девушка взяла платок, обтерла его лицо, и он принял прежний вид. Девушка сказала: «не печалься, ведь это легко!» Ночью она прикрыла юношу и заставила дымиться волосок дива. Дивы пришли, и каждый принес по-немножку молока; кувшины наполнились.

На утро, когда взошло солнце, он взял кувшины, отнес царю и отдал. Визирь сказал: «он не погибает! давай, скажем ему что-нибудь другое!» Юноше сказали: «иди и принеси цветок с того света!» Юноша сказал: «хорошо!» Юноша пришел к девушке и сказал: «подумай-ка, что они сказали!» Девушка сказала: «это легкое дело!» Потом она сказала: «возьми кунжуту, иди к такому-то источнику и посеи его, а для себя приготовь укромное место, и когда кунжут зацветет, сколько бы ни пришло пэри, ты не шевелись; затем придут три пэри, ты захвати платье средней и возвращайся: она дочь моего дяди; но когда ты возьмешь ее платье, не оглядывайся!» Юноша сказал: «хорошо!»

kunčít zurt u āt čammágäi sará, ešánā kíštī, eš sabz kúrtant, pa wat kūđike jódī kurt. e kunčít gul kúrtant. e parí átant, gwāzīyā kúrtant, šútant, säi parí ša pádā átant, watí puččánā kašítant. e čorí šut, miyānjínäi puččánā zurt u āt. dúi digá bál kurtant, e miyānjínäi taná mānt. e šut čorí'āyā, gúšti: mnī puččánā bdäi pa brāsī u gwārī. e čorí gušt: man na dāin. gúšti: bdäi pa trū-trūzākī. čorí gúšti: na dāin. gúšti: bdäi pa nākó-nākozākī. gúšti: na dāin. gúšti: bdäi pa janí u mardí. čorí dātī. gúšti: ai ādamizát, ta édā čé^wā kanäi? čorí gúšti: b'iyā ki mnī pis mnā dem dātá ki bra, š-á dunyá gul b'iyār. eš gúšti: āsānen kāre, ta amédenā mnin^d ki man a-rā^hin, gul a-kārín. eš bálī kurt. yak sā^háte na gwast, eš áti, gul āúrtī, dātī, gúšti: annūn brawán gīsá. ešá s^wārī ku watí puštá, e šútan^t bi gīsá. e gulánā čorí burt, dāt watí pisá. písi wazílā gúšti: eš z'iyānā na bit. wazíl gúšti: biā, digá léme pkanán. čoriā loťítant. wazíl gúšti: apt xim zarr ant, kelí go ti māsá šuťá, bā^hid brawāi, biyārāi. čoriāi rang zard büt. čorí āt janénāniyā, e gúštant: ti rang pa čé zard int? gúšti: biyā ki wazíl

Он взял кунжуту и пошел к источнику. Он его посеял, и кунжут вырос, а для себя он приготовил укромное место. Кунжут зацвел. Пришли пэри, выкупались и ушли; вслед за ними пришли еще три пэри и разделись. Юноша пошел, схватил платье средней и вернулся. Две другие взлетели, средняя осталась одна. Она пошла к юноше и сказала: «во имя любви брата и сестры отдай мою одежду!» Юноша сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради любви тетки и племянника!» Юноша сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви дяди и племянника!» Он сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви жены и мужа!» Юноша отдал. Она сказала: «рожденный человеком! что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «поверишь ли, мой отец меня послал, чтобы я принес цветок с того света!» Она сказала: «это ведь легкое дело! ты здесь побудь, а я пойду и принесу цветок!» Она взлетела. Не прошло и часу, как она пришла, принесла цветок, отдала ему и сказала: «пойдем теперь домой!» Она посадила его на спину, и они отправились домой.

Юноша отнес эти цветы и отдал своему отцу. Его отец сказал визирю: «он не погибает!» Визирь сказал: «давай, придумаем другую хитрость!» Юношу позвали, и визирь сказал: «есть семь сосудов с золотом, а ключ исчез вместе с твоей (покойной) матерью, нужно, чтобы ты сходил и принес его!» Юноша побледнел. Потом юноша пришел к девушкам, и девушки сказали: «отчего ты побледнел?» Он сказал: «подумайте-ка, что сказал визирь!» Девушки сказали:

e rang guštá. janén guštant: e āsānen kāre. čoriā guštant: bra, plāná jā gorrāḡ dāpe pač a-bít, amódā watí aspá band.

čori šúti, gorrāḡ dāpe pač büt, watí aspá básti, šúti, dísti ki du gók ant, watí wā^húndā janánt. čorí gušti: šmā pa če watí wāúndā janít? čoriā guštant: bra, š-ášká bġá. čorí šut ākaštírā, dísti, du kučák ant, watí wāúndā giránt. gušti: šmā pa če watí wāúndā girít? čoriā guštant: bra, š-ášká bġá. čorí šut, dísti ki du janén zāg ant, yáke lakatáb int, yáke ša čérā p-ameší ātíš kurtá. čorí gušti: ta pa če ātíš kurtág äġ eší čérā? čoriā gušti: ta bra, š-ášká byā, man go ta gušin. e šúti, dísti ki mní mās tajḡánäġ tā jós a-kánt. eš watí zāgá dísti, ša tajḡánäġ tā dár büt. zāgġ gušt: äġ māsí, ta pa če e rang jós a-warāi? gušt: man ša ti ḡamán e rang jós a-warín. gušti: äġ māsí, ta édā céwa kanāġ? čorí gušti: wazíl gušti: apt ximm zarr ant, kelí go ta atá. māsí gušt: äġ māsí, trā amé rangá kanánt, ki ziyán pkanánt.

čorí ša watí māsá kelí^vā zurt u šut, āt duén janén zāḡán'yā, gušti: šmā pa če e rangá kanít? janén zāg gušti: man ā dunyá ném man roḡín eší sará wām dáštun, eš ā dunyá mnā na dátí, ar če guštun ki bdäġ, na

«это легкое дело!» Они сказали юноше: «ступай! в таком-то месте будет раскрыт вход в могилу, там ты привяжи свою лошадь!»

Юноша отправился, вход в могилу был раскрыт, он привязал лошадь, а сам пошел и увидел двух быков, нападающих на своего хозяина. Юноша сказал: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел дальше и увидел двух собак, хватающих своего хозяина. Он сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел и увидел двух женщин: одна висит, а другая развела под ней огонь. Юноша сказал: «зачем ты развела под ней огонь?» Она сказала юноше: «ступай! заходи на обратном пути, и я тебе скажу». Он пошел и увидел: да ведь это моя мать варится здесь в большом котле! Она увидела своего сына и выскочила из котла. Ее сын сказал: «матушка, почему тебя варят таким образом?» Она сказала: «я варюсь так из-за скорби по тебе!» Потом она сказала ему: «сын, что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «визирь сказал, что есть, мол, семь сосудов с золотом, а ключ у тебя!» Его мать сказала: «сын, с тобой так поступают, чтобы тебя погубить!»

Юноша взял ключ от своей матери и пошел обратно. Он подошел к двум женщинам и сказал: «почему вы так делаете?» Женщина сказала: «на том свете она была мне должна пол-мана масла, и на том свете она мне его не отдала;

dāti, annún eší rā lakatáb kurtág un, watí nem man rogínā bgírīn. čorí šut kučákāniyā, gušt: šmā pa ĉe watí wā^húndā gírit. kučák gúštant: ammā watí wāúndā p-améšā girán ki ā dunyā amā rā nān yáke rā dāt, yáke rā na dāt. šut gokāniyā, gokānā gúšti: šmā pa ĉe watí wāúndā janít. gok gúštant: amā rā ammā_ĭ wāúnd tāri tā begāi jóg a-_ĭjátī, ammā ra kā aúrtī, yáke rā báz a-dāt, yáke rā kam. p-améšā ammā áe rā janán.

šut watí áspāyā, suwār büt watí aspā, šúti watí gisā, burt ke_ĭliyā, dāti bi watí pisā. písī wazílā lo_ĭtít. pādšā gúšti: ke_ĭliā aúrtī. wazíl gúšti: e z^ĭyānā na bit, b^ĭyā ki eší rā yak šárti digá pkanán. pādšā gušt: ju^wán int. wazíl čoríyā lo_ĭtítī, čoríyā gúšti: b-é rodā_ĭ tā ša ta yak búrje lo_ĭtin, yak xíšte ša zarrā bit, yáke ša sorā. čoriā_ĭ rang zard büt. čorí āt watí janénāniyā, gušt: b^ĭyā ki wazíl e rang guštā ki b-é rodā_ĭ tā yak búrje bandā_ĭ, yak xíšte ša zarrā, yáke ša sorā, eší rā bā^híd šapí jo_ĭ kanā_ĭ. janénī gúštant: yussā ma war ke āsānen kāre. dasmālā zúrtant, demā_ĭ pāk kúrtant. šapí čoríyā bír dātant, dūt kurtant parí u preštágā_ĭ pu_ĭtā. parí u preštág átant, ar yáke yak xíšt aúrtant, búrje jo_ĭ büt. eší rā búrtant be yáuri āsmānā, sar kúrtant^t, šútant.

сколько я ни говорила ей: „отдай!“ она не отдавала, и теперь я ее подвесила, чтобы получить свои пол-мана масла!» Юноша отправился к собакам и сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Собаки сказали: «мы потому хватаем своего хозяина, что на том свете он одной давал пищу, а другой нет!» Он пошел к быкам и сказал быкам: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Быки сказали: «наш хозяин с утра и до вечера запрягал нас в ярмо, а когда приносил сено, то одному давал много, а другому мало; поэтому мы на него и нападаем!»

Он пошел к своей лошади, сел верхом на свою лошадь и отправился домой; снес ключ и отдал своему отцу. Его отец позвал визиря. Царь сказал: «он принес ключ!» Визирь сказал: «он не гибнет! давай-ка, подвергнем его еще одному испытанию!» Царь сказал: «хорошо!» Визирь позвал юношу и сказал ему: «я требую от тебя, чтобы в этой реке был замок, такой, чтобы один кирпич его был из серебра, другой из золота!» Юноша побледнел. Он пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что сказал визирь! построй, мол, в этой реке замок, такой, чтобы один кирпич был из серебра, а другой из золота, и нужно, чтобы ты выстроил в одну ночь!» Жены сказали: «не беспокойся, это легкое дело!» Они взяли платок и обтерли ему лицо, а ночью прикрыли юношу и заставили дымиться волоски пэри и ангелов. Пэри и ангелы пришли: каждый принес по кирпичу, и построился замок. Они вздвигли его до самого неба и ушли.

tári roč büt. wazíl ustát, pādšāa gušt: äi pādšā, biā ki roč š-éngū dar ná' átá, š-éngū dár átá! pādšā gušt: biyárit e kúnāⁱ pusságā. wazíl gušt: na, pādšā, man drógā na gušín. pādšā gušt: bráit, säil pkánit, bálke drógā na gušít. e šútant, säil kúrtant, gústant: wazíl drógā na gušít, eš rástā gušít. čorí átí, gúšti: búrje jód kurtun. pādšā wazilā gúšti: e ziyánā na bit. biā ki mašmā múčči brawán, burjái sará bálá bayán. wazíl gúšti: báz jwān int. čoriā loťítant. pādšā gúšti: ammā rawán burjái sará, bálá bayán, agár zántan, yak xíšte xaráb ištág äi, ammā trā go zāmā janán. čorí gúšti: báz jwān int. čorí šúti watí janénāniyā, gúšti: biā ki pādšā e rang guštá. janéni gústant: e āsānen káre.

múčči šútant. bálá bütant. čoriāi janén gúšti: ta ma^r ra, man a-rāin. čorí gúšti: báz jwān int. janén šúti, uštáti. pādšā múčči bálá büt-atant. pādšā gúšti: äi wazíl, yak xíšte xaráb ištá, dé^hi bi gardinái! amé ki gúšti: déi, čoriāi janén parí u preštágai puťá dúti ku, parí u preštág múčči átant, ar yáke watí xíštā burt. pādšā u wazíl múčči káptant, rodái tā múčči múrtant. š-amódā jístun u bástun, pa wat imáne áúrtun, pa^t ta dištāre áúrtun.

На утро рассвело. Визирь встал и сказал царю: «о царь! посмотри-ка, солнце не отсюда вошло, а оттуда вошло!» Царь сказал: «подайте-ка мне этого сына разврата!» Визирь сказал: «нет, царь, я не лгу!» Царь сказал: «сходите и посмотрите, но только не лгите!» Сходили, посмотрели и сказали: «визирь не лжет! он говорит правду!» Пришел юноша и сказал: «я построил замок!» Царь сказал визирю: «он не погибает! давай-ка, мы все пойдем и подыдемся на замок!» Визирь сказал: «очень хорошо!» Позвали юношу, и царь сказал ему: «мы пойдем и подыдемся на замок, и если выясним, что ты неправильно положил хоть один кирпич, мы тебя убьем мечом!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Юноша пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что сказал царь!» Жены сказали: «это легкое дело!»

Все пошли и поднялись наверх. Жена юноши сказала: «ты не ходи, я пойду!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Его жена пошла и остановилась. Царь и все приближенные тоже поднялись наверх. Царь сказал: «визирь, если хоть один кирпич поставлен неверно, ударь его по шее!» Как только он сказал: «ударь его!» жена юноши заставила дымиться волоски пэри и ангелов. Все пэри и ангелы пришли, и каждый унес свой кирпич. Царь и визирь и все приближенные упали в реку и погибли. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

XVI

būt büt, čap ša xudá káse getír na büt. yak róče 'at, yak pādšáe 'at, sāi zāg dāšt. pādšá gúšti: bābá, agár man múrtun, tā sāi šap mnī go'rá psátit. du-sāi roč bŭtī, pādšá murt. kasánen zágī šut watí brāsáni'yā, gúšti: bābá, mašmá rá pis če nasí'át kurt, gúšti: tā sāi šap u sāi roč mnī go'rá psátit. mazánen zāg gústant: tí pisáī māsá bgáyan, murdágāi nasí'átā kái tā sár a-bá? karár kasánen zāg tīr-kamánā zurt u šut watí pisáī goráī sará. karár yak nāučáge jóđ kurt, karár bi táī ništ. ānčo ki nuašám büt, dísti ki š-améngū yak buzlangí, yak lúnče bi asmánā ĩnt, yáke bi đigárā ĩnt. karár watí aspáī mex-tabílā bi đigárā jat, watí zām wa tŭpákā amódā išt, bináe gorráī pač dātínā zurt. karár pādšáāi zāg eší rá go watí tīr-kamánā jat. buzlangí murt. karár eší lāšá gipt, burt, dŭrá prent, eší aspá wa zām u tŭpákā burt watí gísá, watí pirazálāi māsáī dastá dátī. karár māsī aspá gípti, yak tabiláāi tā kurt.

tári roč büt, pādšáāi kasánen zāg šut watí mazánen brāsáni'yā, gúšti: lálá, pis bāšmá rá če nasí'yát kurt? gústan^t: tí pisáī māsá bgáyan, murdágāi nasí'átā kái tā sár a-bá^{rt}? karár pādšá'yen kasánen zāg watí tīr-kamánā

(XVI. Об исполнении завета покойного отца)

Было-было, никого лучше бога не было. Когда-то был царь, у него было три сына. Царь сказал им: «дети, если я умру, вы три ночи оберегайте мою могилу!» Через два-три дня царь умер. Младший сын пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец? он сказал ведь: „до истечения трех ночей и трех дней берегите мою могилу!“» Старшие сыновья сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший сын взял лук и стрелы и пошел к могиле своего отца; устроил засаду и уселся в ней. Как только наступил вечер, он увидел с одной стороны бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он вбил в землю коновязный кол для своей лошади, положил возле свой меч и свое ружье и принялся раскапывать могилу. Царский сын выстрелил в него из своего лука. Бузланги издох. Он взял труп, отнес и бросил поодаль, а лошадь, меч и ружье отнес к себе домой и поручил старухе-матери. Его мать приняла лошадь и поставила в конюшню.

На другое утро младший царевич пошел и сказал своим старшим братьям: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял

zurt u āt watí pisáĭ gorráĭ sará. nāučágäĭ tā ništ, dist ki š-amángūr yak buzlangí kăĭt, yak lúnĭte bi asmánā int, yáke bi đigárā ĭnt. karár watí aspá bast u watí zām u tūpákā bi đigárā išt. bināe padšāāĭ gorráĭ pač dātínā zurt. karár padšāāĭ zāg watí tĭr-kamánā zurt, jat buzlangí^{vā}. buzlangí kapt. karár ešĭ rā burt, dūrā prent. karár átĭ, aspáĭ wa zām u tūpákā zurt, burt, watí māsáĭ dastá dātĭ. karár wáptĭ.

tári duwārdág roč būtĭ, šut watí brāsānĭ^{vā}, gúštĭ: lālā, pis bāšmā rā ĉe nasĭyát kurt. gúštan^t: bra, tĭ pisáĭ. māsá bgáyan, murdagäĭ nasĭ^vátā kăĭt tā sár a-bá^{rt}. karár pādšāāĭ kasānen zāg watí tĭr-kamánā zurt u šut watí pisáĭ gorráĭ sará. karár nāučágäĭ tā ništ, dist ki š-amángū yak buzlangí, yak lúnĭte bi đigárā int, yáke bi asmánā int. karár watí aspá bast, watí zām u tūpákā išt, bināe pādšāāĭ gorráĭ pač dātínā zurt. karár pādšāāĭ zāg ešĭ rā yak tĭr-kamán jat, kušt ešĭ rā. ešĭ lāšā burt, dūrā prent. ešĭ zām go tūpákā burt, bi watí māsáĭ dastá dāt. karár wapt.

maróĉĭ ša ro-darātā yak pādšāe jārčĭnā bi jārā prent ki ar kas pa šartā kăĭt, bĭāĭt, ki man ĉil ĉā jatā un, ar kas š-amé ĉil ĉā prent, man watí janĭkā bi āĭ^{vā} dāĭn. karár e pādšāen kasānen zāg sí büt. šut watí mazānen

своѣмъ лукѣ и стрѣлахъ, пришелъ къ могилѣ своего отца, селъ въ засаду и увидѣлъ, что съ той стороны подходитъ бузланги, одна губа у него доходитъ до неба, другая до земли. Онъ привязалъ свою лошадь, положилъ на землю свой мечъ и свое ружье, и принялся раскапывать царскую могилу. Царскій сынъ взялъ свой лукъ и выстрѣлилъ въ бузланги, бузланги упалъ. Онъ его отнесъ и бросилъ поодаль. Потомъ онъ подошелъ, взялъ его лошадь, забралъ мечъ и ружье, вручилъ своей матери и легъ спать.

Опять наступило утро. Онъ пошелъ къ своимъ братьямъ и сказалъ: «братья, какой наказъ оставилъ намъ отецъ?» Они сказали: «убирайся! совокупимся съ матерью твоего отца! кто исполняетъ наказъ мертвеца?» Тогда младшій царевичъ взялъ свой лукъ и стрѣлы, пошелъ къ могилѣ своего отца, селъ въ засаду и увидѣлъ съ той стороны бузланги, одна губа у него до неба, другая до земли. Онъ привязалъ свою лошадь, положилъ мечъ и ружье и принялся раскапывать царскую могилу. Царскій сынъ выстрѣлилъ въ него изъ лука и убилъ его. Онъ оттащилъ трупъ и бросилъ поодаль, а мечъ съ ружьемъ отнесъ и отдалъ своей матери, самъ легъ спать.

Въ этотъ день одинъ царь съ востока прислалъ глашатая для объявленія, что пусть приходитъ всякій, кто хочетъ состязаться: я, молъ, выкопалъ сорокъ колодцевъ, и кто бы ни перескочилъ черезъ эти сорокъ колодцевъ, я выдамъ за того свою дочь. Итакъ, этотъ младшій царевичъ узналъ объ этомъ. Онъ пошелъ къ своимъ старшимъ

brāsáni^{ya}, gúštr: lálá, bⁱyā ki bašmá brawán bi ro-darátā, pālāná jágá pādšáe jārčínā bi jārā prentá, čil čā jatá, ar kas š-amé čil čā prenit, watí janikā bi aie^{ya} dant. mazánen brās gúštant: bra, tí māsá bgáyan, trā káĭ g^o wát a-bart.

karár pādšáĭ kasánen zág šut watí māsáya, watí aspá zen u eráγ kurt, s^wār büt, šut pa pādšáĭ säjlá. karár š-améngū šúti, watí aspá aĭbát dāt. áspi š-amé čil čā vížžu prent. karár yak ĵinike rá bi watí puštá s^wār kurt, át bi watí gisá, watí māsá gušt: yak táxte jód pkan p-amé ĵinikkā, ĵinikā bi me taxtáĭ sará mnádén. karár mási táxte jód kurt, ĵinikkā bi taxtáĭ sará nādént. tári duwárdág roč büt, čorí watí ^{ye} digá aspá s^wār büt, šut pa pādšáĭ säjlá. maróči duwárdág watí ^{ye} digá aspá aĭbát dāt. áspi š-amé čil čā^há vížžu prent. karár e digá pādšáĭ janikā watí puštá su^wār kurt, burt bi watí gisá, eší rá am bi taxtáĭ sará nādénti. šapí wapt, tári duwárdág watí e digá aspá s^wār büt, áti pa pādšáĭ didánā. karár duwárdág pādšáĭ e digá ĵinikā am búrti.

maróči watí brásánā loĭit, ar säĭ aspánā kašit ša gisáĭ tā, ar säĭ ĵinikānā kašit ša gisáĭ tā, tūpákānā am kašit ša gisáĭ tā, zāmānā am kašit ša gisáĭ tā. mazánen aspá wa mazánen ĵinikā wa mazánen tūpákkā dāt bi

братьям и сказал: «братья, давайте, пойдём на восток! в таком-то месте царь выслал глашатая с объявлением: он выкопал сорок колодцев, и за всякого, кто перескочит через эти сорок колодцев, он выдаст свою дочь». Старшие братья сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто тебя возьмет с собой?»

Младший царевич пошел к своей матери, оседлал свою лошадь, сел верхом и отправился к царю на прием. Итак, там он выступил, разогнал свою лошадь, и его лошадь легко перепрыгнула через эти сорок колодцев. Потом он посадил девушку верхом сзади себя, добрался до своего дома и сказал своей матери: «устрой трон для этой девушки!» Для этой девушки устроили трон, и девушку посадили на этот трон. Вновь наступило утро, юноша сел верхом на другую лошадь и отправился к царю на прием. В этот день он опять разогнал свою другую лошадь, и его лошадь легко перескочила через те сорок колодцев. Итак, он и другую царскую дочь посадил сзади себя верхом и отвез к себе домой; ее также усадили на трон. Ночь он проспал, а на утро вновь сел на свою третью лошадь и отправился к царю на прием. Итак, он опять увез и третью дочь царя.

В этот день он позвал своих братьев, вывел из дому всех трех лошадей, вывел из дому всех трех девушек, вынес также из дому ружья, вынес из дому также и мечи. Самую большую лошадь, старшую девушку и самое большое

watí mazánen brāsá, mi^ʿántaiēn aspá wa mi^ʿántaiēn ĵinikā wa mi^ʿántaiēn zāmá dāt bi watí mi^ʿántaiēn brāsá. kasánen aspá wa kasánen ĵinikā wa kasánen tūpákkā wa kasánen zāmá wat zúrti. š-amódā ĵístun u bastun, pa wat imáne āwúrtun, pa pādsáäi zāgá dištáre āwúrtun.

XVII

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pīramárde at. e pīramárd dáštī yak warnāen ĵánéne. eší ĵánén dáštī yak yáre. e ĵanáĵ pa watí yārā ĵuwānén nahār pakkítī, pa watí yārā maĵdáen ārtánā pakkítī. e pīramárd ar roč gúštī: äi ĵánén, ta pa če m^ʿnā pūk daháĵ? e ĵanáĵ gúštī: man čon kanín? tī gwār ar roč ke man ārt gečín a-kanín, tī gwār ša Xurásán tússe ĵant, ārtáni urténānā bart. e pīramárd gúštī: man gwārāĵ pigrá dārín.

e š-amédā yak látte zúrti, rádág būt. šúti be watí gwārāĵ alká. eší gwār dísti: mnī brās kāĵt. e š-amédā arkát kurt. e pīramárd gúštī: má yā, tī pisá gátun, ĵuwānen kār na kurtág äi. eší gwār gúštī: tī geš bun gīt, man trā

ружье он отдал своему старшему брату; среднюю лошадь, среднюю девушку и средний меч он отдал своему среднему брату, а меньшую лошадь, младшую девушку, самое маленькое ружье и самый маленький меч взял сам. Оттуда я убежал и связал, себе принес благополучие, а царскому сыну привел невесту.

(XVII. О плешивом)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старик. Этот старик имел молодую жену, а у его жены был возлюбленный. Эта женщина для своего возлюбленного готовила хорошие кушанья, и для своего возлюбленного пекла хлеб из сеяной муки. Старик каждый день говорил: «жена, что ты даешь мне все муку с отрубями?» Женщина говорила: «что я поделаю? каждый день, когда я просеваю муку, твоя сестра выпускает ветры из Хоросана и уносит сеяную муку». Старик сказал: «ужо я позабочусь о сестре!»

Он взял посох, собрался в путь и пошел в селение к своей сестре. Сестра его увидела: вот подходит мой брат! Она поднялась. Старик сказал: «не подходи! я совокуплялся с твоим отцом! хороших дел ты не делала!» Его сестра

yak sāl-int, trā na distá un. e píramárd gúšti: ta watí kārānā kurtág äĭ, man ódā púk a-warín, ta š-édā túss a-ĵanáĭ, ārtānī urténānā go watí tussá barāĭ. ešĭ gwār gúšti: ta gānók bŭtág-äĭ, či balā? íčči ma gu, yáke buškint, céwā gušít? äĭ lālā ĵán, yak ga brawán gešá, ar ka guštá, drog guštá. eš. āwúrti gešá, čā dāti, eš zabr ĵ^wān wárti, ešĭ gwār gúšti: yak gárre go wat báräĭ, man trā garókā da^hin, go wat bárräĭ, ar abáre bīt, garók pa^t ta gušít.

e píramárd demā bŭt, garók be āi padā bŭt. garókā nākóĭ be gešá íšti. píramárd šut pa langārā. e ĵanáĭ gúšti garókā: bⁱra pa dārā! e garók gúšti: šar. daságe zúrti, šúti be gokānī kulundāĭ tā. yak ga dísti, yak warnāen mardáke átī. e ĵanáĭ gúšti: píramárd yak garróken čorikāe ā^wurtá. e mardák gúšti: š-e garrókān sad byārīt, pa^m man yáke, šar, man rāin, ta pa man yak múrge gir o byār, man pa^t ta kušín. e ĵanáĭ šúti, yak múrge ĵwānén gípti, ā^wúrti. e mardák ilál kúrti, ĵanaká gúšti: man ā rāāĭ dapā gallá rečín, ta ar kadén murgá pakkítäĭ, mni rāāĭ dapā gallá rét-at, amā rāāĭ tā bra, ā rāāĭ tā ke gallá na rét-at, ma^r ra. ĵanáĭ gúšti: šarr, man murgá pačín o kāin.

сказала: «пусть сгорит твой дом! вот уже год, как я тебя не видела!» Старик сказал: «ты тут делаешь свои дела, а я должен там есть муку с отрубями! ты отсюда выпускаешь ветры и своим ветром уносишь сеяную муку!» Его сестра сказала: «ты с ума сошел, что ли? не говори ничего, а то кто-нибудь услышит и что скажет? пойдём-ка, братец, в дом! кто бы тебе ни наговорил, напраслину сказал!» Она повела его домой, дала чаю. Он поел, как следует, и его сестра сказала: «возьми-ка с собой плешивого! я дам тебе одного плешивого, возьми его с собой! что ни случится, плешивый тебе скажет».

Старик пошел впереди, плешивый сзади него. Старик оставил плешивого у себя дома. Старик пошел пахать, а женщина сказала плешивому: «сходи за дровами!» Плешивый сказал: «хорошо!» взял веревку и пошел в коровник. Вдруг он увидел, подошел молодой мужчина. Та женщина сказала: «старик-то привел плешивого парня!» Мужчина сказал: «пусть хоть сотню приводит этих плешивых, мне все равно! ну, хорошо, я пойду, а ты возьми и принеси мне курицу, и я тебе ее зарежу». Женщина пошла, выбрала хорошую курицу и принесла. Мужчина ее зарезал и сказал женщине: «при выходе на дорогу я посыплю зерна; как только ты сваришь курицу,— а при выходе на мою дорогу будет насыпано зерно,— ты по той дороге и иди, а по дороге, где зерна не будет насыпано, не ходи!» Женщина сказала: «хорошо, я сварю курицу и приду!»

garrók e abarānā uškítī, ša mardákāi padá šútī. mardák gallānā ke réti, garrók ša padá gallānā rúptī, be watí nākóāi ráāi sará réti. gúdā šut be watí nākó^wāiā, gúštī: maróči mašmá murgāi gošt warán. nākói gúštī: ša gujá? garrók gúštī: ta či kār dārāi? ša^m man, ke man trā murgāi gošt bdāin.

katrái gidá garrók sāil kurt, dístī tā janák kāit. janák ke nazínk áti, garrók tawár kurt, gúštī: wā tātī, amā édān-an, ingūrí biyá. janák āirán büt ke man čunén káre kúrtun, ša xajālatiyā áti, goštānā íštī, garrókā o nākó^wāi gúštī: beāit, bórit ke sárd a-bayánt. amā int-a, garrók o nakói átant. janák gúštī: doši man wábe dístun, múrge xairát kúrtun. garrók gúštī: xudá kabúl pkant. janák gúštī: xudá kabúl-ā kurt, agár sāi mardúm bútin, zabr kabúl büt. garrók gúštī: man burzágāi sará bālā bāin, agár mardúme bgíndin, gušin ke bāit. janák gúštī: man yak mardúme gíndin, bra amāe rá bguš ke bāit. garrók gúštī: šarr, ráin. garrók šut, mardákā gúštī: mnī nākó pa^t tí jáná minnít. mardák guštī: pa če? garrók gúštī: man na zānin, trā kušit. mardák gúštī: man čon kanin? garrók gúštī: man raín, agár mnī nākó améngūri bāit, bzānāi ke pa^t tí jáná kāit.

Плешивый слышал этот разговор и пошел вслед за женщиной. Как только тот посыпал зерна, плешивый сзади подобрал зерно и посыпал его при выходе на дорогу к своему дяде. Потом он пошел к своему дяде и сказал: «сегодня мы с тобой поедим куриного мяса!» Дядя сказал: «откуда?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? от меня, раз я тебе дам куриного мяса!»

Немного погодя, плешивый взглянул и увидел, что женщина подходит. Когда она подошла поближе, плешивый закричал: «тетя, мы здесь, иди сюда!» Женщина удивилась: что, дескать, я наделала? Она в замешательстве подошла, поставила мясо и сказала плешивому и его дяде: «идите, ешьте, а то остынет!» Вот плешивый и его дядя подошли. Женщина сказала: «прошлую ночь я видела сон, и принесла курицу в жертву!» Плешивый сказал: «да будет она угодна богу!» Женщина сказала: «богу-то она угодна, но если бы (вас) было трое, она была бы еще более угодна!» Плешивый сказал: «я подымусь на верхушку горы, и если кого-нибудь увижу, скажу, пусть приходит!» Женщина сказала: «я вижу человека, сходи и скажи ему, пусть придет!» Плешивый сказал: «хорошо, я пойду!» Плешивый пошел и сказал тому мужчине: «мой дядя на тебя умышляет!» Мужчина сказал: «за что?» Плешивый сказал: «не знаю, только он убьет тебя!» Мужчина сказал: «что же мне делать?» Плешивый сказал: «ну, я пойду, а ты знай, что если мой дядя сюда придет, то по твою душу придет!»

garrók āt, gúšti: mardák gušít: tí nākó kāit, man raín; agár nāit, man na raín. janák gúšti: bra. garrók gúšti: šuttínā rawái, yak kučáke dārit, mardúm a-wárt. janák gúšti: yak látte bzūr o b'ra. píramárd yak látte zurt o šúti. amé ke mardákāi nazínkā áti, mardák yag ga jísti. píramárd tawár kúrti. na, mardák jíst. e pádā āt, gúšti ke ā mardák ganóke at, či balá! ančo ke mnā dísti, jísti. man áe rá tawár kúrtun, na "ušát. amá-int ke janák gúšti: šar, zúti b'árit, man a-raín. amá-int, 'eš goštánā wártant, janák šut be gešá. maróči na büt.

bándā duwārag garrókāi nākó šut pa langárā. garrók dasságe zurt, gúšti: man raín pa dārā. janák gúšti: šarr, bra pa dārā. garrók šut be gokáni kulundāi tā, srapíti, dísti, amá mardák áti, gúšti janákkā: ta zī čón kurtāi? janák gúšti: man amá ráe ke ta gúštāi, man amá ráe tā átun, man rást be garrók o nākóai sará átun. gúdā pa^t tí padá mardúme dem dátun, ta pa če jístāi? mardák gúšti: man čon kurtín-un? garrók gúšti: mni nākó pa^t tí janá kāit, t'rá kušít, man dístun ke kāit, man trussítun. janák gúšti: garrók dróg a-jánt. man watí mardá dem dátun pa tí padá, garrók gúšti: man raín. garrók āt, gúšti ke mardák guštá: agá tí nākó ma āit, man

Плешивый вернулся и сказал: «тот человек говорит: „если придет твой дядя, пойду; если не придет, не пойду!“» Женщина сказала: «сходи!» Плешивый сказал: «итти-то иди, только у него собака, кусает людей!» Женщина сказала: «возьми палку и иди!» Старик взял палку и пошел. Как только он подошел поближе к тому человеку, тот вдруг побежал. Старик ему закричал. Нет! убежал! Он вернулся и сказал: «тот человек был сумасшедший, что ли! как только он меня увидел, так побежал; я ему кричал, но он не остановился». Вот женщина сказала: «ну, скорее ешьте, и я пойду!» Вот они поели мяса, и женщина пошла домой. Не вышло в этот день!

На другой день дядя плешивого опять пошел пахать. Плешивый взял веревку и сказал: «я пойду за дровами!» Женщина сказала: «хорошо, иди за дровами!» Плешивый пошел в коровник и спрятался. Он увидел: подошел тот мужчина и сказал женщине: «что ты вчера наделала?» Женщина сказала: «я пошла по той дороге, как ты сказал мне, пошла по той дороге, и прямехонько пришла к плешивому и к его дяде! потом я послала за тобой, а ты почему убежал?» Мужчина сказал: «что мне было делать? плешивый сказал: „мой дядя придет по твою душу и убьет тебя!“ я увидел, что он подходит и испугался». Женщина сказала: «плешивый врет! я послала за тобой своего мужа, а плешивый сказал: „я пойду!“ потом плешивый пришел и сказал, будто бы тот человек сказал: „если твой дядя не придет, я не пойду!“ я сказала: „иди и скажи, пусть

na káin. man gúštun: bra, bguš ke bāit, ā ke déme ta átī, ta jístāi. mardák gúšti: šar, anūn čón kanāi? janák gúšti: man maróči zārattā rāin, ta pa^m man yak čattīe bgir o b'yār, pa man kuš o man pačín o barín zārattā. mardák gúšti: šarr. janák gúšti: bálke garrók o nakóġ kor bayánt! mardák gúšti: šar, man rāin pa čattīe, ta ša padā, tā-wáxte ārt tár pkan. man tā-wáxte káin. janák gúšti: šar, zūte b'áai. mardák šut o zūtī čattīe gipt o ā'urti. janákā gúšti: mnā kárče bdāi, man čattī'ā pa^t ta ilál kanín. janák áe rā kárče dāt, 'e čattī rā ilál kurt. zūtī postāi jāti, goštāni koťiti. janák lo'ā bir kurt, goštānā loíai tā prénti. mardák gúšti: šar, man a-rāin, ta wát a-rawāi zārattā. janák gúšti: šarr, bra. mardák šut.

janák goštānā pakkīti o parzonágai tā goštānā patápti o rādág büt. garrók dísti: janák ráut. garrók arkát kurt, ša janákkai pánādā šut, yak górrē tā putrít. janák átī, zārattā nazink kúrti. garrók tawár kurt janákkā, gúšti: engūri ma yā ke ti puč nāpák ant. janák gúšti: yā auli'ā, man ti kurbán-un, yak árze dārin. garók gušt: man ti arzā zūrín, ta parzonágā bil amódā, pa yak šárte ke man yak abáre gušín, agár ta mnī abārā bzúrāi. janák gúšti: pa čammán. garók gúšti ke amā pábānde ke be šmāi gisāi

придет!“ но как только он стал подходить к тебе, ты убежал!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, что мне теперь делать?» Женщина сказала: «сегодня я пойду на богомолье! возьми и приведи мне козленка и зарежь его для меня, а я сварю и отнесу на богомолье». Мужчина сказал: «хорошо!» Женщина сказала: «хоть бы плешивый и его дядя ослепли!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду за козленком, а ты пока замеси тесто! я тем временем приду». Женщина сказала: «хорошо, приходи скорее!» Мужчина пошел, быстро нашел и привел козленка и сказал женщине: «дай мне нож, я тебе зарежу козленка!» Женщина дала ему нож, и он зарезал козленка. Он быстро содрал с него шкуру и нарезал мясо на куски. Женщина поставила котел и положила мясо в котел. Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду, а ты тоже иди на богомолье!» Женщина сказала: «хорошо, иди!» Мужчина ушел.

Женщина сварила мясо, завернула его в скатерть и собралась. Плешивый видит: женщина идет. Плешивый поднялся, пошел в стороне от женщины и спрятался в одной могиле. Женщина подошла и приблизилась к месту богомолья. Плешивый закричал женщине: «не подходи сюда, так как твое платье не чисто!» Женщина сказала: «о святой, да стану я твоей жертвой! у меня есть просьба». Плешивый сказал: «я исполню твою просьбу, оставь там свой сверток! только при условии, что я скажу тебе нечто и ты будешь хранить мой наказ!». Женщина сказала: «пуще глаза!» Плешивый сказал: «зарежь того барана, который

dapá int, amá pábándā pkúšāi o garrók o nākói tā sāi šap o roč am-awānā pábándāi goštānā be māwān bdāāi, ta o ti yār š-amá goštān ma wārit. gúđā garrók o nākói ša sāi šap o ročā gúđā kór bayánt. janák gúšti: pa čammán. amódā goštānā go parzonágā íšti o rādág büt.

garrók katrāe gidá ša gorá dār kapt o goštānā go parzonágā zurt o rādág büt. áti watí nākóāiā, goštānā watí nākóāi demā íšti. nākói gúšti: ta e goštānā ša gujá āúrtāi? garrók gúšti: ta či kār dārāi? watí goštā bⁿār, bgard. e āngāt kámm ant, begái pábándāi góšt a-warāi. man trā yak pánte dāin, ta mnī abārā bzūr. eši nākó gúšti: šarr, man tí abārā zūrín. garrók gúšti: mašmā bi gisāi tā brawán, mašmā rā janák tā sāi šap o roč pábándāi gošt dant. sāi roč ke purá büt, ta bguš ke wāx! mnī čam kor bütant, ša^t ti padá man am gušín ke wāx! mnī čam am kor bütant. pira-mardúk gúšti: šar.

roč begā büt. garrók ká^mme dār bađā kurt. eš o nākói šútant gisā. janák ešānā maróči zabr xizmát kúrti. ešāni demā pábándāi gošt āwúrt, ešānā tā sāi roč zabr xizmát kúrti, pa kārā nájšti. sāi roč ke purrá büt, garrókāi nākó gúšti: wāx! mnī čam kor bütant. š-ái padá garrók gúšti: wāx! mnī čam am kor bütant. pira-mardúk janákā gúšti: pa man yak jullúke pren, mnī dastā bgir, mnā be mā gokāni kulundāi kinikkā pren.

откармливается у дверей вашего дома, и три дня корми плешивого и его дядю этим мясом, а сама ты и твой возлюбленный этого мяса не ешьте: через трое суток плешивый и его дядя ослепнут». Женщина сказала: «пуще глаза!» оставила там мясо и скатерть и пошла.

Немного погодя, плешивый вышел из могилы, взял мясо и скатерть и пошел. Он пришел к своему дяде и положил перед ним мясо. Его дядя сказал: «откуда ты принес это мясо?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? ешь свое мясо и иди! этого еще мало, вечером ты будешь есть кормленного барана! я дам тебе один совет, а ты делай, как я скажу!» Его дядя сказал: «хорошо, я буду делать, как ты скажешь!» Плешивый сказал: «мы пойдем домой, и та женщина трое суток будет давать нам мяса кормленного барана, а когда пройдет три дня, ты скажи: „ох! мои глаза ослепли!“ вслед за тобой и я скажу: „ох! мои глаза ослепли!“» Старик сказал: «хорошо!»

Наступил вечер. Плешивый взял на спину немного дров, и он и его дядя пошли домой. В этот день женщина хорошо ухаживала за ними и принесла им мяса кормленного барана. Три дня она хорошо ухаживала за ними и не заставляла работать. Когда прошло три дня, дядя плешивого сказал: «ох! мои глаза ослепли!» За ним и плешивый сказал: «ох! и мои глаза ослепли!» Старик сказал женщине: «набросай мне тряпья и возьми меня за руку и положи

janák gāl-pa-gāl, p-ešī yak koná jullúke prénti, ešī dastá gípti, burt be amá kulúndäi kinikkā, gúšti: amédā kap. janák šut be gisá.

janákkäi yār áti, be tawārā be gisái tā putrit. janák watí yārā gúšti: man tā-wáxte be gisán raín o káin, ta amédā bwasp, garrók o nākói kor bütant, ta anún pa če trussái? mardák gušt: man am na trusín šä ešán. janák gúšti: šar, man a-raín, ta amédā bwasp. janák garrókā gúšti: man raín be alká o káin. ta gisái dapá tā-wáxte mnind. garrók gúšti: mnā yak látte bdäi ke áre yā múrge ma äit gisái tā. janák ešā yak látte dátí, wat šut be alká pa gaštínā, janák pa watí yārā dulmá bír kurt-at.

garrók arkát kurt, čammānā pač kurt, säil kúrti, išk o áškā, ič ka näint, dísti tā mardák waptá. amé loíai tai sorén roginā mardákai dapái tā réti. mardákai dap suti. sorén rogin mardákai tā šutant. mardák lagattúk jat. mardákai napás šut. garrók át, watí jágá ništ.

yak katrae gidá janák át. janák ki gisái dapá át, garrók go me latťá yáke be janákkäi lingán játi. janák piryát ku, garrók gúšti: bā-a-bäi! tá-wäi, táti! na zántun ke tá-wäi, man gúštun, bálke áre. janák gúšti: šarr, zalár näint. janák šut be gisái tā, mardákā tuitti (tuk-tuk játi ki bustit),

около коровника!» Женщина с радостью набросала для него старого тряпья, взяла его за руку, отвела его к коровнику и сказала: «ложись здесь!» а сама пошла домой.

Пришел ее возлюбленный и, не спросившись, вошел внутрь. Женщина сказала своему возлюбленному: «я схожу пока в несколько домов и вернусь, а ты здесь лежи! плешивый и его дядя ослепли, чего тебе теперь бояться?» Мужчина сказал: «я их и не боюсь!» Женщина сказала: «ну, хорошо, я пойду, а ты здесь лежи!» Плешивому она сказала: «я схожу в селение и вернусь, а ты пока посиди у входа в дом!» Плешивый сказал: «дай мне палку, чтобы осел или курица не забрались в дом!» Женщина дала ему палку, а сама пошла походить по селению. А еще раньше та женщина поставила вариться для своего возлюбленного мясо в сале.

Плешивый поднялся, открыл глаза и осмотрелся кругом: никого нет! Он увидел, что мужчина заснул, взял из котла кипящее сало и вылил ему в рот. Его рот сгорел, кипящее масло прошло ему внутрь, он затрепетал, и душа из него вышла. Плешивый пошел и сел на свое место.

Немного погодя, пришла женщина. Когда она подошла к двери, плешивый ударил ее палкой по ногам. Женщина закричала. Плешивый сказал: «ой-ой! это ты, тетя! я не знал, что это ты! я думал, наверное, это осел!» Женщина сказала: «ну, ничего!» Женщина пошла в дом и стала кликать мужчину,

dísti: mardák na ustít, säjl kurt, tã mardák murtá. janák arkát kurt, garrókã gúšti ke mašmãj gisá memãn° átá, amédã amé memãn murtá. garrók gúšti: man wat kór-un, čón kanín? janák gúšti: yak kãre pkan ke mašmã baⁿ-nãm bayán, amé mardákã barán, yak jãe kurm o kond pkanán. garrók gúšti: mnĩ čam kor ant. man íčči na gindín. janák gúšt: yak çairáte pkan, man tí dastá girín, gúđã am trã yak kúzãge zar am dãín. garrók gúšti: šarr, pa yak šárte ke ta am mnĩ dastá bgiráj. janák gušt: šar, brawán.

átant, janák mardaká be garrókãj badđã dāt. janák garrókãj dastá gipt, šútant. be yak jãe garrók mardaká prénti. janák gúšti: pa če préntãj? garrók gúšti: man š-e ziyát burtá na kanín. janák gúšti: e ráãj sará préntãj, bálke mardúme bãjt, gúđã čón a-kanãj? garrók gušt: magá man kuštã-un-i? janák gúšti: tí xairát a-baín, ta ešã báđ pkan, man trã ar če loťãj, dãín. yak gidá kúzãge zar am dãín. garrók gúšti: ta in ka zarã ša gujã a-kãráj? janák gúšti: mašmãj julãní čerã du kúzãg zar dãrít, amãwãnã trã dãín. garrók gúšti: šarr, ta ke mnã ná-ílãj, mnĩ badđã bdãj. janák mardákã garrókãj badđã dāt. janák demã bût, garrokãj dastá gipt. ^{ye} ešã búrtant, be rodãj tã préntant.

чтобы вставал. Она увидела, что он не встает, посмотрела, а тот мертв! Женщина засуетилась и сказала плешивому: «к нам в дом пришел гость, и здесь этот гость умер!» Плешивый сказал: «я ведь слепой! что я могу сделать?» Женщина сказала: «постарайся что-нибудь сделать, а то мы будем опозорены! давай, унесем этого человека и зароем его где-нибудь!» Плешивый сказал: «мои глаза слепы! я ничего не вижу!» Женщина сказала: «постарайся как-нибудь! я возьму тебя за руку, а потом дам тебе еще горшок с золотом!» Плешивый сказал: «хорошо, но с условием, что ты возьмешь меня за руку!» Женщина сказала: «хорошо, пойдем!»

Они подошли, и женщина взвалила мужчину плешивому на спину. Женщина взяла плешивого за руку, и они пошли. В одном месте плешивый сбросил тело мужчины. Женщина сказала: «зачем ты бросил?» Плешивый сказал: «я больше не могу нести!» Женщина сказала: «бросил у самой дороги! еще подойдет кто-нибудь, что тогда будешь делать?» Плешивый сказал: «разве я убил его?» Женщина сказала: «да буду я твоей жертвой! положи его к себе на спину, и я тебе дам все, что захочешь! дам тебе еще другой горшок с золотом!» Плешивый сказал: «откуда ты возьмешь столько золота?» Женщина сказала: «под нашими постелями есть два горшка золота, и я их тебе отдам!» Плешивый сказал: «хорошо, раз ты не отстаешь от меня, клади его мне на спину!» Женщина положила тело мужчины плешивому на спину. Женщина пошла вперед и взяла плешивого за руку. Они его понесли и бросили в реку.

gúdā garrók čammāni páč kurt, janákā gúšti: ti pisá bgáin, go ti trū-giriā! janák gušt: pa če? garrók gúšti: šar, be^t ta mālúm a-kanín. garrók janákā gípti, bál áurt, jat be rodāi miyānjínā, wat šut be watí nākówāiyā. gúdā ar če māl o čiz o jul múččānā lađđit o zúrti o rādág büt. šut, be watí alkā rast. š-amódā jístun o bástun, pa wat imāne ā^wúrtun, pa^t ta dištāre ā^wúrtun.

XVIII

būt büt, čap ša xudá káse na büt. yak wáxte at. yak pira-gúrke at. e pira-gúrk ša gušnagíyā be watí kundāi dapā kapt-átí. yak warnāen gúrke āt, dísti: édā yak pira-gúrke kaptá, gúšti: āi bābā, ta pa če édā kaptág-āi? e pira-gúrk gúšti: āi parzind, čéwā pursāi? ā warnāen gúrk gúšti: ta go man bguš, ar árze dārāi, man ti abārā zūrín. ā pira-gúrk gúšti: waxt ke amāⁱ at, tamām pira-gúrk sér atant. annún amá rā sāilā ná kanit. e warnāen gúrk gúšti: šar, bguš. pira-gúrk gúšti: agá ta š-á pis u pírúkāni zāg āi, maróči ta mⁱnā ša dummágā sér a-kanāi. gúdā pira-gúrk gúšti: āi warnā, ti

Тогда плешивый открыл глаза и сказал женщине: «совокуплюсь с твоим отцом! хоть ты и тетка названная!» Женщина сказала: «за что?» Плешивый сказал: «ладно, уж я тебе объясню!» Плешивый схватил женщину, поднял кверху и бросил на середину реки, а сам пошел к своему дяде. Потом он уложил и забрал все, что было имущества, вещей и платья, пустился в путь и добрался до своего селения. Оттуда я выскочил, завязал, себе приобрел благополучие, тебе привел невесту.

(XVIII. О старом и молодом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старый волк. Этот старый волк от голода лег у своего логовища. Подошел один молодой волк, увидел, что лежит старый волк и сказал: «батюшка, зачем ты здесь лег?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «ты скажи мне: если у тебя есть какая-нибудь жалоба, я сделаю, что ты скажешь». Старый волк сказал: «в наше время все старые волки были сыты, теперь же вы на нас не обращаете внимания». Молодой волк сказал: «хорошо, говори же!» Старый волк сказал: «если ты сын тех отцов и дедов, ты накормишь меня сегодня курдючным салом!» Потом старый волк сказал: «ну,

mardíyā bgindín. warnāen gurk gúšti: šar, ta go man brawán, man t'rā ša dummágā sér a-kanín. e pira-gúrk gúšti: šar, gindín tī γäirátā.

e warnāen gurk demá büt, pira-gúrk be padāi büt. šútant yak jáe. e pira-gúrk gúšti: man šutá na kanín, ta b'ra, ar čize kārāi, biyār. e warnāen gurk šúti, yak jáe dísti yak ramáge. e šut ke páse bdúzit. ya ga kučák ešā dístant, ešā gón káptant. e dísti, mnā kučák nazík kurtág ant. e rāstám be pira-gúrkāi sará āt. e pira-gúrk dísti, čon kučákānā be mni sará kārít, yag ga watí ličikā be watí wangá jātí. ā warnāen gurk āt o gwásti. e kučák dístant: édā čonén gúrke! édā kučák trusítant, pádā šútant. e pira-gúrk kará-kará šúti, be watí kundāi dapá kápti.

yak čunt roč amédā pira-gúrk kápt at, dist ke duwārā yak warnāen gúrke āt, gúšti: äi bābāⁱ pír, ta pa če édā kaptág äi? e pira-gúrk gúšti: äi parzind, ta čéwā pursāi? e warnāen gurk gúšti: ar árze dārāi, go man bguš. e pira-gúrk gúšti: awál yak čunt róče bit ke yak warnāen gúrke āt, mnā gušt: ta pa če édā kaptág äi? man gúštun: ša bewakíyā, ša píríyā kaptá un. mnā gúšti: go man brawán, trā ša dummágā sér a-kanín. man gw-āi šútun. ā šut ke páse b'yārit. kučák áe rā gon kaptág ant, kučákānā rāstám be mni sará a^wúrt. man dístun tā kučák mni kārā xaráb a-kanánt,

молодец, посмотрю на твое молодечество!» Молодой волк сказал: «хорошо, пойдём со мной, я накормлю тебя курдючным салом!» Старый волк сказал: «хорошо, посмотрю на твою удаль!»

Молодой волк был впереди, старый волк позади. Они пошли в одно место, и старый волк сказал: «я не могу идти! ты иди и принеси всё, что найдешь!» Молодой волк пошел и увидел в одном месте стадо. Он пошел, чтобы стащить овцу. Вдруг собаки его увидели и бросились за ним. Он видит: собаки ведь меня настигают! и прямо устремился к старому волку. Старый волк видит: что это? ведь он ведет ко мне собак! и тотчас поднял дыбом свой хвост. Молодой волк подбежал и пробежал мимо. Собаки стали смотреть: что это за волк здесь! испугались и вернулись. Старый волк медленно пошел и лег у входа в свое логовище.

Несколько дней лежал там старый волк и увидел, что опять подходит один молодой волк. Он сказал: «батюшка, что ты здесь улегся?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «если жалуешься на что-нибудь, скажи мне!» Старый волк сказал: «вот уже несколько дней, как приходил один молодой волк и говорил мне: „что ты здесь улегся?“ я сказал, что лег здесь от одиночества и старости; он сказал мне: „пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!“ и я пошел с ним; он пошел, чтобы привести овцу; собаки бросились за ним, и он привел их прямехонько ко мне;

man watí liṭíkā be watí wangá jātun, e kučák trusítant, pádā šútant, gúḍā man átun watí jāgá. amédā tā róče maróči kaptá un, duwārá man amá gurká na dístun. annún ta kāáĭ ke čo amá gurkáĭā pkanáĭ. e warnāen gurk gúšti: man ā ḍawlén kār ná kanín. e pira-gúrk gúšti: ta kí zág äĭ? e warnāen gurk gúšti: man plāná gurkáĭ zág un. pira-gúrk gušt: ti pis zoráken ḍilāwāren gúrke at. e warnāen gurk gúšti: man amá pisáĭ zág un. pira-gúrk gušt: ā rang bit, maróči ti ḡairátā bgindín. gúšti: šar, ke mni ḡairátā gindáĭ, brawán.

e warnāen gurk demá büt, pira-gúrk āí padá büt, šútant be ramágäĭ kinikkā. warnāen gurk gúšti: ta amédā mnínd, man raín. e warnāen gurk šut ramágäĭ kinikkā, be yak gazze tā putrít. ramág rāstám be gurkáĭ sará āt, gurk arkát kurt, yak sad pas bulúk kurt. š-amédā tā mā pira-gúrkäĭā ān-čo dirt o šut. yak čunt pasā be pira-gúrkäĭ išk-w-āškā kušt o prent. annú pira-gúrkā gúšti: b^ʳār ke ta pa dummágā gaštáĭ. e pira-gúrk wart, ā warnāen gurk be raá ša ar jāe yak lunká gípt-at o wat rā sér kurt-at. pira-gúrkā gúšti: agá e kam ant, pa ta gidá biyárin. e pira-gúrk gúšti: na, xáĭr gindáĭ, bás-int. e warnāen gurk gúšti: man a-raín, ta tā wáxte amešánā b^ʳār o bgard, ar waxt alás bütant, man duwārá ar če lóṭäĭ, man

я увидел, что собаки мне всё напортят, и задрал свой хвост дыбом, собаки испугались и повернули обратно. Потом я опять пошел к себе и лежу здесь до сегодняшнего дня, того волка я больше не видел! а теперь вот ты приходишь и поступишь, как тот волк!» Молодой волк сказал: «я так не поступлю!» Старый волк сказал: «ты чей сын?» Молодой волк сказал: «я сын такого-то волка». Старый волк сказал: «твой отец был очень отважный волк». Молодой волк сказал: «я сын своего отца!» Старый волк сказал: «пусть будет так! посмотрю сегодня на твою удасть!» Тот сказал: «хорошо, хочешь смотреть на мою удасть, так идем!»

Молодой волк был впереди, старый волк сзади него. Они подошли к стаду, и молодой волк сказал: «ты здесь побудь, а я пойду». Молодой волк подошел к стаду и спрятался в кустарнике. Стадо подошло, прямехонько к волку. Волк встрепенулся, отделил около сотни овец и пошел их рвать и гнать к тому месту, где был старый волк. Он зарезал их несколько, бросил около старого волка и сказал старому волку: «ешь! ты ведь стремился к курдючному салу!» Старый волк принялся есть, а молодой волк еще по дороге хватал себе отовсюду по куску и насытился. Он сказал старому волку: «если этого мало, я тебе еще принесу!» Старый волк сказал: «нет, спасибо, молодчина! довольно!» Молодой волк сказал: «ешь пока и гуляй, а когда кончится, я тебе

pa^t ta kārín. e pira-gúrċ bāzén duwāe kurt. gúḍān ā warnāen gurċ šúti. e pira-gúrċ amédā wart o gašt. š-amódā jístun o bástun, pa wat imāne ā^wúrtun, pa^t ta dištāre.

XIX

būt būt, čap ša xudā kāse na būt. yak wáxte at. yak gúrke at. e gurċ yak šápe wápt-atī, yak wábe dísti ke man sāġ lunká čarpén wártun. tári ke roč būt, e gurċ be watí wābāġ randā šúti.

yak jāgāe āt, dísti ke yak áre. e gurċ gúšti: wā, ar, man trā warín. ar gúšti ke mnā wartínā warāġ, amā mnā ya ga suwār bāġ, gúḍā mnā bor. yáke améš int: ḡadímā š^mmāġ pis o pírúk zorák suwār-kár átant. e gurċ gúšti ke man amā pisānī zág un. ar gúšti: šar, beyā suwār bāġ. gurċ āt, ešā suwār būt. e ar gúšti: čamānā band. gurċ gúšti: šar. čamānā básti, arāġ sarā suwār būt, ar ešā rāstām be alkāġ tā búrti. ya ga alkāġ mardúm sāġil kurtant ke arāġ sarā gúrke. ya ga kučákānā be gurċāġ padā préntant. gurċ watí čamānā páč kurt, dísti tā ar mnā be alkāġ tā āurtá, wat rā ša arāġ sarā prénti. kučák bi āí padā káptant, ešā gón káptant. e gurċ wat rā pa yak balāe alās kúrti š-e kučákānī dastá.

опять принесу все, что захочешь!» Старый волк много молился и благодарил. Молодой волк ушел, а старый волк здесь ел и бродил. Оттуда я выскочил и завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя привел невесту.

(XIX. О глупом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один волк. Однажды ночью этот волк спал и видел сон: вот я съел три жирных куска! На утро, когда наступил день, этот волк отправился за своим сном.

Он пришел в одно место и увидел там осла. Волк сказал: «ох, осел, я тебя съем!» Осел сказал: «есть-то меня ешь, только сначала садись на меня верхом, а потом уже ешь! ведь в старину ваши отцы и деды были отличными наездниками!» Волк сказал: «я сын тех отцов!» Осел сказал: «хорошо, иди же и садись верхом!» Волк подошел и сел на него верхом. Осел сказал: «закрой глаза!» Волк сказал: «хорошо!» Он закрыл глаза и сидел верхом на осле, а тот отвез его прямехонько в селение. Жители селения стали всматриваться: на осле волк! Они сразу спустили на волка собак. Волк открыл глаза и увидел: да ведь осел привез меня в селение! Он соскочил с осла, но собаки бросились на него и пустились за ним в погоню. Насилу-насилу волк высвободился от этих собак.

gúdā šut be yak jāgāe, dístī yak páse. e gurk gúšti: äj pas, xudá t'rā čon rasantá, man trā warín. e pas gúšti: xudá mudám a-rasenít, amá yak katráe čammánā band, man pa ta yak ráxse pkanín. gurk gúšti: šar. gurk ke čamánā bástī, e pas seřúke jat ke ya ga rāst kúrtī. gurk čamánā pač kúrtī, arkát kúrtī, be burzágäi sará bälá büt, sájl kúrtī tā pas pa gujá rot. gúdā gurk gúšti be dilá ke agár man bráin, duwārág kučák m'nā gón a-kapánt, beyá ke má ráin. amá int ke gurk na šúti.

duwārág yak sūne rādág büt, yak jāe át, dístī yak uštíre. gurk gúšti: äj uštír, xudá t'rā čon rasantá! uštír gúšti: xudá ar waxt rasení. uštír gúšti: m'nā wartínā warái, amá mnī sínágäi čérā yak kitábe ast, amá kitábā bwánäi, gúdā mnī sínág kađák bit, gúdā mnā bor. yáke améš int ke řadímā š'mäi pis u pírúk zorák mullá átant. e gurk gúšti: man amá pis u pírúkāni zág un. arkát kúrtī, be uštíräi čérā putritī, uštír wat rā eši sará préntī, ešā lagášti-lagášti. gúdā gurk wat rā pa yak baláe alás kúrtī.

š-amédā rāstám be watí kundá šúti. ódā watí liřikā déme kundá kúrtī. gúdā gúšti wat rā ke äj gúrke beákl, tī pis raxsgír at yā tī pírúk? ā š-á ará büt ke ša tī demá jístī, šar, ā am řandúm! e š-á pasá büt ke ša tī

Потом он пошел в одно место и увидел овцу. Волк сказал: «овца, как это бог тебя привел! я тебя съем!» Овца сказала: «бог всегда направляет! но закрой ненадолго глаза, я тебе спляшу!» Волк сказал: «хорошо!» Как только волк закрыл глаза, овца сделала прыжок и ускользнула. Волк открыл глаза, вскочил, поднялся на пригорок и стал смотреть, куда пойдет овца. Потом он сказал про себя: «если я пойду, собаки опять набросятся на меня! лучше уж не ходить!» Так волк и не пошел.

Опять он отправился в одну сторону, пришел в одно место и увидел верблюда. Волк сказал: «верблюд, как это бог тебя привел!» Верблюд сказал: «бог всегда направляет!» Потом верблюд сказал: «есть-то меня ешь, только под грудью у меня есть книга, и когда ты прочитаешь эту книгу, в моей груди образуется отверстие, тогда и ешь меня! к тому же ведь отцы и деды ваши были отличные грамотеи!» Волк сказал: «я сын тех отцов и дедов!» Он двинулся и забрался под верблюда. Верблюд на него навалился и стал его мять и жать. Насилу-насилу волк от него вырвался.

Оттуда он направился прямеховько к своему логовищу. Там он повернулся хвостом к логовищу и сказал сам себе: «глупый волк, твой отец был плясуном или дед? с тем ослом вышло так, что он убежал у тебя из-под носу! ладно! ну, его в ад! с той овцой вышло так, что она убежала у тебя из-под

demá jísti, šar, á am jandúm! e š-á ustirā büt ke ti jindá kúšt-at. e gurkáĭ kundáĭ tā yak dúzde bázén číze āwurt-át, wat am be kundáĭ tá at. e gurk ke e dol gúšti, duz^d dastánā bálá číti, arkát kurt, gurkáĭ liṭikā gípti, ešá yak dā laṭ jāti. e gurkáĭ napás šúti. jístun u bástun, pa wat imáne āwúrtun, pa ta dištáre āwúrtun.

XX

büt büt, yak mullá robáe at. e mullá robá zoráken baláe at. yak róče ša spantānān bázéne číti u bi daságe awálā kaḏák ku, gúḏā mán kašít bi yak daságe u bi watí gutá ku, malangiēn puč bi watí gwará kurt u šut bi šerāiyā. šer ki mullá robá ša dūrā ki dist, salám dāt, gúšti: salám aláĭk, mullá robá. mullá robá aláĭk kúrti. šer pursíti ki mullá, aĵábe ki amá rā maróči yát kurtäĭ. mullá robá ĵawáb gardént ki brawán bi ziyārátā. šer gúšti: tā brawán, bi gisá tā mnind, man šagála dém a-dain, ki agdárānā bgúšit ki biyáyant. átant bi šeráĭ gisá. šer šagála loṭíti ki bra, agdárānā múččānā bguš ki biyáyant ki rawán bi ziyārátā.

šagál š-amódinā šut, awálā bi pilángäĭ gisá, gúšti: šmá rā šer gúšti ki bāndā ukmánā biyáit bi mni gisá ki mullá robá ātagí bi gisá ki bāndā

носу! ладно! ну, ее в ад! с тем верблюдом вышло так, что он тебя самого убил было!» А в логовище этого волка один вор натаскал много вещей, и сам еще был в логовище. Пока волк так говорил, вор засучил рукава, двинулся, схватил волка за хвост и ударил его раз десять палкой, так что душа из волка вон вышла. Я выбежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(XX. О лисице-мулле)

Было-было, была одна лисица-мулла. Эта лисица-мулла была очень хитра. Однажды она набрала много зерен руты, сначала проделала в них отверстия, потом нанизала на нитку и надела на шею, оделась в дервишескую одежду и пошла ко льву. Лев еще вдали завидел лисицу-муллу, поклонился и сказал: «мир тебе, лисица-мулла!» Лисица-мулла ответила на приветствие. Лев спросил: «что это, мулла, ты сегодня меня вспомнил?» Лисица-мулла сказала в ответ: «пойдем на богомолье!» Лев сказал: «пока пойдем, ты посиди у меня дома, а я пошлю шакала передать другим, чтобы пришли!» Они вошли ко льву в дом. Лев велел шакалу: «иди, скажи всем другим, пусть придут: мы, мол, идем на богомолье».

Шакал пошел сначала в дом к барсу и сказал: «лев сказал вам: „завтра непременно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра

rawán bi ziyárátā. amé plang gúšti: ta bra, agdárānā bguš, man bándā āzír a-baín. amé šagál š-amódinā šut bi babráġ gisá, babrá gúšti: šmā ra šer guštagí ki bándā mutlaxán biyáit bi mni gisá ki mullá robá ātagí bi gisá, rawán bi ziyárátā. babr šagálā gúšti ki ta bra, agdárānā bguš, man bándā mutlaxán a-kāín. šagál š-amódinā sar gipt u āt bi gurrkáj gisá, gurká gúšti ki trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyāġ bi gisá ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyárátā. gurk gúšti: ĵuwán int-a, ta bra, pilá bguš ki biyánt, man bándā ukmánā kāín bí šeráj gisá. amé šagál š-amódinā āt bi piláj gisá, pilá gúšti: trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyāġ bi mni gisá. amé pil gúšti: pa čewāġ xātíra? amé šagál ĵawáb dāt ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyárátā. pil gúšti: man bándā ukmánā kāín, ta bra bi gisá. amé šagál gúšti: nápa bāz ĵuwán int-a, man a-raín, magá ta bándā ukmánā biyāyāġ. pil gúšti: ta bra, man ki gúštun: kāín, bzánāġ ki kāín. karár šagál š-amódinā āti bi gisá. šer pursít ki múčānā sí kurtāġ? šagál ĵawáb gardént ki ān, aġá, múčānā sí kurtun.

karár tāriēnā múči ātant bi šeráj gisá, dístant tā mullá robá amédinā ništagí. ātant, salám dátant. mullá aláġk kurt, gúšti ki maróči mašmá rawán bi ziyárátā. múči ĵám bútant u rādág bútant. mullá u šer u babr u plang bi

отправляемся на богомолье!“» Барс сказал: «иди сообщить другим, а я завтра явлюсь!» Отсюда шакал пошел к тигру и сказал тигру: «лев сказал вам: „завтра обязательно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы отправляемся на богомолье!“» Тигр сказал шакалу: «иди сообщить другим, а я завтра обязательно приду!» Шакал собрался и пошел оттуда к волку. Он сказал волку: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра отправляемся на богомолье!“» Волк сказал: «хорошо, иди сказать слону, чтобы приходил, а я завтра непременно приду ко льву в дом!» Шакал пошел оттуда к слону в дом и сказал слону: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне!“» Слон сказал: «чего ради?» Шакал ответил: «лисица-мулла пришла, и мы завтра отправляемся на богомолье!» Слон сказал: «я приду непременно, иди домой!» Шакал сказал: «очень хорошо, я пойду, только ты завтра непременно приходи!» Слон сказал: „ты иди, раз я сказал: „приду“, знай, что приду!» Итак, шакал оттуда пришел домой. Лев спросил: «всех известил?» Шакал сказал в ответ: «да, господин, всех известил!»

Итак, на утро все пришли ко льву и увидели, что лисица-мулла сидит здесь. Они подошли и поклонились. Мулла ответил на приветствие и сказал: «сегодня мы с вами отправляемся на богомолье!» Все собрались и пустились

demá bütant. šútant bi yak jágáe, gušnág bütant. yak wār šer soǰ kúrti kī mullá, gušnág bütun. mullá robá gúšti: amé šagál pa če go mašmá gón int-a? amé šagálā bgírit, bwāpénit, pkušítī. šagálā gíptant, kúštant u wártant, wat rá sér kurtant. š-amídinā šútant bi digá jágáe. yak šápe mántant, pa duwārág šer gušnág büt. šer mullá robáā gúšti ki man bāz gušnág bütun. mullá robá šerā gúšti: amé gurk mašmáj mānjínā čéwā kant? bgírit, amešī rá pkúšit u bórit. gíptant, gurká kúštant u wártant. pa duwārág š-amídinā šútant bi digá jágáe, pa duwārág šer gušnág büt, gúšti: mullá robá, man gušnág bütun. pa duwārág mullá robá gúšti: amé piláng mašmáj mānjínā čéwā kant? bgírit, pkúšitī u goštānī bórit. gíptant, pilángā kúštant u goštānī wártant, pa duwārág šútant bi digá jágáe, mántant. pa duwārág šer gúšti: man gušnág bütun. mullá robá gúšti: amé pil mašmáj mānjínā čéwā kant? bgírit, pkúšitī u goštānī bórit. gíptant pilá, kúštant u goštānī wártant.

amé mullá robá dístī ki digá náǰnt-a. š-amé piláj rotínkān bāzénī gipt, bi watī srená bast ki ar jā gušnág bit, buwárt. š-amídinā šútant bi digá jágáe, yak šápe mántant. šer gúšti: ta u. babr amédinā mníndit, man a-raín pa šikárā. mullá robá gúšti: bāz juwán int-a. šer šut pa šikárā. der

в путь. Мулла, лев, тигр и барс были впереди. Они дошли до одного места и проголодались. Вдруг лев сказал: «мулла, я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «зачем этот шакал вместе с нами? возьмите этого шакала, повалите его и убейте!» Шакала схватили, убили и съели; насытились. Отсюда они пошли в другое место, ночь переночевали, и опять лев проголодался. Лев сказал лисице-мулле: «я очень проголодался!» Лисица-мулла сказала льву: «что делает среди нас этот волк? возьмите, убейте его и съешьте!» Волка схватили, убили и съели. Опять они пошли отсюда в другое место, опять лев проголодался и сказал: «лисица-мулла, я проголодался!» Опять лисица-мулла сказала: «что делает среди нас этот барс? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Барса схватили, убили и его мясо съели. Опять они отправились в другое место и остановились, и опять лев сказал: «я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «что делает среди нас этот слон? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Слона схватили, убили и его мясо съели.

Лисица-мулла увидела, что больше никого не остается. Она взяла побольше кишек слона и обвязала их вокруг себя, чтобы, как только проголодается, поест. Отсюда они пошли в другое место и остановились на ночь. Лев сказал: «ты и тигр оставайтесь здесь, а я пойду на охоту!» Лисица-мулла сказала: «очень хорошо!» Лев пошел на охоту. Он запоздал и долго не прихо-

būt, náy-āt. mullá robá u babr gušnág bútant. amé mullá robá gipt ša watí srená rotínkān, pač kurt u wart. yak wār babr dist, gúšti ki ta ša gujá rotínk a-waráǰ? mullá robá ĵawáb dátī ki man watí lāpá tál dátág-un u ša watí rotínkān kašin u warín. babr beaglén gúšti: man am watí lāpá tál a-daín u ša watí rotínkān a-warín. watí lāpá tál dāt, murt. mullá robá kapt bi saráǰ, ša goštānī wart, wat rā sér kurtī. dérá šer āt, dístī tā mullá robá bi lāšáǰ sará int-a u góšt a-wárt. šer gúšti: e pa če murt? mullá robá ĵawáb dāt ki díli dárd a-kú, watí dílá gipt, tál dāt. šer gúšti: bóran, wat rā sér pkanán u brawán. wártant, wat rā sér kurtant u šútant bi dga ĵágáe.

yak tuén láxe sará bálá bútant. mullá robá gúšti: wāx armán! waxt, mašmáǰ pisānī waxt ātant! šer gúšti: pa čéwā? mullá robá ĵawáb dāt ki amé lāxá gindáǰ? šer gúšti: ān. amé mullá robá gúšti: mašmáǰ pis š-amé lāxá áškā prentág-ant. yak wār amé šer gúšti: magá mašmá amá pisānī zāg ná-wan? mán a-prenín. karár ser arkát ku, prent, bi šurānī tā kapt, murt. robá šut bi lāšáǰ sará, wart, zabr wat rā sér kurt u š-amódinā ĵist u āt bi watí ĵágá. e ḍaḥl mullá robá āwānā e ḍaḥl ziyán kurt. man š-amódinā ĵístun u átun.

дил. Лисица-мулла и тигр проголодались. Лисица-мулла взяла с своего пояса кишки, развязала их и стала есть. Тигр вдруг увидел и спросил: «откуда это ты ешь кишки?» Лисица-мулла ответила: «я вспорола себе брюхо, вытаскиваю свои кишки и ем их». Глупый тигр сказал: «я тоже вспорю себе брюхо и буду есть свои кишки!» Он вспорол себе брюхо и умер. Лисица-мулла бросилась на его тело, стала есть его мясо и насытилась. Лев пришел поздно и увидел, что лисица-мулла сидит на трупе и ест мясо. Лев сказал: «отчего он умер?» Лисица-мулла ответила: «у него стало болеть сердце, он взял и вспорол его!» Лев сказал: «давай есть, насытимся и пойдем!» Они поели, насытились и пошли.

В одном месте они поднялись на большую скалу. Лисица-мулла сказала: «увы! если бы опять пришло время наших отцов!» Лев сказал: «что так?» Лисица-мулла ответила: «видишь ведь эту скалу?» Лев сказал: «да». Лисица-мулла сказала: «наши с тобой отцы с этой скалы бросались на ту сторону!» Лев тотчас сказал: «разве мы с тобой не дети тех отцов? я брошусь!» Итак, лев напрягся, бросился, упал на камни и скалы и издох. Лисица направилась к его трупу и стала есть; поела как следует, убежала оттуда и вернулась к себе. Так погубила их лисица-мулла. Я оттуда выбежал и пришел.

XXI

būt na būt, ša mašmāĭ xudā getír káse na būt. yak álke at. yak róče būt, amé alk lađítant u šútant bi digá jáe. amé ki šútant, bi amešāni inke-níyā yak bóđe u yak kuróse mānt. ar duén bāz gušnág bútant. yak wār yak táse mālídág dístant. amé bođ go amé kurósā gúšti: bí tā mašmā amé mālídágānā barán, bi dūrā bilán u júpt pkanán, ar kas demtírā šut, amé mālídágāniyā sár būt, amé mālídágānā go amāí buwárt. kurós gúšti: nápa bāz ĵuwán int-a, amé mālídágānā zurt u burt, bi dūrā išť, wat padoí āt. amé ki áti, go bođá gúšti: anún bĵi. ar duén júpt kúrtant, bođ demá būt. amé ki bođ demá būt, yak wār šut, mālídágāni sará oštát u tawár kúrti, kurósā gúšti: anún trā am warín, amé mālídágānā am warín. amé badbáxten kurós gúšti: nápa bāz ĵuwán int-a, bor. amé bođ amé mālídágānā go amé kurósā wárti u š-amódinā šut bi yak ĵāgāe.

dísti tā amédínā yak áspe go zen u sanĵán int-a u šidág a-ĵánt u čár a-kánt pa watí wāúndā. yak wār amé bođ dísti u gúšti: äĭ áspi šidagí, agár man trā borín, čón int-a? amé asp gúšti: man yak šidáge deĵn, ta dil-trák a-baáĭ u miráĭ. amé bođ gúšti: agár man amá baín ki yak táse

(XXI. Про вошь-богатыршу)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один табор. Однажды этот табор снарядился и перебрался на другое место. Когда он переселился, на брошенном месте осталась одна вошь и один петух. Оба очень проголодались. Вдруг они увидели миску с тюрей. Вошь сказала петуху: «давай, снесем эту тюрю, поместим подальше от себя, а сами станем рядом друг с другом, и каждый, кто побежит вперед и добежит до тюри, тот съест вместе с тюрей и другого!» Петух сказал: «очень хорошо». Он взял тюрю, отнес и поставил подальше, а сам вернулся. Когда он вернулся, он сказал вши: «теперь беги!» Оба принялись бежать на перегонки. Вошь опередила, и когда опередила, она сразу взяла, стала на тюрю и закричала петуху: «теперь я съем и тебя, и тюрю!» Бедняга петух сказал: «ну, хорошо, ешь!» Вошь съела тюрю вместе с петухом и отправилась оттуда в другое место.

В одном месте она увидела, что там лошадь, оседланная и снаряженная; она ржет и мечется, ищет своего хозяина. Вошь увидела и тотчас сказала: «о ржущая лошадь, что, если я тебя съем?» Лошадь сказала: «я один раз испущу ржание, у тебя порвется сердце, и ты умрешь!» Вошь сказала:

mālidāgā u go yak kuróse wárt atun u man trā anūn bilín? amé aspá gipt, drūwāká warti.

šut bi yak jāgāe, dístī tā amédinā yak leđae go ratá čarít. yak wār amé bođ tawāri kúrtī ki äj leđae ratí, trā borín yā na? amé leđá gúštī: āncén tī bi mnī padāj tā ziyān a-bít. amé bođ gúštī: man amā baín ki mālidāgānā u go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanjá wártun, e mnā bgušít: ta bi mnī padāj tā ziyān a-bayāj! amé bođ amé leđá gíptī, wártī.

šut bi yak jāgāe, dístī tā amédinā yak šikārie čār a-kánt. yak wār amé bođ amé šikāriyā gúštī: trā borín yā na? amé šikāri gúštī: man trā go yak tūpáke kundākā kušin. amé bođ gipt amé šikāriyā, go amé tūpākāj wártī.

šútī bi yak jāgāe, bi yak rodāj kirá dístī tā yak gimārien janáke watí maškā āp a-kánt. amé bođ amé janākā gúštī: man trā borín yā na? amé janák gúštī: man agār yak táse āp bi tī sará brécín, ta wát a-miráj! amé bođ gipt amé janākā go amé tāsāj u go amé maškāj wártī.

šut bi yak jāgāe, dístī yak šuwānāge. amé šuwānāgeā tawār kúrtī ki äj šuwānág, man trā borín yā na? amé šuwānág gúštī: yak padagien

«я—та, кто съел чашку тюри с петухом! и чтобы я теперь тебя оставила!» Она схватила эту лошадь и съела ее целиком.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там пасется оседланный верблюд. Тотчас вошь закричала: «о оседланный верблюд, съешь мне тебя или нет?» Верблюд сказал: «такие, как ты, пропадают в моих следах!» Вошь сказала: «я—та, кто съел тюрю с петухом и съел лошадь с седлом и убранным! и этот мне будет говорить: „ты пропадешь в моих следах!“» «Вошь схватила верблюда и съела.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там ходит охотник. Тотчас вошь сказала охотнику: «съешь мне тебя или нет?» Охотник сказал: «я тебя убью дулом ружья!» Вошь взяла и съела охотника с его ружьем.

Потом она пошла в другое место и на берегу одной реки увидела, что беременная женщина набирает в мех воду. Вошь сказала этой женщине: «съешь мне тебя или нет?» Женщина сказала: «если я вылью на тебя чашку воды, ты сама умрешь!» Вошь взяла и съела эту женщину с ее чашкой и мехом.

Потом она пошла в другое место и увидела пастуха. Она закричала этому пастуху: «о пастух, съешь мне тебя или нет?» Пастух сказал: «я как ударю тебя

laṭ bi tī sarágā bjanín, ta wát a-mirái. amé boḍ go wat gúšti: man amá baín ki yak táse mālidágānā go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanjánī u yak leḍáe rā go ratái u yak šikārie rā go tūpákāi u yak janáke rā go maškái wártun, man anún eši rā āncóš bilín? gumúdi ku pa šuwānágāi jánā. yak wār amé šuwānág go amé watí laṭá jat bi amé boḍái sarágā, amé boḍá kúšti u lapái tál dāt, dísti ki yak gīmārien jinen zāge go tāsá ništá, yak leḍáe ḡurúk-ḡurúk a-jánt u go gaján int-a u oštátá, yak kuróse am bāng a-dánt u oštátá, yak áspe šidagien go zen u sanjá oštátá, múči amá ḍāul drūwá ant bi lāpái tai, múcānā ruksát kúrti ki šútant. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imáne áúrtun.

раз по голове пастушьей палкой, так ты сама умрешь!» Вошь сказала про себя: «я — та, кто съел чашку тюри с петухом, кто съел лошадь с седлом и убранием, и верблюда с его седлом, и охотника с его ружьем, и женщину с ее мехом для воды! а теперь оставляю его так!» Она бросилась на пастуха. Пастух сразу ударил вошь своей палкой по голове и убил вошь. Потом он вспорол ей брюхо и увидел, что там сидит беременная женщина с чашкой, стоит и ревет верблюд в пене, стоит и кричит петух, стоит оседланная и сваряженная лошадь, — все так и невредимы у нее в брюхе! Он всех их высвободил, и они ушли. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

Записки Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия.

Том XIII, вып. 3. Сиракан Тигранян. Древне-армянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятников. I. Описательная часть. 1918. Ц. 3 р.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. 1928. Ц. 3 р.

Худūd ал-‘алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930. Ц. 20 р.

Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка (оттиск из Записок Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка (оттиск из сборника «Иран», т. I). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (оттиск из сборника «Иран», т. II). 1928. Ц. 1 р.

Андреев М. С. Язгулёмский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). 1930. Ц. 2 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Азиатского музея. 1914. Ц. 10 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. 1918. Ц. 4 р.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.

Том I. Б. Я. Владимирцов. — Н. Н. Поппе. — Комиссия по латинизации. — И. Ю. Крачковский. — Е. Жуков. — А. Н. Самойлович. — С. Е. Малов. — Н. Н. Поппе. — Н. Я. Марр. — Н. А. Белгородский. — Б. А. Васильев. — Б. В. Миллер. — Р. А. Галунов. 1932. 321 стр., с 6 табл. Ц. 8 р.

Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.

- I. Проблемы литературы Востока. I. Сборник статей Н. О. Конрада, Б. А. Васильева и Е. Э. Бертельса 1932. 126 стр. Ц. 3 р.
- II. В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. 1932. XVI + 52 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- III. Абӯ-л-'Алā' ал-Ма'аррī. Рисāлат ал-малā'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 1932. VII + 106 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 3 р.

Печатается

Библиография Востока. Том I, вып. 1 и 2.

Проспекты и каталоги высылаются по первому требованию
Перечисленные издания высылаются наложенным платежом

Заказы направлять:

Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, Сектор распространения Издательства Академии Наук СССР